

Әл-Фараби атындағы ҚҰУ-інің Олжас Сүлейменовтің ғылыми-зерттеу лингвистикалық орталығы
Научно-исследовательский лингвистический центр Олжаса Сулейменова КазНУ им. аль-Фараби

МАТЕРИАЛЫ
международной научной конференции,
«ТВОРЧЕСТВО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА
И ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ»
посвящённой 80-летию выдающегося казахского поэта
и общественного деятеля Олжаса Омаровича Сулейменова

5-6 мая 2016 г.

Рекомендовано к изданию Ученым Советом факультета филологии и мировых языков

Редакционная коллегия:

*доктор филологических наук, профессор **Әбдиманұлы Ө.**
доктор филологических наук, профессор **Джолдасбекова Б.У.**
кандидат филологических наук, доцент **Какильбаева Э.Т.(отв.ред.)**
кандидат филологических наук, доцент **Какишева Н.Т.***

«Творчество Олжаса Сулейменова и вопросы национального самосознания»: материалы международной научной конференции, посвящённой 80-летию казахского поэта и общественного деятеля Олжаса Омаровича Сулейменова. 5-6 мая 2016 г. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 306 с.

ISBN 978-601-04-1946-9

В сборник вошли материалы исследований ученых Казахстана, России, Турции по актуальным проблемам культурных и языковых контактов, поэтики Олжаса Сулейменова в контексте культур, вопросам интерпретации художественного текста и реализации задач обучения русскому языку и литературе в школе и вузе.

Предназначен специалистам в области гуманитарных наук.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ректора КазНУ имени аль-Фараби Мутанова Галымқайра Мутановича

Уважаемые гости и участники конференции!

Сегодня мы проводим конференцию, посвященную 80-летию всемирно известного поэта и публициста, исследователя и видного общественного деятеля Олжаса Омаровича Сулейменова. Мы гордимся тем, что Олжас Омарович – выпускник КазГУ и до сих пор не порывает кровных связей с нашим университетом, возглавляет научно-исследовательский центр, встречается со студентами и преподавателями.

Мне хочется отметить три главные составляющие деятельности Олжаса Омаровича: поэзия, научная проза и публицистика как действенное выражение его гражданской позиции. Как поэт он занимает прочное место в ряду таких поэтов-шестидесятников, как Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Новелла Матвеева, Юнна Мориц и др. Как и его российские друзья, он собирал на своих поэтических вечерах полные залы, после апреля 1961 года покорила своими стихами Америку и Западную Европу, заявив, что «Нет Востока и Запада нет, есть огромное слово - Земля».

Его курсовая работа о тюркизмах в древнерусской литературе, начатая в далеком 1959 году, через 15 лет была публично защищена в первой части книги «Аз и Я». Москва отреагировала на эту книгу «благонамеренного читателя» незамедлительно и нервно. «Аз и Я» была официально названа «яростно антирусской книгой». Лишь один Василий Иванович Абаев, известный индоевропеист того времени, подтвердил гипотезу Сулейменова о двуязычии автора «Слова о полку Игореве» и читательской среды XII века. Академик Д.С. Лихачев позже нашел мужество признать свое и всей российской медиевистики поражение, назвав «Аз и Я» «прекрасной книгой». Книга до сих пор в России под своеобразным запретом. Но времена меняются, и Российский университет Дружбы народов в Москве проводит 26-27 октября 2016 года научную конференцию, посвященную Олжасу Омаровичу Сулейменову.

Гражданскую позицию Олжаса Сулейменова того времени можно выразить его же словами: «Не осознавая прошлое, заблудимся в настоящем, как Иваны и Ахметы, не помнящие родства друг с другом...». В противовес общепринятому мнению о незначительном влиянии тюркоязычных народов на Русь, Олжас Сулейменов во главу угла своей книги поставил идею о том, что длительное сосуществование тюрков с русичами не могло не наложить существенный отпечаток как на Русь, так и на её восточных соседей. И процесс взаимообогащения был обоюдным. В качестве доказательств он приводит сведения о многочисленных династических браках русских князей с дочерьми степных владык и другие доказательства. По его мнению, в «Слове о полку Игореве» наблюдается настоящее смешение культур и народов. Он утверждает, что «контакты Руси и Поля нельзя сводить только к крови, пролитой во вражде. Кровью и роднились».

Не секрет, что многих привлекает в Олжасе Омаровиче прежде всего научный пафос. Он – необычный на гуманитарном поприще исследователь. По профессии геолог, он ищет то, что должно быть сутью и первоосновой явления, структурирует, выстраивает стройную систему знаков и их первичных значений, чтобы понять происхождение слова. Его цель - упорядочить процесс появления праязыка и сформулировать правила, на основе которых устанавливались и видоизменялись знаки-символы, создавались слова, формировались грамматические категории и значения, развивались значения слов. Его теорию можно сравнить с другим гениальным творением ума и рук человеческих – Периодической системой химических элементов Дмитрия Ивановича Менделеева. Олжас Омарович, как и создатель этой таблицы, считает, что все должно быть построено по единому принципу, строение каждого элемента должно отображать периодичность свойств элементов. Менделеевское открытие не было должным образом оценено современниками, к сожалению, не было номинировано на Нобелевскую премию. Можно провести параллель и с горечью констатировать, что и учение Олжаса Омаровича о знаках и новых методах их изучения пока не находит достойных последователей.

Олжас Омарович Сулейменов на протяжении более шестидеяти лет осуществляет в своей лирике, публицистике и научной прозе органичный синтез глубокого всестороннего изучения материала и увлекательной, интригующей формы его подачи. Он ведет сравнительно-исторические и типологические исследования славянских, тюркских и многих индоевропейских языков, в области семиотики реконструирует предысторию тюркских народов, в литературоведении восстанавливает древнейшие художественные тексты. Собранный и осмысленный им огромный фактический материал большей частью впервые вводится в оборот современной науки, он служит основой для современных концепций о происхождении языков и культур. Но лишь некоторые ученые, в первую очередь, тюркологи соглашались с тем, что метод этимологического анализа, изложенный в «Коде слова. Введение в универсальный этимологический словарь. 1001 слово», продуктивен и рождает новые перспективы исследования истории слова и языка. Главным орудием его научного мышления стала гипотеза как метод осмысления и реконструкции фактов. С легкой руки Олжаса Омаровича сейчас активизировалась деятельность тюркославистов, открываются центры тюркославистики не только в странах тюркского мира, но и в Западной Европе и Америке.

Сейчас мы можем констатировать, что феномен Олжаса Омаровича - интереснейшее явление нашей жизни, он был поднят на волну истории волей народа, сознание и мнение которого он воплощал. Политическая известность пришла к нему в 1989 году, когда его Слово оказало мощное воздействие на формирование духовных и политических ориентиров мыслящих людей и объединило весь народ, потребовав закрыть Семипалатинский полигон. Впервые в истории СССР отдельная республика во главе с Н.А. Назарбаевым самостоятельно решила проблему прекращения ядерных испытаний.

Его взгляды всегда радикальны. Он не боялся и не боится выступать против установившихся мнений, отстаивать свою точку зрения, отличную от молчаливого большинства. Академик Андрей Николаевич Колмогоров как-то сказал, что нужно уметь прощать людям за их талант. Говорят, что безнадежным двоечникам и троечникам легче всего сдать ему экзамен. Он сам достраивал бессвязное бормотание экзаменуемого до связного математического рассуждения и ставил хорошую или отличную оценку, то есть истинному философу свойственно видеть «отблеск божественной гармонии в любом хаосе». Таков алгоритм работы и нашего Олжаса Омаровича. И трудно представить, в каком состоянии пребывало бы наше общество, не будь таких людей, как он. Ведь Олжас Омарович для нас является государственным образцом интеллигента, фигурой статусной и символической, который прежде всего заботится о своем народе и пытается внушить своим современникам планетарное сознание.

В стихах раннего периода он утверждал, что

Каждому племени нужен один человек,

Ушибленный звездой...

Мы, казахи, несказанно счастливы, что имеем *такого* человека, благодаря которому весь мир знает о казахах: *«ребята, судите по мне о казахах»*. Олжас Омарович до сих пор является для всех нас эталоном служенья Делу...

сенатор, Қазақстан Жазушылар одағының төрағасы
Оразалин Нұрлан Мырқасымұлының
қуттықтау сөзі

Ардақты бауырлар! Қадірлі қауым!

Өткен ғасырдағы 1961 жылдың 12 сәуірі адамзат баласының тарихында алғаш адам ғарышқа ұшқан күн ретінде қалғаны есімізде. Дәл сәуірдің 13 күні дүниежүзінің бірінші космонавті Юрий Гагаринмен бірге қазақтың жаңадан жұлдызы жанып келе жатқан, жарқын мінезді, ұлы перзенті Олжас Омарұлының атын айтып, қоса қабылдадық.

Дүниежүзіне атын шығарған, алты континентке бірден 25 жасар жігіттің айдай әлемге атын жайған «Адамға табын, Жер» поэмасы өзінің тек әлгі космос пен жер арасын байланыстыру ғана емес, бүкіл адамзат рухының асқақтығын және адам баласының бойында жатқан ашылмаған рухани көздердің қаншама терең екендігін, оның тарихи үлкен-үлкен экскурстарда адами санамен жырлаған поэма сол күні өмірге келген болатын.

Міне, содан бері біз Олжас Омарұлы Сүлейменовтың ең әуелі ақ қағаз алдындағы адалдығынан жаңылмағаны. Қаламы көр жерге арналмағанын және қазақ деген халықты біз қазіргі үлкен мемлекеттік категорияға айнала бастаған «қазақтың ұлы даласы» дейтін ұғымға қаршадай кезден бастап қалай адал болса, сол елдің, сол халықтың рухын тәрбиелеуге өзінің Алладан біткен, тәңірден қонған ұлы қасиеттердің бәрін бір бағытта тоғыстырып, осындай аса көрнекті, қазақтық тура сөзбен айтатын болсақ, ұлы ақын Олжас Омарұлы Сүлейменов өзінің халқына өлшеусіз адал еңбек етіп келе жатыр. Міне, біздің бүгінгі әл-Фараби атындағы ұлттық университетіміз - Олжекеңді бір кезде, жап-жас кезде келіп, ең алғашқы жаңа өлеңдерін жаңғыртып жазып жатқан студент болып табалдырығын аттаған қасиетті төр. 80 дейтін жас есік қағып тұр екен, ертең қалай-қалай болады, осы әуелі тұсауын кесіп жіберейікші деп, Ғалымқайыр Мұтанұлы өзінің ұжымымен Олжекеңнің өзін білім нәрімен сусындатқан ұлы төрінде осындай халықаралық конференция ұйымдастыруы - менің ойымша, өте орынды және де өте сәтімен орындалып отырған шара.

90 жылдардың басында бір болған жағдай менің есіме түсіп тұр. Олжекең үлкен белсенді түрде қайраткерлік Кеңестікке СССР халық депутаты ретінде және қазақ елінің үлкен, ұлы жүректі перзенті ретінде еркін араласа бастаған тұсы. 90 жылдың сәуір-мамыр айлары, жалпы сәуір-мамыр Олжекең үшін ерекше айлар. Сәуір айында алғашқы поэмасының тұсауын кесті. Мамырда дүниеге Олжас Омарұлы Сүлейменов келді. Біз, 360 депутат, алғашқы президент сайлауын талқыға салып жаттық. Енді президент сайлау керек болды. Бірінші кандидатура Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев. Содан кейін де үлкен бірнеше тұлғалардың да аттары аталып жатты. Мен енді ол кісілердің атын атамай-ақ қояйын. Бір уақытта Олжас Омарұлы Сүлейменовтың да аты аталды. Зал қозғалып кетті. Ол кезде Олжекеңнің ақ боз атқа мінген кезі еді. Сол тұста біздің жаңадан тәуелсіздікке жетіп жатқан елдердің атақты қаламгерлерінің көбісі президент болып жатты. Әркім әр түрлі бәйгеге аттарын қосып жатты. Міне, осы тізімге біздің Олжекеңнің қосылу мүмкіндігі болды. Зал үнсіз отыр, бір кезде кезек Олжекеңе келді. Шықты. Біз байқап отырмыз. Нұрсұлтан Әбішұлы ол кезде Орталық комитеттің бірінші хатшысы. Зал сілтідей тынып, тып-тыныш отыр. Қандай платформа болады екен деп ойладық. Шықты да анасына жазған бір өлеңі бар ғой: «Мен адамдарға ешқашан жалған сөйлеп көргенім жоқ», - деген, сол өлеңді оқыды, қазір мен дәл жеткізбеуім мүмкін. Если ошибусь, Олжекең сам дополнит. Я помню, он сказал, обращаясь в зал: «Дорогие мои современники! На такую большую должность предложили мою кандидатуру, большое спасибо вам!» Тағы тыңдап отырмыз, ар жағы не болады деп. Потом он сказал: «Каждый человек на этой грешной земле должен заниматься своим ремеслом, своим делом. Я писатель, я поэт. Бог определил мне быть поэтом и я хочу остаться преданным именно этому ремеслу. Нурсултан Абишович Назарбаев - богом призванный государственный деятель. Я бы проголосовал за него», - деді де, соған қарай бұрылды. В зале были такие бурные аплодисменты... Помните, Олжас Омарович, это был неповторимый момент. Бәлкім, түсіп кетсе, кім білсін? Жалпы бір талай дауысты алып та кетер еді. Өтпей қалуы да мүмкін еді. Бірақ, сол жердегі Олжекеңнің ірілігі, өтірік айта алмайтындығы белгіленді. Өзінің кәсібiне, өзінің қаламына, өзінің ақындығына деген адалдығын қоса айтып кету керек...

Бұл кісінің анасының былай деп айтқан сөзі бар: «Сенің жаның, болмысың нәзік». Ал енді бұл кісіге қарап тұрсаңыз жаны, болмысы нәзік емес. Өлеңдерін оқып отырсаңыз, атылып тұр, арғымақ секілді. Міне, осының бәрі айналып келген кезде Олжас Омарұлы Сүлейменов дейтін ұлы қазақтың болмысын анықтайтын ұғым. Халыққа, елге өтірік айта алмағаны, халықпен, елмен бірге болғаны, соны шексіз сүйгені – өзінің бүкіл жандүниесін танытады.

Шыңғыс Айтматовтың айтқан бір сөзі есіме түсті. Бауыры қайтыс болған кезде барғанда естідік. Ақаев ол кезде президент болатын. Шыкең: «Қалай болып жатыр, Асқар Ақаевич?» дегенде, «Ой, Шыке, у нас все нормально, мы сейчас создаем союз четырех стран. Это - Россия, Казахстан, потом Кыргызстан и Белоруссия», - деді. Сонда айтылған Шыкеңның осы сөзі есімнен кетпейді: «Ооо, дұрыс! Осылай болу керек. Елдікті сақтап қалу үшін шайтанмен де диалогқа бару керек», - деді. Олжекең осындай көзқарастың адамы. Олжекең туралы кейінгі кезде жігіттер әр түрлі сөз айтып ғой.

Түгел азат тәуелсіздік болмайды. Өзара ықпалдастағы тәуелсіздік болады. Біз сол тәуелсіздігімізді сақтай алсақ, Олжекең тәуелсіздігімізді сақтаймыз деген сөзді бүкіл әлемге айтты. Кейбіреулер оны «біз сонда қалай тәуелсіз боламыз, біреуге ықпалдастықта бағынышты болсақ», - дейді. Уақыт өткен сайын, заман жылжыған сайын Олжас Сүлейменовтың сол айтқан өзара ықпалдастағы тәуелсіздіктің керек екендігі кешегі Сирия мен Украинадан көріп байқап отырсыздар. «Нет Востока и Запада, есть два сына у отца» деген Олжас Сүлейменовтың концепциясы әлі де өміршең! Адам баласында өркениеттің қайшылығы, адам баласы санасында мәдениеттік алмасулар болатын кезеңдердің бәрінде жүретін, ол Олжас Сүлейменовтың мәңгілігін танытатын жүрегінің соғысы, шығармашылығының ағысы. Олжеке, Сіздің ініңіз, замандасыңыз ретінде ылғи қуанып, тілектес болып жүремін. Мына бүгінгі залға өзінің жүрек қағысымен, санасы мен ойының еркіндігімен келіп отырған әрбір адам, қонақтарыңыз, барлығы Сіздің талантыңызға, Сіздің болымысыңызға деген құрметтің нышаны. 13 күннен кейін болатын бір мүшел тойыңыз құтты болсын дегім келеді. Сонда біз, жазушылар қауымы, басқа да тілегімізді айта жатармыз. Ал бүгінгі конференцияда талдау, тану, таным, Олжас Омарұлы Сүлейменовтің бүкіл болмысын қайта бір елекке салатын жақсы бір жиын болады деп есептеймін. Сондықтан сіздерге табыс тілеймін!

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Ауэзов М.М.,

*культуролог, публицист,
общественный деятель Казахстана*

Бүгінгі күн - қайырлы күн, үлкен күн, қуанышты күн. Тек қана бүгінгі ұрпақ, болмаса замандастырымыз емес бүгінгі күннің мағнасын теренмен сүйсініп қуанып жатқан күн... Аруахтардың өздері де, бабаларымыз да бүгін Олжекенің біраз жасқа келгенін, беделді беделін жоғалтпай, өз-өзін тәрбиелеп, үлкен сана сезімін қазақтың абройлы тағдыры үшін ең басынан бергенін қолдап отыр. Құтты болсын туған күнің, Олжеке!

Когда я каждый раз мысленно возвращаюсь к феномену личности Олжаса Омаровича, какие-то слова продолжают приходиться, ложатся на бумагу... Я хочу сейчас прочитать то, что буквально пару дней назад записал: «Многогранное поэтическое творчество Олжаса Сулейменова хорошо известно в Казахстане и за рубежом. Его поэзия уверенно и надолго утвердилась в мировом художественном пространстве, о чем свидетельствует растущее число его переводов на основные литературные языки современности. Гуманист по своей сути, Олжас Сулейменов мобилизовал дарованную ему природой интеллектуальную творческую мощь на создание свободной Родины, населенной людьми просвещенными, толерантными, с развитым чувством гражданственности и высоким национальным самосознанием. На пути к независимости несколько поколений казахстанцев овладевали навыками духовной деколонизации и борьбы против тоталитаризма. Эффективным стимулятором этого процесса явилось творчество Олжаса Сулейменова»... Все это идет от понимания роли личности Олжаса Сулейменова в нашей жизни.

Я хотел бы здесь сказать о том, что есть национальное самосознание, потому что национальное самосознание в разные периоды, в разных обстоятельствах может выступать по-разному, оно предьявляет разные императивы, разные доминанты. Я условно назвал бы национальное самосознание влагой в почве. Извлечь ее невозможно, невозможно и сказать, вот оно, национальное самосознание... Но без этой влаги почва сухая, рассыпается. И вот это содержание каждый раз меняется, оно, во-первых, востребует, во-вторых, рекретирует необходимых людей, способных эти проблемы на этот век, на это десятилетие, в этой конкретной ситуации реализовать. В этом смысле все, что мы называем творчеством, жизненной тропой Олжаса Сулейменова, есть способность личности делегировать, рекрутировать, выполнять определенную историческую миссию. Как получилось, что именно он был избран для этого в те годы, когда дух народа был смят? В XX веке с его страшными потерями, бедами, репрессиями, когда тоталитарный режим жестко контролировал ситуацию?

Есть некая инерция самого режима, всех репрессивных режимов: когда они существуют, они становятся все более жестокими средствами подавления инакомыслия. То есть они против человека, против природы. В Казахстане этот механизм работал в полной мере. 50-е годы, Хрущев, реабилитации... Стали возвращаться имена отдельных людей. Хотя, например, имя Магжана Жумабаева, великого поэта, которого мы все знаем, было возвращено к нам гораздо позже. Есть политическая реабилитация, и есть реабилитация творческая, на которой был поставлен крест.

Очень долгие годы – десятки лет – сохраняется инерция нашей прошлой жизни. Она сохраняется и сейчас. Управление нашим сознанием, превращение его естественного состояния в сознание манкуртов, в сознание людей, усеченных в своем миропонимании.

Все это время был определенный, совершенно четкий диктат: «Помня одно, не моги помнить другого». Это инструмент тоталитарного режима, фрагментарность сознания. И мы, как люди, истерзанные всеми бедами, которые обрушились в 20 веке не только на наш народ, с этим мирились.

Мы помнили о каких-то страницах истории – но о каких-то помнить было нельзя. Говорить о голоде тридцатых годов было не принято, невозможно даже говорить ни в научно-исторической литературе, ни в художественной. И что это за сознание, которое мирится с состоянием своей усеченности, фрагментарности? Это трудно даже вообразить. Робот, более или менее действующий, все равно обладает некоей цельностью, логичностью своего «разума». А это был алогичный, абсурдный разум. Вот носителями какого сознания мы были в 50-е годы. Каким образом мы могли реагировать на то, что на нашей земле проводятся ядерные испытания, убивается Аральское море? Потом, когда пришло время, произошло тотальное сметение казахских школ, казахского языка с лингвистической карты мира. В Алма-Ате функционировало всего две казахские школы. 18-ая, где я учился, казахская школа для мальчиков, и 12-ая для девочек. И все. Больше в Алма-Ате ни одной школы не было. И так было по всему Союзу даже в «целинные времена».

Сам феномен «целина»... Разве мы могли осмыслить такое явление, как «целина»? Что она нам несет? Какой позитив и какой негатив? Для того, чтобы осмыслить это понятие, мы должны были быть субъектами истории, а мы как народ перестали быть субъектами исторического процесса. Мы были объектами неграмотной, жестокой игры внешних сил, не осознающих сами себя. Поэтому у нас не было политической воли. Нужно было всю эту ситуацию каким-то образом менять. Какими были существовавшие тогда концепции истории? Черный вчерашний день и светлый сегодняшний. Как было плохо вчера и как хорошо стало сегодня. Примитивно, но это была практика нашей жизни, мы так жили. Здесь было сказано, что Олжеке разбудил казахов... С этой формулировкой так непросто согласиться... Конечно, великую пробуждающую миссию для казахского народа на долгие, долгие годы вперед совершил Абай и его последователи, алаш-ординцы. Это люди, которые были, которые писали; очень сильные и глубоко размышляющие. Народное самосознание не капитулировало. Я могу привести множество примеров. Как-то мы ездили за баксы с Булатом Каракуловым и на берегу реки Или записали импровизации жырау, который был простым скотником... Но как нежно и благодарно чувствовала себя в его руках домбра... Он пел запрещенный казахский эпос, и это было потрясающе. Когда мы говорим «Оян, казак!» - это обращение не к народу, а к его поколениям. Говоря эти слова, мы друг друга вдохновляем.

Тем не менее, тотально, так сказать, лежали какие-то закрытые книги... «Лихая година» М. Ауэзова сорок лет лежала «арестованной». К ней не было доступа, но она *была* в библиотеке. Алма-Ата... Когда в начале 20 века здесь были великие архитекторы, странные люди, занесенные сюда, - Зенков, другие удивительные люди, ссыльные, - здесь была сама атмосфера устойчивости духа. Она собиралась в кувшинах, как доброе вино; как роса на лепестках яблонь вдоль алма-атинских арыков... Никуда не исчезали наши горы под небом. И все это возвращалось, говорило: «Появись, Человек!», «Появись, субъект Истории, и скажи ЭТО». Олжас – человек, который возвращен необходимостью, и эта повсеместная необходимость: и умершая красота, и не востребованное знание, - все это постепенно формировало его. Как и личные факты биографии: репрессирован отец; это целое поколение детей, родители которых подверглись репрессиям. Надо было разбить то отношение к Истории, к которому принуждал нас тоталитарный режим. И что делает Олжас, что делает Ануар Алимжанов, потом – мощно подключившийся Ильяс Есенберлин? Они и многие другие авторы исторических романов стали «взрывать» навязанные пределы, в которых билось наше растущее, но не умирающее национальное самосознание...

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

главного редактора газеты «Central Asia Monitor», Председателя Казахского ПЕН-клуба
Габдуллина Бигельды Кайрдосовича

Уважаемые коллеги, друзья!

Сегодня – поистине исторический День! Сегодня мы говорим о творчестве и вкладе в казахскую Культуру великого нашего земляка – Олжаса Сулейменова. На эту тему можно рассуждать долго и это будет справедливо, но Время призывает нас к лаконичности и краткости. Его вклад можно оценить несколькими словами: Олжас продолжает будить казахов!

«И каждый век/ из храпящей толпы/ поднимался один человек.../ покричит, побуянит/ никого не разбудит, и в следующем веке/ проснется один человек!» - писал и призывал Олжас еще в 1969 году!

Всем своим творчеством вслед за Абаем, Ауэзовым, Сералиным и Дулатовым он призывал: «Оян, казах!». Конечно же, это призыв к свободомыслию, это призыв к знаниям! Стало ли это нашим общенациональным явлением? Это вопрос каждому из нас!

Олжас Сулейменов, как свои далекие предки, на своем Аргымаке стремительно ворвался в мир Высокой русской поэзии. Он завез туда терпкий жусанный ветер степи, и от этого урагана в русской поэзии пошли серьезные разломы... «На русском языке заговорила позабытая Степь, проснулись древние племена казахов - уйсун, канглы, дулаты и ассирийцы, кипчаки и огузы!» – так оценивал триумф своего друга известный писатель Таджикистана Тимур Зульфикаров.

Поэт и казахский народ. Олжас и Казахстан! Именно эти слова приходят на память, когда читаешь стихи Поэта. Морис Симашко как-то рассказывал мне, что именно Олжасу он посвятил свою повесть «Емшан». Оказывается, именно Олжас подсказал ему тему знаменитой повести, а сам Олжас жил этой темой давно – опять же с подсказки большого русского писателя Сергея Николаевича Маркова. И тема эта была под стать выдающимся авторам – манкуртизм.

Потом ее подхватили Абиш Кекилбаев, Оралхан Бокеев, Чингиз Айтматов. Вы же помните, как великий Султан Бейбарс, правивший древней страной, сумел преодолеть в себе суровое мамлюкское воспитание и вернулся бедняком на свою страдающую родину.

Истинного поэта, художника, на каком бы языке он ни писал, как раз отличает от дилетанта чувство родины. Оно обязательно присутствует в его творчестве на другом языке. Бесспорно, что Олжас, как ярчайшее явление, всемерно обогатил не только русскую поэзию, но одновременно расширил рамки казахской поэзии. Это и есть начало евразийской идеи.

Оставаясь плоть от плоти казахом, Олжас творит на русском языке, избрав тем самым свежий, непроторенный путь обогащения своей национальной культуры, литературы. Поэт мыслит на русском языке и тем самым привносит в него свое видение мира, все многовековые культурные традиции родного народа. Не утратив своей культуры, он обогащается другой. Не зря он пишет, «Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!», «Я - сын двух миров!».

Для меня и моего поколения Олжас Сулейменов стоит особняком, как гигант, определяющий масштабы того, что может остаться в вечности. Именно ему суждено было открывать «космическую» эпоху в поэзии Востока, стоять у истоков новых литературных тенденций.

Олжас в своем творчестве тяготеет к личности, обладающей большой внутренней силой: «Если ты человек, сотвори себе имя, и быть может, оно станет символом племени...» или «на то мы и поэты, чтобы мерить мир единой мерой – образом своим, как время – эрой».

Поэту тесно в границах национального сознания, взглядов, мыслей: «Нет Востока и Запада нет», а есть «Восход и закат» и «большое слово – Земля».

Олжас – истинный сын своего времени. Он сумел разбудить, растревожить и направить на верный путь ту дремлющую ментальную силу казахского народа, которая веками набирала мощь, по крохам собирала свои «альфы и омеги», чтобы потом разом объявить миру: «Возвысить степь, не унижая горы» или «из эпоса джигиты мчат, опаздывая лет на триста!»....

Поднимаясь над обстоятельствами, превращаясь из объекта в субъект истории, Человек Олжаса обретает способность лицезреть с Космоса на недоступные ему ранее дали. Потому у лирического героя поэта нет прототипов в казахской поэзии. Это нечто принципиально новое, соотносимое для Казахстана с будущим, но уже сегодня отбрасывающим зримые тени.

ТВОРЧЕСТВО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА И ТАДЖИКСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

*Сатторзода Абдунаби,
д.ф.н., профессор, зав.отделом литературы
Института языка и литературы им. Рудаки
Таджикистан, Душанбе*

Уважаемый Председатель,
Глубокоуважаемый Олжас Омарович,
Уважаемые участники Конференции,
Дорогие гости,

Позвольте мне, прежде чем говорить о творчестве Олжаса Сулейманова и его влиянии на национальное самосознание таджиков, сказать следующее: таджики, как об этом говорил сам Олжас Омарович, избалованы великой поэзией, не каждого, кто пишет стихи или прозу, называют поэтом. Редко кого из зарубежных поэтов признают в Таджикистане как поэта. Но Олжаса Сулейманова безоговорочно признают как великого поэта. Для подтверждения своих слов хочу привести один факт: более 20 известных таджикских поэтов посвятили свои стихи Олжасу Омаровичу Сулейманову. Такое уважение в Таджикистане из казахских писателей только было к незабвенному Мухтару Омархановичу Ауэзову.

Я долго думал об этом феномене и пришел к выводу, что творчество Олжаса Сулейманова, вобрав в себя лучшие черты казахского народа, стало общечеловеческим.

Дорогие коллеги,

Во второй половине 50-х и начало 60-х годов XX века, с приходом плеяды молодых и талантливых поэтов, как Мумин Каноат, Убайд Раджаб, Кутби Киром, Мاستон Шерали, Лоик Шерали и Бозор Собир, в современной таджикской поэзии произошли качественные и целостные изменения. До этого, почти всё, что происходило в таджикской поэзии, носило количественный и частный характер.

Одним из важных изменений, которые были внесены ими в современную таджикскую поэзию, было то, что они впервые начали говорить о таджикском национальном самосознании. Именно благодаря им такие исторические имена и названия, как Заратустра, «Авеста», Деваштич, Бухара, Самарканд, Балх, Согд, Зеравшан, язык дари-фарси, Рудаки, Фирдавси, Сино, Мавлави, «Шахнаме», Рустам, Сухроб, Рахш, Тахмина, Айни, Турсунзаде, Гафуров и другие, превращались в поэтические образы, которые стали еще более близкими и дорогими каждому патриоту.

Творчество вышеназванных поэтов стало основным фактором углубления исторического сознания и формирования национального самосознания в современном таджикском обществе. О чем свидетельствуют стихи Мумина Каноата «Любителям таджикского языка», «Лебединая песня» и «Ширазские мотивы» (цикл стихов), Лоика Шерали «Династия Саманидов», «История свидетельствует», «Арабом называют Сина некие группы», «По мотивам «Шахнаме» (цикл стихов), «Жертвенные книги», «Айни» и «После тысячи лет», Бозора Собира «Материнский язык», «Бухара», «Ахмад Дониш» и «Нож Сина», Убайда Раджаба «Покуда существует мир, существует и человечество» и т.д.

Анализ творчества таджикских поэтов-«шестидесятников», ещё раз подтверждает ту аксиому, что таджики и их предки, в социально-политические поворотные моменты своей истории, каждый раз, обращались к своему прошлому, и каждый раз, решали свои нынешние проблемы. И совершенно прав, наш уважаемый юбиляр – Олжас Омарович Сулейменов, когда говорит, что «любое возрождение начинается с повышенного интереса к истории» (*Олжас Сулейменов. Но людям я не лгал...*, Алматы, 2011, с. 49).

Так было обращение Рузбеха пури Додбеха (больше известного как Ибн Мукаффа) в VIII веке, после падения династии Сасанидов, Абулькасима Фирдавси в X веке, после крушения династии Тахиридов и Саффоридов и нашествия арабов, Абдурахмана Джами и представителей гератской литературной школы в XV в. после нашествия моголов, Ахмада Дониша и таджикских просветителей и джаидов после завоевания Россией Среднюю Азию, Садриддина Айни в 20-30-ые годы XX столетия после появления пантуркизма и панузбекизма, а также после нападения гитлеровского фашизма в 40-ые годы.

Обращение таджикских поэтов «шестидесятников» к далекой и близкой истории своего народа, коренным образом отличается от обращений своих литературных предшественников. Делают они это, в отличие от своих предшественников, не ради возрождения и продолжения культурных, моральных, политических и социальных традиций прошлых эпох, не ради призыва защитить свою родину и народ от чужеземцев, и не ради создания программ вывода страны из кризиса, а с целью постижения своих национальных истоков, чтобы найти ответы на вопросы «Кто такие таджики?», «Откуда происходят, куда идут?», другими словами, ради своего национального самопознания. И это была реакция на политику непризнания национальных историй, традиций и культуры советской системы.

Усиление чувства национального самопознания и развитие национального сознания в таджикском обществе, в том числе усиление тенденции возврата к истокам в языке, поэзии, музыке, искусстве, философии и науке, приложение усилий в деле по приданию таджикскому языку статуса государственного языка, принятие «Закона о языке», появление на политической арене национальных сил и их борьба за приобретение политической самостоятельности и государственного суверенитета - являются непосредственными результатами тех процессов, которые были начаты таджикскими поэтами «шестидесятниками» в 50-ые, 60-ые и 70-ые годы прошлого столетия.

Творчество таджикских поэтов «шестидесятников» было тесно связано с творчеством литераторов того периода из других республик бывшего Советского Союза, таких как Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Олжас Сулейменов, Валентин Распутин, Нодар Думбадзе, Грант Матевосян и т.д., что было естественным и предсказуемым! Так как, все они были «продуктами» той эпохи, которая берет своё начало со времен «хрущевской оттепели».

Схожие социально-политические условия, в котором они росли и творили, а также, совпадение содержания художественно-эстетических исканий «шестидесятников» стали причиной общности их творчества. В результате чего, между ними сложились тесные творческие и человеческие узы дружбы. Не случайно, что они переводили и пропагандировали труды друг друга.

Таджикские поэты «шестидесятники» и их последователи обращали особое внимание на литературно-научное творчество самого известного из современных поэтов Казахстана - Олжаса Сулейменова. Они с нетерпением и жадной ожидали все, что выходило из-под его пера. Я прекрасно помню, как мы, молодые почитатели его таланта, искали и находили все, что было связано с его именем. Особенно, когда была издана его знаменитая книга «Аз и Я» в 1975 году, сразу же начались бурные и пристрастные обсуждения в московских академических научных кругах. Как известно, было организовано специальное заседание АН Советского Союза, в котором приняли участие 47 признанных советским режимом академиков, член-корреспондентов, а также докторов наук по лингвистике и истории, в числе которых, был виднейший специалист по «Слову о полку Игореве» академик Д.С. Лихачев. Судя по опубликованному отчету этого обсуждения, в журнале «Вопросы языкознания» (1976, №9), «Вопросы истории» (1976, №9) и статьях того же Д.С. Лихачева «Гипотезы и фантазии в истолковании «Слово о полку Игореве» (ж. «Звезда», 1976, №6) и «Догадки и фантазии в истолковании текста «Слово о полку Игореве» (Заблуждение О. Сулейменова) (Д.С. Лихачев. «Слово» и культура», 1976), а также статья Л.А. Дмитриева и О.В. Творогова «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова (ж. «Русская литература», 1976, №1) и другие уважаемые академики, в духе того времени, обвиняли автора, прежде всего в национализме и пантюркизме. Более того, академик Б.А. Рыбаков открытым текстом оповестил всех присутствующих о том, что «в Алма-Ате вышла яростная антирусская книга – «Аз и Я».

Нам, молодым ученым и литераторам, которым до этого обсуждения, посчастливилось ознакомиться с одним из экземпляров книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я», привезенной кем-то из Алма-Аты и передаваемой из рук в руки, было странно и непонятно, почему эта книга стала предметом столь яростной атаки академических кругов. Тем более, что мы с большим уважением относились к Д.С. Лихачеву и его работам по древнерусской литературе, и не могли ожидать, что именно он вступит против книги, в которой автор вносит ясность в существующие «темные» и «невразумительные» места в «Слово о полку Игореве» на основе многолетнего и тщательного изучения сотен древнерусских источников. Хотя мы допускали, что автор, будучи поэтом и, с его слов, из числа неординарных «дилетантов» в науке, мог совершить и наверняка допустил научные ошибки в своих рассуждениях о таком сложном и уникальном тексте, как «Слово о полку Игореве».

Но с учетом того, что в те годы, и у нас в Таджикистане, также порой звучали аналогичные обвинения в отношении отдельных стихотворений наших талантливых поэтов Лоика Шерали и Бозора Собира, известного романа Джумы Одины «Бег времени», а также в отношении работ известного таджикского литературоведа профессора Холика Мирзозода о литературе 20-30-ых годов и ее отдельных представителях и кандидатской диссертации академика Мухаммаджона Шакури о жизни и творчестве поэта-просветителя начала XX века Саида Ахмадходжа Аджи (1948) и т. д.

То основная причина подобной реакции, со стороны руководителей официальных структур советской власти и их литературных и научных заместителей в центре и на местах, на то или иное явление в литературе и науке заключалась в том, что оно не соответствовало известным политическим установкам и особенно идущим в разрез с интересами «старшего брата», настоящего хозяина страны. Тем более, если национальные авторы, в данном случае, как Олжас Сулейменов, затрагивали темы являющихся «священными» для славянских народов. Автор книги «Аз и Я», как известно, попытался доказать, что «Слово о полку Игореве» было написано для двуязычного читателя двуязычным автором» (О. Сулейменов. Я людям не лгал... - Алматы, 2011, с.341). И что в этом, по его словам, «великом произведении, гордость славянской литературы» присутствует тюркский элемент, в том числе так называемые «невидимые тюркизмы» (Там же).

Нам особенно импонировало то, что известный, на тот момент, молодой казахский поэт - Олжас Сулейменов не робел перед маститыми академиками и ведущими специалистами-славистами, а напротив, довольно смело, настойчиво и убедительно отстаивал свои взгляды и идеи, высказанные

им в «Глиняной книге» (1969) и «Аз и Я» (1975) в спорах с Д.С. Лихачевым, Б.А. Рыбаковым, Л.А. Дмитриевым, О.В. Твороговыми другими маститыми «слововедами».

Именно неслыханная до тех пор смелость и небывалая твердость Олжаса Сулейменова, в отстаивании национальных интересов своего народа, его культуры, истории, авторитета и определение достойного места в истории человечества, а также призыв к уважительному отношению к своему народу, больше всего вдохновляла таджикских литераторов и ученых, став важным фактором углубления национального самосознания и исторического сознания нашего народа. Данное явление оправдывает надежды автора «Аз и Я» о том, что опубликованные им работы, в 60-х и 70-х годах, по истории казахского народа «воспитывали историческое сознание не только казахов» (О. Сулейменов. Но людям я не лгал... - Алматы, 2011, с.235).

Таджикские поэты и писатели, после того как ознакомились с поэтическим и научным творчеством Олжаса Сулейменова, по их признанию, стали смелее и тверже высказываться о своей древней истории, языке, литературе и культуре. И, естественно, что автор произведений «Аз и Я», «Глиняная книга», «Земля, поклонись человеку!» и другие стал одним из любимых поэтов в Таджикистане. Известный современный таджикский поэт Мумин Каноат, который является близким другом Олжаса Сулейменова, свидетельствует, что «в 1963 году в Таджикистане проходили «Дни казахской литературы», куда наряду с уважаемыми аксакалами к нам приехал и Олжас Сулейменов... На первом же творческом вечере, он покорила сердца и удивил умы участников торжества. У нас, к тому времени, никто из поэтов не мог так красиво, энергично и мастерски декламировать свои стихи. Пожалуй, только Махмуд Вахидов, наш актер, так же великолепно исполнял четверостишия Омара Хайяма. «Земля, поклонись человеку» - так называлась поэма Олжаса. В те же дни, все дети нашей земли поклонились Олжасу и стали поклонниками его щедрого таланта и светлого ума». Здесь уместно напомнить, что таджики избалованы великой поэзией, не каждого признают как поэта.

В Таджикистане хорошо знают и уважают Олжаса Сулейменова, как талантливое поэта, непревзойденного и тонкого исследователя, известного дипломата, общественно-политического деятеля, как истинного друга таджикского народа и ценителя персидско-таджикской литературы. Многочисленные стихи и поэмы Олжаса Сулейманова переведены на таджикский язык. Поэма «Земля, поклонись человеку!» переведена дважды, известными поэтами Убайдом Раджабом и Низомом Касымом. Известный таджикский литературный критик и крупный казахский литературовед-иранист профессор Сафар Абдулло, внес большой вклад в деле изучения и издания творчества своего великого устода (учителя) и друга. Его книги и статьи о творчестве Олжаса Сулейменова широко известны в Таджикистане.

Народный поэт Таджикистана, автор нового национального гимна Гулназар, который является почитателем творчества Олжаса Сулейменова, 7 апреля 2016 года, на страницах литературной газеты «Адабиёт ва санъат» опубликовал свои интересные воспоминания о встрече с Олжасом Сулейменовым в городе Алма-Ата в 1968 году, где проходил фестиваль молодых поэтов Советского Союза. Гулназар вспоминает, что Олжас Сулейменов, будучи тогда известным советским поэтом, обращаясь к своим молодым таджикским коллегам, сказал: «Слово как молодой скакун. Его надо обуздать и сесть, в противном случае, он сбросит вас на полпути». Это мудрое высказывание маститого поэта, послужили поводом в написании стихотворения под названием «Конь и поэзия», где в том числе, есть следующие строки:

*Мо саворем,
Аспҳо пай мезананд
Чун насиме аз миёни даштҳо.
Аспи ту ром аст, осон медавад,
Аспи ман шӯх аст, мушикил меравад.
Дашт бопахно чу домони сухан,
Роҳ беохир чу умри шоирон...
Аспи роми ту куҷо рафт, рафт,
Аспи шӯхи ман куҷо монд, монд.*

Дословный перевод с таджикского:

*Мы в седле,
Кони скачут
Как утренний ветерок среди полей.
Твой конь обуздан, скачет легко,
Мой конь непослушный, с трудом бежит.
Степь бескрайна, как простор поэзии,
Дорога бесконечна, как жизнь поэта...
Твой послушный конь скачет далеко, далеко,
Мой непослушный конь остался позади, далеко.*

Я искренно желаю, что конь жизни нашего дорогого юбиляра Олжаса Омаровича еще долго и долго скачал на просторах нашей планеты.

Благодарю за внимание.

ЖИЗНЬ В СТИХИИ СЛОВА

Калижан У.К.

*Институт литературы и искусства
им. М.О.Ауэзова МОН РК,
Казахстан, Алматы*

Олжас Сулейменов – национальный казахский поэт по духу, хотя и создает свои произведения на русском языке, главную суть их составляет судьба родного народа. Вся поэзия О. Сулейменова, каждое слово знакомят читателя со степями Казахстана, историей и современностью. Стихам поэта присущи красочная образность и национальный дух. В одном из своих первых стихотворений – «Аргамак», воспевая вечного спутника кочевника, он передает вольный дух народа:

Дай молодого коня,
Жилы во мне играют,
Я проскачу до края,
Город и степь накрена.
Ветер раздует пламя
В жаркой крови аргмака,
Травы сгорят под нами,
Пыль и копытный цок.
Твой аргмак узнает,
Что такое атака,
Бросим робким тропам
Грохот копыт в лицо!..

Поэт рождается и живет в стихии слова. Именно так можно охарактеризовать творчество О. Сулейменова, чья душа и пылкое воображение уносят его вглубь веков, пронизанных лавинами быстроногих коней наших великих предков – вольных кочевников Великой степи. А какой ошеломляющий успех имела его поэма «Земля, поклонись человеку!», прозвучавшая на всю страну в день космического старта Юрия Гагарина. Эта поэма стала гимном всему человечеству. А слова из этой поэмы: «Нет Востока и Запада нет, есть Восход и Закат» послужили позднее переименованию космических кораблей с Востока на Восход!

Его поэзия является ярким примером интернационального характера большой мировой литературы, когда творчество писателей и поэтов становится доступным и понятным в самых разных концах мира и проникает в сердца независимо от политических убеждений и этнической принадлежности, становится общим культурным достоянием. Именно поэтому в свое время О. Сулейменова приравнивали к могучей плеяде таких национальных поэтов, как К. Кулиев, Р. Гамзатов, М. Карим, Д. Кугульдинов.

Стихи и поэмы О. Сулейменова переведены на английский, французский, немецкий, испанский, чешский, польский, словацкий, болгарский, венгерский, монгольский и турецкий языки. Наибольшую известность казахский поэт получил во Франции, где было издано несколько его поэтических сборников.

Профессор Сорбонны, поэт и переводчик русской поэзии Леон Робель, представляя французскому читателю свой перевод поэмы «Глиняная книга», написал: «Олжасу Сулейменову давно уже близка идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Он хочет читать историю, как большую книгу переселений и изменений знаков. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на Историю Человечества, все же единую, в которую разделение и произвольная изоляция внесли замешательство. Это страстное чувство проходит через всю книгу, и, несмотря на шутливую, едкую полемическую форму, это произведение от корки эпическое: давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса — мы признаем Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно» [1].

А в статье «Минута молчания на краю света» Леон Робель отмечает серьезное увлечение О. Сулейменова «лингвистикой, славистикой, тюркологией. Одна за другой появляются поэмы, очерки по филологии и истории, сценарии, проза. Более всего в творчестве Сулейменова поражает размах и полная свобода как в выборе тем, так и в выборе выразительных средств. Его поэтический материк – это целый мир, в котором он мысленно, со страстью обзорекает современные очертания и самые глубокие и древние истоки. Он делает это с ликованием, несравненной изобретательностью, включая одновременно все регистры» [2, с.100].

Но не только пламенными стихами был любим в народе О. Сулейменов. Вместо воспевания идей коммунизма Сулейменов начинает заниматься историей своего народа. Ведь наиболее полная история его заключена именно в словах. В своих исследованиях он ищет общие корни тюрков и славян, доказывая, что в венах русских князей течет тюркская кровь. Вспомним, как взорвал он общество своей книгой «Аз и Я», которая была воспринята в Кремле как инакомыслие и начались гонения пером наемных критиков. Однако и сегодня не теряется интерес к «крамольному сочинению» Олжаса тех лет.

Книга «Аз и Я» посвящена письменным памятникам славянской и тюркской древности и является своеобразным восприятием истории глазами поэта. Поэт выступает против стереотипов, устоявшихся в науке, и его книга является сплавом публицистики с кропотливым анализом лингвиста. Взяв за основу исследования «Слово о полку Игореве», Олжас Сулейменов взялся раскрыть его содержание с современных позиций, показать, где сокрыта истина, а где содержится историческая ложь. Читать «Слово» ему помогало природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией.

О. Сулейменов пишет в предисловии к последнему изданию своего труда: «Слово» формировало мое миропонимание. «Слово» ввело в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности. Я понял, что историческая ложь может оскорблять вешего так же, как историческая правда невежду. Мне приходилось видеть, как исторический факт мотается на качелях субъективной логики, возносясь на метафизические вершины и обрушиваясь в бездонные пропасти объективного незнания.

Факт, взятый вне исторического контекста, превращается в мертвую игрушку ученых. Ибо факт – ядро эпохи, он живет в космосе обстоятельств своего времени, как земной шар в оболочке атмосферы. Разъять их невозможно без вреда для знания» [3, с.6]. Здесь хочется подчеркнуть, что именно «Аз и Я» подвинула О. Сулейменова к многолетнему труду над созданием этимологического словаря «1001 слово».

Судя по различным зарубежным материалам, именно национальная тема в творчестве Сулейменова является одной из наиболее дискутируемых проблем в исследованиях иностранных ученых, специалистов по литературе и по другим гуманитарным наукам. Касаясь данного вопроса, немецкий ученый Леонард Кошут отмечает следующее: «Как тюркоязычный автор, с детства знающий два языка, Сулейменов приводит новые, ставшие предметом спора доказательства исторической достоверности литературной хроники, он делает ошеломляющие филологические открытия (или строит располагающие к себе, но спорные гипотезы). На основе этих исследований он выстраивает новую картину отношений между половцами (исчезнувшим тюркским народом) и восточными славянами (киевскими славянами), потерпевшими поражение по время похода в степь» [4, с.8].

О личностном факторе О. Сулейменова хорошо свидетельствуют слова Шуламит Шалит из статьи «Шолом-Алейхем, Олжас Сулеймен»: «А через некоторое время, попав на какой-то международный то ли форум, то ли фестиваль и очаровав всех своей европейскостью, при восточном обаянии и молодости, в одну ночь стал известным и даже знаменитым. Его приглашали и в арабские страны, восторженно принимали в США... Росла слава, строилась карьера. Он был первым поэтом, награжденным премией Ленинского комсомола, стал депутатом Верховного Совета Казахстана; в бытность его главным редактором «Казахфильма» вышли хорошие картины «Лютый», «Конец атамана» и другие, потом возглавил Госкино Казахстана» [5].

Но вернемся к главной теме творчества О. Сулейменова – его неутомимым исследованиям в области происхождения Слова. Как раз к юбилею нашего любимого поэта мы выпустили книгу «Мир Олжаса Сулейменова», в которой отражены пласты его творчества и гражданская позиция в видении ученых литературоведов Германии, Польши, США, Франции, Монголии, Республики Корея.

Хочу привести отдельные высказывания из этой книги. Польский ученый Евгениуш Чаплеевич подмечает такую особенность творчества О. Сулейменова: «Создавая свои произведения только по-русски, О. Сулейменов остается казахом. Но таким, который может на границе времен – современного и постсовременного – исполнять принятые на себя обязательства Вещателя в традиционном измерении, точнее – в благородно традиционном, щедро даря своему народу такую историю, о которой никто не подумал – самую прекрасную из всех возможных. Он желает то, что является казахским, поднять до международного и межконтинентального общечеловеческого уровня. И он осуществляет это желание» [6, с.25]. Поэт рождается и живет в стихии слова. Именно так можно охарактеризовать творчество О. Сулейменова, чья душа и пылкое воображение уносят его вглубь веков, пронизанных лавинами быстроногих коней наших великих предков – вольных кочевников Великой степи.

Два года назад здесь в «Гылым ордасы» проходила презентация новой книги О. Сулейменова «Код слова». И этот научный труд, как отмечали тогда ученые, имеет не менее серьезный эффект, чем книга «Аз и Я». Примечательно, что презентация книги проходила в стенах Национальной академии наук, где он в 1975 году выступал с первой книгой «Аз и Я». Неудивительно, что страстного поэта охватил неудержимый интерес к нашим общим человеческим ценностям, заключенным в Слове. Ведь наиболее полная история народа заключена именно в словах. Неистовый служитель слова поэт и исследователь О. Сулейменов утверждает, что словарь – самый надежный архив исторической информации, который, в отличие от летописей, не отсыреет, его нельзя переписать, отредактировать в угоду Храму и Дворцу.

Существующие сегодня в мире национальные этимологические словари не смогли пока раскрыть происхождение ни одного слова, так как существующий метод фонетических соответствий помогает лингвистам исследовать только самые верхние пласты истории слова. До истоков он не доходит. О. Сулейменов в своем «Код слова» знакомит читателя с теорией взаимозависимости между происхождением слова и образным письменным знаком (первоиероглиф), показывает, как можно теперь узнать генезис любого древнего созвучия.

«Слово даже самого малочисленного на сегодня и исчезающего с лица земли этноса хранит в своем содержании и структуре больше исторической правды, чем музейные собрания черепков и драгоценностей. Археологические артефакты немые, найденные при раскопках под твоим домом вовсе необязательно принадлежали твоим предкам» [7, с.5]. Эта мысль привела когда-то О. Сулейменова к исследованиям происхождения и форм древних письменностей (шумерской, древнеегипетской, древнекитайской), которым он посвятил более полувека. Был рассмотрен и изучен обширный материал, словари, научные монографии.

«Код слова» – это изложение действенного метода этимологии, то есть выяснения происхождения слова, выработанного мной в течение 50 лет», – сказал о книге сам О. Сулейменов.

Делясь своими впечатлениями о книге «Код слова», ученые высказали мнение, что книга имеет актуальное общественно-политическое значение и позволяет читателю лучше ознакомиться с историей и происхождением языков. И действительно, О. Сулейменов провел огромную работу по исследованию глубоких пластов истории слова, графики и системы букв.

Во всех языках человечества 90 процентов слов появилось раньше появления алфавита. По этой причине для понимания генезиса слова (появления и путей развития) О. Сулейменов обратился к первичным видам графических форм, придающим лексическое значение и превращающим их в обозначение звуков и слов. Ученый этимолог, поэт-языковед в своем исследовании опирался на использовавшиеся до II тысячелетия графические обозначения слов в различных языках. Им выработан новый метод этимологии, основанный на результатах расшифровки генома слова. И благодаря этому методу удастся, как полагает автор, наконец-то узнать происхождение первых слов человечества, которые еще живут в каждом из современных языков мира.

Для подготовки введения к универсальному этимологическому словарю «1001 слово», над которым он работал более полувека, автор книги подвел итоги исследования множества древних и молодых алфавитов. Интересны его гипотезы, построенные на исследовании буквенного алфавита финикийцев (конец II тысячелетия до н.э.) и гербовых знаков кочевых племен Малой и Древней Передней Азии. О. Сулейменов пишет: «Обычно, когда заканчивалась долгая война, заключался соответствующий договор о вечном братстве и вожди племен на какой-нибудь заметной скале высекали гербы своих племен так, словно расписывались под договором». Немало таких писаний древних племен было на просторах Великой степи от Алтая до Дуная, но века не пощадили их и они исчезли. Племенные гербы сохранились в культуре казахов – вчерашних кочевников. Автор книги значение термина «код слова» объясняет как свод основных правил образования слов. Эти правила позднее укрепились в ходе развития языков. Хорошо освоив правила создания знаков обозначения слов и их названий, жрецы следующих поколений передавали эти правила вместе с доставшимися им по наследству гербами-оберегами. Использовали тот же набор знаков, обогащенных новыми функциями и нюансами значений.

Олжас Сулейменов считает, что согласно теории родства языков первоначальное звучание множества названий появилось в древний период зарождения слов (праязык). Начиная с первых слов звукоподражательного происхождения до их развития и схематического обозначения в знаках, поэт-лингвист увязывает их с эволюционным путем развития мировых языков. Есть эпоха образования слов, которая продолжается по сей день. Самым первым активным периодом процесса образования слов можно считать время появления первоиероглифов. Многозначимость графических знаков дала возможность жрецам в тысячелетнем развитии Homo sapiens создавать миллионы слов из простых обозначений – знаков.

В этом плане О. Сулейменов высказывал следующие мысли о зарождении сложных обозначений-знаков: «Человек перешел через разделяющий Африку и Европу пролив... Вначале служившая божеством Луна стала просто обычным светилом. Таким образом жрецы потеряли интерес к Луне, как объекту поклонения и создали первый знак нового божества – Солнца». Таким образом, автор выражает следующую мысль о письменных знаках: «Африка. Поклонение Луне. Фазы Луны жрецы примеряли к возрасту жизни человека. Юная Луна – начало жизни. Угасающая Луна – конец жизни. С этой графической формы отрицания знака Луны началась духовная культура с новым толкованием и назначением знаков».

«Код слова» написан О. Сулейменовым с целью привлечения внимания лингвистов всего мира к универсальному этимологическому словарю «1001 слово». «Код слова» пробуждает мысль не только в познании казахского языка, но и всего мирового языкознания.

Как отличается Олжас Омарович в поэзии, также значителен его вклад в языкознание. Глубокий интеллект, он раскрыл исторические следы знаков обозначения слов, из созвучий (этимологии) слов сделал единое учение. И за этот труд он заслуживает самой глубокой благодарности. Книга «Код слова» стала полезной научной находкой для антропологов, географов, археологов, генетиков, историков и лингвистов, литературоведов и искусствоведов.

Олжас Омарович обращается к тому, что *Homo sapiens* – современный человек появился на востоке в III тысячелетии до нашей эры. А где же тогда было первое человеческое общество? Следы человеческого существования в Европе уходят в более глубокие эпохи. Сравнивая такие факты, Олжас Омарович делает классификацию появления и расселения человечества.

Первое. Экваториальная Африка – Северная Америка (со стотысячного до пятидесятитысячного года до нашей эры).

Второе. Древний мир (Средиземное море, Европа, Древняя Передняя Азия, палеолит – неолит – медный век – трехтысячный год до нашей эры). Третье. Сознательное переселение на Восток (третье тысячелетие до нашей эры и I тысячелетие нашей эры).

Эта группа позднее достигла Тихого океана и стала основой Китая, Вьетнама, Кореи и т.д.

При выяснении происхождения казахов Олжас Омарович опирается на тамга (тамгу). Тамга кипчаков – «двойной алип». Первая буква арабского алфавита называется алиф. Казахи называют алип. Двойную черту Олжас предлагает называть двойной стрелой. К тому же они оказались гербом этих племен. Таким образом они заняли свое место в истории, как косяк, аккас, хаккас, хакас, кашак, казак, кайсак. Если хотите оспорить, высказывайте свои суждения.

А пока, как говорил сам О. Сулейменов, «словари являются самым вечным и надежным архивом истинных исторических сведений. Они будут нам доступны, если мы, наконец, найдем золотой ключик к Слову».

Поэтому сегодня высоко светит звезда пламенного общественного деятеля и писателя Олжаса Сулейменова, посвятившего себя поискам того самого золотого ключика и раскрытию в природе слова следов развития мировой цивилизации, в том числе и следов казахского народа. А самое главное, он помогает нам полнее узнать о своем прошлом, начиная с самых далеких истоков. Так что путь от «АЗ и Я» к «1001-му слову» вполне закономерен и увенчался успехом.

Олжас Омарович умеет увлечь читателей историей человечества через раскрытие значений знаков, символов, букв, через которые раскрывает глубинное родство народов. «Никакие археологические сокровища не сохраняют столько информации, сколько сбережено в простом слове», – говорит автор исследований тайны происхождения слов.

Как признается сам О. Сулейменов: «Я геолог по первому образованию, поисковик. Моя задача – найти возможные выходы полезных ископаемых на поверхность. Потом на это место должны прийти геологи-разведчики. Они определяют площади и глубину залежи. Я побродил с молоточком, провел первичный анализ образцов. И теперь хочу привлечь коллектив специалистов, любящих химию слова, для совместной работы над универсальным, то есть многонациональным, этимологическим словарем, чтобы этот общий труд помог языкознанию приблизиться к точным наукам. Вот такова задача».

Не эти ли слова должны определять цели научных поисков сегодняшних исследователей слова, чтобы глубже понять и узнать наше прошлое? Надеюсь, что среди будущих ученых найдется немало таких энтузиастов. А золотой ключ к тайне происхождения Слов вам подарил Олжас Омарович.

Литература:

- 1 Олжас Омарович Сулейменов: биография // <http://www.people.su>.
- 2 Робель Л. Минута молчания на краю света // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.100.
- 3 Сулейменов О. Аз и Я. – Алматы: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2011. – 364 с.
- 4 Кошут Л. Возвысить степь, не унижая горы // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.6-16.

5 Шалит Ш. Шолом-Алейхем, Олжас Сулеймен! //«Зарубежные Задворки». Международное сетевое литературно-культурологическое издание.

6 Чаплевич Е. Современная казахская эпопея Олжаса Сулейменова // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.21-28.

7 Сулейменов О. Код Слова. – Алматы, 2013. – 88 с.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

главного редактора журнала «Простор» **Михайлова Валерия Федоровича**

Дорогой Олжас Омарович, уважаемые участники собрания, я не буду делать доклад на тему конференции, потому что она необъятная, и ее предстоит обсуждать еще два дня, а может быть еще дольше... Я поделюсь своими воспоминаниями и мыслями... В годы моей юности, в 60-е годы, моим любимым занятием были походы в книжные магазины, и там я покупал первые книги Олжаса Сулейменова: «Аргамачи», «Земля, поклонись человеку!» и др. И вот прошло уже полвека, но я до сих пор помню то, что осталось после первого прочтения: «Ах, какая женщина, руки распластав...» (*читает наизусть*). Я никогда не заучивал стихи, все, что помню (а знаю я довольно много), это то, легло на душу...

В этом стихотворении *смущенный конь, солнечные пятна шириной* в ладонь – это истинная поэзия! Прошло полвека, и мы с Олжасом Омаровичем несколько постарели, сами уже несколько *смущенные кони* стали, но стихотворение вечно молодо, вечно живо, и так будет всегда, куда жив русский язык и русская поэзия, и казахская поэзия! Как видим, русский язык нисколько не помешал Олжасу Омаровичу остаться глубоко национальным казахским поэтом. Так было и с другими поэтами и писателями того времени: Фазиль Искандер остался абхазцем, Тимур Зулфикаров, который писал и пишет на русском, остался и таджикским, и русским писателем. А в этом стихотворении столько молодости, столько радости жизни, столько открытости миру, что предопределило на будущее и жизнь, и творчество Олжаса Сулейменова.

Другое стихотворение, запавшее мне на всю жизнь в душу, - «Вблизи Чингизских гор его могила...» (*читает наизусть*). Я тогда не знал, чья это могила, но догадался, что это могила Абая... Потом, конечно, много раз бывал в Чингизтау, прочел многое другое... Но это стихотворение поразило меня памятью о предках, памятью о своей истории, памятью о своей крови, и, я думаю, оно было началом той деятельности, которая принесла Олжасу Омаровичу известность борца за закрытие ядерного полигона на этой святой земле...

Для меня до сих пор загадка: знал ли Олжас о том, что было на Семипалатинском ядерном полигоне, или не знал. Если не знал, то угадал как поэт его историю, его судьбу, если знал, то уже тогда определил начало своей антиядерной деятельности. Семипалатинский полигон был не единственным в Советском Союзе, были и другие на территории России, и на острове Новая Земля... Но он был крупнейшим среди всех других. Мне хотелось бы сказать одну важную мысль: его появление позволило установить ядерный паритет, предотвратило третью мировую войну, которая могла произойти после 45-го года...

Вся деятельность Олжаса Омаровича направлена на пробуждение национального самосознания. Олжас Омарович как политик и дипломат всегда оставался поэтом. Я не слежу за политикой, но помню, что его партия была единственной партией в Казахстане, которая ставила вопрос о том, чтобы все казахстанцы имели какие-то блага от природных богатств, хранящихся в недрах Казахстана. Об этом больше никто не говорит...

Олжас Сулейменов учился на геологическом факультете, я тоже учился на геолога. Там на первом курсе нам преподавали общую биологию, историю земли, периоды геологической истории длятся миллионы лет. С высоты этой геологической истории жалкой кажется история человечества. Именно знание геологической истории помогает понять, насколько заблуждается человечество, насколько оно согрешило на пути к добру.

А Олжас Омарович во всех видах своей деятельности был и остается воином добра. Я хочу вспомнить об одной глубоко личной вещи, процитирую надпись на книге, которую Олжас Омарович подарил мне лет 20 назад: «Валере, сыну Федора Прокопьевича, одного из моих Учителей (Учителей – с большой буквы!). Будь сам Михайловым, но всегда Федоровичем. Олжас». Мне кажется, здесь не только доброе наставление старшего товарища младшему (у нас разница в возрасте 10 лет). Здесь кредо жизни самого Олжаса Омаровича.

Однажды, после 98-го года, Олжас Омарович рассказал мне о своем отце, буквально один эпизод из его жизни. Олжас вспомнил, что отец, офицер кавалерийского полка, служил здесь в Алма-Ате в крепости и стоял на посту. В это время к посту подошел Филипп Голощекин, секретарь Казкрайкома партии, и захотел пройти на военную территорию. Офицер Омар Сулейменов преградил ему путь и

сказал: «Не положено!». Естественно, первый хозяин республики возмутился, стал кричать, и тогда Омар Сулейменов достал из ножен саблю, подставил клинок плашмя к лицу Голощекина. Мне кажется, это глубоко символический жест: воин Омар Сулейменов своим клинком преградил путь нечистой силе.

И он дал урок своему только что родившемуся сыну, который не запомнил отца, погибшего в лагерях. Мне кажется, Олжас Сулейменов остался верен своему отцу, стал таким же воином добра и духа...

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

публициста, общественного деятеля Казахстана

Куттыкадама Сейдахмета Рыскожаұлы

Құрметті достар, ханымдар мен мырзалар, бүгінгі кештің орны бөлек, енді қысқа сөйлеймін, көп нәрсе айтылды. Мен айтарым, өзі елде, халықта рух болмаса, ол топырақ сияқты. Тусіңсіз ғой! Мынау жерде айтылған - топыраққа рух кіргенде адам пайда болды. Сол сияқты біз де солаймыз. Енді елдің жағдайы белгілі, 60 жылда қалай болған. Ол кезеңде "космополитизация" кереметтей жүрді. Мен енді орысшаға көшейін.

Дело в том, что на самом деле, человек, народ, это, как понимаете, если без духа, земля, как сказано в Евангелии, прах земной, и только дух, внесенный в неё, делает человека человеком. И вот таким духом, следующим вихрем духа является Олжас Сулейменов. Особенно после 1961года, когда у казахского народа была большая потеря, ушел великий Мухтар Ауэзов, и народ был в печали, казалось, теперь некому вести народ к отчаянной пустыне духа, но тут появился он... Аллах все-таки нас, казахов, любит, он не только нам дал богатые дарования, и вот такого человека, как Олжас Сулейменов, который тут же подхватил факел Мухтара Ауэзова и понес его дальше.

Его роль в нашем самосознании еще до конца не осознана, особенно моё поколение очень хорошо помнит, когда мы метались в поисках каких-то ориентиров, некому было вести, понимаете, и Олжас показал, как и куда надо идти. Причем он является национальным лидером не только казахов, но и узбеков, азербайджанцев, таджиков, многие учились у него. Поэтому я кратко скажу, что все, кто тогда состоялся, все кто сейчас более-менее думает о народе - это все птенцы Олжасова гнезда. Да здравствует наш пернатый отец! Огромное Вам спасибо!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

заслуженного деятеля искусств Казахстана, академика Академии художеств Казахстана

Аканаева Аамандоса Атибековича

Я хотел бы от Президиума Академии Художеств поблагодарить Галымкаира Мутановича за организацию выставки, посвященной Вашему, Олжас Омарович, творчеству и юбилею. Выставка размещена в библиотеке аль-Фараби, в Керемете (ЦОС). Это все организовал уважаемый ректор, мы работали над ней целый месяц. Вы ее сами открывали, Олжас Омарович. Теперь хочу еще подарить Вам портрет Шамхат из «Глиняной книги» (аплодисменты).

Вы знаете, Олжас Омарович, первый вариант у Вас, это уже седьмой вариант. Если Вы скажете, что она не похожа, то я готов еще продолжать писать. Теперь эта картина в соавторстве с Вами, потому что здесь написаны Ваши стихи, отрывок из «Глиняной книги». Сегодня меня опередил Валерий Михайлов, он процитировал Ваши стихи про яблоню и про ширину ладони. Я здесь тоже попытался процитировать Ваши стихи, запечатлев их на холсте.

Я хочу всех присутствующих поздравить всех нас с этим знаменательным днем: Академия художеств РК награждает дипломом «Таранды Великого Эля» и памятным знаком Академии Художеств РК за выдающийся вклад в дело развития культуры, изобразительного искусства, музыки, литературы, архитектуры, поэзии, археологии, тюркологии и дизайна Сулейменова Олжаса Омаровича, великого поэта, ученого, лингвиста, историка, выдающегося гражданина Планеты, академика Академии художеств РК.

А самое главное, что я хочу сказать: Академия художеств РК провела во всех регионах Казахстана выставки художников страны, посвященные Вашему творчеству и юбилею и выпустила каталоги и буклеты. 24 Мая в 16.00 в Национальном музее г. Астаны и в Выставочном зале Государственного архива откроется выставка действительных членов Академии художеств РК, посвященная Вашему творчеству, участниками которой будут художники Центрального, Северного и Восточного Казахстана.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

поэта, публициста, общественного деятеля Казахстана
Сулейменова Олжаса Омаровича

Студенты слушают лекцию 45 минут. А мы с вами уже сидим два с половиной часа... Поэтому скажу кратко. Шамхат – героиня «Глиняной книги», вавилонская жрица любви, в которую влюбился хан Ишпака, когда захватил Ассирию в 7 веке до н.э. Я помню, как создавалась эта книга. В 1968 году меня пригласили в ЦК, Саттар Нурмашевич Имашев, был секретарем по идеологии, говорит: «Приближается столетие Ленина, нужна поэма о Ленине, такая, как «Земля, поклонись человеку!». За ту ты получил премию Ленинского комсомола, это молодежная премия. А за эту получишь взрослую ленинскую премию. Нужно написать, и мы опубликуем в «Правде» поэму». И я в самом деле взялся, писал, хочется же получить премию... (улыбается, в зале аплодисменты). И написал даже 400 строк, напечатали в «Правде». Но я в это время увлеченно работал над «Глиняной книгой» и закончил ее в 1969 году. Она вышла отдельным изданием. Меня опять пригласили в ЦК. Саттар Нурмашевич ходит взволнованно по кабинету и спрашивает:

- О ком мы просили тебя написать?
- Ну о Ленине. Да, было такое.
- А о ком написал?
- О любви хана к Шамхат.
- Шамхат – это вавилонская проститутка?
- Ну вроде этого. Она жрицей любви называлась там.
- Ленинскую премию?! Вавилонскую тебе премию!

Вот такая краткая формула Шамхат...

Я о каждом выступавшем мог бы сказать много добрых слов...

Но национальное самосознание – это такая сложная тема, вы сами понимаете... Она возникла у нас в самом начале XX века, а, может быть, в конце XIX века... Если почитать Абая, почитать Чокана Валиханова... Там это уже возникало и развивалось. Потом наши алаш-ординцы, великие мыслители, первые образованные казахи... Я хочу вспомнить сейчас Галыма Ахметова, писателя нашего, который всю жизнь собирал по фамилиям и именам сведения о них... Об этом нужно помнить... Помнить, что нужно сохранять авторитет, который имеет наш Казахстан благодаря тому авторитету, который заработал Нурсултан Абишевич Назарбаев в мире как миротворец, борец против ядерных испытаний и ядерных арсеналов...

И, завершая нашу встречу, хочу сказать бата: *«Еліміз аман болсын, еліміздің ішінде өзіміз аман болайық».*

Секция I
**ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ: ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПОЭТА
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ**

КОСМОС КУЛЬТУРЫ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Ананьева С.В.

*Институт литературы и искусства
им. М.О.Ауэзова МОН РК,
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье «Космос культуры Олжаса Сулейменова» основное внимание уделяется современному прочтению книги «АЗ и Я», раскрытию ее актуальности в XXI веке. Славяно-тюркский дуализм, культурное взаимодействие между народами обуславливают важность и своевременность новой дисциплины языкознания – тюркославистики, без которой «существующая наука лингвистика еще не стала в филологии основополагающей» (О. Сулейменов). Слово – основной свидетель доисторического прошлого. Оно – ядро в космосе культуры, символ бесконечного лингвистического творчества. По-новому «прочитывают» стихотворения и поэмы, книги и научные труды О. Сулейменова критики, издатели и литературоведы Беларуси, Германии и США, выявляя новые пласты знания, проводя параллели с предшественниками казахского поэта в литературе и науке, встраивая его исследования в широкий научный контекст.

Ключевые слова: стиль, автор, этническое самосознание, поэтика, словарь

Поэт с мировым именем, известный общественный и политический деятель, писатель-литературовед, дипломат, постоянный Представитель Республики Казахстан при ЮНЕСКО О. Сулейменов всемерно способствует выстраиванию мостов сотрудничества и взаимопонимания между национальными культурами и литературами разных регионов мира, ярко представляя современную казахскую литературу в контексте мировой.

Встречи с поэтом собирают огромные залы почитателей его таланта в Нью-Йорке и Москве, Минске и Вашингтоне, Баку и Варшаве. Зарубежные критики и литературоведы глубоко и всесторонне раскрывают его поэтический мир, отличительные черты публицистики, характерные особенности стиля и поэтики. Поэт бережно и трепетно прочитывает – перечитывает книги, признаваясь в том, что по-прежнему интересно «провозиться всю ночь над строчкой, написанной несколько веков тому назад. И через годы открыть книгу на той же странице, отыскать ту строчку и понять, как изменился ты» [1, с.5].

Слово – ядро в космосе культуры. Двенадцатый номер за 2015 год журнал «Нева» (Санкт-Петербург) посвятил диалогу российской и казахстанской литератур. Раздел «Проза и поэзия» открывается произведением О. Сулейменова «Чем порадовать сердце?»: «История наша – несколько вспышек в ночной степи. У костров ты напета, на развалинах Семиречья, у коварной, обиженной Сырдарьи. Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку. ... Я молчу у одинокого белого валуна в пустынной тургайской степи. Как попал он сюда? Могила неизвестного батыра? Или след ледниковых эпох? Я стою у памятника Пушкину. Ночь новогодняя, с поэмкой. Я сын города, мне воевать со степью. Старики, я хочу знать, как гибли мои города» [2, с.3].

В серии «Созвучие сердец» Министерства информации Республики Беларусь издана книга «Не ведая границ» [3], объединяющая произведения 12-ти казахстанских и 10-ти белорусских авторов. «Язык отцов, язык тысячелетий» – первой строчкой стихотворения О. Сулейменова назван раздел, в который вошли произведения М.О. Ауэзова «Путь Абая» (отрывок), К. Исакова «Запах молока», А. Кекилбаева «Возвращение», О. Бокеева «Камчигер» и поэзия М. Макатаева, К. Мырзалиева, Н. Оразалина, Ф. Онгарсыновой, О. Сулейменова, В. Михайлова, Л. Шашковой и Н. Алпамысыкызы.

В Предисловии к казахско-белорусскому тому «Откуда мы пришли и куда путь свой вершим?..» директор издательского дома «Звезда» – главный редактор газеты «Звезда» А. Карлюкевич пишет о своем восприятии казахской литературы: «Космическое осмысление О. Сулейменовым Слова и «Слова о полку Игореве» дало один из главных уроков, научило быть читателем, но не соглашателем, научило еще больше любить свое, родное, но не за счет чужого, а во имя открытия чужого и бесконечного» [4, с.5]. Белорусский издатель и ученый-литературовед находит точные и образные слова, раскрывая в наших литературах этнокультурную идентичность и определяя выход в мировую литературу: «Постижение себя, утверждение себя – это и открытие мира».

А. Карлюкевич встраивает национальные литературы в мировой контекст: «Мир открытий без казахской литературы был бы гораздо меньше. И когда в Беларуси, России, других краях и всях кто-то выберется в новую дорогу, в его дорожной котомке, в арсенале его духовного оружия непременно займут достойное место произведения писателей Казахстана» [4, с.6]. Неподобность белорусской и литератур Казахстана способствует не только интересу друг к другу, но и позволяет ярко показать взаимное видение народов через литературу, ведь «каждый народ осознанно, полусознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о других» [5, с.5].

Мир представлений о тюрках, славянах, половцах, кипчаках донес до нас памятник древнерусской литературы «Слово о Полку Игореве». О. Сулейменов глубоко убежден в том, что «не поняв значения исторического космоса «Слова», невозможно правильно прочесть поэму» [1, с.111]. Более того: «Стиху учит «Слово». Годами вчитываясь в него, получаешь поэтическое образование. Живой учебник русского языка и поэтики, в котором зачастую правила обнаруживаешь и формулируешь сам, а исключения возвышаются над унылыми закономерностями. Поэзия не есть самовыражение грамматики, но грамматическое чутье позволяет порой понять поэзию» [1, с.32].

Язык сохраняет летопись мира. Слово и литература обитают в пространстве, обжитом твоим знанием, воспитывают в тебе читателя. И в этом искренне уверен поэт, как и в том, что «в среде, насыщенной поэзией тюркской речи», творил неизвестный автор «Слова о полку Игореве»: «Он, сын своего времени и сословия, свободно и естественно употреблял в тексте не только невидимые уже тюркизмы, но и живые тюркские термины и лексические формулы, не боясь быть непонятым своим читателем. Он рассчитывал на двуязычного читателя XII века» [1, с.213].

Высоко ценит «АЗ и Я» издатель, переводчик, прозаик и критик из Германии Леонард Кошут: «Как тюркоязычный автор, с детства знающий два языка, О. Сулейменов приводит новые, ставшие предметом спора доказательства исторической достоверности литературной хроники, он делает ошеломляющие филологические открытия (или строит располагающие к себе, но спорные гипотезы). На основе этих исследований выстраивает новую картину отношений между половцами (исчезнувшим тюркским народом) и восточными славянами (киевскими славянами), потерпевшими поражение во время похода на степь. Во второй части книги поэт срывает темный ярлык отсутствия исторических сведений с культуры кочевых обитателей степи – скифов. Этому послужили результаты исследования шумерско-тюркских контактов, сравнительных филологических и культурно-исторических обобщений (на материале не только обширной источниковедческой литературы, но и археологических раскопок). Книга написана убедительно и поэтически вдохновенно» [6, с.8].

Автор книги «АЗ и Я» пишет о важности природных связей культуры, животворящего космоса. В XIII-XIV-XV веках предельно обострилась духовная оппозиция Русь – Поле: «Культурные контакты, ведущие к взаимопроникновению, приобретают характер эпизодический» [1, с.218]. Российские историки изымают из обращения подлинные факты, заменяя их своим изложением. Татищев «рубил головы словами. А легко ли это? Рубанешь со злобой, думая – чужое, а оно, корявое, раскосое вдруг закричит по-русски – мама!.. Погладишь по льняной головке свое, исконное из конца в конец, а оно растает от нежности, прильнет к своему слуху и лепечет, волнуясь, что-то гортанное...» [1, с.219].

Л. Кошут – не только вдумчивый исследователь творчества О. Сулейменова, он включает в свою статью сведения и о том, кто и когда переводил на немецкий язык классиков и современных писателей Казахстана. О. Сулейменов продолжает завет своих предшественников: «Не только путем серьезного изучения действительности, но и через различные формы поэзии О. Сулейменов заставляет нас войти в новые географические, исторические, национальные, мировоззренческие просторы и познать наш общий, большой мир, составной частью которого мы являемся» [6, с.14].

Удивительное, остросовременное исследование О. Сулейменова «АЗ и Я» наполняется новым смыслом в XXI веке, открывает заново свои страницы читателям нового тысячелетия и будущим увлеченным исследователям. Оно о лексике и поэтике памятника древнерусской литературы, о языковом, стилистическом эклектизме, о том, что лексема из южно-русского диалекта XII века уже непонятна в веке XIV-ом и – тем более требует взвешенного научного подхода современных ученых. Почему обида половецкая машет лебедиными крыльями? О. Сулейменов уверен в том, что автор «Слова...» знал один из тюркских языков. Именно тюркские включения придают литературному памятнику особый колорит.

Прочитывать книгу как культурный манифест, в котором сознательно стерты различия между поэзией, историографией и лингвистикой, предлагает профессор Университета Калифорнии (UC Berkeley), специалист в области сравнительного литературоведения и сравнительной поэтики Харша Рам. Мастерски применяя поэтические метафоры и политические аллегории, автор «АЗ и Я», по

мнению американского ученого, предлагает возродить идеал культурного взаимодействия, процветавший в далеком прошлом Евразии. «Жанр, который предпочитает О. Сулейменов, в действительности экстралитературный: журналистское эссе в богатых традициях русской публицистики. Неудивительно, что книга «АЗ и Я», которая принесла О. Сулейменову большую известность, является его самым радикальным экспериментом в области жанра» [7, с.14].

Харша Рам, прочитывая «АЗ и Я» интертекстуально, рассматривает взгляды О. Сулейменова в контексте идей его предшественников – Н.Я. Марра и В. Хлебникова, которые «пытались пересмотреть отношения между языком и историей с точки зрения границ Евразии». Современный компаративист пишет не только об изучении О. Сулейменовым памятника древнерусской письменности, он выстраивает логическую преемственность его трудов: «Глиняная книга» объединяет эпический, исторический размах с игривым пародийным ниспровержением формы типичной модернистской поэзии. Многозначительным образом книга сама основана на том, что один критик назвал «филологической мистификацией», вымыслом, вновь обнаруженной эпической поэмой Центральной Азии. «Глиняная книга» проясняет, что является основой «АЗ и Я». Являются ли они, в таком случае, в равной степени литературной мистификацией? Книга О. Сулейменова «Язык письма» говорит о противоположном. «Язык письма» ориентирован на науку символов» [7, с.59]. Казахский поэт объединил лингвистику Марра и поэтику Хлебникова. «АЗ и Я» Харша Рам предлагает «назвать вербальной проекцией топонима, пространства, созидательного принципа, местом встречи народов, жанров и дисциплин, где Евразия представляется как поэтика языка и истории» [7, с.67].

Писатели восстанавливают «летопись Мира и Любви, чтобы от многообразия лживых вер человечество когда-нибудь пришло к единству сознания» [1, с.220]. Летопись Мира и Любви, автором которой стал О. Сулейменов, «прочитывают» исследователи разных стран мира.

Наибольший резонанс творчество О. Сулейменова получило во Франции в рецензиях и статьях Лили Дени, Анн Филип, Леона Робеля, Пьера Гамарра, Лионеля Рей, Алена Боске, Кристиан Муз, Франсуа Сальвэна, Фредерик Диа, Реми Дора, Бернара Шамбаза, Альбера Фишлера. Поэтическое слово О. Сулейменова является связующим звеном для человечества. Исследователей привлекают широта его научных и литературных интересов, уникальное космическое видение современных проблем культуры и общества.

На примере многогранного творчества масштабной фигуры великого поэта и человека О. Сулейменова белорусский исследователь А. Андреев ведет разговор о роли литературного наследия в развитии международных отношений: «Ему удалось стать тем, выше чего человеку стать невозможно – легендой. А легенда – это всегда символ определенного отношения к миру. Мы говорим Олжас Сулейменов – подразумеваем нерушимую связь Человек – Земля – Вселенная. Мне очень близко планетарное мироощущение, которое свойственно, как мне кажется, азиатскому, в частности, казахскому, менталитету. Не искусственное, вызванное неуверенностью и страхом противопоставление незащитного человека чужеродному, пугающему своей безмерностью космосу, а ощущение человека как органической составляющей космоса – вот, мне кажется, конструктивное мироощущение, и даже перспективная идеология нашей эпохи» [8, с.17].

2016 год – юбилейный для Олжаса Омаровича. Но это и год 55-летия полета первого человека в космос!

Путь земной – продолженье пути

До сегодняшних ярких звезд...

«Земля, поклонись человеку!» (широко, планетарно известная строка О. Сулейменова) – «это ведь программное заявление, смысл которого в том, что отныне человек переходит с планетой и – шире – с Солнечной системой на ты; более того, лозунг-заявление актуализирует фантастическую в прямом и переносном смысле утопию: ПРОСТРАНСТВО и само ВРЕМЯ дружественны человеку, если человек дружен с самим собой. Слова «Земля, поклонись человеку!» сегодня хочется трактовать не как клич завоевателя и покорителя, и не как глас вопиющего в космической пустыне – а как призыв вступить в диалог с миром, со Вселенной» [8, с.17].

Определяя место О. Сулейменова в мировом литературном пространстве, ученые Германии, Монголии, Республики Корея и Польши акцентируют внимание особо на великолепном знании писателем-интеллектуалом мировой культуры. Нью-Йоркский университет (New York University) включил поэта из Казахстана в число 22-х выдающихся мыслителей мира.

В Монголии издана книга О. Сулейменова «Аргамак» с Предисловием поэта, драматурга, переводчика Жагдалына Лхагвы. Профессионально о восприятии произведений казахского поэта пишут профессор Варшавского университета, теоретик и критик литературы Евгениуш Чаплевич и поэт, эссеист, переводчик с корейского языка Ким Бён Хак. Они раскрывает метафоры, мотивы, ассоциации поэтического творчества О. Сулейменова, космическое видение культурных процессов,

восприятие истории через Слово, анализируют высокий и сложный слог поэта, его философские воззрения, фольклорные образы и мотивы.

Автор книги «Зеленая пустыня: Жизнь и поэзия Олжаса Сулейменова» директор программы МДП проекта Колумбийского университета и КазНУ им. аль-Фараби Р. Абазов, определяя место О. Сулейменова в евразийском и мировом литературном пространстве, анализирует великолепное знание писателем-интеллектуалом национальной, региональной и мировой культуры, характеризует поэта как «великого писателя, тонко подмечающего детали, любящего жизнь, имеющего свой характерный и совершенно локализованный стиль письма» [9, с.68]. В этом видит современный исследователь сходство с Э. Хемингуэем. Они много путешествовали по миру. Писатель-интеллектуал и любитель приключений О. Сулейменов, как и Хемингуэй, верит «в гуманистическую натуру общества и человека, в его возможность изменить мир вокруг себя... Он стремится передать внешнему миру свои глубокие знания казахской кочевой культуры» [9, с.70]. Он - один из тех, кто одновременно ценит и память, и совесть:

Я так и поступал, клянусь, дорога.

Не всем, кто ждал, помог,

ведь я не бог.

Что в силах одинокого поэта?

На все вопросы не нашел ответа,

но людям я не лгал,

хотя и мог...

Формула пути любого этноса, по мнению поэта, из прошлого в будущее – от веков зависимости через период независимости к эпохе осознанной взаимозависимости. Главный редактор журнала «Вопросы литературы» И. Шайтанов размышляет в том же ключе: «Если бы современные политики не относились с таким пренебрежением к гуманитарному знанию, то те, кто занимаются компаративистикой, то есть сопоставительным изучением культур, им сказали бы, что один из главных законов культурного развития был сформулирован Александром Веселовским как *встречное течение*: нельзя понравившуюся идею или форму жизни пересадить на собственную почву. Невозможно привить идею свободы там, где не укоренилась идея ответственности» [11, с.12].

Историческое прошлое казахской нации не может изучаться только историографическим методом, который придерживается современных принципов государства и государственных границ. История степных кочевников должна быть пересмотрена, по мнению О. Сулейменова, через изучение вербальных следов, оставленных их потомками в литературных памятниках соседних оседлых народов.

Мы уходим на поиски

древних знаков,

повстречаем их

на дорогах разных...

О. Сулейменов постоянно переосмысливает природу и широту культурного взаимодействия между славянскими и тюркскими народами. Отсюда – актуальность новой дисциплины языкознания – тюркославистики, без которой «существующая наука лингвистика еще не стала в филологии основополагающей». Как возникает Слово? Об этом размышляет в своих книгах-исследованиях О. Сулейменов, ибо уверен, что каждое слово и жест имеют свой код секретности: «У слова устного есть, пока не оцененные наукой, преимущества перед письменным документом. Оно не сгорит, не отсыреет. Его нельзя отредактировать, переписать в угоду Храму и Дворцу. Оно не стареет. Этнос может сойти с исторической арены, исчезнуть. Но слова его сохраняются в других языках...» [10, с.7].

Поэт призывает научиться читать слово и придавать ему особое значение как основному свидетельству доисторического прошлого. Книга об истории слова, напрямую связанного с письменностью – «Язык письма» О. Сулейменова издана в Италии, где и была написана 17 лет назад. Будучи Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в Италии, О. Сулейменов увлекся историей народов, населявших полуостров в древности. Самый главный вопрос книги: что появилось раньше, слово или символ. Хотя еще в 1968 году Лили Дени писала о поэзии О. Сулейменова во французской прессе: «Я прочла то, что является одновременно прошлым и будущим. Слова о корнях...»

2006 год по предложению Казахстана, озвученного О. Сулейменовым на 32-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, был провозглашен Международным годом планетарного сознания и этики диалога между народами. Планетарное сознание, по глубочайшему убеждению О.

Сулейменова, является высшей формой национального сознания. Поэт, дипломат уверен и в том, что диалог цивилизаций станет гораздо содержательнее, когда Восток и Запад осознают свою взаимозависимость. Мир хрупок и уникален, и его надо беречь:

*Мир,
Земля,
Шар земной –
Сочетание слов,
Сочетанье народов.*

Поэзия О. Сулейменова продолжает покорять страны и континенты. В две новые, впервые изданные на английском языке антологии казахской литературы «The Stories of the Great Steppe» (2013) и «Summer Evening, Prairie Night, Land of Golden Wheat. The Outside World in Kazakh Literature» (2015) включены поэма О. Сулейменова «Земля, поклонись человеку» и стихотворения «Трава», «Песня над песком».

Лауреат Государственной премии Республики Беларусь М. Метлицкий посвятил казахскому поэту стихотворение «Олжас Сулейменов в Минске»:

*Імкне жыццё... Замнога пераменау.
Нібы на ускраі бездані жывеш.
Гаворыць з залай слынны Сулейменау –
У кожную душу удыхае верш.*

*За ім – абсягі стэпау Казахстана,
Прад ім – імкліва спешны час цячэ.
Чытае верш – бы шар зямны, што у ранах,
Трымае цёпла на сваёй руцэ.*

Великое прошлое всех народов хранится в их словарях. «Новая этимология повысит уважение людей к родным языкам», – верит О. Сулейменов. И видит свою скромную роль, помня о профессии геолога, поисковика, в том, чтобы «пройти с молоточком по горам и степям, найти выходы полезных ископаемых на поверхность, отколоть образцы и в камералке подвергнуть их первым анализам. Потом на указанное место придут геологи-разведчики. Они определяют объем залежи. Считаю, что какая-то важная часть поисковых работ мной завершена. Теперь надо привлечь читателей, любящих химию слова, для совместной работы над универсальным (то есть полинациональным) этимологическим словарем. Новая этимология может стать главным поставщиком исторической информации» [10, с.7].

Представителями мировой культуры – в своей и своей – в мировой называет казахских русскоязычных поэтов и писателей О. Сулейменов. И сам высоко несет по жизни это звание, даря читателям и почитателям своего таланта космос своей культуры, поэтического слова и всеобъемлющего знания.

Литература:

- 1 Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя (печатается по изданию 1975 г.). – Алматы: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2011. – 364 с.
- 2 Сулейменов О. Чем порадовать сердце? // Нева. – 2015. – №12. – С.3-4
- 3 Не ведая границ / Сост. А. Бадак. – Минск: Издательский дом «Звезда», 2013. – 256 с.
- 4 Карлюкевич А. «Откуда мы пришли и куда путь свой вершим?..» // Не ведая границ / Сост. А. Бадак. – Минск: Издательский дом «Звезда», 2013. – С.4-6.
- 5 Топоров В.Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания // Славяне и их соседи. Сборник тезисов. – М., 1990. – С.5-12.
- 6 Кошут Л. Возвысить степь, не унижая горы // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.6-16.
- 7 Харша Рам. Представляя Евразию: поэтика и идеология произведения О. Сулейменова «АЗ и Я» // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.45-67.
- 8 Андреев А. В диалоге со Вселенной // Белая вежа. – 2015. – №9. – С.17-19.
- 9 Абазов Р. Сулейменов и его место в современной казахской литературе // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.68-83.
- 10 Сулейменов О. От автора // Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы: ОФ Литературный Альянс, 2013. – С.5-7.
- 11.Шайтанов И. Можем ли мы договориться // Вопросы литературы. - 2014. - №3 – С.9-15.

МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ ПОЭТА (ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА)

Сагындыкова Н.Ж.

*Институт востоковедения НАН РК
Казахстан, Алматы*

О ярком многогранном творчестве выдающегося казахского поэта написаны сотни статей и научных трудов, защищено множество студенческих дипломных работ, магистерских и докторских диссертаций не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. География популярности замечательного поэта, выдающегося ученого, достойнейшего дипломата, патриота-борца за истину, общественного деятеля вселенского масштаба Олжаса Омаровича Сулейменова поистине необъятна. Какие только проблемы не затрагивались и не рассматривались в этих работах, как и в самих произведениях поэта. Подвергались научно-критическому анализу его поэтические сборники, отдельные поэмы, стихотворения: в аспекте стиховедения изучались система тропов, стихотворных размеров, архитектоника и мелодика его стихов, структурно-строфическое композиционное строение и т.д.

С точки зрения билингвизма рассматривалось эстетическое освоение национальных образов, событий древней истории и культуры, восприятие элементов традиций и быта, проводилась и классификация антропонимических единиц и т.п. Почти все труды обильно иллюстрированы прекрасными стихами поэта, словом, исследовано почти все. Правда, отдельные рецензии, статьи и отзывы раннего периода носили несколько предвзятый характер, особенно в освещении некоторых московских авторов, но и в них объективно отмечались самобытность, оригинальность и высокая экспрессивность произведений поэта. Имена исследователей, рецензентов и оппонентов перечислять долго, поэтому назову лишь некоторых: Борис Слуцкий, Леонид Мартынов, А.Вознесенский, Л.Аннинский, В.Кульчицкий, С.Марков, Р.Рождественский, Р.Казакова, М.Каноат и другие. Казахских авторов еще больше: М.Каратаев, Х.Махмудов, А.Жовтис, Н.Ровенский, Р.Тамарина, М.Ауэзов, С.Куттыкадам, Сафар Абдулло, Б.Канапьянов, Д.Накипов, К.Бузаубагарова и многие другие.

Здесь следует сказать, что настоящую бурю эмоций вызвало научное исследование поэта - книга «Аз и Я», доставив автору и его почитателям много страданий и горьких минут. В данном случае уместно обратиться к воспоминаниям известного казахстанского журналиста и писателя Геннадия Толмачева. Его статья «Буря над книгой» написана в 1975 г., но опубликована она была гораздо позже, вот что он пишет: «Хотелось бы напомнить читателям: два с половиной века, от Мусина-Пушкина до нынешних корифеев-академиков скрупулезно изучается текст, строки, буквы «Слова о полку Игореве. Исписаны миллионы страниц, по-разному читаются темные и спорные словосочетания уникального памятника. Теперь представьте: в этот многоголосый хор неожиданно-негаданно врывается Олжас Сулейменов и, не будучи ни кандидатом, ни доктором наук, претендует на роль солиста. Почти ужас обуял именитых филологов: дилетант из Казахстана посягнул на Слово... Яростно-критическая кампания, начатая литературными журналами (Г.Толмачев имеет ввиду журналы «Звезда», «Нева», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Литературное обозрение», «Литературная учеба») продолжалась в стенах АН СССР (имеются ввиду научные издания, это «Вестники», «Известия» и «Вопросы» Института мировой литературы им. Горького, Института языкознания им. В.В.Виноградова, Института истории им. Миклухо-Маклая), а на академическом заседании, посвященном обсуждению научного труда «Аз и Я» Олжаса Сулейменова в течение пяти часов ученые изошрались, сменяя друг друга, подбирая вместо доводов и аргументов самые уничижительные эпитеты.

Попытка здравомыслящих оппонентов увидеть рациональное зерно в работе молодого исследователя пресекалась на корню, утопая в шуме и гаме присутствующих». Затем он продолжает: «Мы не знали тогда и не могли знать, какие усилия прилагал Динмухаммед Ахмедович Кунаев, чтобы вывести Олжаса из-под удара ЦК КПСС... проще говоря, партийные «оплеухи» надлежало получить не в Москве, а на месте в Алма-Ате». Также Г.Толмачев вспоминает: «Бог мой, как земля и небо различались заседания в Москве и Алма-Ате. Разговор велся без регламента, доброжелательно, ни разу на бюро, не прозвучали оскорбительные эпитеты или голословные выпады. И, безусловно, в постановление ЦК Компартии Казахстана вынуждены были включить формулировки московских идеологов. Так, например: «По заключению ведущих советских ученых, в книге «Аз и Я» с внеклассовых, ненаучных позиций рассматриваются некоторые историко-филологические проблемы, вопросы взаимосвязей народов в истории мировой культуры... Контакты между славянами и

тюрками в период Киевской Руси, история взаимоотношений тюркских племен с другими сопредельными народами рассматриваются односторонне и с крайне объективистских (Толмачев поправляет, наверное, хотели сказать субъективистских) позиций». Также сказано, каким образом были наказаны автор, и те, кто был причастен к изданию книги «Аз и Я», по всей вертикали, начиная с Комитета печати Казахстана и до самых низов.

После этих крепких «оплеух», по выражению автора цитируемой статьи, они обменялись впечатлениями. Вот как сказано у Г.Толмачева: «Я сказал Олжасу: с должностью главного редактора газеты «Огни Алатау» мне придется распрощаться. – Не придется, - убежденно сказал Олжас. - А придет время, и ты будешь гордиться своим «строгачом». Свою статью Геннадий Толмачев завершает словами: «Время пришло, и я горжусь». Приведенный краткий диалог еще раз отлично демонстрирует дарованную свыше интуицию, прозорливость поэта, его твердое, непоколебимое убеждение в правоте и безошибочности своих научных исследований, потому что его подвигли на такой титанический, многолетний и, по тем временам, опасный труд, великая любовь к своему народу, глубокое чувство патриотизма, сильная вера в предков.

В выше прокомментированной статье автор называет еще два факта: один трагический, другой – интересный и забавный: первый – по указанию главного идеолога ЦК КПСС М.Сулова было приказано изъять из всех библиотек и сжечь книгу «Аз и Я», второй - в архиве Г.Толмачева сохранилось неподражаемое объявление, сорванное им в Баку: «Меняю автомобиль «Москвич» на книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Не это ли доказательство тому, что духовный интерес людей в СССР к этому исследованию был очень высок, народная молва иногда распространяется быстрее чиновных постановлений. Многие знают, что было бы гораздо труднее, если бы определенному шквалу возмущенных ученых, писателей и партийных чиновников из центра не противостоял, светлой памяти, Динмухаммед Ахмедович Кунаев, тогда первый секретарь ЦК Компартии Казахстана.

Многие из присутствующих в этом зале могут сказать, что более полувека знают Олжаса Сулейменова и являются свидетелями его поступков, деяний, с упоением и восторгом читают его стихи, смотрят его выступления и встречи по телевидению, слушают по радио, читают во всевозможных печатных изданиях различного характера статьи, рецензии, отзывы иногда с благодарностью и удовлетворением, иногда с гневным возмущением, из-за несправедливых выпадов, словом, переживают все человеческие реакции, когда речь идет об их любимом поэте.

И сегодня, по истечении такого огромного времени мы можем сказать: Олжас Сулейменов – гордость народа, честь, совесть и достояние его. Он является организатором, вдохновителем и предводителем своего народа, потребовавшего закрытие Семипалатинского смертоносного ядерного полигона, оторый учинял геноцид в Казахстане. Благодаря его могучей силе духа, всенародной любви к нему состоялось это вселенской значимости событие, о нем известно всему миру, потому что это подвиг поэта, благодаря которому создано Международное антиядерное движение «Невада-Семей». В свое время Мурат Ауэзов писал: «Гражданственность, патриотический пафос, активное отношение к миру больших событий, философское осмысление детали и факта – характерные черты его поэзии отмеченной той степенью духовной зрелости, которая позволяет поэту увидеть в воссозданной картине мира родство идеала национальной культуры с идеалами общечеловеческой». Говоря о национальной культуре, следует отметить трогательное отношение Олжаса Сулейменова к знаковым личностям своего народа: это его любимый поэт Махамбет - герой и предводитель народа, которому он с болью в сердце и посвящает стихи: «Молитва батыра Махамбета перед казнью», «Махамбету», «Последние мысли Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны». Обратим внимание на следующие строки:

«Эх, если бы сказали мне:

«Великий,/ прости людей, уже пора - простить,/ мир будет счастлив/от твоей улыбки!»

Тогда бы я старался не грустить.

Сказали бы смущенные мужчины:/Моря полны водой, пока Урал/ не высохнет.

Пока ты жив, мы – живы...»/ Тогда бы я, клянусь, не умирал.

Эти глубокомысленные сентенции призывают людей бережно относиться друг к другу, будят человеческое сознание, призывают смотреть на мир шире, мудрее, великодушнее. Из истории мы знаем, какая участь постигла Махамбета, горячо любившего свой народ. «Мой Чокан» называется другая статья поэта, посвященная Валиханову, где с большой любовью он говорит о гениальном сыне своего народа. С огромным уважением пишет поэт о Мухтаре Омархановиче Ауэзове, восхищаясь его гением, высокой культурой, мужественным самообладанием и отеческим желанием помочь молодым, он мудро возвращал будущее своего народа.

Позвольте мне, совершить небольшой экскурс в прошлое, в шестидесятые годы. Полет Юрия Гагарина в космос, который вдохновил Олжаса Сулейменова создать поэму «Земля, поклонись

Человеку!». Она покорила сердца людей всей планеты, потому что истинное и искреннее восхищение поэта отразилось в душе каждого человека. По радио и телевидению звучали в исполнении самого поэта его стихи. Отмечу, что я еще не слышала ни одного исполнителя, кто мог бы прочесть стихи Олжаса Сулейменова, лучше, чем он сам. Будучи студентами филологического факультета КазГУ им.С.М.Кирова (теперь он носит имя Аль-Фараби) мы толпами бегали на все поэтические встречи со своим поэтом-кумиром. Среди нас, студентов-филологов, были и стихотворцы, сочинявшие свои юношеские подражания Олжасу Сулейменову. Это были интересные, насыщенные возвышенной духовностью, прекрасные юношеские годы моих современников. Мы, студенты-филологи, почти все имели поэму «Земля, поклонись Человеку», «Аргмаки», «Ночь-парижанка», «Солнечные ночи», «Доброе время восхода». Можете спросить, как вы, студенты, могли иметь все издания, секрет прост: наши преподаватели были также увлечены творчеством Олжаса Сулейменова, они-то знали, где и когда будет издан следующий сборник, наши проворные журналисты тоже были информированы, они постоянно бывали в издательствах, проходили практику или просто так окунались в свою будущую профессию.

В те годы журналистика была отделением филологического факультета, некоторые лекции были объединенными, поэтому мы тесно общались и дружили с нашими будущими прессменами и публицистами. Это они осведомляли нас, когда первые экземпляры новых республиканских изданий поступят в книжный киоск Союза писателей Казахстана, а он находился почти рядом с нашим учебным корпусом на улице Кирова, 136 (сейчас это ул. Богенбай батыра, 136). Теперь это здание Казахской национальной академии искусств им. Т.Жургенова. Как только узнавали о поступлениях, мы стрелой мчались в Союз писателей и становились первыми счастливыми обладателями заветных поэтических томов, еще пахнущих типографской краской. И позднее, после окончания КазГУ им. С.М.Кирова, мы, уже профессиональные филологи и журналисты, не забывали захаживать в давно знакомый волшебный киоск при Союзе писателей Казахстана, где с удовольствием приобретали «Глиняную книгу», «Трансформацию огня», «Определение берега», «От января до апреля», а также оригинальные издания других популярных казахских поэтов и писателей.

К сожалению, новому поколению и их времени не знакомы наши устремления и взгляды, возможно, им чужды мировосприятие и мироощущение того периода. Это было время высокой духовной культуры, когда книга являлась достоянием семьи и люди гордились не коттеджами и модными машинами, а многотомными подписными изданиями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С.Тургенева, А.П. Чехова, Ф. Достоевского, старинными книжными раритетами, а писатели и ученые были самыми уважаемыми людьми в обществе. Академики К.И. Сатпаев, А.Х. Маргулан, А.Б. Бектуров, М. Сокольский, Ж.С. Ержанов, М. Каратаев и др. казались студентам и аспирантам, держащим науку, необычайными людьми, а теперь прежней Академии наук нет, ее здание превратили в музей, зато развелось великое множество всяческих академий, единственно не открытой осталась академия дворников...

Сегодня всем заправляет господин рынок, отчетливо проявляя деградацию и дефицит моральных и духовных ценностей, способствуя девальвации гуманности. Это маленькое отступление от основной темы, я позволила себе, чтобы Олжас Омарович знал современное состояние науки в Казахстане. Он - выдающийся ученый, исследовавший глубинные пласты истории, касающиеся корней его народа, проливающие свет на незаслуженно забытые древние исторические, археологические, этнографические, социальные факты и источники, поэтому прекрасно знает, что такое наука. Сам он говорил так: «Общение с прошлым мускулирует мозг национальной культуры – теперь мы можем говорить об этом, исходя из собственного опыта, и готовить его к более точному и глубокому пониманию современной действительности».

Возлагая большие надежды на казахстанскую науку, в начале семидесятых годов, поэт писал: «Мы хотим завтра гордиться нашей академией, блестящими научными подвигами потомков Аль-Фараби и Чокана Валиханова, как гордимся мы сегодня славными именами земледельцев, сталеваров, нефтяников, строителей, знатоков своего дела, людей подлинного творческого труда» (Комсомольская правда, 3 апреля 1974г.). Это желание и сегодня пока остается мечтой, но надеемся, что ученики Олжаса Омаровича пополнят ряды настоящих талантливых ученых, и страна будет гордиться ими.

Призывные стихи поэта пропитаны сильным чувством патриотизма, которое не кричит, не бросается в глаза, не режет слух, а, как свойственно поэту, глубоко и тонко подводит читателя к осмыслению и осознанию действительности прошлого и настоящего. В свое время в статье «Тайнопись стиха» известный филолог М. Лапшин отмечал: «Историческая поэзия в своих высших достижениях всегда является кристально чистой и пластичной, до скульптурности выразительной. Лучшие стихи Олжаса Сулейменова доказывают эту всеобщую поэтическую формулу». Мы

абсолютно согласны с автором статьи, действительно, думы об истории и культуре родного народа никогда не оставляли поэта-патриота, тесно переплетаясь с его поэтическим вдохновением, его талантливые творения всегда проникали в сердца и души людей, неся с собой мысль, заданную автором, побуждая читателя к размышлениям, осознаниям и благим деяниям, поэтому неизбывна к нему народная любовь.

Приведу небольшой пример:

Домбра прославит бедную/ Страну.../спарю/ жилы ворона и лебедя/ на саксаулине/и так рвану,-
/что контрабасы застыдятся/лепета/И скрипка вспыхнет - как она грубит!..

Возникают вопросы: почему бедная страна, и каким образом домбра прославит ее? Эти строки мне, читателю, навеяли такие мысли: да, бедная моя страна, потерявшая в годы голощекинского голодомора более двух трети населения, во время сталинских кровавых репрессий был вырезан и убит весь цвет национальной интеллигенции и трудового народа. В те тяжкие годы оставалась не убитой лишь наша домбра - вечная спутница казаха, символ самого народа, его талисман. Сделать струны из жил ворона и лебедя и рвануть на саксаулине - тоже глубочайшая пронзительная метафора, заключающая в себе антитезу. В этих строках, на мой взгляд, обозначены образы лишений, нищеты, глубокая душевная боль за свой бедный народ и вместе с тем гордая уверенность лирического героя в будущем: контрабасы застыдятся своего лепета, скрипка вспыхнет от своей грубости. Возникает вопрос, а кто прячется за этими музыкальными инструментами? Можно дальше и более пространно рассуждать, анализируя стихотворение до конца, но у нас мало времени. В своем посвящении Олжасу Сулейменову, которое называется «Сотворенный из Огня», поэтесса Сауле Усенбекова сказала так: «Кочевник, наделенный властью Слова / В своих творениях непостижим как Бог».

Божественная поэзия Олжаса Сулейменова будит национальное самосознание людей, с любовью направляя на верный путь, пробуждает чувство глубокого патриотизма. При всем его интеллектуальном величии, энциклопедических знаниях он удивительно скромный, внимателен и чуток к окружающим. Известная всем его крылатая фраза «Возвысить степь, не унижая горы!», наверное, является его путеводной звездой. А свое жизненное кредо он выразил словами: «За свою жизнь я ни разу не предал друга, не солгал своей матери, никогда не лгал своему народу».

Задаешься вопросом, как формировалась личность поэта, в чем его уникальность, непоколебимая сила духа, гуманность самой высокой пробы? Думаю, ответ можно найти в его следующих словах: «Мое поколение написано плачем и пламенем, и черты его возвышены за пределы. Еще долго не будет тихо, и сердце звучит барабаном на площади справедливости. Мое поколение – щетина на рябом лице земли». Да, детство этого поколения начиналось совсем близко от безумного тридцать седьмого года, это поколение помнит страшные, кровопролитные военные годы, помнит плач матерей, вдов, детей и стариков. Какое образное меткое, щемящее душу сравнение. «Мое поколение - щетина на рябом лице земли». Лицо земли - рябое от взрывов мин, бомбежек, пулеметных очередей войны, пожаров и, конечно, такое поколение – особенное, и поэты этого поколения - сильные, смелые, и их поэзия источает пламя. Все это события железного, тяжелого и трудного XX века, который формировал и ковал характеры людей.

Олжасу Сулейменову принадлежат слова: «Два десятилетия (с шестидесятых до восьмидесятых) войдут в историю нашу как период возрождения многонациональной советской культуры... Поэтам моего поколения было дано счастье ощущения своей необходимости. На встречи с поэтами народ ходил, как на футбол... В многотысячных залах, в цехах и на полевых станах стихи отвечали на вопросы, коих в обществе накопилось больше, чем восклицательных знаков официальной пропаганды... Творчество поэтов заметно влияло на сознание страны, подготавливая перемены...». Пророческие слова, перемены наступили, и теперь главное - правильно жить и идти вперед, осознавая свободу личности и ее значимость на государственном уровне, чтобы страна могла гордиться этими личностями, и чтобы трудились они во благо народа, на процветание национального самосознания и высокой духовности.

Выше упоминалось, что ежегодно в вузах пишутся дипломные работы, это продолжается с начала шестидесятых годов. Даже на нашем курсе полвека назад была написана студенческая дипломная работа о поэзии О.Сулейменова, тему которой предложил наш учитель – профессор Александр Лазаревич Жовтис, талантливый ученый, стиховед с мировым именем, его научные труды тогда уже печатались в Америке. Если собрать все исследования, посвященные творчеству Олжаса Сулейменова, получится фундаментальный многотомный труд.

Однако мне не удалось до сих пор найти серьезные отзывы и научные работы об интерпретациях перевода произведений Олжаса Сулейменова на казахский язык, хотя произведения поэта давно переводятся на его родной язык. Первый переводной сборник стихов поэта вышел свет в 1972 году. Затем последовали «Атамекен», «Арғымақтар», «Аз и Я» в переводе С.Акатаева увидела свет в 1992

году . Следует отметить, что прозаический и научный переводы выполнены качественно, «Аз и Я» звучит на казахском языке почти адекватно, «Қыш кітап» («Глиняная книга») вышла в 2006 году в «Дайк-прессе», «Айналайын» с предисловием А.Егеубая и несколькими его переводами в «Әдебиет баспа үйі» в 2006 году. Избранные произведения Олжаса Сулейменова в двух томах в интерпретации Кадыра Мурзалиева опубликованы в 2005 году в издательстве «Жібек жолы», сборник избранных стихов «Сүмбіле жұлдызы» в 2011 году в издательстве «Олжас кітапханасы». Здесь перечислены не все казахские издания книг поэта.

Олжаса Сулейменова очень много переводили на казахский язык, среди переводчиков - наши именитые писатели, поэты, ученые Абиш Кекильбаев, Кадыр Мырзалиев, Аскар Сулейменов, Аскар Егеубаев, Улыкбек Есдаулетов, Советказы Акатаев, Азамат Таскара, Ерлан Жүніс, Алмат Исаділ и др. Скажу несколько слов о поэтических переводах на казахский язык. От их прочтения я не получила того эстетического удовольствия и радости, как от прочтения оригинала. Конечно, здесь не приходится сокрушаться по поводу того, что переводчики не поняли содержание оригинала, не осознали и не передали смысл произведения, не узнали лирического героя, поэтому получили неадекватные переводы. Проблема кроется в другом: на мой взгляд, русский силлабо-тонический стих почти невозможно передать казахским силлабическим размером, особенно это относится к высоко эмоциональной, глубоко экспрессивной, неординарной поэзии Олжаса Сулейменова. Вместе с тем, есть примеры прекрасно переведенных произведений русской поэзии на казахский язык, например, из А.С. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина и других.

На казахский язык довольно успешно транслируются стихи, написанные русским трехсложным размером: анапестом, амфибрахией, дактилем, либо пяти-шестишляпными ямбом, хореем. Они как-то переключаются с ритмикой, звучанием и монотонией казахского классического одиннадцатисложника и более позднего абаевского восьмисложника. Я перечитала несколько переводных поэтических сборников. Несомненно, переводчиками проделан огромный труд по осуществлению трансформации русских стихов поэта на казахский язык. Чувствуется, как старательно они работали над текстами оригинала, избирали, на их взгляд, правильные стихотворные размеры, неукоснительно соблюдая их на протяжении всего переложенного текста. Но, простите, того Олжаса Сулейменова, чье неповторимое, монолитное творчество мне хорошо знакомо с юности, к сожалению, не обнаружила. При сравнительно-сопоставительном прочтении заметно, что переводчики не всегда улавливают особо утонченное мировосприятие, присущее поэту, его интонации и отражение его эмоционального состояния в произведениях, не замечают метафоричности его поэтического языка.

Обратимся к примеру:

Известное стихотворение «Догони»- «Қыз қуу» перевел его на казахский язык Абиш Кекильбаев:

Догони меня, джигит,	Жетсейші қуып, жігітім,
Не жалей коня, джигит,	Жігітім, қуып жетсейші,
Если ты влюблен и ловок,	Жүректе өрттей үмітім,
Конь умрет, но добежит.	Жетсейші қуып, өпсейші.
Я люблю тебя, джигит,	Аяма, бас камшыны,
Догони же,	Аяп атты не керек?
Поцелуй ,	Салса жүрек бар шынын.
	Жетер еді\ау жебелеп.

Голос от стыда дрожит	Қалды қараң үзіліп,
Среди этих звонких струй...	Жетгі қуып сумаң жел

.....	
Злые люди ,/	Құрып кеткір қу халық,
Злые люди./ Вы обидели меня./	Құрып кеткір қу халық,
Дали смелому джигиту/	Құрып кеткір қу халық,
Дали сильному джигиту	Құрып кеткір қу халық,
И красивому джигиту/ Ишака./ А не коня!..	Құрып кеткір қу халық,
	Нағыз батыр жігітке,
	Нағыз батыл жігітке,
	Нағыз асыл жігітке
	Тұлпар деп тұғыр мінгізген.

Все знают процитированное выше стихотворение. Ритмика и экспрессия стихов оригинала удивительным образом отражают картину происходящих событий, состояние лирической героини, ее намерения, влюбленность, растерянность, досаду, стыдливость, обиду, ощущается стремительный бег

коня. Читатель сразу же оказывается в насыщенной атмосфере происходящего события. Каков же перевод на казахский язык? Внешние данные: по двадцать шесть строк в оригинале и переводе, количество слов в оригинале семьдесят семь, в переводе восемьдесят семь. Смысловое содержание почти идентично, но казахскоязычный читатель не сможет получить того эстетического наслаждения, какое получает читатель подлинника. В чем дело? На мой взгляд, в ритме, темпе, экспрессии. На русском языке призывное, страстное: «Догони меня, джигит, Не жалея коня джигит». На казахском: «Жетсейші қуып, жігітім. Жігітім қуып жетсейі» звучит как-то обыденно, просто и совсем не эмоционально. Происходящее событие и его накал почти не ощущается. Словом, исчезли эмоционально-экспрессивные моменты, как будто они испарились. Встречный ветер у переводчика слишком одушевлен и превращен чуть ли не в соперника джигита. Несколько слов о заключительных строках. В оригинале девушка говорит: «Злые люди, злые люди, Вы обидели меня». В переводе эти строки звучат чуть ли не проклятием, трижды говорится: «Қурып кеткір қу халық, Қурып кеткір қу халық, Қурып кеткір қу халық», в обратном переводе это звучит так: «Пропади ты пропадом, народ, Пропади ты пропадом, народ, Пропади ты пропадом, народ». Возможно, переводчик имел в виду словосочетание «халық жиналды - народ собрался», где подразумевается какое-то количество людей. Лирическая героиня - благовоспитанная, совестливая казахская девушка, вряд ли позволит себе такие грубости. Ради джигита, как бы он ей ни нравился, она не будет посылать проклятия своему народу, в данном случае людям, давшим джигиту вместо тулпара никчемную лошадь. Надо отметить, что в оригинале очень яркое выражение: «Ишака, а не коня!». Можно сказать, что данный перевод носит информативный, познавательный характер, адекватно передает сюжет и смысловое содержание оригинала, но казахи и баз перевода прекрасно знают национальную игру Қыз қуу.

Несколько слов скажу об интерпретации замечательного стихотворения «Армак»: его в разное время переводили А.Кекильбаев и К.Мырзалиев. Читать переводные стихи уже не позволяет регламент. Картина почти такая же, как и выше. Но здесь два переводчика. У Кекильбаева многословие, количество слов почти в два раза превышает объем слов оригинала. У Мырзалиева, напротив, количество слов меньше, чем в оригинале. Но это не улучшило интонационно-ритмическое состояние качества перевода. В подлиннике есть изумительные строки: «Дай молодого коня./ Жилы во мне играют./Я проскачу до края/ Город и степь/накрения». Сколько энергии и силы надо, чтобы накренилась степная земля вместе с городом под скачущим всадником. Другой чудесный образ: «Ветер раздувает/ пламя/В жаркой крови аргамака». К сожалению, оба переводчика оставили без внимания эти метафоры.

Выше упоминалось о различии систем стихосложения двух языков, здесь еще раз убедилась, что стихи, переведенные казахскими силлабическими размерами не всегда удачны, редко соответствуют ритму, интонации, экспрессии, мощи сулейменовского стиха. Искренне скажу вам, дорогие почитатели прекрасной поэзии Олжаса Сулейменова, что я впервые в своей жизни порадовалась тому, как казахи отлично знают русский язык, и до такой степени, что порой не могут говорить на родном казахском. В противном случае они бы много потеряли, не сумев прочесть оригинальные стихи поэта. Здесь приходят на память строки самого поэта из посвящения Махамбету:

... все правильно, все верно. Махамбет,
Какая радость, что я стал поэтом,
Иначе б я не знал,
что ты - поэт.

Сравнение, конечно, несколько ироничное, однако характер воздействия факта примерно одинаков. Так что, дорогие мои казахи, если бы вы не знали великолепно русский язык, то не смогли бы постичь истинную поэзию своего великого соотечественника, но родной язык все-таки знать надо, это естественная необходимость жития. Завершить свое выступление хочу словами Олжаса Омаровича: «Над помнить: ты пришел в литературу, чтобы не просто высказать что-то «свое», а чтобы это «свое» было интересно и нужно читателю, чтобы в твоих произведениях жил многообразный, яркий, сложный мир сегодняшнего человека. А для этого ты сам должен быть незаурядной личностью».

Благодарю за внимание.

Для того, чтобы читатель сам смог сопоставить и оценить оригинал с переводом, приведу стихи в качестве практикума для любителей поэзии.

Армак.
Олжас Сулейменов

Аргымак
Аударған Ә.Кекілбаев

Аргымак
Аударған Қ.Мырзалиев

Эй, половецкий край, Қыпшақтардың ой- хой, құба жондары-ай

Дала қандай!

Ты табунами славен	Жер тарпыған тұлпарын айт, тұлпарын!	Даладағы ат қандай!
Вон воронные бродят	Шар айнадай сауырына комдап ай,	Нөсер шөпке
В ливнях сухой травы...	Белшесінен батқандай	
	Аргымақ жүр	Құйғытсам бір,
Дай молодого коня,	Көк шалғынға- көк кілемге	Дала
Жилы во мне играют,	Сұртіп мүйіз ұлтанын.	Қала
Я проскачу до края,	Берші менің тақымыма біреуін,	Болады ау
Город и степь	Жеті қиян жер түбіне асайын	
	Көз алдымда аунап бара жатқандай	
Накренья.	Аргымақтай аласурған жүрегім	От тигендей
Ветер раздует	Шапшып - ақ тұр	Асау қанға, етіне
Пламя	Оны қалай басамын	Аргымағым,
В жаркой крови		
аргамака.	Атылайын аргымақтың жалына	Шығып желдің өтіне
Травы	Соңымда тек сақ -сақ күліп дос қалсын	Шабуылдап
Сгорят	Балғын-шалғын айналып көк жалынға	Құрыш
		болат тұяқ кеп
Под нами,	Нөкер болып артымда ақ шаң топтансын	Пергілеші
Пыль и		
копытный цок.	Шаппай тұлпар кісінеме атпын деп	Жалтақ жолдың бетіне
Твой аргамак узнает,	Шабайықшы шаң қондырмай етіне	
	Шабайықшы көп жыл тыныш жаттық деп.	
Что такое	Момын қырдың былш - былш ұрып бетіне.	
	Атака,	
Бросим		
Робким		
	Тропам	
Грохот копыт в лицо.		

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА В ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Машакова А.К.

*Институт литературы и искусства
им. М.О.Ауэзова МОН РК,
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Рассматривая рецепцию творчества Олжаса Сулейменова в дальнем зарубежье, автор уделяет особое внимание восприятию произведений казахского поэта во Франции. Приведены в пример публикации во французской прессе Анн Филип, Леона Робеля, Пьера Гамарра, Алена Боске, Лионеля Рэя, Франсуа Сальвэня. Из немецкой рецепции представлено обширное послесловие Леонарда Кошута к изданной в Берлине книге «По Азимуту кочевых родов». Упомянуто предисловие Жагдалына Лхагва к сборнику «Аргамак» на монгольском языке. Речь также идет о статье Фредерика Диа «Олжас Сулейменов: "Аз и Я"», опубликованной в журнале «Turk dunya asia agastirmalari». Все эти публикации вышли в свет в советское время. Отмечено, что в период независимости Казахстана продолжается интерес к творчеству О. Сулейменова во Франции, что подтверждается конкретными примерами. В последние годы в Болгарии состоялись встречи с О. Сулейменовым, в Польше и США – презентации его книг.

Ключевые слова: зарубежная рецепция, перевод, поэзия, популярность.

Творчество Олжаса Сулейменова имеет особое значение в процессе рецепции казахской литературы за рубежом, так как его поэтические произведения получили самое широкое распространение за рубежом благодаря переводу на многие иностранные языки и, соответственно, значительному количеству положительных откликов зарубежных литературных критиков, писателей и поэтов.

Иностранные публикации по творчеству О. Сулейменова представляют следующие аспекты зарубежной рецепции казахской литературы: предисловия и послесловия в изданных за рубежом книгах, отзывы и интервью в прессе, статьи в научных журналах. Наблюдается проявление такого фактора инонациональной литературной рецепции, как профессиональные поездки литературных деятелей за рубеж. Произведения О. Сулейменова переведены на английский, французский, немецкий, испанский, чешский, польский, словацкий, болгарский, венгерский, монгольский, турецкий языки и почти на все языки народов ближнего зарубежья. При этом важным представляется издание поэтических сборников, наряду с публикацией отдельных стихотворений.

Наиболее активный процесс художественного перевода или литературной рецепции творчества О.Сулейменова состоялся во Франции. На рубеже 1960-1970-х годов его стихотворения появлялись на страницах французских литературных журналов и газет «La Nouvelle critique», «Les lettres françaises», «Change». В 1972 году стихотворения казахского поэта, взятые из его поэтического сборника «Год обезьяны», опубликованы наряду с поэтическими произведениями Андрея Вознесенского и Роберта Рождественского в антологии «Но поэзия ...». Составитель и переводчик Л.Шнитцер подчеркивала внутреннее родство трех поэтов и в предисловии к книге отмечала, что «оригинальной и захватывающей поэзии Сулейменова присущи острый модернизм концепции и древняя восточная мудрость, целомудрие чувств и обнаженная откровенность, блеск парадоксов, окутывающий глубину мыслей, и человечность под покровом иронии...» [1, с.132].

После выхода в свет антологии «Но поэзия ...» О.Сулейменов стал обретать известность среди французских литераторов и журналистов. Его поэзия вызвала интерес, что отразилось в откликах на страницах прессы. В 1973 году в газете «Monde» опубликована беседа французской журналистки Анн Филип с О.Сулейменовым. Она спрашивает поэта о «Глиняной книге», которой, по её мнению, автор очень дорожил. Завершающий вопрос касался цели в жизни О.Сулейменова. Приведём его ответ полностью, так как на эти высказывания в дальнейшем обратили внимание и цитировали многие французские литераторы: «Достичь невозможного. Мой девиз, наш девиз: «Широта настоящего, глубина прошлого, высота будущего». Когда мы придем к идеальной точке пересечения этих векторов, мы достигнем идеального состояния культуры» [2].

Большую роль в популяризации иноязычного литератора, помимо издания его произведений, способны играть и личные контакты автора с зарубежными деятелями культуры и литературы. Известный казахский поэт неоднократно приезжал во Францию, начиная с 1970-х годов, когда он бывал на поэтических фестивалях в составе делегатов поэтов из Советского Союза. В октябре 1977 года делегация поэтов из СССР, в составе которой был и О.Сулейменов, побывала во Франции. Во время встреч с французскими любителями поэзии выступления О.Сулейменова проходили с большим успехом. Мысли, высказанные им во время этих бесед и встреч, помогли сложиться позитивному восприятию казахского поэта и его творчества во Франции. Во время поездок О.Сулейменов познакомился с Леоном Робелем, который в дальнейшем стал не только переводчиком его поэзии, но и сыграл важную роль в популяризации его творчества во Франции. Леон Робель, бывший одним из организаторов встреч советских поэтов с широкими кругами французской общественности, констатировал, что эти вечера вылились в настоящие праздники поэзии, а «выступление Олжаса Сулейменова явилось открытием для присутствующих».

После нескольких поездок во Францию в советский период Олжас Сулейменов вновь вернулся в эту страну уже в период независимости, но уже по долгу дипломатической службы, в качестве официального представителя Республики Казахстан при ЮНЕСКО. И уже в новом качестве он внес вклад в дальнейшее распространение казахской поэзии во Франции, приняв активное участие в проведении 200-летия Махамбета Утемисова под эгидой ЮНЕСКО.

В 1977 году вышла в свет «Глиняная книга» на французском языке. Перевод был осуществлен Леоном Робелем. Он же перевел на французский язык поэтический сборник «Трансформация огня», изданный в 1981 году. Поэт и переводчик, филолог, профессор русского языка и литературы Национального института Восточных языков и культур Леон Робель подготовил предисловие к «Глиняной книге» О.Сулейменова. В нём он отметил особенности поэтического творчества О.Сулейменова, которые заключались в «оригинальном соединении иронии и силы повествования, нежности и юмора. Легкость формы: несоблюдение правил стихосложения, созвучие слов в самых различных языках, рифмованная проза, строфы, свободный широкий стих, пародии на древние первоисточники, загадки, стихи современной и более классической рифмовки – все эти обильные способы основываются на идее, скрывающей в шутиливой форме серьезность и глубину» [3, с.7]. До этого, в одном из номеров 1976 года известного парижского печатного органа «Еигоре» Л.Робель поделился признанием: «Олжас Сулейменов, по моему глубокому убеждению, сегодня – один из самых значительных поэтов современности... Больше всего в творчестве Сулейменова поражает размах и полная свобода, как в выборе тем, так и в выборе выразительных средств. Его поэтический материк – это целый мир, в котором он мысленно обозревает со страстью современные очертания и самые глубокие древние истоки» [4].

Рассматривая французскую рецепцию поэзии О.Сулейменова, следует упомянуть и статью «Голос в безмолвии», посвященную книге «Глиняная книга». В этой публикации встречается определение «скиф» в характеристике казахского поэта: «Сулейменов – это тот скиф-стрелок, обращенный к Азии и наблюдающий за Западом» [5].

«Глиняной книге» посвятил статью в журнале «Еигоре» известный французский писатель, поэт литературный критик Пьер Гамарра. По его мнению, «под иронией, благодушием, выразительной

чувственностью этой поэмы – этой сатирической эпопеи – скрывается обширная литературная и историческая наука» [6, с.218]. Французский автор высоко оценивает особенности поэтического творчества Сулейменова: «Поэт справедливо является, в высшей степени, тем, кто умеет исходить от символа к реальности, от тела к знаку для объединения разнообразия» [6, с.218], особо выделяет его «сатирический или нежный, вычурный или прозрачно-чистый язык» [6, с.219].

Немало восторженных строк было написано французскими литераторами и в адрес книги «Трансформация огня». В этой связи уместно вспомнить высказывание известного французского поэта, прозаика, публициста и литературного критика Алена Боске: «Олжас Сулейменов является по профессии геологом; ему присущи размышления специалиста, который измеряет явления пластами и миллионами лет. Он близок нам какой-то наивной и в то же время едкой ошалелостью» [7]. Не менее ценным представляется мнение другого известного литератора – французского поэта, лауреата премии Малларме и Национальной премии Франции в области литературы Лионеля Рэя, который считал, что тот факт, что Сулейменов был когда-то геологом, постоянно ощущается в его поэзии: «Из страсти к бурению, копанью, упорядочению он создает увлеченную, страстную и бурную поэзию» [8, с.71]. В газете «Humanité dimanche» французский писатель Франсуа Сальвэн также коснулся геологического образования Сулейменова. В целом же о поэзии казахского поэта он написал, что это – «едкая, немногословная поэзия, сжатая, словно кустарник на пустынной равнине. Ясная и в то же время мистическая поэзия, которая сжигает тягучей мелодией свирели физическую плотность природы» [9]. Авторами рецензий на книгу «Трансформация огня» были также К.Муз (журнал «Esprit»), Ф.Комб (журнал «Europe»), Ж.-Л. Эзин (газета «Les nouvelles littéraires»), И.Миньо (газета «L'Humanité»), Н.Занд (газета «Monde»).

Подытоживая анализ французской рецепции творчества О.Сулейменова в советский период, отметим тот факт, что во Франции раньше, чем в других западноевропейских странах, был открыт его поэтический талант.

В Берлине стихотворения О.Сулейменова впервые были опубликованы в 1978 году в журнале «Poesiealbum 133». Подборку стихотворений осуществил известный литературный критик, переводчик и издатель Леонард Кошут, под руководством которого в издательстве «Volkund Welt» в советский период издавались на немецком языке произведения казахских авторов.

В 1981 году вышел в свет поэтический сборник О.Сулейменова «По Азимуту кочевых родов» с послесловием Л.Кошута. Оно начинается с анализа поэмы «Земля, поклонись человеку», выдержки из которой приведены в книге. Л.Кошут пишет: «Такому великому событию, как начало завоевания космоса, Сулейменов пытается придать свои собственные понятия об универсальных масштабах, называя это событие «Вторым Великим Веком», изображая его не в деталях, а сумев дать этому обобщение историческое, общественное и философское; при этом действуя не абстрактно, а вовлекая пережитый опыт человечества в пространственные и временные размеры нового, космического видения» [10, с.195]. Л.Кошут поясняет, что название космического корабля «Восток» становится центральной метафорой поэмы. Это название символично, так как оно обозначает Центральную Азию, «где в течение столетий происходили коренные изменения» [10, с.196]. Кошут указывает на присутствие в поэме самых различных ассоциаций, связанных со словом «Восток».

Представляя немецким читателям поэму «Глиняная книга», Л.Кошут кратко излагает её содержание и переходит к анализу поэмы, точнее, той её части, которая вошла в данный сборник. Он обращает внимание на следующие слова поэта: «Земля – это круг,/ перечеркнутый тонким крестом/...» [10, с.204]. По мнению Кошута, этот круг является символом кочевничества, немецкий литературовед развивает анализ символа круга на материале стихотворения «Айналайын», которому он уделяет особое внимание. «Свое особое значение приобретает в таком аспекте элемент круга (взятый от формы круглой степи, небесного круга, круглой юрты), элемент, который встречается нам в самых разных обликах и выражениях: начиная с выражения «Айналайын», в магическом значении продолжающий жить как «Кружись, айналайын, Земля моя!» и заканчивая метафорой Оракула в «Глиняной книге» [10, с.205]. Л.Кошут показывает, что О. Сулейменов является интернационалистом, так как он выступает против национальной нетерпимости. «Интернационализм Олжаса Сулейменова органично вырос из его историзма, а также из его тесной связи с историей национального самосознания» [10, с.199], – подчеркивает он.

Кроме того, немецким исследователем представлен анализ стихотворений «Чем порадовать сердце», «Он бормочет стихи...», «Разлив», «Минута молчания на краю света», «Это кажется мне».

Интересным фактом рецепции Л. Кошута является его признание определенной сложности восприятия произведений казахского поэта. Как справедливо отметил немецкий исследователь, «некоторая сложность при чтении Сулейменова – это сложность, таящая в себе радость познания» [10, с.207]. Данное замечание представляется нам кодовым для определения

особенностей всего зарубежного восприятия творчества Сулейменова, ознаменовавшего новый этап в международной рецепции современной казахской литературы. В послесловии Л.Кошут смог продемонстрировать немецким читателям художественно-эстетические особенности, мотивы и образы, жанровые, композиционные и стилистические нюансы, эволюцию творчества казахского поэта. Данная публикация явилась важным документом, выявившим определенные закономерности и тенденции немецкой рецепции творчества О.Сулейменова.

В 1990 году в Монголии издан сборник О. Сулейменова «Аргатак». Автор предисловия, видный монгольский писатель Жагдалын Лхагва, представляя своим соотечественником казахского поэта Олжаса Сулейменова, рассказал о его первой поэме «Земля, поклонись человеку!»: «В 1961 году имя Гагарина прозвучало громко на весь мир. Наряду с его именем и имя О.Сулейменова покоряло многонациональную поэзию мира, стихи его печатались в зарубежных газетах и журналах. Тогда Олжасу было двадцать пять. Сколько бы двадцатилетий не прошло с той поры, но мы, благодаря переводам на монгольский язык, знакомим читателей, молодых авторов с творчеством гениального поэта и человека – Олжаса Сулейменова» [11, с.4]. Монгольский писатель жалеет, что не был лично знаком с казахским поэтом, за творческой деятельностью которого он постоянно наблюдает. В заключение он выражает надежду, что О.Сулейменов когда-нибудь придет в Монголию, «и до нас дойдут его слова, посвященные монгольскому народу» [11, с.6].

Национальная история для О.Сулейменова являлась постоянным источником не только его поэтических произведений, но и научно-популярных исследований. Рецепция книги «Аз и Я» иностранными исследователями стала примером развития процесса рецепции казахской литературы за рубежом, а обсуждение этой книги способствовало появлению в журналах научных статей, посвященных творчеству Олжаса Сулейменова. Одним из наиболее интересных подобных зарубежных источников является статья Фредерика Диа «Олжас Сулейменов: "Аз и Я"», опубликованная в 1984 году на турецком языке в Стамбуле в журнале «Turk dunya asia rastirmalari». Эта обширная исследовательская работа состоит из семи частей.

В первой части исследования приведены биографические данные казахского поэта и очерчен творческий путь поэта до середины 1970-х годов. В заключение этой части автор статьи написал оригинальный комментарий: «В 1960-е Сулейменов находится на пике славы и вознаграждается за каждое свое восхождение. В 1966 году он избирается членом Союза писателей Казахстана. В те годы он похож на любого из типичных привилегированных чиновников режима. В целях сохранения политического строя и литературной традиции для режима того времени было типичным возвышать и восхвалять деятелей культуры. Более того, Москве очень нравилось оказывать различные почести писателям остальных советских республик, которые являлись превосходным продуктом советского режима. Сулейменов казался образцом интеллектуального и социального развития условий, предоставленных всем нерусским гражданам советской иерархии. Но такая гармония отношений между Сулейменовым и советской властью была прервана после выхода в свет в 1975 году его книги "Аз и Я"» [12, с.157]. Это смелое высказывание с критикой советского режима является показательным примером эволюции процесса зарубежной рецепции казахской литературы, связанной с рецепцией творчества Олжаса Сулейменова. Книга «Аз и Я», которую в казахстанском литературном сообществе называют «научным откровением и гражданским подвигом», явно вызвала на откровение и зарубежного литературного критика.

В следующей части под названием «Непривычная книга» Ф. Диа высказывает предположения, связанные с названием книги «Аз и Я», и подытоживает: «Заголовок книги дает представление о неподражаемом синтезе точности и юмора и в то же время знания и воображения» [12, с.158]. Далее внимание обращается на использование стихотворной формы при изложении научных проблем: «В чем же причина применения Сулейменовым стихотворной формы в области, относящейся к науке? Не является ли стихотворение наиболее подходящим средством для противников власти, способом освобождения от обветшавшей идеологии, низвержения сильного врага, когда борьба с ним напрямую невозможна? Мистики и сторонники правителя особенно широко использовали этот надежный способ в Средней Азии. Использование лирики для защиты веры и собственной личности было традиционным для восточного интеллигента» [12, с.158]. Как видим, автор статьи продолжает показывать свое негативное отношение к советскому режиму, которое проявляется во всем тексте статьи.

Эта статья первоначально была опубликована в «CentralAsianSurvey» в 1984 году, как мы полагаем на французском языке, затем в 1987 году в – «Turk dunya asia rastirmalari» в переводе на турецкий язык Хайати Девели. Таким образом, данную публикацию можно одновременно считать фактом и французской, и турецкой рецепции, поскольку с ее содержанием ознакомились как читатели во Франции, так и в Турции. Данная статья является также показательной в плане истории франко-турецких литературных связей, которые носят традиционно-исторический характер.

Статья Федерико Диа была впервые переведена с турецкого языка на русский язык для сборника «Мир Олжаса Сулейменова» (2015), подготовленного учеными Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова.

Книга «Аз и Я» Сулейменова не только не теряет актуальности в наши дни, но, судя по зарубежным рецептивным источникам, до сих пор находится в поле зрения иностранных исследователей. Ярким примером является обширная многостраничная публикация американского литературоведа индийского происхождения Харши Рама «Представляя Евразию: поэтика и идеология произведения Олжаса Сулейменова «Аз и Я». В статье, вышедшей в свет в 2001 году на страницах солидного научного журнала «Slavic Review», американский ученый интерпретировал поэтику и идеологию Сулейменова в контексте основных характеристик евразийских традиций, представленных лингвистом Марром и поэтом-авангардистом Велимиром Хлебниковым.

С годами интерес к творчеству Олжаса Сулейменова не угасает. В период независимости Казахстана его личность и творчество продолжают привлекать внимание во Франции. В 2003 году в этой стране вышла в свет книга «Письма молодежи. Десять поэтов говорят о надежде», заглавие которой красноречиво говорило о содержании сборника. На ключевой вопрос о роли поэзии в современном мире развернуто отвечали поэты Франции, Италии, Германии, Португалии, США, Израиля, Ливана, Бангладеш, Кубы и Казахстана. Все тексты были представлены на языке оригинала и на французском языке. Статья О.Сулейменова «Век прозрения» построена в виде письма молодому поэту, в котором казахский поэт написал о назначении поэзии: «Если народ добр, он стал таким благодаря поэтам. В этом я и вижу долг поэзии – делать людей добрыми» [13, с.62]. Данная проникновенная статья с мудрыми размышлениями и наставлениями произвела впечатление на многих представителей молодого и старшего поколения. Так, французский литературный критик Альбер Фишлер в своей статье о творчестве Олжаса Сулейменова приводит цитаты именно из книги «Письма молодежи ...». Эта статья под названием «Поэт между двумя мирами» впервые опубликована на русском языке (в переводе с французского языка автором данной статьи) в упоминаемом ранее сборнике «Мир Олжаса Сулейменова». Статья была передана автором составителям этой книги.

В своей статье Альбер Фишлер приводит выдержки из поэтического сборника «Трансформация огня». По мнению французского автора, О.Сулейменова отличает любовь к своей стране, сострадание к казахскому народу и сопереживание ко всем народам мира. Он характеризует его следующим образом: «Олжас Сулейменов является, на наш взгляд, одним из поэтов-глашатаев Казахстана ..., поэтом на границе двух миров и двух эпох» [14, с.146]. Следует отметить, что в 2007 году О.Сулейменов был награжден Орденом искусств и литературы Министерства культуры Франции.

В 2008 году в Париже издан сборник «Ветер степей: три казахских поэта» («Leventdes steppes: trois poètes kazakhs»), в который наряду со стихотворениями Н.Оразалина, Ш.Сариева включены произведения О.Сулейменова. Вступительное слово подготовлено литературным критиком, поэтом, писателем, драматургом Жан-Луи Симеоном.

Новые факты зарубежной рецепции творчества О.Сулейменова способны представить также его многочисленные поездки по различным странам. В 2006 году в Болгарии он принимал участие в традиционных «Софийских встречах». Эта поездка состоялась по инициативе Союза писателей Болгарии. В этих встречах обычно принимают участие видные писатели и поэты современности. «Приезд казахстанского корифея литературы стал для болгарской общественности большим культурным событием» [15], – отметили болгарские коллеги по писательскому цеху, особенно подчеркивая, что О.Сулейменов известен в Болгарии не только как талантливый поэт, но и как ученый-исследователь тюркского наследия. Олжас Сулейменов был приглашен в Софийский университет им. Климента Охридского на встречу с преподавателями-востоковедами и болгарскими тюркологами. Эта встреча прошла в атмосфере дружеского общения специалистов, увлеченных единой идеей – полноценного изучения культуры тюркских народов и ее вклада в мировую культуру. В 2007 году в Болгарии вышла в свет книга «Аз и Я».

В 2009 году в Варшаве прошли презентации «Глиняной книги» на польском языке в Польском агентстве печати, Обществе Дружбы «Польша – Восток» и Варшавском Университете. Автор предисловия – литературный критик Евгениуш Чаплеевич, профессор Варшавского университета. Он позитивно воспринимает творчество О.Сулейменова, сравнивая его с А.Мицкевичем. Интересно следующее сравнение: «В своих произведениях поэт достигает синкретизма поистине в стиле Гете, который имеет два крыла: одно – художественное, другое – рациональное (научное). Его поэзия не сторонится научного мышления и познания, а научные рассуждения не исключают художественного мышления и познания» [16, с.25].

Следует отметить и публикацию отдельных стихотворений Олжаса Сулейменова на корейском языке в сборнике «Перелистывая степные страницы», изданном в 2010 году в Республике Корея. Перевод осуществил корейский поэт Ким Бён Хак, вступительное слово к сборнику написали литературные критики Ким Джён Хве и Тё Кю Ик.

В последние годы растет популярность О. Сулейменова в США. В 2011 году издательством «Cognella» издана книга «Green Desert», состоящая из 52 стихотворений О. Сулейменова на английском языке. Презентация книги состоялась в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В 2013 году Нью-Йоркский университет (NYU) включил интервью с поэтом в книгу «22 идеи как наладить мир. Беседы с выдающимися мыслителями». В этом же году Колумбийским университетом издана антология казахской литературы «The Stories of the Great Steppe», а в 2015 году – антология «Summer Evening, Prairie Night, Land of Golden Wheat», в которых опубликованы стихотворения О. Сулейменова.

Итак, творчество Олжаса Сулейменова представляет интерес для многих иностранных исследователей и в советское время, и в период независимости Казахстана. Зарубежная рецепция творчества О. Сулейменова отошла от описательно-созерцательной позиции и отличается аналитическим, научно-исследовательским характером. Зарубежных читателей поэзия Олжаса Сулейменова притягивает и захватывает, так как его поэтические творения написаны оригинальным современным языком, тематика стихотворений разнообразна, к тому же в его произведениях представлены глубокие раздумья о судьбе всего человечества.

Литература:

1. Voznesenski J.A., Rozdestvenski R.I., Suleimenov O. Mais la poésie. – Paris: Aged'homme, 1972. – 272 p.
2. Anne Philipe. Le pragmatisme gêne de la poésie // Le Monde. – 1973, 29 Mars. – P. 18.
3. Souleimenov O. Le livre de glaise. – Paris: Publications orientalistes de France, 1977. – 167 p.
4. Léon Robel. Une minute de silence au bout du monde // Europe. – 1976. – №563. – P. 145.
5. Unevoix dans le silence // Le Monde. – 1977, 4 Novembre. – P. 18
6. Pierre Gamarra. Le livre de glaised'OljasSouleimenov // Europe. – 1978. – № 585-586. – P. 218-219.
7. Alain Bosquet. Souleimenov, asiatic // Le Monde. – 1981, 21 aout. – P. 11.
8. Lionel Ray. OljasSouleimenov. Transformation du feu // La Nouvelle Revue Française. – 1981. – № 347. – P. 125-126.
9. François Salvaigne. Poésie // Humanité dimanche. – 1982. – № 63. – P. 19.
10. Leonhard Kossuth. Die Berge nichterniedrigend, die Steppe zuerhöhen // O. Sulejmenow. In Azimut der Nomaden. – Berlin, 1981. – S. 195-208.
11. Олжас Сулейменов. Аргатак. – Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Газар, 1990. – X. 3-6.
12. Frederique Diat. OlcaySuleymanov: «AZ I YA»// Turk dunyasi rastirmalari. – 1987. – № 51. – S. 157-174.
13. O. Souleimenov. Le siècle de clairvoyance // Lettres à la Jeunesse. Dix poètes parlent de l'espoir. – Paris: J'ailu, 2003. – P. 60-69.
14. Альбер Фишлер. Поэт между двумя мирами // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С. 145-158.
15. О. Сулейменов принял участие в «Софийских встречах» // www.zerkalo-nedeli.com
16. Евгениуш Чаплеевич. Современная казахская эпопея Олжаса Сулейменова // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда: Litera, 2015. – С. 21-28.

О. СУЛЕЙМЕНОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Нурғали К.Р.
ЕНУ им.Л.Н.Гумилева
Казахстан, Астана*

Аннотация. В статье рассмотрено творчество казахского поэта, ученого, публициста в аспекте его связи с культурой рубежа XX-XXI веков. Изучена оценка его научных трудов и поэзии американскими учеными, преимущественно Р. Абазовым, автором исследований об О. Сулейменове. Р. Абазов прослеживает изменение жанровых моделей поэзии О. Сулейменова от стихотворений до поэм, публицистики и афоризмов. Проводит сравнение с судьбой и творчеством Э. Хемингуэя, анализирует взгляды О. Сулейменова на историю взаимоотношений тюрков и славян. О. Сулейменов выступает символом поколения романтиков. Гражданская позиция О. Сулейменова неотделима от его поэтического творчества, от великой культуры слова.

Ключевые слова: символ, жанр, эссе, тюрки, культура

Российские литературоведы подчеркивают важность исследования жанрового мышления лирики, акцентируя внимание на «изучении жанровых моделей и раскрытии жанровой борьбы» [1, с.253]. Жанровые модели поэзии выдающегося поэта современности, почетного председателя Союза

писателей Казахстана, постоянного представителя Республики Казахстан при ЮНЕСКО, лауреата национальных и международных литературных премий О. Сулейменова богаты и разнообразны, находятся в постоянном развитии.

Американская рецепция книг О. Сулейменова представлена научными статьями Р. Абазова (Колумбийский университет), Х. Рам (Йельский университет), Н. Каффи (Университет Калифорнии) и др. Культурологи и литературоведы США прослеживают объединение литературных жанров в поэзии О. Сулейменова, научных дисциплин – в его книгах, продолжение идей лингвиста Марра и поэта В. Хлебникова.

Исследователь из США Р. Абазов, автор книги «Green Desert. The Life and Poetry of Olzhas Suleimenov» [2], изучая мастерство казахского поэта и публициста, ставит задачу «передать смысл поэзии Сулейменова и его философии в интеллектуальной сфере Казахстана и Евразии во второй половине XX-го века» [3, с.68]. Но фактически определяет место О. Сулейменова, который убежден в том, что поэт – «всегда общественный деятель» [4, с.269], в постсоветской культуре. У поэта «даже в личных мотивах отражаются настроения людей, обобщенный людской опыт. Тем, насколько он способен выразить именно это общее, и определяется масштаб личности и литератора» [4, с.269].

Лейтмотивом научного исследования Р. Абазова выступает сравнение О. Сулейменова с Э. Хемингуэем. Они оба любят жизнь во всех ее проявлениях, родную природу. В произведениях казахского поэта – «описание уникальных культурных и географических особенностей Казахстана: его бесконечные степи, величественные горы и традиционный кочевой образ жизни народа» [3, с.68].

И американский писатель, и казахский поэт, лингвист, публицист стали выдающимися общественными деятелями. Вера в гуманизм общества и гуманистическую натуру человека, в его возможность изменить мир вокруг себя также роднит их. Несгибаемость, умение противостоять нападкам, наветам, клевете, непониманию – в характере О. Сулейменова.

Смотри,
на кургане, где ветер поет,
где слышится волчий плач,
вцепившись корнями в сердце мое,
шатаясь, стоит карагач.
... Ломают бури,
Но он упрям –
Маяк
Пустынных степей,
Стоит, развернув навстречу ветрам
Плечи черных ветвей.

Активный шестидесятник, О. Сулейменов страстно проповедовал свои идеи в стихах и прозе, включая «философские и духовные, техно-социальные и пасторально-номадические темы, семиотические вопросы и лингвистические исследования, захватившие сердца и умы окружающих его людей» [3, с.70]. Возглавляя в 80-90-е годы XX века Союз писателей Казахстана, Союз кинематографистов Казахстана, избираясь секретарем Правления Союза кинематографистов СССР и Союза писателей СССР, основав движение «Невада – Семипалатинск», О. Сулейменов «стал выдающимся и широко признанным общественным деятелем...» [3, с.69].

Статья Р. Абазова «Сулейменов и его место в современной казахской литературе» структурирована таким образом, что имеет подглавки «Любимец фортуны», «Литератор», «Мы – кочевники», «Сулейменов как гражданин». Р. Абазов обобщает вклад О. Сулейменова в объединение культур и различных политических систем для развития глобальной культуры. Только летом 1961 года О. Сулейменов проводит серию публичных выступлений в крупных университетах Парижа и Нью-Йорка, что было не совсем обычно в разгар холодной войны. Он убежден, что литератор, особенно поэт «постоянно работает с обществом и на общество». Его деятельность связана с политикой, так как мыслит поэт категориями «народ», «страна», «государство», «мир», «вселенная», «жизнь»...

Поэтам старших поколений (своими любимыми писателями в детстве О. Сулейменов называет Махамбета Утемисова, Бауржана Момышулы, Мухтара Ауэзова) достался «век, которым можно гордиться и проклинать. Время, измеряемое вершинными взлетами разума и пропастями падения человеческого. Мы увидели в действии все разновидности своих благих иллюзий – капитализма, социализма, фашизма. Две мировые войны, нескончаемую череду «справедливых» и «несправедливых» войн, тотальный голод, эпидемии, репрессии тиранических режимов – сотни миллионов погубленных жизней, миллиарды униженных, затаивших злобу, ждущих своего часа» [4, с.237].

Масштабно раскрыта О. Сулейменовым в книгах «Язык письма», «Пересекающиеся параллели», «Тюрки в доистории» культурно-историческая роль тюркских этносов в мировой истории. Эти научные исследования получили положительную оценку во многих научных центрах мира. Они являются продолжением линии научных трудов, первым из которых стала «АЗ и Я» – «философское и этно-лингвистическое эссе о роли тюркских народов в культурном и политическом развитии Евразии, начиная с эпохи средневековья» [3, с.73].

Как литератор О. Сулейменов оказал большое влияние на развитие казахской национальной литературной традиции, в поэзии и прозе. Р. Абазов доказательно пишет о том, что работы О. Сулейменова «способствовали широкому распространению современных казахских поэтических выражений, которые возникли как пост-традициональные и пост-фольклорные литературные традиции...». И третья: казахский поэт «участвовал в контекстуализации западной литературной традиции и универсальных гуманистических ценностей в современной казахской литературе, поэзии и журналистике через свое творчество и активное участие в крупных интеллектуальных дебатах, происходящих в Казахстане» [3, с.74].

Вслушаемся в слова О. Сулейменова: «Если поэзия – это первоэлемент культуры, то именно поэзия нащупывает единый пульс сердца человечества, она ведет поиски единого режима развития не теории, единых законов жизни общества» [4, с.239]. Так высоко ценит поэзию современный поэт, известность которого давно перешагнула границы Евразии. Часто О. Сулейменов ссылается на высказывание Е. Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт...», подчеркивая значение поэзии и культуры в современном мире.

Жанровые формы поэзии О. Сулейменова трансформировались от стихотворений до поэм гражданского звучания – «Земля, поклонись человеку», написанной «в сильном, ритмическом стиле, в стиле Маяковского», и философского диапазона – «Глиняная книга». По-видимому, сравнение стиля О. Сулейменова со стилем В. Маяковского не случайно. Сам О. Сулейменов считает, что В. Маяковский много сделал для «духовного раскрепощения человека. Ему претит всяческая ограниченность, оставленная в сознании институтами прошлого. О его стихах можно сказать – они выдавливают из тебя раба...» [4, с.269].

Поэма «Земля, поклонись человеку», воспевавшая подвиг Ю. Гагарина, проложившего дорогу к звездам, стала символом целого поколения. Как и герои романа Д. Гранина «Иду на грозу», молодежь 70-х годов XX века верила в науку, в ее прогресс и в прогресс техники, изобретательность инженерной мысли. Совершенно в ином жанровом ключе создана «Глиняная книга», большой «исторический и философский труд о жрице любви Древнего Вавилона» [3, с.73].

Стиль и язык О. Сулейменова гибок и очень точен. Творчество – интенсивно и постоянно. Поэт обращается к разным поэтическим замыслам, иногда персонифицирует троп.

Рассматривая внимательно развитие поэтического таланта О. Сулейменова, ставя его в один ряд с Р. Рождественским, А. Вознесенским, Е. Евтушенко, Р. Абазов обобщает вклад казахского поэта, разработавшего «философско-концептуальную идею о том, что казахская национальная поэзия принадлежит как Западу, так и Востоку», в мировую литературу. Поэзия отражает личность автора искреннее, чем проза, «поскольку там лирический герой есть, как правило, отражение этой личности».

Глобальный масштаб придавал он борьбе против ядерных испытаний. Об этом Р. Абазов пишет в подглавке «Сулейменов как гражданин», завершающей анализируемую нами статью американского исследователя. Но поэзия неотрывна от его общественной деятельности, какие бы должности он не занимал (депутат Верховного Совета КазССР и член Президиума Верховного Совета КазССР, депутат Верховного Совета СССР; Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Италии, в Греции и на Мальте).

О. Сулейменов призывает не путать славу и популярность. Он искренен с читателями и почитателями своего таланта: «Я не отошел от поэзии, просто теперь я пишу меньше стихов и не стремлюсь их публиковать. Почему меньше? Сказывается дефицит времени, слишком много сил отнимает работа в ЮНЕСКО, наука и многое другое. Из-за этих причин мне часто бывает удобнее выражать свои мысли в других жанрах – интервью, публицистике, науке. Так или иначе, у стихов, науки и публицистики – одна задача» [4, с.342].

Голос поэта звучит на мировых просторах. «Поэты никогда не совпадали с властью, если власть была против народа. Но если власть стремится помочь народу, почему поэт должен быть против власти? Позвольте поэту самому определить, – пишет Олжас Омарович, – что сегодня помогает народу, а что может навредить. Мой не только поэтический, но и политический опыт позволяет сделать нужные выводы из анализа процессов развития Казахстана. Поэтому, когда нужно, я оппонировать и власти, и оппозиции. И поддерживаю продуктивные шаги той и другой стороны» [4, с. 270].

Очень важны аспекты диалога писателя, поэта, публициста и читателя. Из-за падения престижа книги потенциальный читатель превращается в слушателя и зрителя. Этого нельзя допустить. По мнению Олжаса Омаровича, одним из важнейших институтов, укрепляющих государство, является литература: «Она влияет на формирование личности, а, следовательно, общественного сознания более мощно, чем устные и визуальные средства информации. И поэтому чувство самосохранения заставляет Государство Разумное сохранить книгу, письменную литературу».

Книга не может быть украшением книжной полки. Она – важнейшее средство развития человеческого разума. Писатель и поэт формируют собственное понимание таких категорий, как любовь к родной земле, свобода личности и народа. И «в культуре, не породившей Шекспира, не появится и Ньютон».

Судьба человеческой цивилизации, основанной на общих ценностях терпимости и свободы, заботит и волнует О. Сулейменова и по долгу службы – Постоянный Представитель Республики Казахстан при ЮНЕСКО, и по зову души и сердца. Нашей цивилизации «свойственна терпимость к инакомыслию, торжество культурного многообразия, утверждение основополагающих всеобщих прав человека и вера в то, что люди в любой стране имеют право определять систему своего правления. В основе этой цивилизации лежит убежденность в том, что многообразии человеческих культур следует всячески приветствовать...» [4, с.152].

Литература:

1. Козлов В. Сумма элегий: «Осень» Баратынского // Вопросы литературы. – 2014. – Июль-Август. – С.253-272.
2. Abazov R. Grenn Desert. The Life and Poetry of Olzhas Suleimenov – N.Y.: Cognella Publishing, 2011.
3. Абазов Р. Сулейменов и его место в современной казахской литературе // Мир Олжаса Сулейменова / Отв. ред. С. Ананьева. – Караганда, 2015. – С.68-83.
4. Сулейменов О. «Но людям я не лгал...» Афористические высказывания и крылатые выражения. – Алматы: ИД «Библиотека Олжаса», 2011. – 360 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЭТА

Нефедова Л.А.

*Челябинский гос. университет,
г. Челябинск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается роль языковой личности в современном коммуникативном пространстве с позиций проблемы речевых и коммуникативных стратегий художественного типа дискурса и речевого воздействия. Автор статьи уделяет внимание проблемам изучения творчества О. Сулейменова на трех уровнях: лингвокогнитивном, интенциональном и лингвостилистическом. Выделяет набор мировоззренческих констант поэта, «ментальных» карт. Предлагаемая методика лингвистического анализа основана на лингвоперсонологическом, психолингвистическом и системно-структурном анализе когнитивного стиля человека, на выявлении смыслов и ценностей, необходимых для национально-культурной самоидентификации личности творца.

Ключевые слова: идентификация личности, модель языковой личности, параметры текста

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ проект 15-04-00455-а «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности»

Поиск национально-культурной и личностной самоидентификации заставляет лингвистов акцентировать особое внимание на переосмыслении имеющегося опыта в сфере гуманитарного знания, расширении и описании имеющихся результатов изучения новых социокультурных явлений, которые все чаще становятся объектом междисциплинарного рассмотрения.

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве - общении, в стереотипах речевого поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текста. Концепция языковой личности развивает идеи антропологической лингвистики Э. Бенвениста, В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, К. Фосслера, А. А. Потебни.

Языковая личность как таковая выступает как многослойный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности воспроизводить и воспринимать речевые произведения (Ю. Н. Караулов). Языковая личность начинается, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения - выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе. Второй, более высокий по отношению к лингвокогнитивному уровню анализа языковой личности включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством и, в конечном счете, определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира [1, с. 37].

Очень значима роль языковой личности в современном коммуникативном пространстве, с позиций проблемы речевых и коммуникативных стратегий, различных типов дискурса и речевого воздействия. Особое внимание при этом уделяется исследованию корпуса языка писателя в рамках трансформации мировоззрения, а также выявления языковых средств объективации аналогового мышления как одной из форм познания в художественном дискурсе.

Проблема распознавания личности является важной и актуальной на современном этапе развития общества в связи с тем, что одновременно один человек начинает выполнять разные роли и проявляться в разных моделях поведения. Предлагаем рассмотреть язык поэтических произведений Олжаса Сулейменова как результат деятельности языковой личности на трех уровнях: лингвокогнитивном, интенциональном и лингвостилистическом.

На *лингвокогнитивном* уровне происходит выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в личностной картине мира, в ее тезаурусе. Мы опираемся на парадигматический подход, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов (содержание проблемы, причины ее возникновения, проблемообразующий субъект, степень напряженности проблемы, пути ее решения и др.) рассматриваются как определенным образом организованная структура. На основе содержательного анализа текстов методом контент-анализа нами выделен набор мировоззренческих констант поэта, которые можно свести к следующему списку: Гражданин, Честь, Воля, Мужество, Истина, Гордость. Эти константы пронизывают все произведения О. Сулейменова. Кто мы, казахи, откуда мы пришли, зачем призваны быть на свете? Что мы принесли с собой, что дали миру? Поэт напряженно размышляет над этими вопросами. В этом плане одно из лучших стихотворений «Чем порадовать сердце?» передает взгляд поэта на историю своего народа через призму сердца. И поэт как Гражданин пишет о родной земле так:

*Казахстан – это проводы,
провода колючая,
это было –
Саратов и Киев, и снова
Саранск.
Это ссылки на Маркса,
кочевья, театры и лучшие копи,
кони и домны,
Турксиб, просто Сиб. И жара («Дикое поле»).*

По мнению К.Б. Фазиловой, «герои поэтических произведений Сулейменова - гордые, знающие себе цену, уважающие достоинство других сильные личности. Они изображены как люди с открытой, широкой душой, философски мыслящие, щедрые и добродушные, мужественные и благородные люди. В трогательных и захватывающих сценах нашло свое отражение историческое прошлое казахского народа, тюркских племен и народов. В своих произведениях Олжас Сулейменов создаёт образ казахского народа, воспеваает степные просторы Казахстана, но вместе с тем не умаляет величие гор. У него особое видение мира, наверное, поэтому многие его выражения хочется цитировать. «Я вижу себя не всадником, гарцующим на Пегасе, а скотником в авгиевых конюшнях истории. Мне самому надо было определять свои корни, ибо дерево без корней - это столб без кроны и плодов. Так и народ, который есть яблоня в саду человечества. Я думаю, что это единственная возможная форма самоутверждения казахского писателя - самоутверждаться, утверждая народ...», - писал О. Сулейменов. Судьбу своего народа поэт постоянно соотносит с историей человечества. Такое осмысление национальной истории в широком контексте является несомненным вкладом О.Сулейменова в казахскую поэзию» [5, с. 823-825].

В проработке структуры когнитивных знаний, значимость которых при изучении личности приобретает первоочередной характер, можно отметить особый ход мысли поэта, проявляющийся в планетарном мышлении, которое было заявлено им уже в поэме «Земля, поклонись человеку!», когда 55 лет тому назад автор выступил пророчеством. И сейчас мы можем подтвердить, что это мышление только усилилось и стало совершенно необходимым для жителей Земли.

В результате анализа эмоционально-интеллектуальной структуры творца возможно выявление когнитивного типа мышления, эмоциональных и поведенческих особенностей личности человека в шкалах интроверсия-экстраверсия, конфликтность - кооперативность, мобильность – ригидность, что позволит создать интегральный портрет анализируемой личности. Всё творчество поэта показывает, что он очень открыт, мобилен, идет на конфликт вследствие своей честности и гражданской позиции.

На *интенциональном* уровне методами интент-анализа и лингвопрагматики выявляются следующие особенности мотивации личности: гордость за культуру своего народа, вынесенная

генетически из просторов родной степи свобода и яркость, которые были востребованы временем. Поэт оказался на скрещении культур, традиций, он реализовал в своих произведениях идеи евразийства, совместил в себе билингвизм. Он не только всего лишь говорит и пишет на двух языках - он живет очень органично в двух языковых средах, в двух культурах. Пишет он на русском, но казахский язык и знание тюркских источников позволяет ему видеть вещи нетривиальные, соединять в стихах неожиданное, анализировать и переосмысливать устоявшиеся в языке лексемы совершенно по-новому. Как говорит об этом сам О. Сулейменов: «Каждый словарь - это настоящий архив исторических сведений, потому что в Слове сохраняется изначальная информация гораздо лучше, чем в письме, в письменных источниках, потому что такие источники можно переписать, можно забыть, сжечь, а Слово изменить невозможно. Слово вечно и Слово сохраняет такую историю, такие глубокие смыслы, содержащиеся в древних культурах, которые со временем были утрачены. К счастью, благодаря самому Слову, не безвозвратно. Но при условии, что необходимо научиться его читать, понимать. Понимать глубинный Код Слова. Именно этим я сейчас и занимаюсь. Выясню императив, код Слова». Поэт уверен, что мир будущего - это Со-бытие, в противоположность раздираемому распрями миру Само-бытия. Не всеми принимается и понимается такая его позиция, в основе которой эволюционное, а не революционное преобразование общества.

Главной интенцией, вызывающей желание творить, является объяснимый феномен всенародной любви, тесно связанный с Поэтом и который от него уже неотделим:

*Каждый рад мне руку пожать
и спросить о здоровье коня,
мне бы так людей уважать,
как они уважают меня («Кочевник»)*

На лингвостилистическом уровне выявляется код, состоящий из символов и стереотипов. На уровне макростилистики (текстопорождения) определяется синтаксическая структура и ритмика письменной речи для получения характеристик словесно-логической памяти человека, отображающей эмоциональное состояние субъекта и позволяющей сделать оценку психоэмоциональной структуры личности. Эти строки О. Сулейменова говорят сами за себя:

*когда никто не смеет слова вымолвить,
мне рот завяжут –
я стихи пишу.*

В отличие от традиционного подхода, на уровне макростилистики мы прибегнем к позиционному анализу, который определяет синтаксическую и внутреннюю структуры текста. Позиционный метод [2, с.296] позволяет выявить композицию ритмического стиля, которая не зависит от таких констант как размер и объем текста. Ритмический рисунок персонифицированного текста, созданный с применением метода, способствует идентификации языковой личности, воплощенной в тексте. Но для применения этого вида анализа ощущается необходимость формирования электронного корпуса текстов для последующего получения информации для качественной экспертной оценки, важной для более глубокого проникновения в поэзию анализируемого автора. Благодаря корпусной методологии в текстовых массивах могут быть обнаружены закономерности, которые невооруженным глазом заметить объективно невозможно.

Проблема мировоззрения и целостной картины мира личности, ее идеологической ориентации должна рассматриваться на более фундаментальном уровне и в рамках более широкого контекста – исследования разных видов сознания и типов знания, среди которых роль аналогово-когнитивных механизмов в профессиональной и социокультурной деятельности, в области мировоззрения, в обыденной жизни остается не до конца изученной.

Аналогово-когнитивному восприятию и познанию принадлежит важная роль в научном и художественном творчестве, в религиозной практике, в процессе восприятия искусства, но оно же является источником магического сознания и иррационального поведения, которое может приводить к недопониманию, мировоззренческим и этническим конфликтам. В то же время изучение аналогового мышления и иррационального познания может дать ключ к выявлению архетипических констант национального характера, что будет способствовать выработке национальной идеи и адекватному выбору стратегий построения общества.

Признание личностного характера научного знания, осознание необходимости исследования не только центрального, но и «периферического» [М. Полани], неявного, скрытого, имплицитного знания позволяет более глубоко понять поэта. В поэзии О. Сулейменова очень многое сказано между строк, выражено имплицитно. Так в стихотворении, посвященном А. Вознесенскому, поэт пишет:

*Это кажется мне –
Махамбет, как стрела,*

*в китайской стене,
головую - в кирпич,
а штаны с бахромой – оперенье;
грозный мой Махамбет,
ты давно –
персонаж в оперетте,
я тебе не завидовал,
не позавидуй мне.*

Мы замечаем иронию в отношении людей, упертых только в одну-единственную культуру, и ощущаем наивную и мудрую уверенность поэта в том, что мы все "одной крови"... и отмечаем, что «имплицитность возможна лишь в том случае, когда имеет место взаимопереплетение общих и субъективных образов мира. В данном случае как бы происходит наложение первой, общей картины мира на вторую, индивидуальную картину мира, и этот процесс способствует адекватному восприятию той информации, которая не выражена явно»[3, с. 136].

В результате проведенного анализа, мы приходим к выводу, что национально-культурная идентификация поэта реализуется через:

1. аналогию и концептуальные метафоры;
2. особые типы знания, источниками которых служит индивидуальный опыт, поддающийся вербализации;
3. воздействие на подсознание читателя;
4. исходные ментальные пространства, которые связаны между собой различными типами отношений: аналогической и метафорической проекцией, метонимическим переносом, связью функции и значения и др.

Литература:

- 1 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. - М.: Наука, 1987. - 264 с.
- 2 Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 296 с.
- 3 Нефедова Л.А. Восприятие языковой личностью имплицитно выраженной информации в языковой картине мира // Профессиональный проект: идеи-технологии-результаты. Научный ж-л. - 2011 -№1 (2). - С.132-136.
- 4 Сулейменов, О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. - Алма-Ата: Жалын, 1990.
- 5 Фазилова, К. Б. Олжас Сулейменов - писатель и поэт // Молодой ученый. - 2015. - №13. - С.823-825.

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА НА ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСТАНСКИХ ПОЭТОВ

*Толысбаева Ж.Ж.
Академия «Кокше»
Казахстан, Кокшетау*

Каждому племени нужен один человек,
Ушибленный звездой...
О.Сулейменов

В жизни каждого народа случаются эпохи эволюционно-прорывных взлетов самосознания. Дух, темперамент таких времен, как правило, определяют те самые личности, руками которых творятся События. Олжас Сулейменов – Поэт, ознаменовавший начавшееся ментальное перерождение казахстанской культуры, его творчество вообрало в себя все признаки обновления времени - публицистичность, пафосность, эпатажность ассоциаций, смелость в области жанротворчества и обновления поэтики стиха.

Поэтическую судьбу Олжаса можно назвать поистине легендарной и счастливой, т.к. ему с первых дней известности и до сих пор дарована всепланетарная любовь. Двадцатипятилетний Олжас Сулейменов стал знаменитым в одночасье, вырвавшись на поэтическую орбиту мира вместе с Юрием Гагариным, полету которого он посвятил свою первую и сразу всеми выученную наизусть поэму «Земля, поклонись человеку!».

Он мыслит космическими масштабами, его читает многомиллионная разноязыкая аудитория. Он – достойный представитель своего времени, своего поколения: «наиболее свободного, наиболее яростного, наиболее продуктивного и в литературе, и в кино, и в театре, и в музыке» - такую характеристику дал Олжас своему поколению в интервью на Московской книжной ярмарке в 2006 году. Это «наиболее» и есть крайняя величина, которой поэт измеряет все вокруг: свои мысли и дела, содержание эпохи, качество новой культуры. Наверное, именно этот выхлест за край, это

сверхожидание, сверхзапрос не позволяют О.Сулейменову, празднующему в эти дни свой 80-летний юбилей, с глубоким удовлетворением признать «племя младое, незнакомое» как достойного поэтического преемника.

И тем не менее в канун юбилея любимого поэта хочется подарить ему откровение о том, что поэзия у нас есть, она очень самобытна и корнями своими восходит к творчеству юбиляра. Конечно, в культурно-поэтических ситуациях 1960-х и 2010-х годов имеются свои отличия, которые не мешают увидеть преемственной связи между поэтическим откровением Олжаса и поисками поэзии новой формации.

Со времени признания О.Сулейменова уже прошло более полувека, но тектонические сдвиги, произошедшие под его влиянием в культурном сознании современников 1960-70-х годов, продолжали оказывать влияние на тех, кому выпала доля сохранить поэзию в период начавшегося тотального кризиса (кризиса веры в систему классовых убеждений, перестроечных процессов в идеологии, саморазрушения социалистического мифа). В этот период литература начала искать другие эстетические координаты.

Благодаря феномену О.Сулейменова казахстанская и казахская поэтические культуры стали более подвижными, отзывчивыми к переменам. За всю историю XX века наша поэзия не была так тотально «притянута» к динамике мирового поэтического процесса, как сегодня. Если российская поэзия в последние два столетия переживала по несколько ярких периодов обновления, то для казахстанской поэзии подобное вхождение в зону *всеобщей* повышенной поэтической рефлексии наблюдается впервые и, соответственно, особенно значимо.

Культурная ситуация, сложившаяся в Казахстане на переломе тысячелетий, свидетельствует об активном процессе ментального становления нации. Усиленный вектор этико-эстетического поиска определил содержание принципиального обновления нашей поэзии - уже не казахско- и не русскоязычной, не «маргинальной», но казахстанской. Проживание в общей этнокультурной среде, подверженность единым экономическим, политическим, духовным катаклизмам времени, сравнительно благополучный выход из кризисности 1990-х годов создали предпосылки для образования нового национального сообщества, о котором мечтал О.Сулейменов.

Современный мир только сейчас подходит к тому рубежу, за которым или зияет бездна апокалипсиса, или сияет образ мира с новыми поистине человеческими ценностями. Человечество только сейчас начинает задумываться о необходимости изменить привычные взгляды на многие культурные ценности прошлого. И тем более существенно и актуально то, что о таких предпосылках глобальных изменений мирового порядка поэт и учёный Олжас Сулейменов говорил ещё 40 лет назад:

Пройдут года. Сойдутся племена –
щека к щеке, уже нельзя плотнее... [1, 238],

Когда-нибудь
(мы доживем и до этого счастья!),
посовещавшись, поспорив,
оставят народы
как заповедник
пустыню гектаров на сто,

а может, на двести,
в целях охраны природы [1, 274],

Станут люди умнее, добрее, счастливей
и создадут своих умных, добрых и счастливых поэтов... [1, 239].

Ставшее хрестоматийным высказывание поэта и переводчика русской поэзии Леона Робеля обнаруживает связь поэтических поколений: «Олжасу Сулейменову давно уже близка идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Он хочет читать историю, как большую книгу переселений и изменений знаков. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на Историю Человечества, всё же единую, в которую разделение и произвольная изоляция внесли замешательство» [2].

Действительно, в современной отечественной поэзии возродился повышенный интерес к политическому факту, событиям истории. Поэтическое высказывание о политических и других фактах предшествующей и современной Истории приобретает особенно напряженное (но нериторическое!) звучание не только от того, что задето одно слагаемое исторической упорядоченности – нарушен ход вещей, но личность поэта вбирает в себя всё напряжение сбившегося исторического равновесия с тем, чтобы избыток его в своем творчестве. Художественной

сверхцелью такого рода поэтических высказываний становится не столько описание собственной реакции и переживания по поводу происходящих событий, сколько бессознательное информирование о массовом преобразовании исторического стереотипа восприятия и мышления:

И я думаю...
Что пора бы народам прекратить воевать,
Потому что стрелковым обычным оружием
Никого уже не победить,
Совершенные системы наведения
Все дело сведут к взаимному истреблению
Или самоуничтожению.
А поскольку воевать уже никакого смысла уж нет,
Все равно никто никого не победит,
Сколько ни бейся,
Надо всем заключить боевую ничью,
И подумать о том, как же нам быть дальше?...

(О. Жанайдаров, «Аттила» [3, с.229]).

Так поэты, идущие за Олжасом, уничтожают условную границу, отделяющую бытие человека от автономии политики, день сегодняшний – от вчерашней истории, так на новом поэтическом витке постигается наука ответственности за Свое и Чужое (Другое) историческое время.

По сравнению с 1960-ми годами политической и поэтической «оттепели», знаковой фигурой которых явилась поэзия Олжаса Сулейменова, конец XX – начало XXI веков не имеют такого общепризнанного лидера. Эту особенность не следует воспринимать в негативном плане. С одной стороны, читатель знаком с поэзией Б.Канапьянова, Б.Каирбекова, Д.Накипова, М.Райымбекулы, И. Сапарбай, - но ни один из названных и иных поэтов не подобрал в свое творчество весь социальный заказ эпохи. И это нельзя оценивать как «хорошо» или «плохо». Это объективная реальность. Это закономерность, обусловленная политическим обликом общества и глубинными ментальными процессами. Возможно, это свойство современной литературной ситуации демонстрирует и постмодернистскую самодостаточность личности, и истинный плюрализм современной поэзии, где уровень значимости поэтического вклада измеряется не возрастом пишущего, не приближенностью-удаленностью от культурных центров страны, не качеством издания сборников и даже не количеством написанного и изданного (как бы парадоксально это ни звучало!), но *степенью вовлеченности в художественное постижение духа эпохи*. Все чаще в поэтических текстах последних лет события глобальной значимости переживаются как глубоко личные, и, наоборот, каждое движение души осмысливается в проекции на духовное состояние человечества. Именно эта сопряженность личности и общества образует так называемое *новое историческое мышление, которое уже не отделяет частное бытие от событийности глобального значения*, - это наследство, переданное О.Сулейменовым. В известном смысле можно говорить о появлении нового типа личности.

Высокая книжная культура позволила Олжасу Сулейменову создать неповторимый стиль, соединяющий виртуозное владение литературными цитатами, риторику, экспрессию образа и бесконечный эксперимент с формами и жанрами. Этот олжасовский стиль благодарно наследуется его преемниками. Авторы стихов, поэм, циклов, книг конца XX – начала XXI веков насыщают тексты самой разнообразной информацией из всех областей экономики, политики, науки, проявляют современные методы анализа предшествующей литературы.

Ты слышишь, Отрар, то не ветры поют,
То Азия плачет над пеплом твоим...

(М. Шаханов, «Отрарская поэма о побежденном

победителе, или Просчет Чингисхана» [4, с.26]),

До Белой Аруаны это было...

«Сервантес смеялся над рыцарями»...

Акутагава над самураями...

(Д. Накипов, «Трепанация дней» [5, с.107]),

И встала перед Аттилой проблема вечности -

Воевать с ней, с вечностью, или не воевать...

(О. Жанайдаров, «Аттила» [3, с.226]),

А народ, мед нам в рот, парится

в явь выходит из снов медленно –

сквозь бетонный оплот партии
сквозь основы основ Ленина
(Д.Грунин, «По ступам строк» [6, с.28]).

Ни один из жанров, востребованных поэзией порубежья, не выдержан в одном регистре жанрово-канонического настроения. Все каноны разрушены и собраны сознанием автора-современника: последний помнит о традиции, расширяет свои познания, соединяя в поле художественного творчества разные культурные пласты, и одновременно, пытаясь реформировать извечные каноны жанра, чтобы проявить свою индивидуальность, проучаствовать в состязании с великими предшественниками.

Тенденция на мышление большими контекстами, проявившаяся в творчестве О.Сулейменова приблизительно во второй половине 1970-х – начале 1980 годов, обернулась активным экспериментом его современников с лирическим циклом, поэмой, книгами. Среди поэтов-последователей В. Антонов, К. Бакбергенов, А. Еженова, Б. Каирбеков, Б. Канапьянов, В. Киктенко, И. Потахина, А. Соловьев, Н. Чернова, Л. Медведева, Л. Шашкова, А. Ширяев, О. Шиленко. Позднее к этим поискам примкнуло новое поколение поэтов: Д.Накипов, Е. Ашим, С. Багай, Е. Барабанщиков, Е. Зейферт, Г. Имамбаев, М.Исенов, Е. Жумагулов, Н.Садыков, К. Омар, И. Полуяхтов, К.С.Фарай. В те же 1970-е годы «Глиняная» и «Голубиная» книги О.Сулейменова были отмечены читателями и ведущими российскими литературоведами как совершенные образцы художественности. Но эти же книжные контексты совершенно по-новому были прочитаны новым поколением поэтов, среди которых В. Киктенко с “книгой детства” “Световид”, «Волшебная книга» А. Соловьева, “книга поэзии” «Песнь моллюска» Д. Накипова. Исследование этих книжных контекстов в соотношении с книгами О. Сулейменова позволило обнаружить естественную текучесть и преемственность современного поэтического процесса.

В риторических фигурах поэм О.Сулейменова угадывалось стремление разбудить сознание диалогизирующего «я», заставить его проснуться:

...Разгадай:

Почему люди тянутся к звездам!

Почему в наших песнях

Герой – это сокол! (О.Сулейменов «Земля, поклонись человеку!» [1, 200]),

Посмотрите,

Он встал,

Нет, он так же сидит за штурвалом

Почернелый, усталый... (О.Сулейменов, «Хлебная ночь» [1, 207]).

Гораздо реже О.Сулейменов использует фигуру «я»-речи, в то время как современная казахстанская поэма сосредоточена на признании приоритета личностного начала. Мировоззрением и духовностью субъекта поэмы обусловлен выбор материала поэтических раздумий, лирический сюжет с частой сменой предельно субъективных ассоциаций, принципиальная незавершенность текста, характер и форма использования культурно-исторического материала, тип композиции, доминирующая образность, интонационно-речевая организация поэмы. «Я» лирического героя не «прячется», но, наоборот, декларируется. Так маркированно начинаются поэмы:

Из слов, как из гранитных монолитов,

Я складываю песню-пирамиду...

(Л. Медведева, «Формула забвения» [7, 112]),

Я сегодня с утра произвольно сотворил пять

искажений...

(Д. Накипов, «Песня моллюска» [5, 9]),

Не кричите, подземные птицы,

Я помню разгулявшийся Иртыш!...

(Н. Чернова, «Иртыш» [8, 280]).

Лироэпическое творчество О. Сулейменова определенным образом повлияло на интенсивность освоения дву- и русскоязычными авторами ментальных особенностей казахского словесного искусства. Так, ряд поэтов (Е. Курдаков, В. Киктенко, Н. Чернова, В. Шостко, А. Корчевский), являясь носителями «другой» (некоренной) языковой культуры, тем не менее обратились к жанрам казахской народной поэзии как источникам обновления художественной картины мира. Примечательно, что полифонизм поэмы, как правило, образуется соединением лексико-стилистических и формально-поэтических параметров нескольких фольклорных жанров одновременно. Таковы поэмы К. Салықова, Д. Накипова, Ж. Бөдешұлы, О. Жанайдарова, И. Сапарбаева.

Сравнение сюжетных типов построений лироэпоса позволяет найти еще одну разницу: в отличие от поэм О.Сулейменова, построенных на логике восхождения от частного наблюдения к обобщению, новый тип освоения историко-политической событийности обнаруживается в том, что предметом лирического переживания в поэме 1990-х стал не частнополитический прецедент, касающийся жизни казахстанцев обозначенного периода, но глобальные События, повлиявшие на преобразование всего экзистенциального опыта человечества. Так поэмой рубежа тысячелетий драматизированы темы непрекращающихся войн, политической эмиграции, терроризма, неблагоприятного советского прошлого. В поэмах Д.Накипова (“Песня моллюска. Поэма контрапункта”, “Праздник хризантем. Поэма-цепочка”, «Неизбывность. Поэма-рефрен»), М. Райымбекұлы («Арман. Метапоэма»), О. Жанайдарова (“Аттила”), Ю. Грунина (“По стропам строк”, “Фантасмагория бытия”), Л. Медведевой (“Шелковый путь”, “Формула забвения”), М. Исенова (“Житие можжевельника в дождь”), Е. Зейферт (“Смерть-шоколадка”. Лироэпический верлибр. Шокопоэма”) активное лирическое начало способствовало пересозданию поэмого жанрового мироздания и послужило одним из способов воссоздания эпической картины мира.

Как видим, одной из наиболее значимых причин периодически свершающихся жанровых перерождений является фактор изменения личностного сознания. Ни социально-политические, ни культурно-исторические, ни природные катаклизмы не смогут повлиять на поэтическое обновление, если названные явления не будут пропущены через сердце художника-творца и воспринимающее сознание современника.

Даже явление массовой культуры стихописания (бытовое стихотворчество), являющееся важной составляющей современной культуры, сегодня индуцирует рост уровня индивидуально-личностного сознания. Если первая волна поэтического интереса пришла на 1960-е годы (и читатель более внимал голосам поэтов своего времени, заучивал их тексты, подражал им), то в конце 1990-х – начале 2000-х годов назрело желание к самостоятельному поэтическому изъяснению.

Активная экспансия лирики в другие сферы человеческой деятельности также впервые и наиболее ярко была обозначена творческой самореализацией О.Сулейменова, пришедшего в литературу с профессией геолога, ставшего Поэтом эпохального масштаба и позднее стяжавшего славу режиссера. В 1980-2000 годы мы наблюдали, как поэзия Казахстана «перетянула» талантливых и рефлексирующих (что одно от другого неотделимо) личностей из философии (мы писали о так называемом уникальном явлении поэзии философов, к которому причастны И.Зарипова и С.Колчигин [9]), ту же ситуацию можно обнаружить в повязанности поэзии с другими видами искусств. Так казахстанский художник-монументалист Юрий Функоринео хорошо известен как автор многих интересных поэтических экспериментов, и, наоборот, мало кто знает, что поэт Кайрат Бакбергенев – талантливый дизайнер, что резьба по дереву – основная профессия Евгения Курдакова (ныне покойного), что Любовь Медведева, Л.Калаус, Д.Кабдолова увлекаются художественной графикой.

Интереснейшим фактом нашего культурного развития стала установка на консолидацию творческих сил кинематографа и поэзии. Хорошо известная в массмедийных кругах Алматы «видеопэзия» Бахытжана Канапьянова стала единственной в Казахстане формой унификации такого союза двух видов искусств. Поэт современности Бахыт Каирбеков также является режиссером многих документальных кинолент. В автоаннотациях к своим поэтическим сборникам Хаким Булибеков – профессиональный сценарист и режиссер – называет поэзию самым важным делом своей жизни. Наконец, одной из репрезентативных является судьба Дюсенбека Накипова – либреттиста, сценариста и Поэта.

Новые графические, орфографические, просодические, синтаксические нормы, предложенные О.Сулейменовым, настолько органично вошли в поэтическую культуру современника, что в постмодернистских экспериментах 1990-2000-х годов молодые авторы смогли сразу набрать “новую высоту”, не задерживаясь на игровых формах и экспериментах. В стихах поэтов «нового Поиска» (позволим себе такое обозначение) на первое место выдвигаются узнаваемо-олжасовские произносительно-интонационное начало и визуально-графическое оформление текста. Распространенные синтаксические конструкции, переливающиеся за «края» стихов, различного вида анжамбеманы, обращения и вводные конструкции, риторические фигуры, обилие средств эмоциональной выразительности (инверсии, анаколуфы, анафоры) в современной казахстанской поэзии работают на создание образа мысли нового человека, раскрепощенного в поступках и способного Словом взорвать обывательскую инерцию проживания жизни. Так в далекие 1960-е был намечен абрис новой поэзии, цель которой – постижение состояния мира через обновленную концепцию личности. Обозначенные и многие другие черты современного литературного процесса свидетельствуют о самом непосредственном влиянии творчества, личности О.Сулейменова на современную поэзию.

Значит, звезды

еще образуются,

значит, искры
еще возгораются,
если где-то
глаза – амбразурами,
Наши
скорости ускорятся
(О.Сулейменов, «Земля, поклонись человеку!» [1, 226]).

Литература:

1. Сулейменов О. Преодоление. – А-А:Жазушы, 1987. – 416 с.
2. Робель Л.// https://ru.wikipedia.org/wiki/Сулейменов_Олжас_Омарович
3. Жанайдаров О. Атилла // Аманат. – 2001. - №3-4. - С.225-230.
4. Шаханов М. Время стреляет из лука. – Москва: Советский писатель, 1988. – 143 с.
5. Накипов Д. Песня моллюска. Книга поэзии. - Алматы: Отау, 2000. – 224 с.
6. Грунин Ю. По стропам строк. Поэма // Нива. – 2001. - №5. - С. 21-37.
7. Медведева Л. Сокровенное солнце. - Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2000. – 130 с.
8. Чернова Н. Солнцеворот. – Астана: Елорда, 2000. – 384 с.
9. Тольсбаева Ж.Ж. «Поэзия философов» как уникальное явление культуры Казахстана рубежа тысячелетий.//

Литературная критика: вчера, сегодня, завтра. Сборник конкурсных критических статей, опубликованных в газете «Книголюб» в 2002-2003 гг. – Алматы, 2003. – С.51-55; Тольсбаева Ж.Ж. Философия суфизма в поэзии рубежа ХХ-ХХІ вв.// Материалы международной научно-практической конференции «Духовность народа и её выражение в русской и казахской культуре» - Семипалатинск, 2003. – С.203-210; Тольсбаева Ж.Ж. Принципы жанрообразования триптиха С.Колчигина «В духе Корана». // Материалы II Республиканской научно-практической конференции «Проблемы лингвистики начала ХХІ века» (14-15 октября 2004 г.). - Караганда, 2004. - С.122 -126; Тольсбаева Ж.Ж. Ещё раз о философии в литературе, или лирика вместо философии// Вестник Барнаульского ГПИ. – 2007. - № 4. – С. 5-12

«ВОЗВЫСИТЬ СТЕПЬ, НЕ УНИЖАЯ ГОРЫ», ИЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Касымов Р.Т.
КазНУ им.аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Аннотация: В статье рассматривается специфика репрезентации темы родины в творчестве О.Сулейменова, ее роль в организации пространства художественного мира поэта, системы образов его прозы. Особое внимание уделяется рассмотрению полисемантической образа степи, который наполнен национально-смысловыми ассоциациями.

Ключевые слова: поэтическая личность, символ, кочевое пространство, поэтический диалог

В 2016 году исполняется 80 лет со дня рождения известного казахстанского поэта Олжаса Сулейменова, чье имя известно широкой читательской аудитории. Поэтическая языковая личность является носителем особой поэтической картины мира, в которой выделяют три основных момента: когнитивную составляющую, интерпретационный характер и семиотическую природу. Поэтическую языковую личность следует рассматривать как уникальный тип языковой личности, потому что за любым текстом стоит не система языка, а языковая личность, владеющая системой языка [1, с.27], и «...за каждой языковой личностью стоит множество производимых ею текстов (дискурсов) [2, с.6]. В порождаемых такой личностью произведениях отражается не только жанрово-стилевое разнообразие поэтической речи, но и тезаурус самого поэта.

В поэзии Олжаса Сулейменова существует противопоставление контрастных понятий, которое проявляется в пространственных образах (*Небо и Земля, горы и степь, космическое – земное*). Его стихотворения насыщены образами-символами, характерными для кочевых культур. Это образы степи, всадника, коня, образы-топонимы, а также цветовые и звуковые символы.

С одной стороны, природа для поэта – это философское осмысление движения, заложенного в жизни; это вечное движение и безмолвный покой Вселенной, это и воплощение идеала красоты и совершенства:

*Я влюблен в Красоту.
Я мечтал о ней сотни веков.
Пришивался к кресту.
Возносил и сносил богов.
Я создал эти реки
И ветер швырнул в моря.
Ты, Земля,
Поклонись Человеку,*

Твой бог - Я.

С другой стороны – природа для Олжаса Сулейменова - это очень близкое, родное. Это и половецкий край, и озеро Кургальджино, и Бетпак-Дала, и «*дикие кони в степях Джетысу*», и «*беспокойное синее небо*». Интересно отметить, что «мир поворачивается к каждому из нас его родной землей. Она насыщает наши глаза то молодой травой, то пушистым снегом, она открывает нам стволы берез или гигантским ветром вознесенные высоко над землей листья пальмы» [3, с. 58]. Поэтому не случайно, что через все творчество поэта проходит тема родной земли, на все он смотрит сквозь призму родной степи:

*Я поехал бы в штат Небраска,
Но мне надо спешить на родину,
Там такой же пейзаж неброский,
Я поеду к себе на родину.*

*Я поеду в адайские прерии,
Там колючки, жара и морозы,
Пыль и кони такие! Прелесть!
Я поеду к себе на родину...*

Слово *степь*, наполненное национально-смысловыми ассоциациями, предстает и как круг человеческой жизни в этом огромном пространстве, и как круговорот природных явлений. В круговороте событий, повседневных забот протекает жизнь обычного кочевника: «Вот эта призрачность помещения, мнимость, необязательность, так сказать, факультативность крыши над головой, так что в любую минуту она может исчезнуть, как мираж, и опять человек прямо в открытом космосе оказывается, - коренной устой мироощущения киргиза. Этому соответствует и его жилье. Такое воздушное и легко снимаемое помещение, как юрта, не создает у человека ощущения закрытости, защищенности (как *дом, изба, камин и кружка*, при том, что ветер остается за окном – у северян): он и в помещении ощущает себя раздетым, – лучи мирового пространства, беспрепятственно проникая сквозь «стенки» юрты, всегда отлучают человека: он кожей и нутром чувствует эту свою пронизанность» [4, с.256].

Поэт говорит о Родине с большой любовью, проникновенной нежностью, щемящей болью. Вся красота родной степи отразилась в стихах, наполненных трепетным отношением к родной земле:

*Степь не любила высоких гор,
Плоская степь
Не любила торчащих деревьев.
Я на десять столетий вперед
Вам бросаю укор,
О казахи мои, молодые и древние!..
Степь тянула к себе
Так, что ноги под тяжестьюгнулись...*

Поэт стремится «возвысить степь, не унижая горы», найти ее достойное место в планетарном масштабе.

Национальное своеобразие слов заключается в том, что они «... обладают удивительным свойством: у них есть свой национальный облик, национальный аромат и вкус, которые в совокупности создают совершенно своеобразную систему литературно-художественных ассоциаций, и едва ли не всякое слово-понятие в одном языке не совсем и не всегда полностью соотносимо, с – казалось бы – тем же словом-понятием в другом» [5, с.67]. Русскому слову *степь* в казахском языке есть лексический аналог – *дала, ай дала, байтақ дала, ен байтақ дала, кең байтақ жер, жайқын дала, мидай дала*. Но слово «...«дала» для казаха не совсем то, что «*степь*» для русского – или тем более – для немца, в языке которого для обозначения этого понятия и своего слова не оказалось («Die Steppе»)» [5, с.67-68]. Слово «*степь*», по выражению С.И. Селивановой, – «...это не просто слово с национально-культурным компонентом семантики. А по существу две разных лексических единицы с несовпадающими понятийными полями. Неразделимость человека и природы, человека и космоса, обусловленная спецификой кочевой жизни под открытым небом, в открытом пространстве (войлочная, легко складывающаяся и легко разрушаемая юрта, напоминающая зонтик, – ненадежная защита человеку от всепроникающих сил космоса), рождает особое созерцательное слияние с миром, полную растворенность в природе, в степи, живущей с человеком в одном ритме» [6, с.46].

Поэт так говорит о Земле: «*Земля – это круг, перечеркнутый тонким крестом...*». Этот круг – символ кочевничества, так как «форма сферического жилья – юрты – связана с географическими условиями места обитания – степью, так же, как четырехугольная форма избы могла возникнуть только среди деревьев. Параллель стволов деревьев создала обусловленную форму квадрата, так как

в лесу небо никак не может быть круглым, оно только прямое. Треугольные вигвамы повторяют острую геометрию скал, гор (сакли), ледников (чумы). Сфера юрты является маленькой копией сферы небосвода над степью» [5]. Казахская юрта представляет собой синтез лингвистического и культурного значения: «Три геометрические исходные: вертикаль горы, плоскость степи и сферичность небосвода создали внутреннее пространство юрты – полукруг жилища, плоскость пола и вертикаль-бакан, ставящийся при сборке юрты» [4, с.11].

Не случайно существует предположение, что у кочевых народов, «...понятие пространства ... должно превалировать над понятием времени (у земледельцев, очевидно, наоборот)» [3, с.256]. Кочевое пространство в его поэзии предстает в двух планах: горизонтальном и вертикальном: «... конь – космос кочевника, его единство, божество, увешанное всеми атрибутами бытия и мироздания <...> Наконец, конь – это верхняя часть Космоса. «Пища для человека – сила, лошадь – крылья». «Упавший по своей вине не жалуется». Все остальные животные земны, к ней тяготеют, в нее глядят. Конь – глядит вперед и вверх (грива = крылья) и отрывается от земли, преодолевает притяжение и взлетает. А вместе с ним и человек. Человек верхом – уже член неба, верха мира: от земли и ее тяготений он уже освобожден, опосредован конем» [3, с. 261-262].

Образ путника-кочевника – один из главных мотивов его поэзии: «*Кочевник*», «*Кочевье перед зимой*», «*Возвращение*», «*Кто-то медленно скачет и скачет во сне...*». Образы дороги и бескрайней степи тесно связаны с темой поиска смысла жизни. «Вся земля была для кочевника вращающимся шаром, потому что он кочевал по кругу в семьсот километров от джайляу (кетовки) к куздеу (осенней точке откочевки), от куздеу к кыстау (зимнему месту жилья), от кыстау к коктеу (весеннему) и от коктеу снова к джайляу» [5, с. 17].

Жизненное кредо поэта, на наш взгляд, выражено в стихотворении, где он пишет:

*Дважды слов своих не повторял,
попусту не вынимал кинжала,
находил всегда – что потерял,
только то я брал,
что мне судьба давала.*

Строки из стихотворения Эдуардаса Межелайтиса «Человек»:

*В шар земной упираюсь ногами,
Солнца шар я держу на руках.
Так стою, меж двумя шарами —
Солнечным и земным.*

– удивительно перекликаются с сулейменовскими, которые пронизаны мыслями об ответственности за судьбу человечества и в которых звучит гимн человеку, родной земле:

*Как зеркало – я между ними,
внук скотоводов известных
от Оно до ныне.*

Концепция «зеркала» применима к этапу рефлексии, так как в бытии есть не только субъект, но и другой субъект – «зеркало», которое отражает и то, что я воспринял, и меня самого. Для человека другой человек – мерило, выразитель его «человечности» [8, с. 69], потому что «...мы весь мир видим в зеркальных отражениях. В том числе и самих себя. То, что в нас происходит, нам более всего недоступно. Например, что я на самом деле чувствую, думаю и т.д. Не то, что «я думаю, я думаю», а чем я думаю. Этого фактически я никогда не знаю» [7, с. 52].

На исходе второго тысячелетия и начале третьего мощно заявила о себе платоновская (сократическая) линия расположения «идей» в речи-рассуждении, возврат к сократовскому идеалу, вызывающему к целостности, к интеграции, т.е. ко всему тому, что служит объединению людей. В нашем хрупком мире существует острая, настоятельная необходимость найти общий язык в общении с другими, вести гармонизирующий диалог культур.

Сегодня как никогда не потеряли своей актуальности слова поэта:

*Океаны не покидают Землю,
Они верят. Солнце
Сердцем бьётся в земле.
Оно верит.
Мы сами
себя для жизни растим.
Мы ведь тоже верим,
что:
Нет Востока,*

*И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Два сына есть у отца.
Нет Востока,
И Запада нет.
Есть*

*Восход и закат,
Есть большое слово —
ЗЕМЛЯ!
Большое на всех языках.*

На исходе второго тысячелетия и начале третьего мощно заявила о себе платоновская (сократическая) линия расположения «идей» в речи-рассуждении, возврат к сократовскому идеалу, взывающему к целостности, к интеграции, т.е. ко всему тому, что служит объединению людей. В нашем хрупком мире существует острая, настоятельная необходимость найти общий язык в общении с другими, вести гармонизирующий диалог культур. И в поэзии Олжаса Сулейменова можно проследить, как он ищет то, что объединяло бы все народы, как он ищет язык, который был бы понятен каждому и который бы помог объединить всех живущих на этой земле.

Литература:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
2. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
3. Бромлей Ю., Подольный Р. Человечество – это народы. – М.: Мысль, 1990. – 391 с.
4. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.
5. Бельгер Г. Лики слова. – Алматы: Билим, 1996. – 272 с.
6. Селиванова С.И. Национальные образы мира // Русский язык в СССР. – 1991. – № 12. – С.43-46.
7. Каракузова Ж. К., Хасанов М. Ш. Космос казахской культуры. – Алматы, 1993. – 79 с.
8. Каракузова Ж.К. Казахская культура и символы. – Алматы, 1997. – 70 с.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
10. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Издат.группа «Прогресс». «Культура». – 1992. – 416 с.

ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Унгарбаева Г.И.

АРГУ им.К.Жубанова

Абдиргазиева А.Б.

*Зап.-КазГМУ им.М.Оспанова,
Казахстан, Актобе*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы толерантности в аспекте речевой коммуникации на материале лингвистических и исторических источников нашего государства. В современном мире, когда религиозная и национальная нетерпимость стали реальной угрозой не только государственной, но и глобальной стабильности, возникает потребность в изучении форм речевого общения, которые можно назвать толерантными. Поэтому каждый гражданин многонациональной Республики Казахстан должен понимать и адекватно использовать толерантные формы в соответствии с ситуацией общения. Авторами предпринята попытка создания периодизации пластов толерантной речевой коммуникации. Рассмотрение истории развития казахского народа с точки зрения проявления толерантности в процессе речевого общения позволило выделить шесть этапов. Сегодня толерантность как категория, регулирующая межличностные отношения, стала восприниматься как залог успешного межнационального взаимодействия.

Ключевые слова: речевая коммуникация, толерантность, терпимость, межкультурная коммуникация, межнациональное взаимодействие.

Казахстан - полиэтничная страна, где вопросы взаимоотношения и согласия в обществе решаются на государственном уровне. В сегодняшнем мире, когда религиозная и национальная нетерпимость стали реальной угрозой не только государственной, но и глобальной стабильности, Казахстан показывает, что в стране, где более 130 национальностей и 30 религиозных конфессий, благодаря толерантности в государственной политике, можно добиться согласия и гармонии.

Возникает потребность в изучении форм речевого общения, которые можно назвать толерантными. Общее содержание понятия толерантности не исключает того, что в разных языках в

зависимости от исторического опыта народов оно имеет различные смысловые оттенки. В английском языке толерантность - «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь», во французском - «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов». В китайском языке быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других». В казахском языковом сознании понятие «терпимость» сближается с понятием «толерантность». Слово *tөзімділік* - «шыдамдылық, көнбістік» / «терпеливость, выдержанность» - обозначает одобряемое народом и свойственное ему терпимое отношение к *другому/чужому*. Принятие *другого* вырабатывалось на протяжении длительного времени совместного проживания казахов и представителей других национальностей. Неслучайно понятие «толерантность» связывается казахстанскими философами с идеей евразийства (С.А. Акатай, Т.К. Бурбаев, А.К. Каиржанов, М. Нысанбаев, Г. Соловьева, Т.Г. Шляхтич и др.). Исследователи отмечают исконные базовые ценности, выработанные в Евразийской степи: терпимость, отзывчивость, доверчивость, открытость, душевность, щедрость, примат духовного над материальным, коллективизм, компромисс.

Значения слов «толерантность» («толеранттылық») и «терпимость» («төзімділік») в русском и казахском языках, в основном, совпадают: «терпимость к чужому», «непротивление», «умение принять, стерпеть недолжное». Кроме того, намечается и основная дифференциальная линия в значении лексемы «терпимость» («төзімділік»). В русском языке ее основной идентификатор – «спокойное, снисходительное отношение к чужому» (область душевных свойств). В казахском языке - это еще и «проявление выдержки, выносливости, сдержанности, умение обладать собой» (область физических свойств и специфических черт характера человека).

Базовые ценности позволяют регулировать внутрикультурные и межкультурные общественные отношения на основе взаимопонимания, взаимовосприятия. Можно сказать, что сегодня толерантность как категория, регулирующая межличностные отношения, стала восприниматься как залог успешного межнационального взаимодействия. Идея евразийства - это идея межцивилизационного, межконфессионального и культурного сотрудничества, актуализирующего идеи мира, толерантности и гармоничного взаимодействия в качестве единственно возможного способа существования человека в XXI столетии.

Особенности национального характера формируют определенные ментальные образцы, играющие роль предписаний для поведения в данном культурном сообществе, а также лингвокультурные константы, проявляющиеся с особым своеобразием во фразеологии и паремиологии. Толерантность в казахской лингвокультуре проявляется в выносливости, уравновешенности, сопровождается степенностью, благородством, умеренностью во всем, удовлетворенностью, что подтверждается целым рядом лексических единиц, имеющих сходное значение: «канағатшылдық» («умеренность, довольствование малым»), «ынсапшылдық» (совестливость), «имандылық» (праведность, вера в бога), «тәубешілдік» (довольство, удовлетворенность своей судьбой), «шүкіршілік» (благодарение, удовлетворение). Казахи рассматривают толерантность как явление, генетически присущее казахам, свойственное их характеру. Она проявляется в выдержке, умении сохранять внутреннее спокойствие, душевное равновесие, что приводит людей к социальной гармонии и создает мир в душе человека.

Казахская философская мысль всегда стремилась определить пути установления лояльных, неагрессивных, доброжелательных отношений между различными людьми, социальными слоями и государствами. На протяжении всей своей истории казахская философия, ориентированная на сохранение гармонии мира, выдвигала идеи толерантности и духовного согласия, которые в настоящее время приобрели глобальный характер.

В условиях кочевого образа жизни, когда основным источником жизни было скотоводство, когда целыми месяцами казахи могли не видеться с людьми из другого рода или племени, обычай гостеприимства следует оценивать, на наш взгляд, как своеобразное проявление толерантного сознания и гуманизма, свойственного казахскому народу, жившему в территориально-разрозненных, природно-суровых и социально-тяжелых условиях жизни.

В условиях территориальной разобщенности гость из другого рода или представитель иного народа был вестником из внешнего мира, своеобразным проводником его культуры. Хозяин должен был умереть, защищая своего гостя, даже чужого ему человека. Под защиту брались влюбленные, покинувшие свои края из-за преследования родителей и родственников. Любой гость, независимо от его национальности и возраста, пользовался почетом и уважением.

На наш взгляд, толерантность мировосприятия казахов выражалась в том, что гостеприимство рассматривалось как благо, добродетель и обязательный элемент счастья. Где нет гостеприимства, там нет счастья и радости, считали казахи. Таким образом, основным фактором, который дал

возможность казахам выжить в достаточно суровых условиях территориальной разобщенности и при этом без больших трений установить дружеские отношения с соседними народами, является природная человеческая порядочность в широком смысле слова. В это понятие входят и особая гостеприимность, и взаимопомощь, и незлобивость, а также отзывчивость, открытость всему миру и доброжелательность. Все эти общечеловеческие положительные нормы поведения и нравственные ценности испокон веков формировались как неписанные законы жизни в виде традиционных обычаев и норм, которые соблюдались всеми казахами.

В этической мысли казахов с давних времен шли столкновения мнений на извечную тему «что такое хорошо и что такое плохо», и каждый мыслитель был вправе отстаивать свою точку зрения, свое понимание проблемы. Однако в этом противопоставлении нет противоречия, так как в одном случае речь идет о праве собственного мнения, в другом же - о праве критики со стороны оппонента. Вот где особенно важен толерантный подход в позициях сторон, не допускающий изничтожений или унижений противника.

Для того чтобы осмыслить толерантность процесса речевого взаимодействия, мы рассмотрели, как развивались идеи толерантности параллельно с процессом речевой коммуникации, потому что именно в речевых актах отражалось практически терпимое и нетерпимое отношение человека к предметам речи, к объективным событиям действительности. Нами предпринята попытка создания периодизации пластов толерантной речевой коммуникации. Рассмотрение истории развития казахского народа с точки зрения проявления толерантности в процессе речевого общения позволило нам выделить шесть этапов.

Первый этап связан с мифологической картиной мира, которая в языке отразилась в антонимических парах: добрый - злой, светлый - темный, хороший - плохой и т.п. Данные оппозиции формируют мировоззрение человека с первых дней его существования. Вспомним казахские народные сказки, легенды, героические и лироэпические поэмы: противопоставление добра и зла, друга и врага, своих (казахов) и чужих (врагов) присутствует обязательно в любом произведении устного народного творчества. В легендах возникает образ врага-чужеземца: арабов, монголов, джунгар и т.д., не просто пришедших с иных земель, но и других, не таких, как казахский народ. Уже на первом этапе возникает тип нетерпимости, возникший на основе антонимических оппозиций, включающих понятие: враг - чужой, а друг - свой.

Данный стереотип продолжает существовать и проявляться в процессе современной речевой коммуникации. Современный мир по-прежнему существует на основе противопоставлений: оппозиции свой - чужой, друг - враг и т.п., возникших с того момента, как человек начал осознавать свою принадлежность к определенному социуму и получил возможность выражать свои мысли. Итак, уже на первых этапах человеческого развития слово становится тем инструментом, который позволяет людям или достичь согласия, или порождает вражду. Слово становится инструментом толерантности, единицей, позволяющей определить жизненную позицию говорящего, и оценить «другое национальное «они» равнозначно собственному «мы» <.>. Не случайно в словаре «Этнология» подчеркивается, что «проявлять толерантность - значит рассматривать «чужие» культуры, обычаи, мировоззренческие, политические, этнические своеобразия как достойное, уважительное, ценностное. Толерантность - это основа этнического разнообразия и одновременно политика компромисса, согласия, единства» [1, с.516-517]. Таким образом, этническая составляющая толерантности отражается в первых речевых процессах, потому что оценивание мира как «своего» и «чужого» - это нетолерантная позиция, и данная позиция возникает именно на основе того, что «говорящие на разных языках по-разному оценивают мир».

Второй этап - формирование древнетюркской речевой традиции. Это древнетюркские мифы, предания, легенды, дастаны, созданные в IV-IX веках. Научными исследованиями доказано, что описанные в них события тесно связаны с древней историей казахского народа. Орхон-енисейские письменные памятники, представленные книгами «Ырк битиг», «Алтын ярук», «Китаби дедем Коркут», показали, что у тюркских племен искусство слова отличалось поэтической силой, глубиной мысли и богатством содержания. Среди таких письменных памятников наиболее известны надписи на камнях в честь Бильгекагана и его брата полководца Кюль-Тегина (VI в.). Так, на одном из этих камней высечены изречения о жизни и быте, о культуре, о подвигах древних кочевников на фоне общей истории Тюркского каганата. Конечно, идеи толерантности в казахском сознании возникли под влиянием религиозных постулатов, поэтому толерантность рассматривается как нравственная ценность, являющаяся обязательным компонентом любого общения, в том числе и речевого. Божественная воля, проявлением которой является власть Корана, верность беков и народа Корану, подчинение народа бекам, терпение — таков основной лейтмотив идей, пронизывающих надписи:

«Ол жерге барсаң, Түркі халқы, өлімшісің. Өтүкен жерінде отырып. (Қазынаға) керуен жіберсең, Еш мұңың жоқ. Өтүкен қойнауында отырсаң, Мәңгі елдігіңді сақтайсың сен, Онда түркі

халқы тоқ.» [2] // «Если ты, Тюркский народ, не отделишься от своего кагана, от своих беков, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить безопасно» [3].

В них ясно выражена идеология аристократической верхушки тюркского каганата: требование абсолютной покорности народа кагану и бекам. Вместе с тем, идея благополучия всего тюркского народа проходит красной нитью через обе надписи:

«Аз гана түрк халқы көшпелі еді, Қағаны алып еді, Ақылғөйі білгір еді» // «Народ, у которого есть доблесть, сильный народ».

«Тәңірі, Ұмай, қасиетті жер-су жеңіс берген екен »[2] // «Родина (земля-вода) - это они, надо думать, и даровали нам победу» [3].

Именно в Древнем Казахстане складываются определённые правила толерантного речевого поведения:

«Бұл сөзімді мұқият тыңда, терең ұқ» // «Слушай внимательно, сообрази глубоко»

«Ағам қаған болғанда өзім тардуш халқына шад болдым» [2] // «Мой брат сделал меня человеком» [3].

Одним из эпических произведений древних тюрков является «Китаби дедем Коркут» («Книги моего деда Коркута»), героем которого является певец и музыкант, создатель замечательных мелодий (IX в.). Скоротечность человеческой жизни и неизбежная смерть - вот основная тема песен Коркутата. Он вкладывал в песни мысли о страхе перед смертью и о бегстве от нее. Его музыкальное наследие не только замечательный художественно-эпический памятник, отражающий обычаи, жизнь и быт, верования кочевых племен эпохи раннего средневековья, но и интересный педагогический документ, воспитывающий толерантное поведение: «Ұл ақылды хош көрмес - ата үлгісін көрмесе, қыз жарытып ас бермес - ана үлгісін көрмесе» // «Сын без примера отца наставления не примет, дочь без примера матери угощения не устроит».

«Қонақ келмес үйдің қирағаны жақсы, жылқы жемес шөптің шықпағаны жақсы, адам ішпес ащы судың ағысты жылғаларды кумағаны жақсы, атаның атын былғайтын ақылсыз ұлдың тумағаны жақсы» // «Черным домам, куда не приходит гость, лучше обрушиться; горьким травам, которых не ест конь, лучше бы не вырасти; горьким водам, которых не пьет человек, лучше бы не течь; грубому сыну, от кого нет славы имени отца, лучше бы не родиться на свет»

«Менмен, тәкаппар адамды Тәңірі сүймейді» [2] // Горделивых Бог не любит [3].

Как мудрецу и учителю народа, Коркуту приписываются изречения народной мудрости - пословицы, которые охватывают различные стороны народного быта и мировоззрения.

Казахи, являющиеся наследниками великой кочевой культуры, на протяжении тысячелетий демонстрировали свои адаптационные возможности при постоянно меняющихся внешних условиях. Большую роль сыграл здесь Великий Шелковый путь, наиболее протяженный участок которого проходил через территорию Средней Азии и Казахстана. Следует отметить, что Шелковый путь – одно из наиболее значительных достижений в истории мировой цивилизации. Разветвленные сети караванных дорог пересекали Европу и Азию от Средиземноморья до Китая и служили в эпоху древности и средневековья важным средством торговых связей. Кроме того, Великий Шелковый путь, пролежавший через территорию нашей страны, являлся связующим мостом взаимодействия и диалога цивилизаций и культур Запада и Востока, взаимно обогащая всех участников этого процесса. Караванные пути, с постоянно циркулирующими идеями, знаниями, вероисповеданиями и товарами, на протяжении тысячелетий влияли на менталитет народа древнего Казахстана. Это явление, на наш взгляд, сделало предков казахов толерантными по отношению к иным культурным традициям и влияниям.

Итак, уже в древнетюркском обществе складываются традиции речевой коммуникации, в которых толерантность является важнейшей составной частью.

Третий этап отражён в текстах литературы караханидов – произведений Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик», Махмуда Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк», Ахмета Яссави Диван-и-Хикмет» и т.д.

В X-XII веках образовалось тюркское государство Караханидов. Именно в этот период прославились Фирдоуси, аль-Фараби, Бируни, Ибн Сина (Авиценна), Омар Хайям, Ахмед Яссави, Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари. В XI-XII века пользовались тюркским, арабским и персидским (фарси) языками. Тюркский был языком пришельцев из степи, кочевников, арабский – языком религии, юридического делопроизводства, науки, персидский (фарси) – языком поэзии. Все три языка использовали общемусульманский алфавит – арабский, по-тюркски можно было писать также уйгурским алфавитом. X-XII века являются временем расцвета тюркской культуры, ее «золотым веком». Поэма Юсуфа Баласагуни «Кудатгу билиг» («Благодатное знание») – это первое произведение, написанное на языке тюрков («Да, книг у арабов, таджиков немало, а нашею речью сия

– лишь начало»), в нем собраны знания по различным областям науки и культуры XI века. Большое место отводит автор поэмы вопросам семьи и брака; воспитанию подрастающего поколения, воспитанию терпения, смирения, взаимоотношениям родителей и детей, искусству общения с представителями различных слоев общества. Ю.Баласугуни полагал, что люди должны относиться друг другу с уважением, беречь свое и чужое достоинство. И здесь он пишет, что язык – это величайший дар человеку от бога, и надо достойно с пользой для доброго дела его использовать:

*Көрінеді тілден түйсік, білім де,
Біле білсек жарылқаушы – тіліңде.
Білімсіздер тіліне берік болсын,
Білімдінің тіліне ерік болсын.
Адамға екі нәрсе тірек тегі:
Бірі - тіл, бірі - дінің жүректегі.
Тіл - елшінің қылышы, тіл қылыштан да өткір.
Елдіктің өзегі - білік, кілті – тіл, қадір - қасиеті - кісілік [2].
Язык – переводчик науки и знания,
Язык человеку дарует сиянье.
Язык людям счастье и славу приносит,
И он же карает, и головы косит.
Язык словно лев, что лежит у ворот,
Едва оплошаешь – тебя он сожрет!
Язык придержал – и цела голова,
И долог твой век, если кратки слова [3, с.147].*

Махмуд Кашгари много путешествовал по землям тюрков, записывая слова, легенды, обычаи, песни. Затем он систематизировал собранный лингвистический, исторический и этнографический материал. Так появился «Дивани лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), составленный в 1072-1074 годах и содержащий ценные сведения о жизни тюркских племен XI века. «Словарь» состоит из двух частей: в первой – о цели написания книги, сведения о племенах и родах, говорящих на тюркских языках, во второй части – словарь тюркских наречий, крылатые выражения, образцы устного народного творчества.

Если в этико-педагогических воззрениях Юсуфа Баласагунского, бывшего под сильным влиянием религиозно-мистического учения суфизма, отразились интересы феодальной аристократии династии Караханидов, что нашло свое отражение в оправдании морально-этических норм представителей господствующих классов, то в произведении другого мыслителя, тоже выходца из казахской степи - Ахмеда Югнаки (XII в.) «Хибатал хакаик» («Дары истины») подчеркивалось, что овладение знаниями имеет огромное значение, прежде всего, для нравственного усовершенствования людей от мала до велика. В поэме даются советы и правила, как надо беречь язык, говорится о щедрости и скупости, терпении и опрометчивости, гордости и смирении, жадности и алчности, дается высокая оценка литературе и науке, в ней содержатся притчи, пословицы и поговорки назидательно-дидактического характера:

«Егер билікке қолың жетсе, мақтанба, асып-тасыма», «Бастық болсаң, жайсаң бол», «Кәріге де, жасқа да құрмет көрсет», «Айтар лебізіңді алдыменен ойланып ал».

Ходжа Ахмед Яссави – поэт, глава тюркской ветви суфизма, автор поэтического сборника «Диван-и-Хикмет» («Книга мудрости», или «Назидания») В «Хикметах» Ахмед Яссави учит добру и справедливости, презрению к брэнному богатству, дает мудрые советы: довольствоваться малым, не поддаваться соблазнам и искушениям, уважать бедного человека, осуждать тех, кто стремится только к материальному благополучию. Источником зла являются алчность, стяжательство: *«Алчность сделала людей одержимыми к богатству, Алчность отчуждала людей от Бога, отдав их во власть вещей»* [2, с.166]. Большинство его стихов носит религиозно-назидательный характер.

Таким образом, уже в XII веке в казахской речевой традиции основной целью речи становится умение словом повлиять и заставить действовать. Закладываются новые требования к речи и речевому поведению, складывается новая система ценностей в процессе речевого общения говорящего и слушающего.

Четвёртый этап связан с литературой эпохи Золотой Орды, которая характеризовалась бурным развитием письменной литературы. Из созданных в эпоху Золотой Орды произведений можно выделить следующие - «Кодекс Куманикус», лирическая поэма «Мухаббат-наме» Хорезми, дастан «Гулистан бит-тюрки» Саифа Сарай, дастан «Хосроу и Ширин» Кутба, дастан «Жусуп-Зылиха» Дурбека. «Кодекс куманикус» - словарь, созданный в XIII веке, его рукопись обнаружена в 1363 г. Кипчаков в Европе называли куманами, а на Руси называли половцами. «Кодекс куманикус» позволяет многое узнать о культуре и быте кипчаков XIII века.

В трактате Р. Хорезми «Мухаббат-наме» встречаются такие, например, афоризмы:

«Төзімнен артық нәрсе жоқ» // «Нет ничего лучше терпения»

«Ақыр түбі адалдық жеңеді» // «Верность в конце концов обнаружит себя»

Сайф Сараи в «Гулистане» подчеркивает:

«Адамның артында алтынга толы ақ сандық қалғанша, ізгілікке толы жақсы ат қалғаны мақұл» // «Лучше, если человек оставит после себя доброе имя, чем оставит золота полный ларец». «Іші тар құсадан арылмас, жаны жайсаңның әсте көңілі тарылмас» [2] // «Завистник испытывает огорчение, а щедрые люди постоянно проявляют великодушие» [3].

Пятый этап связан с литературой XV-XVIII веков. Главными темами поэзии жырау XV-XVIII вв. были вопросы сплочения и единства племен, составляющих Казахское ханство, укрепления государства и его воинской мощи. В своих поэтических толғау жырау, наряду с важными государственными проблемами, затрагивали вопросы этики и морали, чести и достоинства, излагали свои думы о жизни и смерти, об изменчивости и бренности мира. Крупнейшими представителями поэзии жырау XV-XVIII вв. были Асан Кайгы жырау (XVв.), Казтуган жырау (XVв.), Доспамбет жырау (XV в.), Сыпыра жырау (XVв.), Шалкииз жырау (XVIв.), Жиёмбет жырау (XVII в.), Маргаска жырау (XVII в.), Ақтамберды жырау (1675-1768), Умбетей жырау (1697-1786), Бухар жырау (1698-1778). Толғау – стихотворение-размышление. Толғау – философско-дидактический жанр в устной литературе казахов. Ведущее место в толғау занимает социально-политическая, философская, дидактическая тематика. Авторы затрагивают важные общественные проблемы, дают объяснения изменениям, происходящим во вселенной, в жизни, в природе, размышляют над вопросами морали. Терме – дидактический жанр казахского фольклора, импровизированный речитатив назидательного характера. Терме состоит из цепочки различных наставлений, сентенций, жизненных наблюдений.

Шешендік сөз – ораторские изречения - это образцы ораторского искусства, которые рождались в процессе спора, полемики, столкновения мнений. Иногда ораторские изречения именуется «словами биев». Прославленными биями казахского народа, мастерами ораторского искусства были Толе-би, Айтеке-би, Казыбек-би. В истории казахского ораторского искусства особое место занимают батыры-ораторы Сырым Датов и Жанибек Кошкар-улы, Кабанбай батыр. Вот, к примеру, слова Кабанбай батыра, которые можно назвать образцом толерантности:

... Алыс-туыс демеймін.

Мұсылман-кәпір демеймін,

Атымды кім атаса,

Соны қолдап жебеймін... [4, с.151-160]

Материалы по истории Древнего Казахстана дают возможность понять: терпимость и компромисс ведут к устойчивости. При изучении великих империй древности - Персидская держава, государство Великих монголов, Западнотюркский каганат - мы увидели, что насильственное объединение, нетерпимость завоевателей к обычаям и культуре покоренных народов способствовали внутренней неустойчивости этих государств, последующей гибели при появлении внешней опасности. В курсе истории средних веков противостояние толерантности и нетерпимости прослеживается через распространение религий на территории Казахстана и отношение к этому различных правителей: Богра-хана, Чингизхана, Тимура и других. В одних случаях, религиозная терпимость содействовала ассимиляции народов и культур, в других - становилась причиной войн и уничтожения целых народов.

Шестой этап – толерантность со времен Абая Кунанбаева до современности.

Одной из примечательных особенностей казахской духовной культуры является тесное переплетение и взаимное плодотворное влияние разных видов творчества: философии, литературы, музыки, политической и религиозной мысли. Так, казахская литература зачастую выступала как способ существования казахской философии, а идеи мыслителей своеобразно интерпретировались казахскими биями, ораторами (шешен), певцами-импровизаторами. Шел процесс взаимообогащения разных видов творчества.

Говоря о характерных чертах казахской этической мысли, нельзя не заметить ее сопричастное милосердное внимание ко всем бедам людским, в ней прослеживается традиционная тесная связь с исламом, который всегда духовно ее питал и способствовал ее обогащению и развитию. Казахская философская этика всегда была социально действенной, выступая как врачеватель общественных пороков. Она была критической по отношению к злу и созидательной по отношению к добру.

Этические размышления казахских мыслителей не сводились к нейтральной терпимости, лояльности по отношению к другим, а звали к великодушию, к активной нравственной позиции добра, справедливости и гуманизма.

Примером подлинного и глубокого понимания традиций иных культур, доброжелательного и заинтересованного обращения к культуре России и Запада, а также признания важности расположенности страны на стыке восточных и западных ветров является Абай. Мыслитель, чье этическое учение является квинтэссенцией казахской философской мысли, впервые в истории народа реализовал и воплотил синтез идей Востока и Запада, чем выразил сокровенные желания, думы и умонастроения казахов. Через все его творения, пронизанные духом толерантности, красной нитью проходит идея межкультурного диалога.

От Абая путь лежит к сокровенным глубинам национального духа и от него же открывается путь к глобализированному восприятию мира. А это в наше время подразумевает разнообразие культур, верований, религий, экономических, социальных и политических устройств, а также всех способов жизни, существующих в гармонии и взаимодействии. Культивируемое разнообразие не означает изоляции людей или культур друг от друга, оно призывает людей к международному, межкультурному контакту и диалогу.

Литература

1. Тавадов Г.Т. Этнология: Словарь-справочник. - М.: Социально-политический журнал, 1998.
2. Ежелгі дәуір әдебиеті / Баспаға әзірлеген: Н. Мәтбек. – Алматы, 2013.
3. Келимбетов Н. Древний период истории казахской литературы. - Алматы: Санат, 1998.
4. Қамалқызы Ж. Қазақ ауыз әдебиетіндегі роман жанры // Вестник ПГУ, серия филологическая, 2010. - №3. – с. 151-160.

ТЮРКСКО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*Жунусова Ж.Н.
ЕНУ им.Л.Н. Гумилева
Байзақова Г.К.
МИА «Казинформ»
Казахстан, Астана*

Аннотация. В статье рассматривается история тюркско-славянских языковых и культурных связей, возникших на перекрестке двух цивилизаций Великой Степи и Киевской Руси. Данную тему можно проследить практически во всех произведениях Олжаса Сулейменова: в поэзии, прозе, публицистике, научных исследованиях. Кроме того, обозначены основные его научные труды, касающиеся этого вопроса. В творчестве общественного деятеля прослеживается взаимосвязь двух народов – русского и казахского, мировоззрения которых благодаря длительному проживанию рядом тесно переплелись. Соответственно, географическое местоположение, так называемое соседство, получили свое отражение во всех сферах жизни, на бытовом и ментальном уровнях. Да и на генетическом уровне происходили изменения – нередко случались межэтнические браки, в которых рождались дети, которые принадлежали и той, и другой культуре, знали их языки, обычаи и традиции.

Ключевые слова: Великая Степь, Древняя Русь, тюркославистика, праязык, диалог цивилизаций, история.

На просторах Евразийского материка, Великой Степи веками происходили процессы: возникали новые народы, которые волнами расселялись по всей территории, пригодной для проживания. Конечно, это не могло не оставить след как в быту, так и в культурной жизни: традициях, языке.

Именно с востока начинались Великие переселения народов: саки, кочевые племена, гунны. Их потомков можно найти практически в любой стране Азии и Европы. «Только когда мы узнаем основу истории, тогда мы сможем по-настоящему говорить о национальной истории. Мы узнаем, откуда наши народы пришли. Они встречались, воевали, мирились, трудились, пока, наконец, не осели на этих землях», – сказал Олжас Сулейменов.

В 1975 году он издал литературоведческую книгу «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», получившую резко отрицательный резонанс в Москве, книга была запрещена, автор 8 лет не издавался и практически перестал писать стихи. Именно в этой книге поэт поднял тему взаимосвязи, культурного обмена двух народов, которая стала «красной нитью» его произведений, как поэзии, так и прозы, научных исследований.

О связи Руси и Степи говорил еще первый евразиец Лев Николаевич Гумилев. Взаимосвязь, взаимозависимость народов, этносов – этой теме были посвящены его книги, между которыми происходили контакты, как в периоды войн, так и мирной жизни. Именно он выдвинул идею пассионарности, посредством которой объяснял причины появления, расцвета и гибели этносов. Вопросу взаимоотношений Древней Руси и кочевников Великой степи на протяжении всего Средневековья посвящена книга Л. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь», в которой описывается история Евразии в XI -XIV веках. Благодаря этому географическому и политическому

соседству произошло взаимопроникновение и языков, и ментальности народов. Прослеживается идейная связь О. Сулейменова с исследовательской деятельностью Льва Гумилева, который оставил великое наследие для последующих поколений (на основе его трудов можно написать не одну научную работу). Наш современник продолжает его традиции, развивает далее теорию взаимосвязи, взаимозависимости и невозможности существования народов изолированно друг от друга.

Олжас Сулейменов подчеркивает, что ни один народ не может жить обособленно, изолированно, всегда были, есть и будут контакты с соседями. «От веков колониальной зависимости, через период независимости, к эпохе осознанной взаимозависимости», – так должно развиваться любое государство, считает О. Сулейменов.

Итак, по мнению О. Сулейменова, «в среде, насыщенной поэзией тюркской речи, и творил неизвестный автор «Слова о полку Игореве», произведения, посвященного одному из исторических эпизодов славяно-тюркской истории. Он, сын своего времени и сословия, свободно и естественно употреблял в тексте не только невидимые уже тюркизмы, но и живые тюркские термины и лексические формулы, не боясь быть непонятым своим читателем. Он рассчитывал на двуязычного читателя XII века».

В более позднем труде «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей» Олжас Сулейменов предложил термин «тюркославистика». Он считает, что языки должны изучаться совместно, так как являются необходимым дополнением друг друга.

«Больше века славянские и тюркские языки изучались изолированно друг от друга. Сегодня мы начинаем понимать, что это противоречило природе взаимосвязанности этносов, знавших на протяжении прошедших тысячелетий длительные периоды двуязычия. Особенно это важно, что такое случалось на ранних этапах становления языков, когда совместно вырабатывались грамматические нормы и происходил активный взаимообмен не только лексическими материалами, но и морфологическими схемами и средствами. Тюркские и славянские словари и грамматики, если поместить их в единое поле зрения, взаимно дополняют друг друга», – отмечает исследователь.

Он считает, что «должна появиться новая дисциплина – тюркославистика, которая поможет устранить противоречия отдельного изучения. И главным ее итогом может стать усовершенствование общего языкознания, на достижения которого, как на фундамент, опираются все общественные науки». Так как происходит постоянный диалог цивилизаций.

На данный момент Олжас Сулейменов занимается проектом восстановления общего для всего человечества праязыка. Его книга «Язык письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества» – подготовка к этимологическому словарю «1001 слово». В ней объясняется метод анализа слова, отличающийся от традиционного тем, что происхождение слова рассматривается в генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом. О. Сулейменов работает над книгой несколько десятков лет, основываясь на этимологических словарях различных языков. В этом труде автор прослеживает возникновение знака и его развитие в различных письменностях. Книга должна вывести филологическую науку на новый уровень и восполнить многие пробелы в языках.

Кроме того, в течение нескольких лет на международном уровне разрабатывается проект «Великие переселения народов». В нем принимают участие ученые из различных областей науки: антропологи, этнографы, историки, археологи, лингвисты. Его цель – доказать, что человечество произошло от единого предка и это нашло отражение в истории, культуре, традициях и обычаях, языках и т.д. Об этом сообщил Олжас Сулейменов в ходе круглого стола «Казахстан: перекресток древних культур» в Национальном музее РК в Астане в 2015 году.

«Первая конференция на тему «Первые Великие переселения народов» состоялась в 2008 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, вторая – «Заселение Америки до Колумба» – состоялась в 2011 г. в Нью-Йорке в Колумбийском университете. Третья международная научно-практическая конференция «Великие переселения народов: заселение Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока до нашей эры», организованная постоянным представительством Казахстана при ЮНЕСКО, прошла в Ханьянском университете (Сеул, Республика Корея) в декабре 2013 г. Четвертая конференция «Великие переселения: Заселение Европы» проходила в Университете Гранады (Испания) в декабре 2014 г.», – отметил общественный деятель.

По словам О. Сулейменова, конференция в Гранаде стала частью реализации Плана действий ЮНЕСКО по проведению «Международного десятилетия сближения культур».

«Пятую конференцию мы планировали провести на Ближнем Востоке. Следующий вопрос – это вопрос заселения древней Передней Азии, в Двуречье Тигра и Евфрата. Сейчас там воюющий Ирак, а тогда, 4 тысячи лет назад, располагалась первая цивилизация, шумерская. Туда в 3-ем тысячелетии переселились древние семиты с юга Аравийского полуострова, и там произошла цивилизация

Вавилона, Сирии и вся история пошла оттуда. Лучше всего было бы провести пятую конференцию в Багдаде, на месте старого Вавилона, но там сейчас беспокойно. Поэтому мы думаем, самое спокойное место на Ближнем Востоке – это Иерусалим.

Для чего мы затеяли такую сложную историю. ЮНЕСКО за 70-летие своего существования занималась многими проектами, общими – образование, наука, но, особенно не вторгаясь в конкретные науки. А мы предложили вот этот глобальный проект, потому что мир уже в некоторых частях чувствует, что он как бы перезрел, вот наша цивилизация закончена, цивилизация вида Homo Sapiens», – отметил О. Сулейменов.

Если говорить об особенностях художественного стиля поэта, то идиостиль Олжаса Сулейменова характеризуются большим употреблением тюркизмов. Тюркизмы в русском языке – это слова, заимствованные из тюркских языков независимо от языка - посредника в русский, древнерусский и праславянский языки в разные исторические периоды. Через тюркские языки в русский язык (как и в западноевропейские языки) попали также и слова арабского и персидского происхождения, имеющие таким образом лингвистический статус тюркизмов (например, хозяин или заимствованные из западноевропейских языков диван, киоск, халва).

Основная масса заимствований приходится на период XVI - XVII веков. В восточнославянских языках тюркизмы восходят к контактам славян с тюркскими и другими племенами, а затем и к периоду монголо-татарского ига. Ряд восточнославянских тюркизмов носит древний характер и встречается в говорах русского, украинского и белорусского языков. Особенно многочисленны тюркизмы в южнорусском наречии (до 30% всего лексического фонда); в то же время тюркизмы практически не встречаются в севернорусском наречии. В языках народов Балкан тюркизмы явились следствием многовекового вхождения в состав Османской империи в рамках более широкой конвергенции (балканский языковой союз); в болгарском языке имеющиеся тюркизмы заимствованы из древнеболгарского языка. В нахско-дагестанские языки тюркизмы привнесены в ходе многовековых языковых контактов (с ногайцами, кумыками, азербайджанцами).

В русском языке большое количество тюркизмов, которые входили в него на протяжении многих веков. Кроме того, исследуя идиостиль Олжаса Сулейменова можно отметить, что тюркизмы им регулярно используются. В этом его индивидуальность, иллюстрация этнической принадлежности и исторического наследия двух народов – особенность языковой личности поэта.

Поэт Олжас Сулейменов большое внимание в своем творчестве уделял отдельным эпизодам мировой истории. Таким образом, можно сделать вывод, что по-прежнему главной идеей творчества Олжаса Сулейменова остается знаменитая цитата: «Возвысить степь, не унижая горы».

Литература:

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1992. – 766 с.
2. Сулейменов О.О. Язык письма: Взгляд в доисторию (о происхождении письменности и языка малого человечества) // Сулейменов О.О. Собрание сочинений в 7 томах. - Т.4. - Кн.2. / Сост. С. Абдулло. – Алматы: Атамұра, 2004. – 319 с.
3. Сулейменов О.О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. - Алма-Ата: Жалын, 1990. –592 С..
4. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории (о происхождении древнетюркских языков и письменностей). - Алматы: Атамұра, 2002. – 320 с.
5. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке – Алма-Ата: Наука, 1976. –350 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕРВЬЮ

Г.П. Байгарина
Казахстанский филиал
МГУ им. М.В. Ломоносова
Казахстан, Астана

Аннотация. В статье представлена попытка моделирования языковой личности О. Сулейменова на материале текстов интервью, которые несут на себе отпечаток ментально-психологических свойств автора, отражают его мировоззренческие установки.

Ключевые слова: Интервью, языковая личность, речевая личность, ключевые слова, метаязыковые высказывания

Языковую личность характеризуют с позиций «языкового сознания и речевого поведения». В современных лингвистических исследованиях языковую личность конкретного человека со ссылкой на идеи, сформулированные В.В. Виноградовым, Г.И. Богиним, Ю.Н. Карауловым и др., реконструируют на основе анализа созданных им текстов «с точки зрения использования в этих текстах

системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определённых целей в этом мире» [1]. Языковую личность в условиях общения рассматривают как коммуникативную личность, то есть как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [2, с. 22]. В.И. Карасик выделяет три плана этого понятия – ценностный, познавательный и поведенческий, которые, по его мнению, соотносимы с известными тремя уровнями структуры языковой личности, выделенными Ю.Н. Карауловым, – вербально-семантическим, когнитивным и прагматическим. Перечисленные уровни коммуникативной личности взаимно дополняют друг друга, и, что важно, все они «соотносятся с языковыми способами выражения, вербальными и невербальными» [2, с. 24]. Однако в условиях реальной речевой деятельности действует конкретная языковая личность, которая в лингвистике получила название «речевой личности» – это личность, «реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [3, с. 51]. Именно на уровне речевой личности проявляются конкретно-индивидуальные особенности языковой личности. Кроме того, В.В. Красных выделяет еще коммуникативную личность – это «конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации». В.В. Красных специально подчеркивает, «что каждый человек, как «человек говорящий», в каждый момент своей речевой деятельности выступает одновременно в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность» [3, с.51].

В центре нашего внимания личность Олжаса Сулейменова, проявленная через тексты интервью. По справедливому мнению, «различные речевые жанры в разной степени пригодны для изучения языковой специфики личности» [4, с.63]. Однако в связи с этим уместно привести мнение М.М. Бахтина о том, что «в разных жанрах могут раскрываться разные слои и стороны индивидуальной личности, индивидуальный стиль может находиться в разных взаимоотношениях с общенародным языком» [5, с.254]. На наш взгляд, в жанре интервью, в котором, естественно, проявлены лишь некоторые особенности языковой личности, некоторые ее речевые предпочтения, достаточно ярко отражаются мировоззренческие установки интервьюируемого. Не случайно, интервью оказалось, пожалуй, самым востребованным в современную эпоху жанров публицистики. Интервью относят к одному из самых распространенных типов устного публичного диалога (термин ученого Е.И. Голановой), характеризующегося рядом признаков, среди которых – «публичность, официальность, наличие определенной цели, обращенность к адресату» [6, с. 252]. При сохранении традиционного вопросно-ответного построения интервью в качестве отличительного признака этого жанра характеризуется наличием «второго («двойного») адресата», то есть массовой аудитории, чему жанр интервью обязан средствам массовой информации. Обращенность информации к широкой аудитории, массовому адресату накладывает отпечаток на саму форму интервью, на статусно-ролевые отношения коммуникантов, сказывается на способах аргументации, на выборе коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых средств. Жанр интервью, традиционно рассматриваемый в журналистике как метод получения информации, претерпел ряд изменений, что обусловлено в первую очередь актуализацией личностного начала в этом виде дискурса. Чаще всего информация о том или ином актуальном событии подается через призму индивидуального мнения интервьюируемого, что свидетельствует об усилении аналитического элемента в текстах интервью. В такого рода интервью собеседник интересен не только и не столько как источник актуальной информации, но прежде всего привлекает внимание сама личность человека, высказывающего свое мнение по поводу обсуждаемого события.

Тексты интервью занимают значительное место в публичной коммуникации Олжаса Сулейменова. Олжас Омарович Сулейменов, выступающий в роли интервьюируемого, известный поэт, писатель, ученый, общественный деятель – личность яркая, общественно-значимая, что находит отражение в его позиции по отношению к любой обсуждаемой проблеме, его реакции на самые острые вопросы современности, а также в характере речевой деятельности. Все интервью, адресатом которых и, соответственно, участником диалога является О. Сулейменов, можно отнести к той разновидности этого жанра, которая совмещает характеристику интервьюируемого и обсуждение проблемы: «герой на фоне проблемы или проблема сквозь призму характера героя» [7].

В существующих классификациях типов интервью, которые строятся с учетом целей и задач, а также форм его организации, выделяются два типа, актуализированные в современную эпоху, – интервью-мнение и интервью-портрет. Интервью с Олжасом Сулейменовым совмещают признаки обоих отмеченных типов. Им свойственна типовая композиция, однако внекоторых интервью диалог превращается в монолог, что объясняется не только жанровой спецификой, но и

характерологическими свойствами интервьюируемого, а также серьезностью обсуждаемых проблем. Содержанием интервью в основном является обсуждение актуальных вопросов современности, о чем свидетельствуют цитаты из рассуждений интервьюируемого, вынесенные в заголовочную функцию. Например: «Глубина прошлого, широта настоящего и высота будущего», «Мы часто спорим, не совсем понимая предмета спора», «Полная независимость – это большая опасность», «Кредо Олжаса Сулейменова: возвысить степь, не унижая горы», «Национализм ограничивает возможности нации». В большинстве случаев по характеру заголовка можно определить тип интервью: приведенные названия свидетельствуют о личностно-ориентированной информации. Следовательно, это интервью отчасти информационно-аналитического, отчасти портретного типа.

В дискурсе интервью обсуждаемое событие находит реализацию в речевой деятельности интервьюируемого, который как «человек говорящий», по определению В.В. Красных, выступает одновременно и как языковая личность, и как речевая личность, и как коммуникативная личность. Обязательным компонентом структуры речевого жанра является образ автора. Авторское начало О. Сулейменова отчетливо реализовано в его речевых характеристиках, которые выявляют такие конкретно-индивидуальные особенности его личности, как умение отчетливо представлять и отстаивать свою позицию, что может быть расценено как сознательный выбор именно подобной стратегии и тактик общения в форме публичного диалога. Эта особенность проявляется на уровне модальных характеристик его речи, прежде всего, отражается в модальности мнения как иллюкутивной модальности с незначительной дифференциацией категорий знания и мнения. Например, *Каждая жизнь действительно ценная, но жизнь любого рядового человека ценнее, чем жизнь убийцы, это мое глубокое убеждение. Поэтому уверен, прогресс на этом направлении будет. Это неизбежно. Я убежден, что демократия, в западном понимании этого слова, не сразу приживется в обществах с патриархально-общинным сознанием... Я хочу, чтобы на Украине бы лмир. Вот это моя позиция. И меня успокаивает, что пока наша новейшая история развивается по этому сценарию. Весьма грамотно.*

Исследователи проводят различие категорий знания и мнения по параметру истинности пропозиции. Как показал анализ, мнение интервьюируемого, вербализованное в текстах интервью, высказывается с большой степенью уверенности, то есть оно может быть квалифицировано как субъективное знание.

Любое обсуждаемое явление или событие в интерпретации О. Сулейменова как речевой личности обязательно сопровождается мнением-оценкой или мнением-полаганием, но с большой степенью уверенности. Об этом свидетельствует оценка пропозиции в приведенных высказываниях: уверенность в собственной правоте находит выражение в использовании различных показателей достоверности, в том числе модальных слов (наиболее частотны *безусловно, естественно*), глаголов пропозиционального отношения: *я считаю, я думаю, я уверен, я убеждаюсь*. Характерологической особенностью речевого поведения О. Сулейменова является специальное подчеркивание высокой степени достоверности его индивидуально-личностного мнения в отношении к предмету обсуждения, что подтверждается высказываниями типа *Вот это моя позиция; Это мое глубокое убеждение; Вот моя мечта и надежда*.

Активная авторская позиция находит воплощение и в высказываниях с модальным значением долженствования и необходимости: *Молодежь должна знать об опасной вредности таких концепций. Чтобы культуры сблизить, надо понять, почему они разошлись. Мы должны производить товары. Нормальный образованный человек должен сейчас владеть и кириллицей и латиницей. И не надо, приобретая новое, терять нажитое. Это должен быть человек, который мыслит, ни в коем случае, не категориями аульного патриотизма, а очень современный человек*. Среди используемых в текстах интервью модальных предикатов *должен, надо, следует, необходимо* предпочтение отдается *должен*: в высказываниях с *должен* в большей степени, чем с другими модальными маркерами, передается безальтернативное превращение потенциального действия в актуальное. Отмеченные индивидуальные речевые характеристики языковой личности О. Сулейменова, несомненно, обусловлены ее ментально-психологическими особенностями. По нашему мнению, именно этим обстоятельством объясняется такая черта в целом его речевой деятельности, как отсутствие вуалирования собственной позиции. Как известно, к специфическим свойствам современного информационно-коммуникативного поля обычно относят смысловую неопределенность, в которой видят основу «ухода от ответственности за информацию». В редких случаях О. Сулейменов обращается к типичным языковым средствам выражения смысловой неопределенности, содержанием которой являются такие значения, как неизвестность, приблизительность, неясность, неточность. Напротив, он отчетливо проявляет авторское «Я», что также можно считать реализацией стратегии самопрезентации как одного из признаков этого жанра: *я считаю; я полагаю; я думаю; я убежден; я не воспринимаю разглагольствования; кстати, добавлю; меня радует; могу успокоить;*

я вам, как геолог, говорю. Он использует и инклюзивное «МЫ», и лексемы совместности. Показательны контексты, в которых подчеркивается эта включенность «индивидуального» в «общее»: *Мы познали века зависимости; Нам нужна Россия...; Мы явно зависим от их трудоспособности; Мы можем предложить проект «Спасти родину яблока».* Эти специализированные вербальные знаки интеграции, определенные Е.И. Шейгал как маркеры «своих» [8, с.119], позволяют автору отождествлять себя со всеми гражданами своей страны, «апеллировать к общей национальной принадлежности».

Обращает на себя внимание большое количество рефлексивных контекстов: сквозь призму интервью отчетливо проступает рефлексивная составляющая личности О. Сулейменова. В целом языковую рефлексию и метаязыковые высказывания, в которых она вербализована, можно отнести к одному из наиболее важных параметров языковой личности: исследователями с опорой на рефлексивный дискурс выявлены некоторые характеристики языковой личности, например, психологические, социальные, философско-мировоззренческие [9, с.27]. Можно добавить, что в целом метаязыковое сознание рассматривается как составная часть национальной ментальности: в метаязыковых высказываниях отражаются реакции носителей языка, обусловленные мировоззренческими установками и определенными ценностными ориентациями.

Рефлексивная деятельность языкового сознания О. Сулейменова проявляется в интерпретации языковых единиц, как их собственно вербальной стороны, так и в виде оценки (что наблюдается гораздо чаще) явлений, обозначенных интерпретируемой номинацией: оцениваемые факты речи проявляют отношение к обсуждаемой проблеме. Рефлексивный дискурс языковой личности О. Сулейменова представлен как в научной, так и обыденной разновидностях. Первая из них обусловлена его профессиональными интересами, в частности, его занятием этимологией: «Мы считаем, что джунгары – это только предки калмыков. «Джун-го-ар» – «китайское племя». Древнетюркский «ар» – «род, племя» – сохраняется не во всех тюркских языках (<http://www.voxpopuli.kz/interview1154>), как и осмыслением истории тюркских народов и в целом евразийского пространства. Метаязыковые контексты, связанные с профессиональными интересами О. Сулейменова, занимают значительное место в текстах интервью, поскольку, по его мнению, *«лингвистическая истина необходима многим народам. Государства должны щедро инвестировать в этимологию. Ее результаты для политики и безопасности наций не менее важны, чем новейшие виды вооружения»* (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/11/su.html>).

Обыденное метаязыковое сознание языковой личности О.Сулейменова, в котором вербализована его реакция на происходящие в современную эпоху изменения в политической, социальной и культурной жизни общества, часто сопряжено с его научной разновидностью метасознания: *Слова демократия и «демагог» от одного корня. Demagogos «вождь народа» в древнегреческом. ... семантика производных от demos сильно пострадала* (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/11/su.html>). Идет ли обсуждение понятия государства, его границ, в целом, истории Казахстана, языково й ситуации в стране, религии, О. Сулейменов проявляет себя и как писатель, и какученый, и как общественный деятель, и, одновременно, как рядовой носитель языка. Его метаязыковое сознание фиксирует появление новых слов, оценивает их, демонстрирует динамику языковых процессов, проявляет отношение к понятиям, актуализированным в современную эпоху национальным самосознанием. Многочисленные метаязыковые комментарии в текстах интервью подтверждают известное мнение о том, что рефлексивы «позволяют выявить «болевые точки» современного лингвокультурного пространства». При этом подобные метавысказывания никогда не бывают беспристрастными, они всегда содержат оценку, производную от мировоззренческой установки говорящего. Примером тому может служить реакция О. Сулейменова на дискуссию, вызванную предложенным для обсуждения проектом «Доктрина национального единства» Ассамблеи народа Казахстана (АНК): *Главное достоинство этого документа ясно выражено в его названии... Хотя в казахском варианте содержание термина растолковано предельно доходчиво «Ел бірлігі доктринасы» – «Доктрина единства страны». Но и это понимание кого-то не устраивает* (<https://zonakz.net/articles/28218>). Как видим, в этом комментарии, как и во многих других, проявлено внимательнейшее отношение О.Сулейменова к соответствиям языковых единиц в русском и казахском языках. Кроме того, в метакомментариях этого интервью («О земле, нации и «господствующим высотам») дано объяснение мировоззренческой неоднородности казахстанского общества, проявившееся в оценочных реакциях на такие концептуальные понятия, как *нация, национальность, этнос*: *«Я повторяю, что из-за семантической универсальности термина ұлт происходит противопоставление гражданского понятия нация и этнического – национальность. Қазақ ұлты – это и казахский этнос, и казахская национальность, и казахская нация. Такая же толкучка разных смыслов происходит и при переводе неологизма Қазақстан ұлты – казахстанская*

нация, казахстанская национальность, казахстанский этнос» (<https://zonakz.net/articles/28218>). И как результат размышлений над этими понятиями: «Лингвисты должны помочь политикам. Я предложил лингвистам поработать над тем, чтобы обогатить казахский словарь политических терминов». В рефлексивный контекст вписывается и такая особенность обсуждаемой языковой личности, как стремление переосмыслить некоторые давно вошедшие в широкий обиход понятия, так же, как и значения некоторых слов: «Посему и наполнение этого слова (история) сейчас для меня иное, нежели это было раньше. История помогает мне в моих размышлениях о судьбе и моего народа, и человечества» (<http://inform.kz/rus/article/2718146>). «Не в том утилитарном смысле, какой ты вкладываешь в это слово. Я это понимаю по-другому. Да, я занимаюсь политикой, если политика – это наука и практика усовершенствования человека и общества» (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1080511320>). Как видим, в рефлексивах, демонстрирующих отношение к слову, эта реакция на слово является не беспристрастной фиксацией самого факта использования того или иного слова или выражения. У О. Сулейменова оценочное отношение к слову и через него – к объекту рефлексии может быть выражено в эксплицитной форме с помощью аксиологической лексики и специальных метаоператоров, среди которых как глаголы с общеоценочным значением (люблю / не люблю; нравится / не нравится), так и маркеры, выражающие эмоциональное отношение к слову: «А в европейском ареале бывшего СССР от Эстонии до Грузии сплошная «демократия» в ругательном смысле этого слова» (<http://uvision.kz/post/443659>). «Образовалось несколько новых государств-экспериментов, как я их называю». Значительная часть рефлексивного дискурса О. Сулейменова предстает в виде вербализованной реакции на слова и выражения казахского языка, на языковые единицы, значимые для казахстанской языковой картины мира. Подобного рода реакции могут реализоваться в виде пояснения или нейтрально-оценочного перевода казахского слова или выражения на русский язык: «Когда меня в домах, где бываю, просят дать бата – благословение, я всегда заканчиваю его словами «Еліміз аман болсын!» («Пусть страна наша будет всегда!») Да будет так!» (<http://biografia.kz/interview/349>).

Однако обычно собственно лингвистическая интерпретация языковой единицы сопровождается развернутым ее обоснованием, за которым скрываются ценностные ориентации автора: «Я отвечаю так. Мой предок Олжабай батыр когда-то сказал: «Человек из моего седьмого колена будет Галымом», то есть знающим. Не кандидатом наук, а в более широком смысле. Видимо, была нужда именно в таком понимании вещей. Больше всего народ нуждался в знании» (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1080511320>). «Это о нем Абылай-хан сказал: «Олжабай болса, ел аман». Кроме мужества, батыр обладал еще и мудростью. Я не знаю другого из его эпохи, кто бы пожелал такое: «Человек из моего седьмого колена пусть будет білге». Слово «білге» на древнетюркском означало «всезнающий». Этого слова, к сожалению, давно уже нет в казахском языке» (<http://inform.kz/rus/article/2718146>).

Вполне естественно, что объектом осмысления рефлексивного дискурса О. Сулейменова является в целом и языковая ситуация в Казахстане, и судьба казахского языка. Можно утверждать, что все рефлексивные контексты, выявленные в текстах интервью, не относятся к числу беспристрастных, они всегда содержат оценку, производную от мировоззренческой установки автора. Показателен для рефлексивной составляющей языковой личности ученого, яркого публициста вывод: «Я еще раз убеждаюсь в том, что мы часто спорим, не совсем понимая предмета спора. Недоговорившись о терминах» (<http://camonitor.com/13468-esche-raz-k-voprosu-o-gosudarstvennosti.html>).

Дискурс, отраженный в жанре интервью, позволяет выявить ключевые слова языковой личности в ее речевой ипостаси. Их можно считать отражением базовых концептов языковой личности, рассматривать «в качестве индикаторов социальных изменений, поскольку они являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей [10, с.38]. Активная жизненная позиция О. Сулейменова проявляется в открытом обсуждении таких непростых для современной эпохи понятий, как патриотизм, национал-патриотизм, интернационализм, национализм, которые выступают в качестве ключевых в целом для современного казахстанского лингвокультурного пространства, если судить по числу метаязыковых высказываний, сопровождающих эти концепты. Для характеристики языковой личности показательным отношением к слову патриот / патриотизм. Эти слова оказались актуализированными, в том числе и в связи с обвинениями О. Сулейменова в непатриотичности высказываний по поводу полной независимости Казахстана: «Патриот – это не всегда гражданин. Патриотизм – самая доступная из религий. Особенно этнический патриотизм. Пророками такого патриотизма часто становятся и мудрецы, и невежды, да и просто негодяи, когда это выгодно и неопасно. Национал-патриотизм раскалывает многонациональные общества. Гражданство – объединяет» (<http://m.zakon.kz/4655054-olzhas-sulejmenov-my-chasto-sporim-ne.ht>).

Для О. Сулейменова синонимом слова *патриот* является *интернационалист*: «сегодня подлинным патриотом Казахстана может быть только интернационалист. Независимо от его этнической принадлежности». «Патриотам» в кавычках, *ульт-патриотам* он противопоставляет «настоящих казахских патриотов», интернационалистов.

В контексте рассуждения о патриотизме выявляются и такие ключевые для казахстанской картины мира понятия, как *сотрудничество*, *взаимозависимость*. Последнее обращает на себя внимание своей сочетаемостью - осознанная взаимозависимость: *Сотрудничество, соперничество (в хорошем смысле этого слова) способствует развитию*. О. Сулейменов предлагает следующую формулу: от веков колониальной зависимости, через период независимости, к эпохе осознанной взаимозависимости.

Себя достаточно давно О. Сулейменов определил как патриота, но с уточнением: *Я патриот каждого обиженного народа. Я – патриот каждого народа, униженного невежеством, нищетой, непрофессионализмом власти. Мое кредо - возвысить степь, не унижая горы. Продолжаю этому следовать*. Примечательно, что метаязыковой контекст объединяет эти слова с другими ключевыми словами «текущего момента», такими как *демократия, независимость, свобода*. По мнению О. Сулейменова, следует выяснить «наше казахстанское отношение к знаковым понятиям «демократия», «независимость», «свобода», которые за последние четверть века прошли нелегкие испытания... Результаты лишили универсальной многозначности значения этих слов» (<http://camonitor.com/13468-esche-raz-k-voprosu-o-gosudarstvennosti.html>). Эти номинации, обладающие референциальной неопределенностью, приводят к широкому разбросу в интерпретациях и, следовательно, нуждаются в комментировании, то есть в прояснении авторской позиции. Однако обычно уточняется, если судить по многочисленным метавысказываниям, не их лексическая семантика, а идеологическая составляющая этих понятий. Метаязыковые контексты проявляют концептуальный смысл, который скрывается за комментируемыми языковыми единицами. В связи с этим уместно привести еще одно высказывание О. Сулейменова: «Хорошо бы помочь разобраться молодым в сути терминов «патриотизм» и «гражданство». Рассматривая их не по отдельности, а вместе, и не как крайние противоположности» (<http://camonitor.com/13468-esche-raz-k-voprosu-o-gosudarstvennosti.html>).

Итак, языковая личность О. Сулейменова, проявленная через тексты интервью, находит воплощение в особенностях речевого поведения, обусловленного комплексом ментально-психологических характеристик личности и ее мировоззренческих установок. В целом же суть языковой личности О. Сулейменова воплощена в его высказывании: *Хорошо бы постоянно напоминать юным, что в переводе это (Homo sapiens) - Человек мыслящий. Добавлю от себя - и любящий*.

Литература:

1. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия. 1998. – С. 671-672 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ruskiyuzik.ru/1053/>
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность. – М.: «Наука», 1989. – С. 63-77.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – 2 изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
6. Голанова Е.И. Публичный диалог вчера и сегодня (коммуникативно-речевая эволюция жанра интервью // Русский язык сегодня. - Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 251-259.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2006. – С. 696 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/rusl/rusl305.ht>
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.
9. Вепрева И.Т. Рефлективы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. - Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 26-35.
10. Иссерс О.С., Ганеева Д.А. «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: диалог, оппозиция, креативный класс // Политическая лингвистика - №3 - 2013. - С.37- 47.

ПОЛИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Дудинова Е.И.
КазНУ им.аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Аннотация. Статья посвящена публицистике Олжаса Сулейменова, отражающей ключевые моменты новейшей истории Казахстана, эпохи серьезных изменений и потрясений, так существенно повлиявших на жизнь и историю народа. Знакомство с яркой, рожденной на накале мысли и чувства писательской публицистикой Олжаса Сулейменова формирует уверенную ассоциацию с качествами его личности,

характером преобразователя и реформатора. Из-под его пера выходят труды столь различной направленности и тематики, сколь многогранна общественная, политическая, социальная структура проблем и реформ современного Казахстана и мира. Соответственна и многоплановость творческих, жанровых и языковых решений его публицистики. Трибунная журналистика явилась тем средством выражения гражданского беспоконья и действительного участия, к которому всегда стремится О. Сулейменов.

Ключевые слова: публицистика, Антиядерное движение «Невада – Семей», Декабрьские события 1986 года, Народный конгресс, журналистика.

Когда говорят пушки: холодный декабрь 1986

Современная цивилизация оперирует такими понятиями как Поэт и Власть. Считается, что поэт выше власти. Он имеет преимущество перед политиком, так как всегда имеет возможность остаться нравственно чистым. «Деятельность поэта необязательна для конкретного человека, который может принимать или не принимать его идеи. И нет конфликта. Деятельность политика не может быть нейтральной, она обусловлена современным состоянием обществ и затрагивает каждого человека, вызывая острые дискуссии и конфликтные ситуации, так как Личность и Общество, Равенство и Свобода, Право и Нравственность всегда находятся в противостоянии» [1] - пишет политолог Агыбай Смагулов.

Безусловно, и Поэт, и Власть нужны обществу в равной мере. Поэты создают общественный идеал, оставляя в качестве нравственных ориентиров свои мысли о равенстве, братстве, свободе. Власть, которой приходится действовать и осваивать реальную действительность, также является общественно-полезным благом. И если обратиться к опыту, феномену высокой гармонии в мыслях и поступках замечательного казахского поэта и публициста Олжаса Омаровича Сулейменова, то его ипостаси, чем бы он ни занимался – политикой, историей, языкознанием – всегда гармоничны единому нравственному началу и высоким стремлениям изменить действительность к лучшему. Олжас Сулейменов не меняет принципов и не меняется сам в угоду политическим ветрам.

Такая устойчивость во взглядах и убеждениях проявилась в тяжелые для республики декабрьские дни 1986 года. За этот период практически отсутствуют публикации Олжаса Сулейменова. Разве не был поэт тогда вместе со своим народом? Мог ли, на тот момент, оказаться вне политики? Почему в огромном потоке осуждающих публикаций тогда, и разоблачающих литературных произведений, появившихся после того, как это стало официально разрешенным, не звучит голос публициста?

Эти дни оказались трагически тяжелыми и для республики и для самого Олжаса Сулейменова. Из-за преступной политической ошибки московских и местных руководителей, было нарушено спокойствие народа. 16 декабря 1986 года состоялся Пленум ЦК, который торопливо проводил на пенсию Д.А. Кунаева. На его место был назначен Г.И. Колбин, человек мало кому известный, «привезенный издалека». По мнению Москвы, в громадном Казахстане, с его девятнадцатью областями, а значит с девятнадцатью первыми секретарями партийных обкомов, председателями облисполкомов, полусотней министров, двумя десятками функционеров из высших эшелонов власти республики, не оказалось достойного претендента на пост лидера Казахской ССР. 17 декабря Казахстан узнал о случившемся, на площади имени Брежнева стали собираться колонны.

Олжас Сулейменов находился в это время за городом. У его квартиры уже дежурил милицейский пост. Идет разработка версии о причастности к организации демонстрации Д. Кунаева и О. Сулейменова. Поэт обращается к народу по телевидению, но запись обращения снимается с эфира. Газеты отказываются публиковать его материалы, буквально из газетных полос снимались заметки о встречах О. Сулейменова со студентами. Видимо, здесь и стоит искать ответы на поставленные выше вопросы. Когда слова Олжаса могли предотвратить беду, остановить кровопролитие, его приговорили к молчанию, правоохранительные органы с великим рвением искали «компромат». Муссировались слухи о скором аресте. Предложение Олжаса Сулейменова выступить на площади – было отклонено. По мнению Г. Толмачева «боялись, панически боялись идеологи, что Олжас смог бы утихомирить разбушевавшихся джигитов. Словом, темпераментом, логикой. Как он это сделал спустя два года, собрав за десять минут под знамена «Невады – Семипалатинск» многие тысячи казахстанцев... Но представляете, как бы комически выглядели наши руководители, если бы Олжас сумел погасить пожар на площади. Уверен, они бы ему этого не простили. Они ему даже стремление выступить перед республикой не простили. И повели дело так, чтобы доказать: одним из главных организаторов декабрьских волнений, является он, Олжас Сулейменов» [2].

В своей книге об Олжасе Г. Толмачев признается, что с тех пор, узнал «другого Олжаса». Не раз и не два видел его совершенно растерянным. Когда что-нибудь вершилось или творилось, по его мнению, наперекор логике. А это удар по его самоуверенности. «Другой бы, наверное, с головой ушел в поэзию. Олжас не ушел: Он стал публицистом».

Что больше поразило тогда казахского поэта, предательство политиков или предательство бывших соратников, строчивших доносы. В эти тяжелые дни он страдал вместе со своим народом, попавшим под жернова идеологической машины. Но Олжас Сулейменов остался национальным поэтом, даже в молчании. Есть один характерный факт, рассказанный самим О. Сулейменовым: «Какие-то, я думаю, не очень башковитые начальники придумали удобную для них систему: Кунаев – организатор событий, Олжас – исполнитель. Газеты, телевидение, радио соревновались, кто побольше и желательнее в спину ударит Димекена и Олжаса... Ни ему, ни мне не разрешили выступить перед молодежью на площади. Да еще кое-кто подбивал меня: «Олжас, заяви прилюдно, что Кунаев, мол, такой-сякой, и все будет хорошо. Перед тобой откроются все двери, а пресса замолкнет».

«Нет, это не по мне», - ответил я. – «Подличать я не умел и не умею. Честь, как говорит, Кунаев, всего дороже»... Мы прошли те испытания. Достоинно прошли» [2, с.128-129].

Характер и закаляется и проверяется в нестандартной, экстремальной обстановке. Если есть слабость, неустойчивость позиций – она проявится, даст трещину. Олжас Сулейменов никогда не искал легких путей, ни в поэзии, ни в науке, ни в политике. Он оставался самим собой, а это неизмеримо трудно в наше время перемен и переломов.

В большом государстве СССР сложилась традиция – разоблачать и чернить ушедших или умерших руководителей. Это было очень удобно и главное безопасно. Олжас Сулейменов сломал и эту традицию, как ломал замшелые ученые штампы и устоявшуюся психологию.

Это время проверяло устойчивость гражданской позиции Олжаса Сулейменова и воспитывало, как политика. Многое, за что он боролся, что отстаивал в своих книгах: право его народа на историю, на гордость, на язык – было в одночасье поправлено. И нет ничего удивительного в том, что Олжаса сочли соучастником демонстраций протеста, потому что его идеалы, чувство справедливости, национальная гордость – это идеалы, чувства и гордость его, казахского народа. Тогда он понял силу и мощь своего народа, поверил в него, ощутил себя согражданином происходящего.

Партия НКК – реальная гражданственность

Наша республика прошла тяжелый путь к независимости. Время перемен, порой болезненных, определения правильного экономического и политического курса, выплеснуло на поверхность массу проблем социального характера. Мог ли О. Сулейменов остаться в стороне от бед и проблем своего народа?

В октябре 1991 года он создает и возглавляет партию «Народный Конгресс Казахстана» (НКК). Её общий девиз: «Мы - народ Казахстана». Активисты партии взялись за решение самых трудных задач современности, для Олжаса Сулейменова не было, и нет закрытых тем. «Я хочу, чтобы казахстанская земля жила в мире, спокойствии и сытости, - говорит лидер партии. - Чтобы казахи чувствовали себя достойно. Чтобы русские здесь жили лучше, чем в России, украинцы - лучше, чем на Украине, немцы - лучше, чем в Германии и т.д. И тогда никто не захочет от нас уезжать, люди будут гордиться своим казахстанским гражданством» [3].

Публицист видит будущее и процветание своего народа только в мире и согласии с другими. Интернационализм является прочной основой политической программы партии НКК. Жизненная необходимость такой основы очевидна, «так как некоторые многонациональные республики на глазах становятся трагически мононациональными, проходя дорогу войн и вражды». Между тем, как в интернациональном Казахстане, по словам публициста, у людей больше общего, чем различий – именно так называется статья Олжаса Сулейменова, опубликованная в газете «Советы Казахстана» 12 марта 1994 года.

«Мы должны видеть реально, что с нами происходило, и сделать определенные выводы на будущее, не утрачивая приобретенных ценностей, а, наоборот, приумножая их. Истинное новаторство не зачеркивает всех традиций, а подразумевает развитие лучших. Мы привыкли начинать каждый новый этап истории с обличения прошлого. Вот почему у нас истории как таковой в сознании не сохранилось. Всё время - «проклятое прошлое». Но в том прошлом были и радость, и обретения великие. И самое главное обретение, которое, к сожалению, за последние годы подвергалось сомнению, - дружба народов. Мы никому не должны его отдавать. Никаким самодеятельным ораторам, крикунам, никакому новому карьеристу» [3].

Партия НКК располагала сильной экономико-аналитической группой. В неё входили высококвалифицированные экономисты, историки, политологи, психологи, предприниматели, представители религиозных вероисповеданий. Они тщательно анализировали явления, происходящие в жизни республики, прогнозировали и нарабатывали конкретные рекомендации, которые затем использовались в различных программах партии. Например, на средства предпринимателей партии только за 1993-й год были приобретены итальянский завод детского питания и 4 хлебозавода. На

миллион долларов были закуплены лекарства, тысяча тонн детского питания. Члены партии НКК это всё направляли нуждающимся людям бесплатно по областям, адресно, вплоть до районного звена.

Олжас Сулейменов всей душой болеет не только за свой народ, но и за страну в целом. «Очень важно, чтобы общество не раскололось по национальному принципу. Эпидемия национального размежевания, охватившая отдельные республики бывшего союза, проникает и в Казахстан, - говорит он. - Если мы не сможем противостоять этому явлению, у нас не будет никакой перспективы. Если же эту опасность вовремя осознаем и пойдем по пути доброго разума, здравого смысла, то можем рассчитывать на прекрасное будущее.

Если мы по-хозяйски и рачительно воспользуемся могучей ресурсной базой Казахстана, мощным кадровым потенциалом (а это тысячи инженеров, высококвалифицированных рабочих, специалистов сельского хозяйства, ученых), то многого добьемся» [3].

Наверное, не случайно у О. Сулейменова в поэме «Глиняная книга» есть персонаж, который «даже во врагах не терпел бездарности». Всё, за что брался сам Олжас, было добротным, четко отшлифованным. Он не шел туда, в чём не разбирался, а если и шел, то начинал разбираться, докапываться до каждой мелочи. Всё, что он делал - делал тщательно.

Невольно поражают способности Олжаса Омаровича так охватывать происходящее, вникать во все и во многом разбираться не хуже специалиста. Его программы вывода Казахстана из кризиса отличает дальновидность и грамотность.

О необходимости выхода из-под власти Центра, о «деколонизации», процессе ограничения всевластия центральных ведомств, которые практически грабили республику, Олжас Сулейменов говорил уже в 1989 году в материале «Долгие встречи по средам»: «Кажется никто еще из экономистов не задавался вопросом, почему, начиная с середины XX века развалились, а в некоторых случаях самораспустились классические колониальные империи? Довольствовались политическим ответом. Но, вероятно, были причины экономического свойства – в условиях развитого капитализма колониализм нерентабелен. Наступает какой-то момент в развитии, после которого, несмотря на возрастающее богатство за счет колониальных ресурсов, метрополии беднеют» [4]. Автор подчеркивает, что эту закономерность, вернее объективный экономический закон, западные экономисты запоздало, но почувствовали: колониализм, как система уже устарел, стал предрассудком. Однако подобные парадоксы проявились и в нашей системе. Публицист предлагает кардинально изменить сложившуюся, «точнее слежавшуюся структуру межреспубликанских связей», несправедливость которой констатируется. Со знанием дела и обеспокоенностью О. Сулейменов пишет: «В Казахстане орудуя десятилетиями много союзных министерств и ведомств – добыча цветных, редких металлов, железной руды, угля, нефти и т. д. шла нарастающими темпами. Расчет с республикой производился, мягко говоря, несправедливо: ничтожные доли процента от стоимости сырья. И цены, когда-то установленные, значительно ниже мировых. Вероятно, справедливо будет пересмотреть цены, приблизить их к мировым». Заметим, что столь смелое предложение о «разделении карманов», о необходимости изменения статуса республики, дабы не была она сырьевым придатком или колонией другой страны сделаны О. Сулейменов до 1991 года.

В январе 1990 года, в статье «Нолями не будем!», опубликованной в газете «Труд», публицист подвергает серьезной критике программу правительства по оздоровлению больной экономики, «из нее прямо-таки выпирают элементы механизмов хозяйствования, рожденных в эпоху нашей самоизоляции. Я думаю, необходимо определиться, в каких сферах экономики мы никогда никого не догоним и не перегоним, а в каких сами сможем достичь успеха и не угрожать очередные миллиарды, скажем, на производство устаревшей бытовой электроники. Мы сильны в изобретательстве (слава богу, мозги в нашей стране еще есть), но слабы во внедрении... Откроем окна в мир, снимем амбарные замки с дверей! «Включиться в мировую интеграцию» – вот что должно быть нашим лозунгом на пороге третьего тысячелетия» [5] – считает Олжас Сулейменов и говорит об этом тогда, когда многие из политиков готовы были перевести процесс дезинтеграции в серьезное экономическое размежевание, вплоть до возвращения к временам железного занавеса.

В январе 1993 года в газете «Казахстанская правда» публикуется своеобразный монолог-размышление поэта об экономике и политике. Автор определяет одну из задач своей партии следующим образом: «помочь правительству конструктивными предложениями. Мы за сильную государственную власть, за твердую демократию. У нас общие задачи – улучшить материальную жизнь людей, сделать ее безопасной» [6].

Таким образом, решая экономические проблемы, автор реализует свою политическую концепцию. Активное вмешательство в конфликт, фиксирование болевых точек общественного организма делает такую публицистику – политической. Компетентно и обоснованно Олжас Сулейменов говорит о необходимости принятия нового закона о налогах, который стимулировал бы рост бизнеса в самых отдаленных глубинках. Приводя в пример США, где нью-йоркский бизнесмен

платит в казну больше, чем тexasский фермер, «а на Аляске налоги вообще нулевые. У нас – что ты в Алматы, что в безводных Кызылкумах – налог одинаково безжалостен. Так лучше торговать сникерсами в столице, чем пытаться поставить пекарню в Богом и правительством забытых пустынях» - правомерно считает автор. Казалось бы, экономический вопрос о налогах и публицистика, на каком уровне соприкасаются эти понятия. Но они цементируются понятием гражданского долга и позиции глубоко заинтересованного в делах своего народа и страны публициста. Гражданственность Олжаса Сулейменова проявляется и в этой заинтересованности и вмешательстве в практическое развитие внутренней политики Казахстана.

Антиядерный фронт Олжаса Сулейменова

По словам самого Олжаса Омаровича, он всегда занимался не своим делом. Будучи геологом, писал стихи. «Ты же геолог – ищи свою нефть. Поэта из тебя не получится» – убеждал классик. Став поэтом, занялся историко-лингвистическим исследованием. Историки упрекали: «писал бы стихи. Куда в науку-то...» Был дилетантом и в экологии, когда поднимал антиядерное движение в Казахстане, таких организаций в мире было множество, но только его добились таких результатов – закрытия полигонов.

«В данный момент – признается публицист в статье «По пути доброго разума» - судьба литературы меня не так волнует, как судьба моих читателей. И поэтому мы, писатели, уходим в политику не потому, что у нас нет экономистов, не потому, что кроме нас некому отстаивать права людей, а потому, что мы чувствуем необходимость личного, непосредственного участия в становлении нашего государства» [7]. Описывая зарождение антиядерного движения «Невада – Семипалатинск», Олжас Сулейменов обращается к собственным чувствам и переживаниям: «После взрывов на семипалатинском полигоне 13 и 17 февраля 1989 г. до меня дозвонился летчик с военного аэродрома Шаган. Он сообщил, что из-под земли после взрывов вырвались радиоактивные газы фронтом в несколько десятков километров... И прорыв радиоактивных газов происходил постоянно на протяжении многих лет. Об этом должны были узнать казахстанцы. Государство обманывало своих граждан и 40 лет, по сути, вело тихую атомную войну против своего народа» [8]. Надо сказать, что публицистические материалы этого этапа творческой и политической биографии Олжаса Сулейменова, отличаются особой остротой, пафосностью, практической действенностью. Личность самого Сулейменова, в этой связи, несет не только авторскую, но и организаторскую функцию. Публицист выступает одновременно автором и героем своих произведений. Не случайно «Российская газета» писала по этому поводу, что «казахский поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов «рассекретил полигон под Семипалатинском» [9].

Катастрофичность национального бедствия казахстанцы узнавали из газет. На семипалатинском полигоне было произведено примерно 160 наземных ядерных взрывов и около 350 подземных. Регион в течение сорока лет жил в реальных условиях ядерной войны. Только от взрыва первой атомной бомбы 29 августа 1949 года население ряда поселков получило дозу облучения до 100 – 114 рентген. В зоне, близкой к эпицентру, были выявлены самые многочисленные случаи лучевой болезни, массовые поражения иммунной системы живущих там людей. Здесь не только испытывали атомное, химическое и бактериологическое оружие, земля была осквернена и захороненными в ней отходами ядерного топлива [10]. Гриф секретности снимался с такой информации под воздействием широко развернувшегося политического действия, организованного публицистом. Олжас Сулейменов оказался «впередиидущим» и в данном случае. Если в книге «АЗ и Я» он одним из первых предпринял попытку дискуссии с идеологическим комплексом советской науки, то в серии организационных и публицистических действий по созданию антиядерного движения вступил борьбу с не менее консервативным военно-промышленным комплексом.

Этому способствовало авторское видение роли поэта и публициста, характерное для Олжаса Сулейменова. Его принципиально новое, нескованное рамками тоталитарных теорий, мышление диктовало социально-политическую активность поведения и творчества. Рожденное таким образом новое содержание его публицистики диктовало новаторские формы ее воплощения.

Публикации антиядерной тематики имели, в основном, информационный, разъяснительный и организационно-призывной характер. В феврале 1989 года, по призыву Олжаса Сулейменова, несколько тысяч человек собрались вокруг здания Союза писателей в Алматы. «Тогда, в 89-ом, - пишет Олжас Омарович, - мы выступили как народ: «Да, мы можем». И это очень важное ощущение, с него начинается демократия. На опыте казахстанского движения учились другие антиядерные движения. Я помню, в США колонны антиядерщиков несли транспаранты «Казахстанцы сделали свое дело – теперь дело за нами». Французы говорили: «Нам надо учиться у Казахстана». Мне было приятно. Этим движением мы можем гордиться. Это единственное движение, которое сделало Казахстан знаменитым, его узнал весь мир» [11].

Включаясь в новые социальные конфликты, сулейменовская публицистика раскрывает новые стороны человеческой личности, ее гуманистические и гражданские качества. Целая личность ощущает единение с народом, слияние чувств и помыслов, реальную силу и возможность оказания реальной помощи. В публикациях на эту тему О. Сулейменов предстает во всем величии поэта-трибуна, лидера, ведущего. Это, на наш взгляд, гармонично его существу и творческому кредо. Данный аспект диктует и высокий удельный вес творческих находок, героизацию публицистического труда, синтеза факта и психологии.

Публицистика наполняется новым смысловым содержанием: ощущением возрожденной силы народа; возможностью что-то изменить; реальностью наметившихся процессов демократизации и свободы слова; единства внутренней жизни человека и ее внешних проявлений.

Обращаясь к исследованию глобальных конфликтов, Олжас Сулейменов строит адекватную модель развития исследовательского материала. От конкретного факта – ядерных испытаний советского оружия на территории Казахстана, публицист идет к вскрытию глобальных причин конфликта, к конструктивному решению его. Кроме того, выясняет явление и его сущность, причинно-следственные отношения, проводит смелые обобщения: «Со времен Рима торжествовал принцип: «Хочешь мира – готовься к войне!» Он не спас человечество. Наше движение за десять лет прошло по всей Земле с новым лозунгом «Хочешь мира – готовься к нему!» И он стал лозунгом всех антивоенных движений планеты...

Ты испытал такое – вставать с колен,
Неведомое счастье подняться в рост!

Мы испытали это чувство... В 1996 году замолчали на земле все испытательные полигоны. Последним – китайский Лоб-Нор» [12].

С какой силой в публицистическом тексте звучат поэтические строки! Такое художественное дополнение играет вполне определенную роль – усиление эмоционального воздействия на читательское восприятие, возбуждение и пробуждение эмоционального начала, чувственного порыва. Таким образом, пробуждая лирой чувство доброе, Олжас Сулейменов характеризует фундаментальность и глобальность темы, требующей органической цельности самого характера автора.

Антиядерное движение вписало себя в новейшую историю Казахстана. Олжас Сулейменов был первым из тех, кто реально изменил ход событий в этой сфере, пользуясь словом, обращенным к народу. И за ним пошли. В первую же неделю воззвание, принятое антиядерным движением, подписало около двух миллионов человек. Ему верили и в благое дело, начатое им, – тоже. И в этом видится публицистическая реализация творческих замыслов Сулейменова.

Более того, в этот период, публицист ощущал особую значимость своего подхода к публицистике, как способа создания мыслящего и действенного героя, в котором остро стоящие вопросы современности становятся предметом не только его интеллектуальной жизни, но и его судьбы. По масштабности звучания его публицистический Голос адекватен поэтическому, звучащему с трибун в 60-е. Творческий путь Олжаса Сулейменова, совершив спиральный виток, вновь подходит к кульминационному моменту творческого развития. Его имя у всех на слуху.

В ноябре 1991 года Олжас Сулейменов совершает спикен-тур по восточным и западным штатам Америки уже в качестве народного дипломата. В декабре его принимает Генеральный секретарь ООН. За две недели – около десятка городов и в каждом по три-четыре выступления. Цель – диалог с общественностью в рамках подготовки к конференции ООН. Были и многолюдные встречи с активистами антивоенных организаций, со студентами нескольких университетов, поэтические вечера.

В октябре 1992 года в журнале «The Bulletin of the Atomic Scientists» Олжас Сулейменов публикует статью «Новые испытания, значит новое ядерное оружие» [13], в которой полемизирует с американской точкой зрения на необходимость постоянного тестирования готовности ядерного оружия посредством его испытаний. Приводя серьезные контраргументы, лидер антиядерного движения настаивает на прекращении таких тестов и демонтаже оборудования.

Публицистика этого периода, представляет собой сплав эмоционального и рационального. Слова публициста звучат убежденно и убедительно, доходчиво и ярко излагает он свои мысли. Обращаясь, и к разуму, и к сердцу своих читателей Олжас Сулейменов рисует портреты конкретных событий и жертв ядерных испытаний в Казахстане. Высвечивая судьбы и трагедии конкретных людей, создает полотно катастрофы: «Многие теперь знают Карипбека Куюкова из Егиндыбулакского района Семипалатинской области. Родился без обеих рук, художник. Рисует кистью, карандашом, зажатым в зубы. Мы с ним ездили в Японию на митинги против ядерных испытаний, проходивших в Хиросиме

и Нагасаки. И я помню, как он вышел на площадь, где собралось несколько тысяч людей. И сказал: «Жест нашего Движения – открытая ладонь: пять континентов против пяти полигонов. Я не могу сделать этот жест». И вся площадь подняла руки. Незабываемое и совершенно потрясающее чувство охватило всех присутствующих» [7]. Мощным эмоциональным воздействием обладают эти строки публициста.

В эти дни Олжас Сулейменов почувствовал себя представителем Казахстана, авангардом его народа. «Мы выступили как народ: «Да, мы можем». И это очень важное ощущение, с него начинается демократия» - говорит он в интервью «XXI век: Человек, поклонись Земле...» [11].

Читая выступления Олжаса Сулейменова, посвященные организации и деятельности антиядерного движения, невозможно представить себе автора, спокойно сидящим за письменным столом, подбирающим правильные выражения или обдумывающим следующую фразу, шлифующим стиль и слог. «Антиядерный период» публицистики формирует иное представление: охваченный великим чувством человек стоит на трибуне. Однако не только громкие фразы и громовые мысли составляют публицистическое существо, автор призывает к деловому обсуждению и решению глобальной проблемы. Трудно не согласиться, в этой связи, со словами А.И.Герцена, считавшего слово по той мере только и важным, по какой оно ведет к делу.

В 2004-2005 году движение «Невада-Семипалатинск» провело четвертый Конгресс антиядерных сил. Его идея связана с наиболее острой сегодня проблемой международного терроризма. Олжас Сулейменов считает, что в ближайшей перспективе международный терроризм – настоящая третья мировая война с использованием миниатюрных беспилотных самолетов, против которых беспомощны радары. Их не обнаружишь и не собьешь. Не уловишь моменты запуска и времени выхода на цель. Он может нести 2-3 килограмма сибирской язвы. Или атомную бомбу, которая не взрывается, а бесшумно распыляется над городом, заражая население. Противопоставить этому публицист предлагает «только одно мощное средство – гласность планетарного масштаба. Пусть человечество узнает, что может его погубить» [14].

Следующим пунктом в повестке дня антиядерного Конгресса стало 60-летия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. «С этого эпизода, по мнению Олжаса Омаровича, - начался атомный век, который вовлек в эскалацию и Казахстан. Мы выступил с предложением о проведении планетарного межпарламентского референдума по этому вопросу» [Там же].

Изучение публицистического творчества Олжаса Сулейменова позволяет сделать вывод об особом отношении автора к своему труду. Действенность и практическая значимость занимают верхние строки в списке составляющих его публицистики. Для Сулейменова публицистика - огромная практическая, организационная работа, а не сентиментальные отступления или, наоборот, популистские лозунги. В поэзии, например, если звучит лирический монолог и речь ведется от первого лица, мы говорим не об авторе, как таковом, а о лирическом герое. Мы сопереживаем ему, проявляя соответственные чувства, но не бросаемся на помощь.

У публицистического автора иная цель. Воздействовать на эмоции и подсознание, убедить на сознательном уровне путем умозаключений и логических доводов. Разбудить сознание, сформировать активное отношение к действительности.

Совершенно естественным можно считать факт появления оппонентов и у самого движения и у его руководителя. Представители ядерного лобби не раз упрекали движение в самолюбовании и в том, что «в его лозунгах зазвучали нотки популизма» [14]. Вообще ведение полемики для Олжаса Сулейменова не является чем-то новым. Более того, публицист крепнет в таких спорах, умеет отстаивать главные позиции, выделяя стержневые тезисы и проблему. Но в данном случае, в ответ на аргументы оппонентов, публицист выдвигает неожиданный контраргумент – ряд практических программ реабилитации пострадавшего населения. Непопулярное и неблагодарное занятие, но крайне необходимое сегодня.

В рамках такой концепции работает Олжас Сулейменов над программой «Возрождение» - восполнение ущерба, нанесенного сорокалетними работами полигона, ущерба здоровью населения региона и природе. Продолжается работа над программой «Единение земли и человека».

В сборнике «Абай и его наследники», изданном во Франции в 1981 году, Ален Боске называет О. Сулейменова самым беспокойным поэтом Советского Союза. Под этим следует понимать, что он действует, как человек, «который присвоил себе право подвергать все сомнению: и отношения коммунизма с Кораном, и общественную структуру, и даже строение поэтического языка. По его собственному признанию, в нем живут три человека, и этим объясняется его постоянные перемены настроения, его вспышки и крестовые походы против всего. Он призывает всю планету в свидетели своих волнений, выступая последовательно, то как великий скептик, то как личность способная

задаваться вопросами по поводу многих современных проблем, каким бы не было их происхождение. Он близок нам какой-то наивной и в то же время едкой ошалелостью».

Олжас Сулейменов может быть одновременно пламенным трибуном и тонким лириком, «дерзким мальчишкой» и степенно рассудительным аксакалом. Но он никогда не бывает равнодушным. Обладание талантом только путь к его признанию, но не гарантия. То, что Олжас Сулейменов обладает всеми качествами борца, талантом художника, мышлением ученого, чутьем политика – только залог его успеха. Средством реализации названных качеств выступает характер – независимый, непокорный, но созидательный.

Литература:

1. Смагулов А. По лезвию бритвы // Zaman – Казакстан, 1997, 23 мая. С.8.
2. Толмачев Г. Повесть об Олжасе. Алматы: РПО Китап, 1996. С.80.
3. Сулейменов О. В интернациональном Казахстане у людей больше общего, чем различий... // Советы Казахстана, 1994, 12 марта.
4. Игнатов Ф. Долгие встречи по средам. // Казахстанская правда, 1989, 16 февраля.
5. Белостоцкая Е. Нолями не будем! // Труд, 1990, 3 января.
6. Сулейменов О. В новые времена по старому стилю. // Казахстанская правда, 1993, № 13.
7. Сулейменов О. По пути доброго разума. // Народный Конгресс, 1994, январь. С. 2.
8. Аупбаев Ж. Время в судьбе поэта. // Казахстанская правда, 1996, 15 мая.
9. InterReklama Advertising Network. // сайт Российской газеты, в Интернете.
10. Данные из статей: Резникова А. Полигон закрыт... // Казахстанская правда, 1992, 13 октября; Костина Н. Чистый воздух, чистая вода... // Казахстанская правда, 1993, 24 августа.
11. Пашина Э. XXI век: Человек, поклонись Земле... // Казахстанская правда, 1999, февраль.
12. Сулейменов О. Открытое приглашение всем участникам движения «Невада – Семипалатинск». // Казахстанская правда, 1999, 20 февраля.
13. Сулейменов О. Новые испытания... // The Bulletin of the Atomic Scientists, 1992, октябрь.
14. Демократия – это приоритет и привилегия просвещенного большинства. // Соз, №40, 4 ноября 2004. С. 4-5.

И В КАЖДОМ СЛОВЕ СЛЫШИТСЯ ИСТОРИЯ

*Аупенова А.У.
Карагандинский
политехнический колледж
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В каждом своем произведении О.О. Сулейменов направляет читателя на путь раздумий об историческом прошлом своего народа и развитии современного общества и государства. Объединяющим лейтмотивом у Олжаса Омаровича звучит обращение к историческим истокам, без знания которых ни у одного человека не будет связующих нитей между прошлым, настоящим и будущим. Творчество О.О. Сулейменова является тем откровением, постигая которое, мы открываем для своего мироощущения новые грани восприятия мира во всем его историческом многообразии. Мы становимся не просто свидетелями тех исторических событий, с которыми знакомимся в ходе прочтения, будь то поэмы или стихотворения, но и переносимся в тот особый, созданный Поэтом, насыщенный яркими образами мир, полный эмоций, чувств, переживаний. Сила слова О.О. Сулейменова такова, что расширяет границы исторического сознания, воспитывает активную гражданскую позицию, накапливает опыт решения поставленных перед человеком и обществом задач, формируя ответственность за принятые решения.

Ключевые слова: история, народ, творчество, язык, опыт.

История в наше время прочно вошла в повседневную жизнь людей. Человеческий мир стал более чутко реагировать на любые, даже самые локальные, социально-политические потрясения. Народный писатель, обладатель звания «Человек XXI века», лидер Международного антиядерного движения «Невада – Семипалатинск» Олжас Омарович Сулейменов заостряет внимание читателя на том, что: «История – это нравственный и философский опыт народа. В истории – истоки и этапы становления и развития национальной культуры, начало этих добрых человеческих качеств, которые слагают нынешний народный характер» [1, с.23-24].

На протяжении веков казахская земля была скрещением дорог истории, ареной битв между племенами, не оставившими даже имен своих, огромной сценой, где разыгрывались жестокие трагедии минувших веков. «Я знаю историю многих народов, - отмечает писатель, - теперь я хочу понять историю казахов. Кочевники не оставили нам письменных памятников, маршруты их кочевий схоронены в китайских энциклопедиях и в дневниках арабских разведчиков. Много загадок ждет нас». Для чего нам - современным поколениям - изучать историю? Возникает обоснованный вопрос: как понять душу народа, не зная его истории? Поэт уверен, что и «будущее» - это обобщение истории прошлого. Он чувствует себя связанным пуповиной со всей тысячелетней историей предков [2, с. 93-94].

Обращаясь к нам – читателям всего земного шара - Олжас Омарович заставляет нас задуматься об истинном предназначении тех знаний, которые дошли до нас сквозь века: «История возникновения государственного образования казахов уходит вглубь веков и отражает обилие сплетений культуры многих народов с их судьбами, героическим или же трагическим прошлым, когда на политической карте появлялись и исчезали невиданные империи Великой степи.

История всегда зовет нас в прошлое, чтобы мы могли сверять свои мысли и поступки, направленные в будущее, создавая историю для своих потомков. А как же наше прошлое, смогли ли мы познать величие мудрости наших предков, оценили ли по достоинству и можем ли передать дух славной героики былых времен грядущим поколениям? Всегда ли соизмеряем свои деяния с государственностью наших степных цивилизаций, подвигами батыров-полководцев и биев и сохранившими это наследие в сказаниях легендарными поэтами-сказителями, вложившими в уста народа его славную историю? Ведь все это – кладезь знаний об истоках казахской государственности...» [3].

Интерес О.О. Сулейменова к древности вообще - к половецкой, кипчакской, казахской - в частности - это поиск синтеза, обобщенного, высшего понимания смысла истории. В интервью газете «Казахстанской правде» на вопрос: «Вы согласны с выражением, что история – это наука, которая делает человека гражданином? Почему, на ваш взгляд, нам важно знать свои истоки, знать, откуда мы родом?», - Олжас Омарович поделился: «На этот вопрос мне сейчас отвечать легче, чем 30 или 40, или даже 50 лет назад, потому что за это время я узнал историю гомо сапиенс, то есть всего человечества. Как оно зародилось 150 тысяч лет назад в Африке, как постепенно вышло оттуда и распространилось по всему «шарику»... Поэтому я начинаю историю не с тех дат, которые обозначены в наших учебниках, а гораздо раньше. Посему и наполнение этого слова сейчас для меня иное, нежели это было раньше. История помогает мне в моих размышлениях о судьбе и моего народа, и человечества. Я не отделяю одно от другого, это обязательно связано, как, например, какой-то один орган человеческого организма (почки или печень) неотделимы от всего организма. То есть, признавая значимость собственной истории, мы должны понимать, что мы ...часть общечеловеческой истории. Ну и конечно, нужен объективный научный анализ прошлого, в том числе и недавнего – событий XX века. Великого и трагического. Все это надо осознать, чтобы яснее увидеть, куда идем. В то же время, безусловно, нельзя забывать и о своих корнях...» [4].

В строках О. Сулейменова слышатся гордая сыновья любовь к своей земле, своему народу, к его трагической и таинственной истории. Неудержимо прорывается и крепнет мотив степи, мотив его Азии – затаенное, щемящее чувство любви. Обостренное чувство истории – это обостренное чувство родины.

Я поеду к себе на родину.

Я поеду в адайские прерии,

Там колючка, жара, морозы,

Пыль и кони такие! Прелесть!

Я поеду к себе на родину... [5, с.101].

Степь для Сулейменова – его совесть, его страсть и трепет души. «...Мы сами отыщем корни и с глубиной прошедшего обретем широту настоящего, высоту будущего. Знай семь веков, как семь своих предков. Не жди уважения – заслужи его. С гордым будь горд: он – не сын пророка. С вежливым будь вежлив: он – не раб твоего отца.

Следуй этим заповедям отцов и возвысишь степь, не унизив горы!» [1, с. 11-12]. Степь – родная почва казахов, их прибежище, их основа. Для О. Сулейменова степь – не только бескрайнее поле истории, но и площадка для поэтического взлета.

Голосом самобытной лиры поэта говорит «Народ, проделавший до XX многотысячелетний путь, сложный и трагический, сквозь мрак поражений и пламя побед пронесший свою душу живую и сохранивший от китайских, мусульманских и монгольских императоров великую землю... этот народ достоин того, чтобы знать свою биографию. И биография эта требует уважения» [1, с.23]. Историческое возрождение народа совпало со взлетом на самый гребень современной цивилизации и культуры. И это – закономерный результат революции, спасительный дух которой поэт так страстно утверждает в своем творчестве: «Вероятно, теперь нелишне будет узнать, что первое и основное значение латинского revolution – «откатывание назад», «движение колеса вспять», переносное – «падение на спину». От глагола revolve – «катиться в обратном направлении», «сваливаться».

Поэты верят в таинственную, мистическую силу слова. Часто его первичный смысл оказывает на явление, им названное, прямое семантическое влияние. Судьба всех общественных событий, нареченных историками «революцией», подтверждает это наблюдение. И октябрьская революция объективно явилась «откатыванием», опрокидыванием вековых устоев, культуры, экономической

жизни многих народов. Потребовалось четыре жестоких десятилетия, чтобы колесо этой истории, завязнув в кровавой грязи, остановило свое движение вспять и начало медленно проворачиваться вперед, горько наверстывать упущенное: evolution – «развертывание». От глагола evolve – «проворачивать колесо вперед», «развивать» [1, с.14-15].

Цена истории велика, и новые поколения неукоснительно выплачивают долги предыдущих. Выше всяких национальных предрассудков ценит Олжас Сулейменов историческую правду. Уже в первой книге стихов «Аргмаки» (1961 г.) и еще ярче в последующих сборниках «Солнечные ночи» (1962 г.), «Доброе время восхода» (1964 г.), «Год обезьяны» (1968 г.) прослеживается неподдельный интерес О. Сулейменова к истории своего родного края. Кто мы, казахи, откуда пришли, зачем призваны быть на свете? Что мы принесли с собой, что дали миру? Олжас Сулейменов напряженно размышляет над этими вопросами.

Историческая тема присутствует в том или ином качестве в каждом из произведений сборника «Глиняная книга», вышедшей в 1969 году и включающей поэмы «Запомнить», «Балкон», «Кактус», «Муравей» и давшая название всему сборнику упомянутая поэма. Сборник составлен так, что от поэмы к поэме историческая тема и попытки ее решения методом анализа углубляются. Характерно, что в «Глиняной книге» – самой большой и завершающей сборник поэме, относящейся уже к историческому жанру в чистом виде, – предпослан такой эпиграф: «Явлений знак узнай и будешь властен...» [6, с.81].

Анализ исторической темы предполагает, помимо досконального знания предмета до его мельчайших деталей, умение выявлять причинно-следственную связь, обуславливающую внешнее течение событий. При этом автор, рассматривая конкретную историческую ситуацию, должен показать ее корни, то есть заглянуть по меньшей мере в предыдущую эпоху. Российский критик и литературовед Алла Максимовна Марченко в своей статье отмечает «... хотя «Глиняная книга» и возникла в результате многолетней работы поэта по добыче исторического «радия», угол зрения был подсказан Сулейменову его собственным историческим опытом – опытом человека XX века. И это касается не только той гуманистической и оптимистической трактовки, какую получает в «Глиняной книге» проблема исторического прогресса, но и самого стиля поэмы, способа «выделки вещи», ибо глыбы эпической архаики не только переосмыслены здесь, но и обработаны с учетом самых современных достижений психологического реализма» [7].

В одном из лучших стихотворений Сулейменова «Чем порадовать сердце?» – взгляд на историю своего народа сквозь призму сердца. В прозаической заставке к стихотворению поэт говорит: «История наша – несколько вспышек в ночной степи» [8, с.50-54]. Восстановить по этим вспышкам путь своего народа, сконцентрировать в одном лирическом броске вереницу веков, создать целостный образ истории – так можно обозначить сверхзадачу этого творения. Здесь обозначен не просто мгновенный слепок переживаний. Произведение выделяет широкий эпический охват, что создает впечатляющую картину бытия кочевых племен, трагического исчезновения первой казахской цивилизации.

Предположение, что ключ к будущему зарыт в прошлом, заставляет мучительно искать разгадку, казалось бы, простых истин. «Старики, я хочу знать, как погибли мои города», – обращается поэт [8, с.50-54]. Ему мало общеизвестных положений. Каждое поколение, приходя в сложившийся мир, стремится к переоценке ценностей. Это и делает О. Сулейменов. Он стремится самостоятельно до всего докопаться, доискаться. Это нетерпение прорывается в каждом его произведении, остается с ним навсегда и передается нам – его читателям.

Возвращаясь к творчеству поэта, перечитывая строки стихотворений, находишься в состоянии конструктивного диалога с автором, с которым можно спорить, соглашаться или даже стоять на противоположной позиции. При этом сохраняется и крепнет желание дойти до сути вопросов, найти истину, какой бы горькой она ни была и продолжать размышлять о прошлом, настоящем и будущем. Не оставляют равнодушными и «Азиатские костры»:

Мы помним то,
равняющее всех,
его в людской истории немало –
когда-то ночью к нам пришли шаманы
для добрых дел и правильных бесед.
Они зажгли огонь и научили
Беречь огонь и
Кланяться огню ... [8, с.161-162].

Судьбу своего народа поэт постоянно соотносит с историей человечества. О духовной доле Азии, Востока в общечеловеческой культуре он размышляет, осматривая развалины Баальбека – храма солнца в Сирии, слушая шум Ниагарского водопада, отзываясь на плач верблюжонка из-за далекого

Хингана, останавливаясь перед желтыми экспонатами чикагского музея естествознания, проходя по уникальным залам парижского Лувра.

... Я по залам брожу бесцельно,
На алмазы гляжу бесценные,
Удивляюсь:
«Ну где же ты, Азия?
Может, в этих чистых алмазах?
В этих узких мечях двуручных,
Что ковались тебе навстречу?
Ты когда-то дошла до Двуречья
И замолкла.
А кто нарушит
Твое медленное молчанье?...» [9, с.35-36].

В одном из стихотворений поэта, посвященном маме, есть такие строки: «Не всем, кто ждал, помог, ведь я не бог. Что в силах одинокого поэта?» [10, с. 469]. Однако в его силах оказалось не только поддержать и возглавить антиядерное движение, но и поднять этот вопрос в Верховном Совете СССР. События развивались стремительно. 19 октября 1989 года ТАСС сообщило об очередном подземном взрыве на Семипалатинском полигоне. Мощность его составила 150 килотонн. В ответ на это - движение «Невада – Семипалатинск» организовало митинги протеста, народные собрания в Алма-Ате, Семипалатинске, Сарани, Карауле, Москве. В городах Караганда и Павлодар на митингах принято обращение в Верховный Совет СССР с предложением безотлагательно внести вопрос о закрытии Семипалатинского ядерного полигона. А еще через четыре дня на сессии Верховного Совета СССР в своем историческом выступлении депутат Олжас Сулейменов поставил вопрос о немедленном закрытии полигона, добавив, что следующее испытание повлечет за собой всеобщую забастовку по всей республике.

«19 октября – поистине исторический день, который вписан в историю нашей борьбы, в историю нашего молодого государства, в историю человечества, – отметил Олжас Сулейменов на встрече, посвященной 25-летию со дня последнего ядерного взрыва на территории Семипалатинского полигона. – Эта дата стоит между двумя другими датами – 29 августа 1949 года на полигоне начались испытания, а 29 августа 1991 года Указом Главы нашего государства Нурсултана Назарбаева полигон был закрыт» [11].

Поэт, заслуженный деятель РК, участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС Бахытжан Мусаханович Канапьянов вспоминает: «... когда-то, в 1975 году, мой учитель Олжас Сулейменов подарил только что вышедшую книгу «Аз и Я», которая стала научным бестселлером «от Москвы до самых до окраин». Подарил с надписью «Бахытжану, с надеждой на твои успехи!». Я и возил ее всюду, по городам и весям, зачастую этимологически сверяя названия мест и ландшафта от Иртыша до Дуная в то далекое время, а в настоящее – от Японии до Мексики... [12]

Об одной из запоминающихся бесед с Бауыржаном Момышулы Олжас Сулейменов рассказал читателям газеты «Казахстанской правды»: «Я задал ему вопрос: что значит идти в атаку? Он ответил: каждый раз идти в атаку – это каждый раз вставать с колен. Всем народом вставать с колен. Это и есть та самая философия Победы. Я помог тогда сформулировать герою это ощущение от лица тысяч павших его товарищей:

«Родиной звали мы край,
где рождены,
Где кизячные дымы,
тополь у стены,
Но как назвать страну берез,
Где мы встали в рост,
Не скрывая от огня ни крови,
ни слез»... [13]

Олжас Сулейменов говорит: «Писатели – голос разума своих народов, должны объединяться первыми, чтобы выступить как могучая сила антираспада, разоблачая лживые лозунги, разрушая перегородки племенных, национальных и региональных сознаний, созидая планетарное сознание землян. Осмыслить путь наших народов в человечество от веков социального и национального угнетения через период независимости к бесконечной эпохе осознанной взаимозависимости» [14, с.11].

О. Сулейменов проникновенно и открыто отображает новые явления и события в общественной жизни, проводя через все свое творчество главные ценности – любовь, преданность и уважение к

своему народу, его этнической истории, культуре и повседневности. «Знание истории, как знание самого себя, необходимо для современного развития, потому что оно дает возможность глубже почувствовать грусть неизбежных утрат, но, вместе с тем, готовит дорогу прогрессу» [1, с.24].

Олжас Сулейменов заостряет внимание ученых на необходимости тщательного изучения тюркской письменности. «Только глубоко изучив тюркскую письменность, мы сможем реально представить себе историю тюркского этноса» [15], – справедливо утверждает поэт.

Говоря о книге «Код слова», Олжас Сулейменов отметил, что в ЮНЕСКО приступили к выполнению эпохального проекта по обобщению знаний человека о своей истории. Начальную часть проекта «Великие переселения человечества в доистории и ранней истории», сказал писатель, финансирует Казахстан, и первые международные конференции, раскрывающие этапы исследований в этом направлении, организует Постоянное представительство Казахстана в ЮНЕСКО [16].

В рамках проекта ЮНЕСКО Олжас Омарович готовит словарь «1001 слово», идеи которого восходят к его первой книге «Аз и Я» (1975 г.). Дальнейшее исследование тюрко-шумерских языковых связей, исследование происхождения письменности и языка описано в книге «Язык письма» (1998), поиски и размышления о происхождении древнетюркской письменности представлены в книге «Тюрки в доистории» (2002), о славяно-тюркских языковых связях написана работа «Пересекающиеся параллели» (1998–2004).

Олжас Омарович убежден, что нашел метод этимологии, раздела науки о языке. Этот метод, описанный в «Код слова», позволяет исследовать более древние значения письменных знаков, основанные на солнцепоклонничестве, общей вере древнейшего человека, которая помогала ему стать разумным, когда он создавал язык от звукоподражания к знакоподражаниям и буквам. Автор связывает будущее своих научных поисков с молодым поколением, студентами, учеными, которые включатся в исследование «1001 слова», как это уже делают энтузиасты «Литературного альянса».

2 декабря 2014 года в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева Олжас Омарович Сулейменов как профессор кафедры ЮНЕСКО в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева прочитал первую лекцию, посвященную Казахстану, деятельности ЮНЕСКО, свободному человеку и, конечно же, языку: «...Древо нынешнего языкознания и не древо вовсе, а сухой столб без корней. На него можно навесить громкоговорители и светильники, но они не заменят живых плодов. Восстановить систему корней языка – и оживет высохшее растение, которое, по сути, и является древом жизни племени Ното Sapiens. И поможет этому «1 001 слово», – размышляет Олжас Сулейменов.

Кроме лекций, Олжас Сулейменов планирует общаться со студентами посредством специального сайта. Ожидается, что поэт будет рассказывать им об основах этимологии. «Чтобы могли узнать историю слова, историю языков, а значит – историю культур, историю человека разумного. Как человек становился человеком. Свободным человеком. Независимым. Ведь независимость проявляется и в том, что должны быть учебники, отмеченные независимыми научными взглядами» [17], – выделяет Олжас Сулейменов.

Известный российский литературный критик, литературовед Лев Аннинский сказал об О. Сулейменове: «Поэт оказался на скрещении культур, на скрещении традиций: он счастливо совместил в себе сразу многое: молодой задор и книжную образованность... и ассоциативную экспрессию распространенного сегодня поэтического стиля... и филологическую любовь к мировым построениям, в которых Пушкин встречается с Чоканом Валихановым, Конфуцием и Тагором... и местную обжигательную степную специфику» [17].

История не терпит сослагательного наклонения, и в своих произведениях Олжас Омарович окунает нас с головой в самую гущу исторических событий, осмысливая их, мы приходим к тем выводам, которые не позволят нам пройти в своей жизни мимо того или не сделать что-то, о чем впоследствии можно горько сожалеть. Он учит нас как наставник смотреть правде в глаза, видеть все стороны объективной реальности, проводить исторические параллели между казалось бы далекими, но такими взаимосвязанными между собой явлениями. «Прошлое принадлежит тому, кто его знает. Будущее – тому, кто его созидает» [1, с. 25], - напоминает О. Сулейменов и ведет нас дорогой мудрости к тому, что зная о прошлом, живя в настоящем, именно мы ответственны за свое будущее.

Литература:

1. Сулейменов О.О. Но людям я не лгал ... / Сост., отв. ред. С. Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 146 с.
2. Феномен Олжаса: Сборник мат-лов, посвящ. творчеству О. Сулейменова / Сост., отв. ред. С. Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. – 412 с.
3. Олжас Сулейменов, народный писатель Казахстана: Достойным предкам благодарная память, Отчизне служить – священный долг // Казахстанская правда. – 2015. - 10 апреля.
4. Брусиловская Е. Я следую своему кредо – возвысить степь, не унижая горы ..... // Казахстанская правда. – 2014. - 19 ноября.
5. Сулейменов О. От января до апреля: Стихотворения. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. - 272 с.

6. Сулейменов О. Глиняная книга. Стихи. Алма-Ата: Жазушы, 1969. – 252 с.
7. Марченко А. Песнь песней или исторический детектив? // Вопросы литературы. - 1970. - № 9. – С. 42-61.
8. Сулейменов О. Избранное: Стихотворения и поэмы – Алматы: Раритет, 2006. – 416 с.
9. Сулейменов О. И в каждом слове улыбался бог... Избранные стихотворения. – Алматы, Изд. дом «Библиотека Олжас», 2011. – 272 с.
10. Сулейменов О. Собрание сочинений в 7 томах: Т. I. Стихотворения / Сост. и вступ. ст. Сафара Абдулло. – Алматы: Атамұра, 2004. - 480 с.
11. Малахова О. Четверть века без ядерных бурь // Казахстанская правда. – 2014. - 22 октября.
12. Канапьянов Б. Атом. Космос. Человек // Казахстанская правда. – 2014. - 29 августа.
13. Тусупбекова Л. Сила единства неодолима // Казахстанская правда. – 2015. - 7 мая.
14. Джуанышбеков Н. Олжас Сулейменов (очерк жизни и творчества). – Алматы: Искандер, 2004. – 76 с.
15. Иржанов М. День тюркской письменности // Казахстанская правда. – 2014. -22 мая.
16. Бузаубагарова К., Кондубаева М. «Код слова» - знаковая книга // Казахстанская правда. – 2014. -14 мая.
17. Нокрабекова З. Мы кочуем навстречу себе...// Казахстанская правда. – 2014. - 3 декабря.

ҰЛТ БОЛМЫСЫН ҰЛЫҚТАҒАН ҰЛТ АҚЫНЫ

Әбдиманұлы Өмірхан

*әл-Фараби ат.Қазақ ұлттық университеті
Қазақстан, Алматы*

Қазақ әдебиетінің тарихынан көрнекті орын алатын орыс тілді қазақ ақын-жазушылары аз емес. Олар өз шығармаларын орыс тілінде жазғанымен, туындыларының негізгі арқауы қазақ халқының өмірі мен тұрмыс-тіршілігі болып келеді. Осы ақын-жазушылардың арасындағы аса дарынды, орны бөлек тұлға – Олжас Омарұлы Сүлейменов.

Ақынның көптеген өлең жинақтары, түрлі зерттеу еңбектері, әдеби-публицистикалық мақалалары үзбей кітап болып шығып келеді. Атап айтқанда, «Арғымақтар» («Арғымаки», 1961), «Нұрлы түндер» («Солнечные ночи», 1963), «Шапағатты шақ» («Добрые время восходов», 1964), «Мешін жылы» («Год обезьяны», 1967), «Қыш кітап» («Глиняная книга»), «Ақ дария аспаны» («Над белыми реками», 1970), «АзиЯ» (1975), «Көңіл көкжиегі» (1976), «Жалынның шалқуы» («Трансформация огня»), «Париж» (1981), «Әр күн арайлы таң» (1986), «Асқардан асу» (1987) өлеңдер мен поэмалар жинақтары, прозалық шығармалары және зерттеу еңбектері басылып шықты. Ақынның қазақ тіліндегі тұңғыш таңдамалы өлеңдері мен поэмаларының жинағы «Атамекен» деген атпен ақын Қадыр Мырза Әлидің аудармасымен 1972 жылы «Жазушы» баспасынан жарық көрді.

Олжас Сүлейменов көркем шығармашылықпен бірге тіл тарихын зерттеп, бірқатар құнды еңбектер жариялады. Оның осы бағыттағы алғашқы зерттеу еңбегі – «Аз и Я» деген атпен 1975 жарияланды. Бұл тарихи-филологиялық еңбекте славян және түрік халықтарының мәдениеті мен тілінің тарихи байланыстылығы жан-жақты зерттелінген. Зерттеуші орыс әдебиетінің XII ғасырдағы ескерткіші «Игорь полкі туралы сөз» жырындағы түсініксіз сөздердің мағыналарын ашып, олардың түркі тілінен шыққанын дәлелдеді. Бұдан соң, Олжас тіл тарихына арнап «Мың бір сөз» («Язык письма») еңбегін жазды. Онда ұлттық мәдениеттер байланысы әлемдік деңгейде қарастырылған.

Олжас поэзиясының алтын арқауы – дала тағыдыры. Ол шығармаларын орыс тілінде жазғанымен, поэзиясының рухани мазмұны өзінің туған халқы – қазақ халқының жан дүниесімен үндесіп жатады. Оның асқақ үнді, кең ауқымды, терең тынысты, танымы мол поэзиясы әрбір оқырманның жанына жақын, жүрегіне жылы.

1961 жылы Олжас Сүлейменов есімі әлемге тұңғыш ғарышкер Юрий Гагарин есімімен бірге тарады. Гагарин ғарышқа сапар шексе, Олжас «Адамға табын, жер, енді!» поэмасы арқылы поэзия көгіне қанат қақты. Кейіннен ол дәуір сипатын дәл айқындаған эпикалық жанрдағы көлемді көрнекті туындыға айналды.

Адам рухының еркіндігін, күш-жігерінің құдіретін жырлау поэма көтерген басты идея. Оның кейіпкері ғарыш кеңістігіне шығумен бірге, адам рухының ұлы қуаты мен қарапайым адам ақыл-ой жемістерінің бүкіл адамзатқа ортақ екендігін әлемге паш етті. Мысалы:

Мәселе –

Ортағында бұл ерліктің.

Мәселе –

Оны әлемнің құшқанында.

Мұнда адамзаттың ой-сана құдіретін тану әрі оған табыну да бар.

Ақын Жер-анаға ғарышкер көзімен қарайды. Оны бұрынғыдан да ыстық көреді. Жер бетіндегі Батыс пен Шығыс болып бөліну енді оған жат. Космос кеңістігінен кішкене ғана шар болып көрінетін

Жер-ананы ақын өз жүрегінің дүрсілімен бірге тыңдағысы келеді. Оны бөлектеуге, меншіктеуге ол жан-тәнімен қарсы. Себебі, ол – адамзат баласына ортақ мекен. Сондықтан да ақын:

*Қылады атамекен тарлық кімге,
Тұрады сол ойдан ол қарғып түнде.*

*Батыс жоқ,
Шығыс та жоқ,
Жер дейтұғын,
Бір-ақ сөз*

Ұлы сөз бар барлық тілде, – деген өрелі ой түйеді.

Жалпы Олжас Сүлейменов поэзиясындағы бүгінгі заманның негізгі мәселесі болып отырған келеңсіз оқиғалар мен кейбір жат көріністер кеңінен суреттеледі. Ақынды жер жүзіндегі халықтар жайы, жер шарының ертеңі, адамдар жауапсыздығынан зардап шеккен жер тағыдыры толғандырады:

*Жер-ана, айналайын, айнала бер,
Қабылдаймын дертіңді бойға дәйім.
Сені бүгінде дәл мендей кім түсінер?
Жолдарыңмен өзіңді айналайын.*

Ақынның «Айналайын» атты өлеңіндегі осы жолдар оның азаматтық парызды айрықша түсінетіндігін танытса керек.

О.Сүлейменов өлеңдері адам бойындағы ізгілік пен мейірбандық, жанашырлық пен парызды оятып, сол қасиеттерді ардақтауға шақырады. Ақын бұл мәселені жеке ұлттың емес, бүкіл адамзатқа ортақ мәселе ретінде көтереді. Бірден бірді артық көрмей, бәрін тең көру, ақын поэзиясындағы негізгі ұстанымның бірі.

*Парызым – жылжыған жылдар арқылы,
Тауларды төмендетпей, даланы асқақтату, – дейді ол «Таскын» атты өлеңінде.*

Ақын өзінің тұңғыш жыр жинағын «Арғымақтар» деп атаған. Мұнда үлкен мән жатыр. Қазақ халқы арғымақ жылқыны ер-азаматтың қанаты деп бағалап, оны қадірлей білген.

Сол себепті, ақын жырындағы дала төсінде ағып бара жатқан арғымақ образы – ұлттық рухтың символы.

*Дала қандай!
Даладағы ат қандай!
Нөсер шөпке белшесінен батқандай.
Құйғытсам бір,
Дала, қала
Болады-ау,
Көз алдымда аунап бара жатқандай.*

*От тигендей,
Асау қанға,
Етіңе.
Арғымағым,
Шығып жолдың өтіне,
Шабуылдап,
Құрыш-болат тұяқпен
Пергілеші
Тақтақ жолдың бетіне.*

Осы шумақта үш образ бар. Олар: дала мен арғымақ және лирикалық қаһарман. Лирикалық кейіпкерді ұлылығы даланың мен кеңдігі, жүйріктің шабысы мен болмысы қанаттандырып, қиялына қуат бітіреді.

Олжас Сүлейменов – дала философиясынан нәр алған ақын. Оның дала философиясының танымдық қасиеті байқалатын, ақындық ой-таным парасатына суарылған, адам бойындағы аяушылық сезімді оятуға үндеген өлеңнің бірі – «Қасқырдың күшіктері». Өлеңде ен далада келе жатқан адамның өліп жатқан қасқырдың қанға бөккен емшегін еміп жатқан күшіктері бейнеленеді. Өлеңдегі оқиға нақты баяндалып, сурет айқын берілген.

*... Кім кінәлі?
Адамдар ма?
Аңшы ма?
Кім жығыпты оны сойыл-қамшыға?
Ақ күшіктер таласып кеп емеді
Ақ емшекті бөккен қызыл тамшыға.*

*Жақын түгіл аяр еді жат тегі,
Оянбайтын бір ұйқыға батты өлік.
Жарақаттың аузын жалап күшіктер,
Шешесінің жылы қанын жатты еміп...*

Жауыздық жауыздықты тудырады. Бұл – дала даналығының айнымас аксиомасы. Ал даланың жазылмаған қатал заңы көзін ашпаған күшіктердің анасын өлтіруге тиым салған. Өлеңдегі мына сурет – азған заманның, азғын ұрпағының қолынан келген іс. Бойын аяушылық сезім билеген ақынды адамдық қасиеттен айырылған қатыгез ұрпақтың ойсыз ісі шошындырады. Сондықтан ол адамдарды қоршаған ортаға жанашырлық сезіммен, үлкен жүрекпен қарауға шақырады. Ақын бейнелеуіндегі бөлтіріктер қанға бөккен емшектен қанмен бірге жауыздықтың тәлімін еміп жатқан секілді.

Өлеңдегі ой-таным түйіні: «Қанмен бірге күшіктердің бойына сіңе берді аңшыға деген кек» деген тұжырымда жатыр.

Олжас Сүлейменов – адам бойындағы асыл сезімді, әдемі үйлесімді нәзіктікпен жырлаудың шебері. Ол қарапайым ғана көріністен сезім оятып, ойынды биікке жетелей алады.

Бұған нақты дәлел ақынның «Қыз қуу» өлеңі:

*Қуып жет мені жігітім,
Егерде болса үмітің.
Атыңды аяп келсің
Шын сүйсең, маған жетесің...*

*...Қалдың-ау тағы жігітім,
Үмітің қайда үмітің?*

*...Жігітке нағыз ержүрек,
Жігітке нағыз көрікті.
Жетпесін қуып мені деп,
Ат емес, есек беріпті...*

Осы өлең шумақтарындағы көрініс әр адамға таныс сурет. «Қыз қуу» – көшпелі елдің дәстүрлі ойын-сауғының бір түрі. Алайда осынау ойын кезіндегі бойжеткен мен бозбала бойындағы құпияны аша алу, бұйығы сезімнен арылған, жүрек бұлқынысын жеткізу – ақындық тапқырлық. Көркем образ, көркем шындық арқылы оқушы сезімін қозғап, ойын оята білу – Олжастың ақындық шеберлігінің айқын белгісі.

Олжас әлемі – биік талғамның, сырлы сұлулықтың әлемі. Ақын поэзиясының қуатын көркемдік белгісінен ғана емес, тақырып аумағының кеңдігінен де көруге болады. Ол – өзінің жырларында жеке адам тағыдырын, ұлт тағыдырын ғана емес, бүкіл адамзатқа ортақ күрделі мәселелерді көтере алған ақын.

Қорыта айтқанда, Олжас Сүлейменов – өз шығармаларында азаматтық әуен, философиялық тереңдік, көркемдік ерекшелік, ұлттық таным-түсінік арқылы қазақ поэзиясын бүкіл әлемдік деңгейге көтерген ақын. Ол – мәнінде ұлттық болмысты ұлықтаған ақын.

ОБРАЗ СТЕПИ В ТУРЕЦКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРАХ

*Сейфуллах Кочак, Алту Акийол,
Булутхан Гекташ
Анатолийский университет
Туриция, г.Ескишекир*

Аннотация. В статье рассматривается образ степи в турецкой и казахской культурах. Авторы проанализировали научные статьи по данной проблеме, энциклопедии, исторические источники, работали художественной литературой, провели среди студентов Анатолийского университета анкетирование, в результате получены данные о представлениях турок о степи в сравнении с представлениями казахов.

Ключевые слова: степь, турецкая и казахская культуры

1. Цель и этапы исследования

Цель статьи – определить, как представляют турки степь, сравнить их с образом степи у казахов и объяснить причины разных представлений об одном и том же виде ландшафта.

Исследование образа степи в турецкой и казахской культурах мы провели в несколько этапов. Сначала мы обратились к источникам, которые характеризуют степь в турецкой культуре: изучили научные работы (географическую энциклопедию, толковые словари турецкого языка, статьи

турецких ученых о степи), исторические работы о жизни, обычаях тюркских народов, связанных с проживанием в степном климате, турецкую художественную литературу (стихи, рассказы) И эпос (дастан). Мы провели анкетирование среди турецких студентов, результаты которого позволили представить образ степи в сознании турок. Мы сделали выводы о том, что значит степь для турок в древности и в настоящее время. Затем мы изучили литературу, касающуюся представлений казахов о степи. В результате мы сравнили образ степи у турок и казахов и пришли к заключению о сходствах и различиях образа степи у этих народов.

В процессе работы нам оказывала помощь в сборе материала, планировании этапов исследования, интерпретации фактов помогала наш преподаватель – профессор Зинаида Какбаевна Сабитова.

2. Степь в турецкой культуре

Понятие «степь» в энциклопедических источниках

В научных статьях слово *степь* используется в значении «географический район, разновидность климата, для которого характерна особая растительность».

Степи – важная часть биоразнообразия Земли. По классификации Кеппена, степь характеризуется как климат, средний между климатом пустыни и влажным климатом. Это зональный тип ландшафта умеренного и субтропического климатических поясов. Главные особенности степи – сухая равнинная местность, покрытая травой и низкорослыми деревьями. В степном климате выпадает не больше 400 мм осадков в год.

Казахстан – девятая по площади страна в мире. В этой стране степь занимает более 75% территории страны. В Турции степь распространена в районах Внутренней, Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Жителям районов, прилегающих к городам Анкара, Конья, Эскишехир знакомо понятие «степь». А в Конье есть район, который называется *Bozkır* («степь»).

В статье «Kuvaterner'deki iklim değişmelerinin Türkiye doğal ortamı üzerindeki etkileri» автор пишет: «*Genel bir ifade ile denilebilir ki, soğuk ve kurak iklim koşullarından dolayı Anadolu'nun iç kesimindeki alçak alanlar bozkırlarla kaplanmıştır*» – «В общем можно сказать, что из-за холодных и сухих климатических условий районы, находящиеся во Внутренней Анатолии, покрыты степной растительностью» [1, с.123].

3. Степная культура в истории тюркских народов

Каждая культура имеет свои особенности, поэтому степная культура отличается от других культур. Слово *bozkır* («степь») в «Диван лугат ат-турк» используется в значении «твердая, плоская земля». Слово *Средняя Азия* турки обычно используют для описания степи, степной жизни и культуры.

Степная культура была одним из факторов, формировавших социальную и экономическую жизнь тюрков. На протяжении всей истории для тюркских народов была характерна степная культура. Средняя Азия – район, в котором преобладал резко континентальный климат, где разница температуры зимой и летом значительная. Эти трудные условия усложняли жизнь тюрков и способствовали формированию волевого, решительного, свободолюбивого характера тюрков.

Известно, что в ранне средневековье родиной тюрков были районы, которые сегодня называются Восточный Туркестан, Монголия и Алтайские горы. Степной климат обусловил то, что основным занятием тюрков было скотоводство. Необходимость искать новые пастбища для своего скота дало начало культуре кочевников. Кочевая жизнь принесла много проблем в жизнь тюрков: они должны были летом и зимой кочевать по степи. [2, с. 19; 3, с. 60]

В степной культуре в разных областях верования были различными: шаманизм, буддизм, зороастризм, тенгрианство. Большинство тюрков верили в тенгрианство. В X веке они приняли ислам, но в то же время они продолжали сохранять свою степную культуру. Но и сегодня в тюркских культурах все еще отмечается влияние старых верований.

У тюрков существовали строгие законы и принципы. Следует отметить, что первая воинская система в армии была создана тюрками.

В тюркских языках были слова, характеризовавшие общественные отношения, например, *oğuş* («семья»), *urug* («отцовство»), *bod* («племя»), *ok* («политическая организация»), *bodun* («единство племени»), *il* («государство»). В турецком языке сохранилось много терминов о семейных отношениях, которых нет в других языках [4, с.227]. В семейных отношениях существовали правила, подчеркивающие уважительное отношение друг к другу. В эпосе «Китаби деде Коркуд» написано, что женщины имели равные права с мужчинами [5, с.41-45; 6, с.16-17]

Тюркский эпос содержит повествования о степи, которые полны восхищения героизмом тюрков. «Манас», «Алып Ер Тона», «Деде Коркут» являются самыми известными эпосами, в которых нашли отражение традиции степной жизни тюркских народов.

С приходом тюрков в Анатолию их степная культура начала изменяться, потому что они отошли от степи. Они принесли с собой в Анатолию культуру степей, однако они встретились с новым

климатом и природой, поэтому со временем они начали создавать новую культуру, которая отличалась от прежней степной культуры. Поэтому у двух тюркских народов – турок и казахов – представления о степи различаются.

4. Степь в современной турецкой литературе

Турецкое слово *bozkır* («степь») создано путем соединения слов *boz* («серый») и *kır* («степь, серый»). В турецкой культуре и литературе часто упоминается серый цвет как цвет степи. При описании степи используются слова *bozkurt* («серые волки»), *boz-bulanık çay* («серо-мутные речки»), *boz atlı Hızır* («Хыдр на серой лошади») и другие.

Так, в стихотворении «*Bozkır rüzgarı*» («Ветер степи») Ахмет Урфалы (Ahmet Urfalı) пишет:

(1) «*Boz çalılı bozdağı seyret, engininde boz-bulanık çayların aktığı,*

Ve gecesinde bozkurtların uluduğu.

İşit karşı tepeden ozanların söylediği bozkırın feryadı bozlağı.

Sonra düşün bozlakta geçen Boz-ok'u, Boz-ulus'u. Hatırla bir de dedenin anlattığı boz atlı Hızır'ı. [7, с.9]

«Смотри на серую гору, покрытую серыми кустами, на вершине которой текут серо-мутные речки.

В ночной степи воют серые волки.

Услышь со стороны противоположного холма бозлак (*bozlak* = турецкая народная песня) как крик степи, которую поют *ozan* (ашуг = певец).

Потом подумай о Боз-ок, Боз-улус, которые описаны в бозлаке, и вспомни Хыдра (*Hızır*) на серой лошади, о которых рассказывал дедушка».

В современной турецкой литературе понятие «степь» используется в разных значениях, например: «место, не такое густонаселенное, как город», «место, у которого не видно края, пространство без границ», «место, где спокойно, нет суматохи и спешки». В турецкой литературе степь описывается как что-то древнее, красивое, чистое.

Приведем отрывки из стихотворения «*Bozkır*» («степь») Османа Юксела Серденгечти (Osman Yüksel Serdengeçti):

(2) *Sabır, tevekkül çile burda sonsuzlaşır*

Cihet ebedi silinir, insan mekansızlaşır...

«Терпение, покорность, горе здесь становятся бесконечными,

У человека здесь нет места».

(3) *Her aynı ses, aynı renk, aynı şekil, aynı hat!...*

Topraktan ve güneşten gelen sonsuz saltanat!...

«Звук, цвет, форма, вид (в степи) – все одинаковое,

Здесь господство земли и солнца без конца».

(4) *Bozkır sükun, bozkır ruh, bozkır bir derviş gibi!*

Kendi kendinden geçmiş, Allah'ı görmüş gibi!...

«Степь спокойна, степь – душа, степь как дервиш,

Она в упоении, в восхищении, словно увидела Аллаха».

(5) *Bozkırlarda 'şimdi'nin, 'acelenin' işi yok!*

Motor, sür'at asrının korkunç keşmekeşi yok!

«Сейчас в степи нет никакой спешки,

Нет суматохи нашего стремительного века».[8, с.69]

В книге рассказов «*Çiğdemleri Solan Bozkır*» автор повествует о судьбе людей, живущих в степи. В степи даже время не идет вперед, оно постоянно вращается по кругу, как судьба людей, живущих в ней. Описание степи в рассказе напоминает читателю о домах из кирпича-сырца, дервишах, резных сазах, барабанах из козьей кожи, зурне, сделанной из сливового дерева, ветре, воющем как волки

Например: «...*öykülerin tamamina mekân ya da fon olan bozkır, kendi coğrafyasında yaşayan insanların yazgisını, kendi yazgisına dönüştürür. Tıpkı bozkırın doğası gibi öykü kişilerinin yaşamları da sürekli kendini ve birbirini tekrar eder. Bozkırda zaman bile ilerlemez, sadece döner...*» – «Степь, в которой происходили описываемые автором события, является фоном для рассказа, она меняет судьбы людей, живущих в степи, на судьбу, сходную с судьбой степи. И жизнь людей в рассказе постоянно вращается по бесконечному, словно степь, кругу, и события в ней следуют друг за другом»; [9, с.152].

«*kitabın ilk öyküsü olan «Evin Yıkılsın Hacı», «Bir deli yağardı ki kar...» eksiltili cümlesiyle başlar. Cümlelerin eksik bıraktığını ancak bozkırın kışını doyasıya yaşamış muhayyileler tamamlar. «(...) kerpîç evler, (...) abdallar, (...) oyma sazlar, (...) keçi derisi davullar, (...) erik zurnalar...*» – Первый рассказ в книге «*Evin Yıkılsın Hacı*» начинается с неполного предложения: «Как сильно идет дождь...» Неполнота предложения восполняется словами, обозначающими мечты людей, зимующих в степи.

«(...) дома из кирпича-сырца, (...) дервиши, (...) резные сазы, (...) барабаны из кожи козы, (...) зурна, сделанная из сливового дерева...» [9, с. 154].

5. Образ степи по результатам анкетирования турецких студентов

Мы провели анкетирование среди турецких студентов и учащихся и определили, какие представления вызывают у них слово *bozkır* = *степь*. В анкетировании приняли участие 70 юношей и девушек 18-30 лет.

Нами получены следующие результаты. К слову *степь* были даны такие группы слов-ассоциаций:

а) географическая и климатическая характеристика степи: *засушливый / сухой* (19 человек), *Центральная Анатолия* (10), *холод* (4), *Азия* (4), *жара* (4), *горы* (3), *равнина* (3), *Конья* (2), *без моря* (2), *Анатолия* (2), *континентальный климат* (2), *степь* (step) (1), *теплый* (1), *Казахстан* (1), *ветер* (1), *плохая погода* (1), *осень* (1), *сельский* (1), *мало осадков* (1), *Сивас* (1);

б) растительность, земля: *трава* (13), *земля без границы* (4), *дерево* (1) *куст* (1), *поле* (1), *ячмень* (1), *мак* (1);

в) люди, живущие в степи, животные: *конь* (4), *скотоводство* (4), *кочевник* (1), *люди, живущие Анатолии* (1), *обветренные руки* (1), *волосы* (1), *бедный* (1), *человек, возделывающий землю* (1);

г) общество, отношения между людьми: *война* (1), *семейные связи* (1), *скифы* (1);

д) предметы: *меч* (1), *палатка* (1).

Самой многочисленной оказалась первая группа. Самыми частотными являются слова, которые обозначают географические и климатические характеристики степи как вида ландшафта: *сухой, трава, Центральная Анатолия, Азия, конь*. Это связано с тем, что для турок степь – это просто ландшафт и климат, характерный для некоторых районов Турции, степь для них никак не связана с родиной, родными местами. Для большинства турок понятие «степь как жизнь в степи» утратилось, осталось в истории.

Предварительные выводы 1. Мы сделали выводы о том, что значит «степь» в турецкой культуре: 1) безлюдная, безводная, суровый, жаркий, холодный климат; 2) некоторые районы Турции со степным ландшафтом; 3) суровые, как климат степи, люди; 4) часть истории, место проживания предков – древних тюрков.

6. Степь в казахской культуре и литературе

С давних времен степь предопределила жизнь казахов. Материальная культура казахов отражала особенности их хозяйственной жизни, основывалась на традициях культуры предшествующих поколений степных скотоводов. Хозяйственно-экономический уклад казахов был наиболее приспособлен к степным условиям, в которых они жили. Кочевое скотоводство создало основу для единой казахской культуры. В Казахстане единая культура, которая базировалась на лучших традициях культуры древних степных племен [10].

Степь является символом кочевников. Казахи слились со степью, идеально подходящей для кочевничества. «Кочевой степняк ест, пьет и одевается скотом, – писал Ш. Валиханов, – для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиза, как известно, начинается фразой: «Здоров ли твой скот и твое семейство?» Эта забота, с которой наперед осведомляется о скоте, характеризует более, нежели целые страницы (описаний)» [11, с.28].

В казахских сказках и песнях степь описывается как безлюдная, безводная, жаркая, голая: *Кошка побежала в безлюдную степь; Она рассказывает нам о том, как парящая очень высоко в небесах песня пролетала над степью кочующих казахов; Обширна степь, но человек проворен!; Окружили собаки лису и погнали в безводную, голую степь; Шел он жаркою безлюдною степью и дошел до города, где жил хан.* [12; 13]

Степь для казахов – живое существо, которое живет своей жизнью, имеет свои обычаи и традиции. Это символ Родины, это родная земля, которая их вырастила и всегда готова дать приют. Это нашло отражение в творчестве известных казахских поэтов и писателей.

Олжас Сулейменов пишет: «*Степь проста с первого взгляда, а со второго она уже красива и недоступна. С третьего взгляда (и уже навсегда) степь лишается шумных и высоких эпитетов. Она уже попросту твоя родина, она ждет не восхищения, а сыновней любви, заботы на всю жизнь*».

О степи без края, величии родной степи пишет С. Муқанов: «*Вспоминая о родине, человек любит рассказывать прежде всего о том замечательном и необыкновенном, чем богата его земля.*

Одни гордятся неприступными горами – у их подножий они выросли; другие восторгаются беспредельностью морских далей. Любовь сибиряка – вековая тайга и величавые сибирские реки.

На моей родине нет ни гор, ни вековых лесов, ни моря. Моя земля, в какую сторону ни посмотри, – гладкая степь, равнина Тургай. До самого горизонта тянется эта степь, и до ближайшего от нашей стоянке аула надо ехать верхом на лошади неделю, а то и целый месяц. И тогда степь будет тянуться неделю, и две недели, и месяц. Однообразие бесконечного степного простора нарушают лишь редкие каменистые сопки, иногда очень высокие.

Велика тургайская степь!»

Известный казахский поэт М. Алимбаев в своем стихотворении пишет:

*Степь моя, ты как книга стихов,
И тебя я читать не устану.
Твой мороз – он подобен весне,
С ним я только смелей и сильнее,
И метель твоя кажется мне
Легче хлопка и хлопка белее.*

В стихотворении М. Алимбаев пишет о сыне степей, который счастлив тем, что он родился в степи:

*Я – сын степей... уже в пять лет
Я различал коней по масти
И, зная всех овец, был счастлив
Пасти отару, встав чуть свет.*

Для кочевников степь означала безграничность, бескрайность, в ней дуют сильные ветры, растет ковыль, там остается сердце человека, он всегда хочет быть там. Степь благодаря своей бескрайности стала символом свободы. Попадая в степь, человек отдаляется от повседневной суеты, от ограничений, ср.: *Широко раскинулась степь – вольно здесь дышится не только казахам, но и казакам* (Газета «Время»). Но для городского жителя степь она может быть неудобной, ср.: *Хотя степь и не имеет границы перед его глазами, человек с каждым моментом чувствует лавину клаустрофобии, хочется побыстрее уйти из этого места* (Газета «Караван»). В предложении: *Все мы там тосковали по дому, по родным степям – это нас и сплотило* (Газета «Экспресс К») степь представлена как родная земля.

7. Понятие «степь» по результатам свободного ассоциативного эксперимента

Результаты свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что степь для казахов:

- а) простор, свобода: *бескрайность, бескрайняя, безграничность, простор, свобода, вольная, широкая;*
- б) природа: *ветер, ветреная, яркое солнце, пыль, песок, жажда, жара, ковыль, пустыня, дикая, сухая трава, за городом, тропинка, дорога, бездорожье;*
- в) кочевье: *кочевник, верблюд, лошадь, баран, стада, стадо, отары, пастухи, чабан, коровы* [14, с. 156].

Таким образом, в понятии «степь» многовековая кочевая культура тюрков оставила неизгладимый след.

Предварительные выводы 2. Степь для казахов означала: безлюдная, безводная, жаркая, голая; 2) безграничность, бескрайность; 3) символ свободы; 4) кочевая жизнь, кочевники; 5) родина, родная земля; 6) живое существо; 7) жизнь.

8. Результаты исследования – сходства и различия в представлении степи в турецкой и казахской культурах.

Мы представили различные представления о степи у турок и казахов в виде таблицы.

Образ степи в турецкой культуре	Образ степи в казахской культуре
1) безлюдная, суровый, жаркий, холодный климат	1) безлюдная, безводная, жаркая, голая
2) некоторые районы Турции со степным ландшафтом	2) безграничность, бескрайность
3) суровые, как климат степи, люди	3) символ свободы
4) часть истории, место проживания предков – древних тюрков	4) кочевая жизнь, кочевники
	5) родина, родная земля, Казахстан
	6) живое существо
	7) жизнь

Основные различия между представлениями о степи турок и казахов связаны с тем, что основная часть территории проживания казахов занята степями, их жизнь связана со степью, и они всегда чувствуют влияние степи. Для казахов степь – это родина, жизнь, как и было для тюркских народов тысячу лет назад. А турки, проживающие в Анатолии с множеством разнообразных ландшафтов и климатов, не похожих на степной, считают степь лишь частью своей истории, частью древней родины – родины предков. Степь во Внутренней Анатолии подобна музею в центре родины.

Литература

1. Atalay İbrahim. Kuvaterner'deki iklim değişmelerinin Türkiye doğal ortamı üzerindeki etkileri. // Türkiye Kuvaterner Sempozyumu / Eds. O. Tüysüz and MK Erturaç. – İstanbul: Turqua-V., 2005.
2. Gökalp Ziya. Türk Medeniyet Tarihi. – İstanbul: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1976.
3. Bilgiseven Âmiran Kurtkan. Sosyal İlimler Metodolojisi. – İstanbul: Filiz Kitabevi, 1989.
4. Kafesoğlu İbrahim. Türk Milli Kültürü. – İstanbul: Ötüken Yayınları, 1998.
5. Kaplan Mehmet. Dede Korkut Kitabında Kadın. – İstanbul: Dergah Yayınları, 1999.
6. Aydın M. Âkif. Türk Hukuk Tarihi. – İstanbul: Beta Basım Yayım Dağıtım Anonim Şirketi, 2009.
7. Urfalı Ahmet. Bozkır Rüzgarı. – Eskişehir: Özdemir Ofset, 2012.
8. Serdengeçti Osman Yüksel. Akdeniz Hilalindir. – İstanbul: Türk Edebiyat Vakfı, 2008.
9. Güneş Okt Yavuz. Yansıtmacı Damarda Taze Kan: Çiğdemleri Solan Bozkır. // Türklük Bilimi Araştırmaları. 30.30. – 2011. – S. 145-164.
10. <http://e-history.kz/ru/contents/view/283>
11. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. – В 5 т. – Алма-Ата: Гл.ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. – Т. 2. – 416 с.
12. <http://kaz-lit.kz/kazahskie-narodnye-skazki/ptichka-i-myish>
13. <http://kaz-lit.kz/kazahskie-pesni/pesni-v-zhizni-kazahov>
14. Словарь евразийской лингвокультуры Казахстана / Сабитова З.К., Жанкидилова Г.Т., Склярченко К.С., Шантаева Д.С., Шетиева А.Т. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 526 с.

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ПЕСНЯ НАД ПЕСКОМ» И «ТРАВА» О. СУЛЕЙМЕНОВА В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

*Тиливалди-Хамраев А.
Институт литературы
и искусства и.М.Ауэзова
Хамраева Ш.
Университет мировых
языков и деловой карьеры
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Статья посвящена анализу различных форм эстетической интерференции оригинала и перевода на примере стихотворений О.Сулейменова, которые побуждают к иному толкованию текста, имеющего свои характерные особенности. Эстетическую интерференцию представляют изобразительные и выразительные системы (тропы), которые объективно создают эстетическое напряжение в переводе. Это напряжение также создается благодаря эклектике разных языковых и культурных норм, что рождает поэтическую интерференцию в целом.

Ключевые слова: Эстетическая интерференция, конъюгация, дискретность, ритмо-рифменная система и т.д.

На первый взгляд, перевод лирики О. Сулейменова на английский язык в сравнении с каноническими произведениями других казахских поэтов кажется нетрудным. Это связано с традицией верлибра и практикой его перевода в Европе, в том числе в англоязычной поэзии, где она достаточно сильно развита. С этой точки зрения верлибры О. Сулейменова для зарубежных реципиентов являются знакомой стиховой формой, позволяющей полноценно передавать его содержание. Между тем, анализ стихотворений поэта, вошедших в Антологию современной казахской литературы, опубликованной в 2016 году в США, показывает, что перед переводчиком стояла труднейшая задача - передать не столько идейно-тематическое содержимое оригинала, сколько сохранить то эмоционально-эстетическое и смысловое влияние на читателя, на которое нацелен, прежде всего, личный нарратор.

Стих О. Сулейменова в переводе на английский язык призван пробудить в душах реципиентов такие же чувства и мысли, какие были намечены самим автором. С этой точки зрения перевод произведений автора в Антологии, можно сказать, достиг своей цели. Однако реципиент наблюдает, что в процессе перевода сталкиваются различные художественно-эстетические ценности и происходит противостояние и взаимовлияние сложных социо-культурных дискурсов, приводящих к появлению некой «срединной» маргинальной словесной культуры. Правда, подобная «маргинальность» перевода является неким мостиком со встречным движением, где на дискретном плане пересекаются и переплетаются все языковые и структурно-композиционные элементы стиха. И поэтому читатель наблюдает в переводе стихотворений О. Сулейменова на английский язык напряженное единство и борьбу поэтико-структурных противоположностей, что всемерно вызывает

эстетическую оппозицию, представляя единой конъюгационный и интерферентный характер перевода. В целом, при восприятии лирики О. Сулейменова читатель наблюдает различные формы эстетической интерференции, которые побуждают к иному толкованию текста, имеющего свои характерные особенности.

Как известно, эстетическую интерференцию представляют изобразительные и выразительные системы (тропы), которые объективно создают эстетическое напряжение в переводе. Это напряжение также создается благодаря эклектике разных языковых и культурных норм, что рождает поэтическую интерференцию. Рассмотрим стихотворения Олжаса Сулейменова «Песня над песком»:

1. Над пустыней стоят одинокие соколы,
2. Над пустыней застыли мохнатые беркуты,
3. Над пустыней парит августовское солнце —
4. Одинокие образы человеческой веры.
5. Я к скале подойду
6. И ножом, как язычник,
7. Заклинанья шепчу,
8. Что-то вырежу я.
9. О прости меня, Солнце,
10. Я шепчу неприличное,
11. Пусть услышит пустыня
12. Рыжая.
13. А потом?
14. А потом
15. Топот скроет молчанье.
16. Ты меня, вороной,
17. назови подлецом!
18. Кони ноги ломают
19. Вот такими ночами,
20. Когда всадник о гриву
21. Утирает лицо...
22. Над пустыней стоит одинокое небо.
23. Успокойся, скакун.
24. Это всходит луна.
25. Ах, такую прохладу и спокойствие мне бы.
26. До свиданья, пустыня Рыжая.

Мы отметили цифрами и выделили те строки, в которых художественный эпитет выполняют ключевую функцию в образной системе казахского поэта. Изобразительные средства произведений О. Сулейменова служат для передачи яркой наглядности, красочности, подчеркивают общую цветовую гамму. Но для него чрезвычайно важен эпитет, обеспечивающий пространственный паралелизм: «Пустыня рыжая» (этот эпитет повторяется дважды в стихотворении и он структурно-композиционно противопоставлен между собой) и «одинокое небо, одинокий сокол и одинокие образы». Кстати, триединство данного символа красноречиво свидетельствует о трех конкретных образах личного и имперсонального нарратора - «сокол» сам лирический герой в данном контексте, «небо» – его тенгрианское сознание, «образы» - это его думы о настоящем и будущем. Для поэта важно противопоставление образов: «Рыжей пустыни и одинокого сокола».

Данный бинарный образ подчеркивает антимичность пары: свободный и могучий дух казахского человека и ползучее инертное свойство общественной мысли и энергии, переданной в образе «рыжей пустыни», которую никак нельзя истолковать как в английском варианте в качестве ласкового и нежного явления природы. О подобной глубине поэтической и эстетической мысли О. Сулейменова, видный востоковед Сафар Абдулла писал, что «это не просто знания или интеллект, это нечто большее, благодаря чему они становятся интересными во все времена и для всех людей» [1, с.134]. Поэзии О. Сулейменова всегда были свойственны точность и конкретность в изображении бытия [2, с.124], а не отвлеченная символика, представляющая интертекстуальные связи с генетическим кодом.

Исследуя «Глиняную книгу» поэта, Е Чаплевич также показала, что «она полна загодок. Читателям предлагается сотрудничество в создании смысла» [3, с. 27]. Эти художественные качества поэзии О. Сулейменова в переводе на английский язык непременно вступают в дискретное состояние. Сравните:

1. A lonely falcon hangs over the desert sand
2. A saggy eagle stands over the desert sand

3. The august sun floats over the desert sand
4. Solitary symbols of man's faith.
5. I will go up to the mountain,
6. muttering pagan spells.
7. With my knife I will carve there
8. my secret mark.
9. O Sun, forgive me
10. my indecencies.
11. Let the red desert
12. hear me.
13. And then?
14. And then
15. the *stamp* of hooves –
16. *the bitter stamp of reproach* –
17. will drown out my silence.
18. Steeds break their legs
19. on nights like these,
20. when the rider
21. wipes the sweat from his face
22. with his horse's mane...
23. A lonely sky stands over the desert.
24. Do not fear, my steed,
25. it is only the moon rising,
26. its eye tranquil and cool.
27. Goodbye, red desert.

В переводе на английский язык структурно и композиционно верно передан и отражен пространственный параллелизм «red desert» («Пустыня рыжая») (курсивы выделены нами- А.Х. и Ш.Х.), однако отчетливо видно, что при воспроизведении оригинала несколько сужается смысловое значение (слово «рыжий» в английском языке имеет множество смысловых корреляции: «redhead», «ginger» и т.д.) с одной стороны, и усиливается личный нарратор – с другой (12 строка). Это и есть эклектическое условие проявления эстетической интерференции оригинала и перевода. Ключевой тройственный образ, введенным казахским поэтом, «lonely falcon» («одинокие соколы»), «saggy eagle», («одинокий орел»), «lonely sky», («одинокое небо»), «Solitary symbols» («одинокие символы»), которые противопоставлены образу «red desert» (Рыжей пустыни), также подвергается определенному эстетическому изменению и измерению. Во-первых, переводчик мог бы передать слово беркут, как разновидность орла, без перевода, однако он использует общепринятое слово «орел». В данном случае образ «мохнатые беркуты», как крупные птицы, кстати, не только пустыни, наводящие ужас степным диким ползучим и летающим существам, застыли как черные пятна на палящем небе. Таким образом, в переводе мы наблюдаем замену образа множественности на образ единичности. Читателю предлагается образ «зависшего орла» в небе вместо образа застывших мохнатых беркутов. Образ «рыжей пустыни», введенный в текст оригинала поэтом, имеет сильный социальный подтекст и представляет имперсональный образ современности, создающей острые проблемы для личности. Это передается независимой и весомой в художественном значении строкой № 15 «Топот скроет молчанье», где опять сопоставляется образ множественности - «топот» с образом единичности «молчание». В английском же тексте введен образ «stamp of hooves», который сосредоточивает внимание реципиента только на конкретном предмете.

Таким образом, выражение «топот» в оригинале превращается в скрытое сравнение – метафору и символизирует общественный настрой современной поэту эпохи. Для понимания идейного своеобразия «Песня над песком» чрезвычайно важно следующие строки О. Сулейменова:

16. Ты меня, вороной,
17. назови подлецом!

К сожалению, эти важные мысли поэта пропущены в переводе. Образ «вороны» в казахском общественном сознании, как и в русском имеет отрицательный подтекст. Сопоставляя лексемы «ворона - подлец», автор усиливает субъективное начало в стихе. Эмоциональный настрой поэта предельно ясен и лаконичен. А в английском тексте вводится иные смысловые нагрузки (см. строки 14 и 15), связанные с тавтологией «stamp». Следует отметить, что подобные явления происходит по объективным причинам. Изучившую поэтику и идеологию произведения «Аз и Я», Харша Рам считает, что Олжас Сулейменов воспринимает поэтическое слово в контексте генетического дискурса «как темная аллегория истории» [4, с. 52]. Подобные явления в лирике становится серьезным

эстетическим препятствием для адекватного перевода произведений поэта. К тому же стихи О. Сулейменова по степному звучат и благоухают. Например, в стихотворении «Песня под песком» лирический герой не может «успокоится как скакун», т.е., он, как язычник хочет вырезать на скале заклинания и сказать что-то «неприличное» над пустыней, где беспощадно «парит августовское солнце». Очень трудно передать в переводе такие эмоциональные всплески. Правда, художественные эпитеты занимают скромное место в данном стихе, которые, кстати, менее характерны для казахской степной поэзии. Однако, учитывая, что они использованы в ключевых выражениях и высказываниях произведения переводчику необходимо было обратить на них особое внимание. Известный немецкий литературовед Леонард Кошут пишет, что «Некоторая сложность при чтении Сулейменова таит в себе радость познания... Не только путем серьезного изучения действительности? Но и через различные формы поэзии и Сулейменов заставляет нас войти в новые географические, исторические, национальные, мировоззренческие просторы и познать наш общий, большой мир, составной частью которого мы являемся» [5, с.15]. Действительно, главное свойство и движущая сила стихотворений О. Сулейменова – прогрессивность и динамика образных мыслей, что ярко проявляется в метафоризации предиката, что объединяет в себе постоянные и непостоянные символы (цветовые, бытовые, портретные и т.д.).

Подобное художественное явление мы можем также увидеть в переводе на английский язык стихотворения «Трава» О. Сулейменова. Особенно интересные поэтические формы предлагает поэт, в стихах которого часто можно наблюдать переносы, увеличение числа пауз, ударений, усложнение синтаксического строя, строфы. Ритм стиха становится прерывистым, а диэпричастные, причастные обороты объективно осложняют восприятие целостности художественно-эстетических категорий. Все произведения О. Сулейменова можно отнести к экспериментаторскому творчеству, причем во всех отношениях. Коренная перестройка стиховой культуры во второй половине XX века, осуществленная поэтом, привели к значительному обновлению идеи и тем его произведений, образов и жанров, которые, естественно, изменили ритмо-рифменную систему его лирики:

Встречаемся мы часто за Тоболом,
в лесу, в траве осенней
и лежим,
и не шумим,
я так же чист с тобою,
как наш Тобол, впадающий в Ишим.
С деревьев красные сползают ливни,
травы в багровой
лиственной крови,
ты навсегда запомни —
как счастливо
глядел на нас кузнечик
из травы.
В моём лесу ничто не враждовало,
скользили блики света по траве,
и по руке твоей, как по тропе,
шла муравья,
и ушла,
пропала.
Все птицы пели что-то без названья,
за всеми клёнами молчал Тобол.
Что было бы, не будь его?
Не знаю.
Что было бы, не будь меня с тобой?
Всех, на тебя похожих, —
не обижу,
деревья белые беречь я буду,
и каждый раз,
когда тебя увижу,
я самым добрым человеком буду.
Что было бы, не будь вот этих глаз,
залитых светом, болью и обидою...
Ты каждый раз люби меня,

любимая,
так, словно видимся
в последний раз. «Трава»

Как видно, наиболее многочисленными и многообразными становятся у О. Сулейменова виды неточных рифм, а грамматические и фонетические созвучия преобразуются в очаги создания эстетической напряженности в стихе. Звуковая система оригинала, в частности, точные рифмы «глаз-раз», «обижу -вижу», «лежим- шумим -Ишим», грамматические рифмы «ушла-пропала», неточные «Тобол - с тобой», «ливни- крови -запомни» тавтологические «раз- раз», «буду-буду» насквозь прошивают почти все строки произведения.

В английском тексте звуковые повторы имеют совершенно другой характер. Сравните:

1. We often meet
2. on the banks of Tobol.
3. In perfect silence
4. we lie in the autumn grass.
5. With you I am as pure as our Tobol
6. When it flows into the Ishim.
7. Tress drip with *red*,
8. the grass is *splattered*
9. with their crimson blood.
10. Our hearts beat softly,
11. tuned to the grasshopper's
12. ecstatic trill.

Как видно, в английском тексте нивелирована функция звуковой организации стиха. Мы видим только отделенные звуковые повторы типа *red- splattered, Tobol-blod u m.д.* Следует сказать, что если канонические формы рифменной системы легче воспроизвести в переводе, то звуковую организацию верлибра воссоздать в иноязычном тексте необычайно сложно, а иногда невозможно.

Поиски новых художественных средств и прежде всего органических поэтических метафор, способствовали повышению интереса О. Сулейменова к стихотворной технике и экспериментам с формой стиха. Его верлибры, акцентные формы, непрерывная череда размеров, рифм, фонетических и грамматических повторов, постоянное усиление роли холостой строки, разноударные и неравносложные ритмические доли и рифмы привели к тому, что о произведениях О. Сулейменова стали говорить как о состоявшемся совершенно ином художественно-эстетическом феномене в казахской литературе. Сюда еще нужно отнести очевидную «культурную гибридность» и «неформальный стиль общения» (Термины Наоми Каффи) произведений О. Сулейменова, сохранить которых в переводе очень сложно.

Опираясь на труд французского ученого Э. Доле, исследователь П.И. Копанов выделяет несколько очень важных моментов процесса перевода, где объективно возникает трудности для воспроизведения оригинала и его полноценной передачи. Это собственные имена, которые являются непереводаемыми (такowymi, например, в стихотворении О. Сулейменова «Трава «Тобол», «Ишим» и т.д.), изобразительные средства, которые по причине стиля являются специфической для каждого писателя [6, с. 114]. Надо сказать, что идеи о «непереводаемости» всегда были актуальными для сторонников идеалистического подхода, которые считали, что мир художественных произведений не может быть объективно истолкован и передан средствами другого языка. Однако это было крайне однозначным взглядом к процессу перевода. В основе его лежал мировоззренческий принцип об объективной непознаваемости вселенной и всей сущности бытия. Такой взгляд среди переводчиков, как обычно, обусловлен трудностями, возникающими в процессе перевода, в частности с специфическими различиями языков, формальных и структурных категорий оригинала и т.п.. Данному подходу были противопоставлены труды советских теоретиков перевода. В центре материалистического подхода были представители чешской школы перевода, которые были убеждены, что в принципе объективно возможны воспроизведение любого художественного текста и адекватная реализация эстетических принципов оригинала. Это было обусловлено, прежде всего, диалектическим мировоззрением о познаваемости бытия и материалистическим подходом к процессу перевода [7]. С этой точки зрения советская переводческая школа добилась ошеломляющих результатов. Были переведено и воспроизведено огромное количество произведений национальных авторов в советский период.

На наш взгляд, творчество О. Сулейменова и перевод его произведений отчетливо показывают, что при столкновении различных идеологических, художественных и эстетических систем возникает некий срединный и промежуточный словесный феномен. Русский язык для поэта выступает как форма, а национальный быт казахского народа – как содержание. При воспроизведении содержимое

оригинала переводчик объективно вступает в конъюгационные отношения и способствует раскрытию эстетической интерферентности перевода и оригинала. Именно при их взаимодействии возникают трудности, которые, по нашему мнению, создают эстетические напряжения, притягивая к себе взаимопроникаемые и взаимодополняемые смысловые нагрузки. Так создается феноменально иная художественная культура, которая отчетливо представлена в творчестве Олжаса Сулейменова.

Литература:

- 1 Абдулло С. Магия слова. Сборник статей. – С. Абдулло. Алматы, Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2015. – 352 с.
- 2 Ананьева С.В. Формат откровения и искренности // Мир Олжаса Сулейменова / Сост.: А.К. Машакова, А.Т. Калиаскарова. – Караганда, 2005, - 188 с.
- 3 Чаплеевич Е. Современная казахская эпопея Олжаса Сулейменова // Мир Олжаса Сулейменова /Сост.: А.К. Машакова, А.Т. Калиаскарова – Караганда, 2015. – 188 с.
- 4 Рам Х. Представляя Евразию: поэтика и идеология произведения О. Сулейменова «Аз и Я» // Мир Олжаса Сулейменова /Сост.: А.К. Машакова, А.Т. Калиаскарова – Караганда, 2015. – 188 с.
- 5 Кошут Л. Возвысить степь, не унижая горы //Мир Олжаса Сулейменова /Сост.: А.К. Машакова, А.Т. Калиаскарова – Караганда, 2015. – 188 с.
- 6 Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. – Минск: изд. БГУ, 1972. – 295 с.
- 7 Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – 389 с.

RUS DESTANLARINDA TÜRKLER / ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКИХ БЫЛИНАХ

Makbule Sabziyeva
Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü
Anadolu Üniversitesi
Turkey, Eskişehir

Аннотация. История взаимоотношений тюркского и русского народов насчитывает много веков. Соседские взаимоотношения между двумя народами в дальнейшем переросшие в иные формы взаимоотношений, отразились в произведениях устного народного творчества, особенно в былинном эпосе. В данной статье, опираясь на исторические факты, исследуются вопросы влияния тюркско-русских взаимоотношений на русское словесное творчество X-XII в.в.

Ключевые слова: тюркско-русские взаимоотношения, былины, влияния, заимствования

Türk ve Rus halklarının ilişkileri çok eski dönemlere dayanmaktadır. Türkler ve Ruslar yüzyıllar boyunca farklı nedenlerle sürekli etkileşim halinde olmuşlardır. Aynı coğrafyayı paylaşmaları, birbiriyle komşu olmaları her iki halkın maddi ve manevi kültüründe büyük izler bırakmıştır. Avrupa ve Bizans kaynaklarında bir Türk boyu olarak bilinen Kumanlar, Rus kaynaklarında Kıpçaklar olarak adlandırılmaktadırlar. Rus kaynaklarına göre Kıpçakların batıya doğru hareket etmesinin nedeni, X. Yüzyılın sonlarında Ural dağlarının güneyindeki bozkırlarda ortaya çıkan demografik patlayış ve yıldan yıla artan kuraklık olmuştur. XI. Yüzyılda Don ve Dnyeper nehirleri arasındaki bozkırı tamamen ele geçiren Kıpçaklar, 1055 yılında Kıpçak Hanı Bluş Han'ın (1020-1066) önderliği ile Rus topraklarının güney doğu sınırlarına yaklaşmış ve barış anlaşması yaptıktan sonra bozkırda yaşamını sürdürmeye devam etmişlerdi.

Toplu şekilde batıdaki bozkırlara taşınan Kıpçaklar zamanla yarı göçebe yaşam tarzından tam göçebelğe geçmişler. Bu da hem kendi aralarında çatışmalara hem de komşu topraklara sık sık saldırıya, onların büyükbaş hayvanlarını çalmaya, tarlalarını ve evlerini talan etmeye zemin hazırlamıştı. Bluş Han'ın saldırısından sonra birkaç saldırıya daha maruz kalan Ruslar, tehlikeli bir komşu ile yaşadıklarını fark etmişler.

Rus topraklarını birleştirmeye çalışan hükümdar Vladimir'in ölümünden sonra (1125), Rus hükümdarları (knezleri) arasında başlayan iç savaş Rusların mevkilerini sarsarak Kıpçakların Rus topraklarına yürüyüşlerinin yoğunlaşmasını ve daha kolay zafer elde etmelerini sağlamıştır. Kıpçakların çok iyi savaşçı olduğunu bilen Rus knezleri belli bir ödeme karşılığında Kıpçakların da Rusların aralarındaki iç çatışmalara katılmalarını sağlamışlar. Farklı zamanlarda farklı hükümdarların tarafında savaşan Kıpçaklar savaş sonrası zengin ganimetler elde etmişlerdir. Bunun yanı sıra Kıpçaklar Ruslarla birlikte defalarca Macarlara, Polonyalılara karşı savaşlara da katılmış ve bu şekilde olan ortak savaş yürüyüşlerinden çok yararlandıkları için Ruslarla olan ilişkilerine önem vermişlerdi. Rusların katı düşmanı olan Kıpçakların öncüsü Bonyak bile Ruslarla ittifak kurmayı kabul etmiş, yürüyüşlere katılmıştır. İyi savaşçılar olan Kıpçak kabilelerinden destek bulmaları Rus knezleri için de çok önemliydi.

Don ve Dnyeper nehirlerinin arasındaki bozkırlarda yerleşen Kıpçaklar büyük ve küçük ordular oluşturarak yaşamlarını sürdürmüşler. Bu şekilde yapılan ittifak ilişkileri XII. yüzyılda Rusların Kıpçaklarla evlilik yapmaları ile daha da yoğunlaşmıştır. Çok ünlü Rus knezleri Kıpçaklara kız vererek ve onlardan kız olarak müttefikliği sağlamlaştırmaya çalışmışlar. Süreklilik kazanan bu yaşam tarzı, XIII. Yüzyılın başlarına

kadar devam etmiştir. XIII. Yüzyılın 20 yıllarında Avrupa'ya istila eden Moğollar, Kıpçakların hükümdarlarını öldürmüş, diğerlerini ise köle olarak Mısır'a satmışlar. Kaçmayı başaran Kıpçaklar Tuna nehrinin karşı sahiline geçerek Macarların yanında sığınak bulmuş, bozkırda kalan Kıpçaklar ise Altın Orda devletine tabi olarak haraca bağlanmışlar.

X-XII. Yüzyıl Rus sözlü kültürünün incileri olan destanlar yukarıda bahsettiğimiz tarihi olaylar sürecinde anlatılmış ve ağızdan ağza geçerek günümüze kadar gelmişlerdir. Rus destanları, Türk destanlarından farklı olarak daha kısadırlar; öyle ki en uzun destan bile 400 civarında mısradan oluşmaktadır. Her destan cesurluğu ile nam kazanan Rus bahadırının başından geçen bir olayı anlatmaktadır. Bu bahadıyla ilgili olayları anlatan destanlar bir araya getirildiğinde bahadırın kişilik özellikleri ortaya çıkar ve o bir destan kahramanına dönüşür.

Rus bilim adamları tarafından Rus destanları tarihi dönemlere ayrılmaktadırlar. Her dönemde üzerine destanların anlatıldığı gerçek kişiler vardır. Bunların ismi defalarca destanlarda geçmektedir. En eski dönemde anlatılan destanlar, Rus toplumunda paganlığın hüküm sürdüğü döneme aittir. Bu destanlardaki kişiler mistik özelliklere sahiptirler. Daha sonraki dönemlerde destanlar Rusların Peçeneklere karşı mücadelesini yansıtmaktadır. Zamanla Peçeneklerin yerini Kıpçaklar alır, sonradan ise destanlar Moğol-Tatar istilasını konu edinir. Destanlarda farklı dönemlere ait kişilerin ismi geçmektedir. Bunlar, o zaman yaşayan ünlü Rus knezleri veya halk içinden çıkmış bahadır yürekli, halkını düşünen, koruyan çiftçi karakterleridir. Bazen destanlar masala benzer; halk, destan kahramanlarına inanılmaz güç ve akıl almaz cesaret sağlar. Bu özellikleri sadece Ruslar değil düşman tarafına ait kişiler de taşımaktadırlar. Onlar düşman gücünün timsalidir.

Rusların en bilinen ve önemli destanı olan “İgor’un Yürüyüşü Destanı” Kıpçaklarla ilişkilerin olduğu bir döneme ait olmasına rağmen Rusların hemen hemen iki yüz yıllık tarihini anlatmaktadır. Diğer destanlardan farklı olarak uzun bir süreci kapsayan “İgor’un Yürüyüşü Destanı”nda daha çok Türk unsuruna rastlamaktayız. Burada en çok karşımıza çıkan ünlü Kıpçak öncülerinin isimleridir. Örneğin, Tugorkan, Yılan oğlu Tugarin olarak anlatılıyor, Şarukan, pehlivan Şark diye adlandırılır, Şarukan’ın oğlu Atrak ve torunu Konçak’ın isimlerini de destanlarda sık sık görmekteyiz. Bir başka Kıpçak kabilesinin öncüsü Bonyak için destanlarda “pis”, “çepel” veya “put” gibi tanımlamalar kullanılmaktadır. Rus destanlarında düşmanlar zorbadır, abartılmış bir güce ve heybetli bir vücuda sahiplerdir. Destanlarda “Kıpçak” kelimesine genelde “poganiy” kelimesi eşlik eder. “Poganiy” kelimesi Latince ’den alınmış “paganus” kelimesidir ve “putperest” anlamına gelmektedir. Hristiyanlığı kabul ettikten sonra Ruslar bu kelimeye olumsuz anlam yüklemişler ve “putperest” anlamı aynı zamanda “dinsiz” anlamını da içermeye başlamıştı. Kıpçaklarla ilgili “Boz kurt” gibi bir benzetmeye de rastlamaktayız. Bunların dışında destanlarda geçen Rus bahadırların yedi başlı ejderhayla veya yılanla savaşlarında da Kıpçaklarla yaptıkları savaşlar kastedilmektedir. Rus kaynaklarına göre Kıpçaklarda yaygın olan “Yılanın yedi başı var” deyişi, Kıpçak kabilesinin sayısını göstermektedir. Rus bahadırlarının bazen bir, bazen üç veya yedi başlı yılanla savaşı da onların kaç Kıpçak kabilesiyle savaştığını açıklar. Destanlarda, kimi zaman ismi geçen kimi zaman adı verilmeden belirtilen Kıpçaklar korkunç, çirkin, kuvvetli, kurnaz ve sinsi olarak tasvir edilmişler. Fakat “İgor’un Yürüyüşü Destanında” Kıpçak kızlarına “güzel” kelimesi eşlik eder. Adı geçen destanda Kıpçakların gelişi bu şekilde tasvir edilir: “... yer uğulduyor, sular bulanık akıyor, kırlar toz dumana bürünüyor. ... Kıpçaklar geliyor hem denizden hem Don taraftan... Cin evlatlarının naraları kırları basıyor...” [2, c.87].

Yukarıda bahsedilen benzetmelerden sonra dünya edebiyatındaki örnekler üzerinden karşılaştırmalar yaparak tespitlerde bulunmanın yerinde olduğu kanısındayız. Destanlarda yılan olarak tanımlanan kişiler Kıpçaklar ise, o zaman eski Yunan edebiyatından Herkül’ün Lerna bataklıklarında yaşayan su hidrası ile savaşını veya bazı kaynaklarda ismi Georgius olarak geçen mukaddes Yorgi’nin yılanla benzer ucubeyi yenmesini, Alman edebiyatında Siegfried’in ve İskandinav edebiyatında Sigurd’un ejderi öldürmesini, Slav tanrısı Veles’in yılanla özdeşleştirilmesini de hatırlayalım. O zaman, Rus destanlarında yer alan sürüngenlerin Kıpçaklarla ne kadar ilişkili olduğunu söyleyebiliriz. Destanlardaki özel isimlerin gerçek yaşamdaki isimlere uygun olması bir gerçektir fakat destanların bir edebi eser olarak hayal gücü ürünü olduğunu unutmazsak eğer, her halkın kendi düşmanını en korkunç şekilde anlatması da bir gerçek olarak ortaya çıkar. Bu yüzden destanları tarihsel bir belge olarak görmenin yanı sıra onları bir yaşam bilgeliğinin eseri olarak görmemiz de açıklamaların daha doğru bir şekilde yapılmasını sağlar.

Ruslarla Kıpçakların ilişkilerini anlatırken bunu ilişkiden daha çok iki halk arasında mevcut olan sayısız akrabalık, arkadaşlık, siyasi ve ticari alakaların olduğu bir simbiyoz (ortakyaşama) olarak değerlendirmemiz doğru olur. Eski Türk ve Rus geleneklerini kıyaslarken ortak yaşamın izlerini görmek mümkündür. Her halkın kendine özgü kültürü içerisinde geleneklerin özel yeri vardır. Bu gelenekler halkın bütünlüğünü koruyan ve onu geleceğe taşıyan önemli etkenlerdir. Bir halkın geleneklerinin başka bir halk tarafından benimsenmesi, iki halk arasındaki sıkı ilişkilerden kaynaklanmaktadır. Destanlarda Türk ve Rus geleneklerinin bazen ilginç bir şekilde örtüştüğünü görmekteyiz. Kazak şairi ve bilim adamı Oljas Süleymanov “Az İ Ya” eserinde “İgor’un Yürüyüşü Destanı”nı geniş bir şekilde incelemiştir. Bu inceleme

sonucu Rus destan anlatımının Türk destan anlatımından etkilendiğini söyleyen Oljas Süleymanov, iki halk arasında yaşanan yoğun ilişkiler üzerine de birçok tespitte bulunmuştur. Tespitlerden birine burada değinmek istiyoruz. “İgor’un Yürüyüşü Destanı”nda ünlü Rus Knezi Svyatoslav’ın rüyası anlatılmaktadır. Bu rüyayı yorumlayan Oljas Süleymanov şöyle yazmaktadır: “Svyatoslav rüyada görmüş ki onu Türk, Tengri âdetine göre defne hazırlıyorlar. Her halkın örf ve âdetleri arasında çok özel bir yeri olan cenaze töreni geleneklerinin başkaları tarafından kolaylıkla benimsendiği söylenemez” [6, c.58]. Bu örnek her iki halkın ne derecede yakın olduklarını göstermektedir.

Rus destanlarının özünde bozkırların kültürü, ruhu, yaşamı vardır. Destanlarda anlatılan olaylar Rusların yerleştiği orman ve orman açıklıklarında değil, sınırsız, ucu bucağı görünmeyen, düşman gücünün bulunduğu bozkırlarda ortaya çıkar. Destanların birçoğu bu şekilde başlar:

Çok uzaklardan, uçsuz bucaksız düzlüklerden
Bir çift kabadayı geliyor,
Atları yan yana,
Dizginleri yan yanadır onların.
Konuşuyor gençler kendi aralarında [1, c.7].

Bir başka destanda:

Uzaklarda, uzak engin çöllerde,
Burada bacada duman tüterken,
Tozun duman olup kalktığı yerde, bir delikanlı atlıyordu o çöllerde,
Rus bahadırıdır o, kudretli Svyatogor [5, c. 3].

Bu bozkırlarda kahramanlar rakipleri ile karşılaşılıyor ve vuruşmalar genellikle Rusların zaferi ile sonuçlanıyor. Fakat destanda rakibin ölmesi şart değil. Bazen rakipler akraba çıkarlar veya kan kardeşliği yaparak ilişkilerinin yeni bir şekilde devam etmesine yol açarlar. Çatışma her iki taraf için bir yaşam tarzıdır, oyundur, egzersizdir. İki halk arasında sıkı bağılılığı “İgor’un Yürüyüşü Destanında” Knez İgor’un esirlikten kaçabilmesinde de görüyoruz. Destanı araştıran bilim adamları tarafından İgor’un esirlikten kurtuluşu, onunla akrabalık bağı olan her hangi bir Kıpçak’ın katkısıyla sağlandığı düşünülmektedir.

Rus destanları, kahramanlık destanlarından daha çok kulağa bir nağme gibi gelir. Bu nağmede engin çöllerin ufukları, kartalların sesi, suların şırıltısı var. Silah, savaş sonucu ganimet olarak elde edilebilir, süs eşyaları ve kumaşlar satın alınabilir fakat sözlü kültür ancak uzun süre sık temasta olunca benzerlik bulur. Rus destanlarında gözetlenen bozkırlar, atlı ile doğanın muhteşem bir birliği, cesurluğa, şecaate çağırın bahadır ruhunu canlandırmaktadır. Destanlarda, kırlarda dolaşan ozanın şiirlerinin ruhu, şiirselliği vardır. Rus bilim adamı Vs.Miller’e göre “Kıpçakların, Rusların siyasi ve yaşam tarihini etkilediği gibi, Rus destan şiirini de etkilediği şüphesizdir” [4, c.75].

Destanlarda birçok Kıpçak kelimeleri de geçer. Mesela, Rus folklorunda en yaygın şekilde yer alan olumsuz kahraman, insan dili ile konuşan sihirli atın sahibi Ölümsüz Koşçey’dir. Koşçey’in adı, dilbilim araştırmacılarına göre, eski Türk kelimesi olan “koş” kelimesinden alınmıştır. “Koş” kervan anlamındaysa, “koşucu” da kervanda ayak işlerini yapan kişidir. Genelde “koşuculuk” hizmetini yapan kişi, kul veya köle olurdu. “Cu” ekinin Rusçada “çey” ekine dönüşmesi de Rus dili fonetiğine uygun bir olgudur. Deve kervanına eşlik eden koşucu, kervanın güvenini üstlenen bir kişidir. Görevini yerine getirmekle görünür olan, herkesten çok ortalarda dolaşan ve her karşısına çıkanla da iletişime geçmek zorunda kalan odur. Güneş altında yanmış koşucu heybetli dış görünüşüyle Rusların gözünde farklı şekiller almış, davranış türüne göre nitelendirilmiş ve algılanmıştır. Ruslar, “koşucu” kelimesinin gerçek anlamını kullanmanın yanı sıra kelimeye “eşkıya” anlamını da yüklemişler. Bu durumda, Ölümsüz Koşçey hem düşmanlardan biri, hem de büyük fiziksel güce sahip bir eşkıya olarak tanımlanmıştır. Bu yüzden insan gibi konuşan sihirli atın üzerinde dolaşan olumsuz ve ölümsüz, kötülüğünün sonu olmayan kahramanın adı da Koşçey olmuştur.

“İgor destanında” Kayala adında bir nehir ismi ile karşılaşılıyor. Aslında bu nehrin haritada başka bir ismi var fakat nehrin kıyıları kayalı olduğu için Kıpçaklar ona Kayalı adını vermişler. Destanda Rusların da bu nehri Kıpçaklar gibi adlandırdığını görmekteyiz. Destanda, knez Vsevolod’u metheden ozan şu satırları söyler: “Şimdi tahtta sen olsaydın cariyeler ağza kadar, köleler dünya kadar olurdu” [2, c.85]. Buradaki köle kelimesi için destanın orijinal dilinde “koşçey” kelimesi, cariyeye için ise “çağa” kelimesi kullanılmıştır. Türkçede “çağ” kökünden oluşan “çağa” kelimesi bebek, çocuk anlamına, “çağla”, yeni, tam olgunlaşmamış, yetişmemiş anlamına gelmektedir. Destanda geçen “çağa” kelimesi genç kızlar ve oğlanlar anlamındadır. Destanlarda buna benzer birçok örneğin yer aldığını söyleyebiliriz.

Бöylelikle Rus halk destanlarının oluşmasında Kıpçакların büyük rolü olduğunu görüyoruz. Destanlar, iki halkın siyasi, ticari, manevi birikiminin ürünüdür. Destanları anlatan kişilerin Kıpçакlarla iç içe olması şüphesizdir. Onlar, anlatıcıdan daha çok katılımcıdır çünkü Kıpçакların isimleri, gelenekleri ve akrabalık ilişkilerinin ayrıntıları hakkında birçok bilgiye sahiptirler. Edebiyatın oluşmasında bir başkasının rolü büyüktür. Bir başka halkla bir araya gelmek, bir arada olmak halkın kendini tanımak, özünün bilincine varmak için bir sebeptir. Bu düşünce Rus destanlarının incelenmesi sonucunda da kanıtlanmaktadır.

Kaynakça:

- 1 Alyoşa Popoviç ile Tugarin. Rus Destanları - M., Pan-Press, 2007, (Rusça).
- 2 Baskakov, N.A. İgor'un Yürüyüşü Destanı. XI-XVII. Yüzyıl Edebiyat ve Sanat Anıtları. - M., 1978. (Rusça).
- 3 İgor'un Yürüyüşü Destanı. Слово о полку Игореве (древнерусский текст, перевод Д. Лихачева, поэтические переложения Л.Дмитриева, В. Жуковского, Н. Заболоцкого, объяснительный перевод Д. Лихачева, комментарии) - М.: Художественная литература, 1987 (Rusça).
- 4 Miller Vs. Rus halk destanında seyahat. - M, 1892. (Rusça).
- 5 Svyatogor Hakkında Destan. Rus Destanları - M.: Pan-Press, 2007. (Rusça).
- 6 Süleyman O. Az i Ya. (Rusça aslından çeviren N. Seferoğlu; hazırlayanlar). Prof. Dr. K.V. Nerimanoglu, Prof. Dr. F. Türkmen, Araş. Gör. M. Öner), Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı. - İstanbul, 1992.
- 7 Türk Dil Kurumu. Türkçe Sözlük. 2 Cilt. Milliyet. - İstanbul, 1992.

ВОРОНА В ТУРЕЦКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

Эминэ Карабаджак

*Анатолийский университет
Туриция, Эскишехир*

Аннотация. Цель статьи - рассмотреть образ вороны в турецкой и русской культурах, выявить сходства и различия в его представлении в этих культурах. Мы обратились к легендам, мифам, сказкам, пословицам тюркских и славянских народов, к литературным произведениям, стихам из Корана и Библии и др. Любой народ по-особому видит окружающий мир и отражает свое видение в языке и культуре. Так, ворона как «птица отряда врановых, средней величины, с черным или серо-черным оперением» в любом месте Земли одинаковая, однако разные народы воспринимают ее по-разному, придают ей разное значение и, значит, по-разному к ней относятся.

Ключевые слова: образ вороны,

1. Образ вороны в турецкой культуре

В турецкой культуре в течение веков образ вороны претерпел изменения. Так, Мустафа Озбаш пишет: «Хотя сегодня ворона имеет чаще негативный смысл, но на протяжении всей истории ей приписывалась положительная роль. В первых легендах, сказаниях ворона «действует» вместе с волком, поэтому зачастую ей приписывались те же функции, что и волку. Так, в тюркской легенде доисламского периода рассказывается о том, что брошенному человеческому детенышу помогали волчица, вскормившая его молоком, и ворон, приносивший ему во рту мясо.

С принятием ислама и началом оседлой жизни турки стали приписывать вороне и положительные, и отрицательные черты. В написанном в это время эпосе «Книга моего деда Коркута» в рассказе «Богач Хан, сын Дирсе хана» Оврона имеет положительные и отрицательные признаки. Когда установилась оседлая жизнь турков, ворона воспринимается как приносящая несчастье»[1].

Ворона в турецкой культуре, как и в других культурах, воспринимается как мудрая, умная птица. Так, в сурах Корана (29-31) рассказывается, что Каин после убийства Авеля не знал, что делать с его телом. Аллах отправил к нему ворону, чтобы она показала, как закопать тело Авеля: «31: Аллах послал ворона, который стал разгребать землю, чтобы показать ему, как спрятать труп его брата. Он сказал: «Горе мне! Неужели я не могу поступить, как этот ворон, и спрятать труп моего брата?». Так он оказался одним из сожалеющих»[2].

Ворон научил людей копать могилы, поэтому он предстает как символ мудрости, иногда его считают посланным Аллахом.

Эта же сцена описывается в «Маснави» Мевланы Руми, но он придает ему несколько другое символическое значение: «Каин, убивший своего брата, говорит: «Даже ворон умнее меня. Известно, что благоверный (мусульманин) смотрит на небо, на Аллаха, а простой смертный смотрит вокруг, на мирские дела. Ворон же учит, как хоронить человека. И если ты пойдешь вслед за вороном, то ты пойдешь не в виноградники и фруктовые сады, а на кладбище. Это обычные потребности вороны, но ты не следуй этому»[3, с.107].

В героическом эпосе «Книга моего деда Коркута» ворона представлена как стервятник, птица, питающаяся падалью, напр.: «Они поднялись на вершину, спустились в долину. Увидели, что Турал

лежит в ущелье. И конь с ним рядом. Вороны-стервятники, привлеченные запахом крови, пытаются сесть на парня, но конь, брыкаясь, отгоняет их. Бурла-хатун бросилась на тело своего сына. Деде-Коркут осмотрел рану Турала» [4].

Турки идентифицируют ворону со смертью. Этот символ встречается в пословицах и поговорках: *Karga ile konuşanın konağı çöplüğün başı.* – «Дом того, кто дружит с вороной, будет около свалки», *Leşin bulunduğu yerde karga da bulunur* - «Там, где труп, там и ворона», *Arkası yara olan hayvan karganın nereden geleceğini bilir.* – «Если у тебя сзади рана, то знай, туда ворона придет», *Karga karga ile, culu culu ile* - «Ворона с вороной, индюк с индюком» (ср. русские пословицы: *Дурак дурака видит издалека, Каждой твари по паре*), *Karga karganın gözünü oymaz* - «Ворон ворону глаз не выклюет».

Понятие вороны постоянно соотносится с понятием смерти. Она воспринимается как птица, которую можно убивать безнаказанно, напр.: *Bir kargaya bir taş yeter* – «Ворону можно убить одним камнем», *Elli kargaya bir sapan* – «Пятьдесят ворон можно убить одной рогаткой».

Но тем не менее она до сих пор наделяется положительными чертами, напр., высушенная кровь вороны помогает при геморрое, амулет из клюва вороны на шее человека помогал уберечь от сглаза. Однако, если человек видел во сне ворону, то его ожидала плохая весть [1, с. 58-65]. Так, в суре Корана написано, что ворона предала Мухаммеда, когда он прятался в пещере от врагов, и за это она стала черной и страшной [5].

Саади Ширази в басне «Гулистан и Бостан» поместил ворону в одной клетке с попугаем. Он использует сравнение уродства вороны и красоты попугая в качестве сатирического элемента. В то же время, используя ворону как символ невежественных и глупых людей, Саади Ширази подчеркнул: «*Cahil ne kadar nefret ederse bilginden İşte o kadar da bilgin nefret eder cahilden*» – «Как невежда ненавидит ученого, так и ученый ненавидит невежд» [6].

Ворона как символ глупости представлена в одной из известных скороговорок: «*Karga karga gak dedi, Çık şu dala bak dedi. Çıktım baktım o dala, Bu karga ne budala*» – «Ворона каркнула, выйди, сказала, взгляни на эту ветку. Я вышел, посмотрел на нее, какая глупая эта ворона» [7, с. 109].

Ариф Дамар в стихотворении «Ворона» пишет о глупой вороне: «*Aptalın teki bu karga Bağırır bağırılmaz Art arda üç kez... Sessizlik tuz buz oldu Erkenden Kara Bir de kara ki Uçuyor denize doğru Martıların peşinden Bak şimdi Aptal bu Aptalın teki...*» – «Идиот этот ворон, Кричит не прерываясь три раза подряд... Тишины не стало / Рано / Черная-пречерная / Летит к морю за чайками, / посмотри, этот глупец из глупцов...» [8].

Ворона в турецкой культуре выступает также символом неблагодарности, эгоизма: *Besle kargayı oysun gözünü.* – «Сколько ни корми ворону, она все равно тебе выклюет глаз», *Dilin olmasa kargalar gözünü oyar.* – «Будешь бессловесным, даже ворона выклюет глаз», *Karga mandayı babası hayrına bitlemez.* – «Ворона ничего не сделает ради другого».

В турецкой литературе ворона выступает в качестве сатирического персонажа. Юнус Эмре в стихотворении «Нак Нуғу Аşıқларға» («Верушим в милость Бога») путем сравнения уродливого голоса вороны с красивым голосом соловья изображает людей, которые не знают цену настоящим вещам: «*Karga ile bülbülü/ Bir kafese koysalar/ Birbiri sohbetinden/ Daim melul değil mi/ Eyle kim karga diler/ Bülbülden ayrılmışa/ Bülbülün de maksudu/ Billahi şol değil mi?*» – «Если ворону и соловья посадить в одну клетку /, то они оба не будут довольны беседой друг с другом. Какая ворона не захочет быть с соловьем? Но для соловья важна беседа с другом [9]. Уродливость вороны подчеркивается в поговорке *Islak kargaya dönmek.* – «Стать мокрой вороной» (стать очень некрасивой), ср. русскую поговорку *как мокрая курица*.

В пословицах ворона в сравнении с такими птицами, как ястреб, орел, куропатка, показана комично. Ворона представляет собой стереотипный образ человека, который со стороны выглядит смешным: *Alacağına şahin vereceğine karga* - «К берущему относится как ястреб, к дающему – как ворона», *Karga olup tersine inme, şahin ol da ete in.* – «Не будь как ворона, будь как ястреб», *Karganın gönlünden şahinlik geçermiş, şahini görünce delik ararmış* – «Ворона хочет быть похожей на ястреба, но, увидев ястреба, не знает, куда спрятаться», *Kartalın beğenmediğini kargalar kapışır.* – «То, что не нравится орлу, то подбирает ворона», *Karga nereye gitse gene siyah yumurtlar.* – «Куда бы ворона ни пошла, ее яйца все равно черные», *Karga keklığı taklit edeyim derken kendi yürüyüşünü şaşırmış.* – «Ворона хотела подражать куропатке и забыла свою походку» (Куропатка в турецкой культуре используется как эталон красивой походки девушки).

Таким образом, ворона в турецкой культуре связана с такими понятиями, как: «мудрость», «глупость», «хвастовство», уродливость», «неблагодарность», «предвестник беды, несчастья».

2. Образ вороны в русской культуре

В славянской мифологии ворона обладает двояким значением. С одной стороны, ее уважали и почитали как вещую, мудрую птицу, а с другой, боялись, так как считали, что ворон связан с темными силами.

У древних славян ворона – птица вещая, она – верный спутник бога Варуны. Умение вороны подражать человеческой речи имело следствием то, что она стала восприниматься как вестник, умеющий говорить человеческим языком. В древности люди верили, что, съев жизненно важную часть тела вороны, можно овладеть пророческой душой птицы. Мудрая и вещая ворона посвящена в таинство живой и мертвой воды. Как хранитель живой и мертвой воды, она дает возможность душе умершего вернуться в свое собственное тело. В сказках она приносит живую воду для воскрешения героев.

Кроме того, ворон – символ живительного, весеннего дождя и очищающего весеннего грома, пробуждающего природу от зимнего сна. В день, посвященный Перуну, ворон купается в «живительной воде» дождя [10; 11]. О святости вороны говорят такие пословицы: *Старца убить – не спасенье добыть, ворона убить – не корысть получить; Кто убьет ворона, у того никогда не будет разводиться скот.*

В русской народной традиции распространены приметы, согласно которым поведение ворон предсказывает погоду: *Вороны каркают стаяй – к морозу (летом – к ненастью); Ворон каркает – к несчастью, ворона – к ненастью; Ворона купается – к ненастью.*

По преданию, ворона живет до трехсот лет, потому что питается мертвечиной, ср. пословицу: *Была бы падаль, а воронье налетит.* Ворона считалась связанной с миром мертвых. В похоронных причитаниях смерть залетает в окно черным вороном. Крик вороны вблизи жилья предвещает скорую смерть. Во сне черный ворон и каркающая ворона также сулят смерть. Арабский путешественник Масуди (X в.) описывал славянского идола, сделанного в виде старца с посохом, служителя царства мертвых. У его левой ноги сидел ворон [12, с. 52].

Однако за вещую душу ворону люди не любят и верят, что она приносит несчастье, если прилетит к дому. Ворону считали вестником несчастья или смерти. Ср. глагол *каркать* в переносном значении обозначает «предсказывать что-либо плохое (неблагоприятный исход чего-либо, неудачу, несчастье и т.п.)» [13], *накаркать беду*, пословицу: *На что вороне большие разговоры, знай ворона свое воронье кар.* Если человек отправлялся на охоту, а ворона «поперек пути каркнула», охота будет неудачной. Карканье вороны над стадом предвещает нападение волка на скот. Внезапно налетевшие стаи воронья предрекали нашествие врагов, смерть, беды и несчастья. Считалось, что если она каркает над головой путника или над домом, садится на крышу, бьет крыльями в окно, то кто-то скоро умрет. Приснившийся ворон тоже пророчит смерть. А.В. Гура пишет: «В севернорусских похоронных причитаниях смерть залетает в окно черным вороном. Ворон предчувствует и предсказывает скорую смерть» [14, с. 536].

Этот образ встречается в русской классической поэзии, напр., в стихотворении А. Белого «Возмездие». Черные вороны воплощают в нем смерть и символизируют злое предсказание.

*Ах, я знаю – среди образов горных
пропадет сиротливой мечтой,
лишь умру, – стая воронов черных,
что кружилась всю жизнь надо мной* [15, с.140].

В стихотворении А.С. Пушкина:

*Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?
Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.*

Ворона имеет черную окраску, поэтому она, как злое, хищная и нечистая птица, противопоставляется голубю, кроткому, святому, чистому. Это находит отражение в представлениях о душе человека в облике птицы, в легенде о всемирном потопе ит.д. На противопоставлении белого (или пестрого) и черного, значит, безобразного, оперения строится комизм ряда сказок о вороне. В христианской легенде о Ноевом ковчеге рассказывается, что ворон стал черным, потому что, посланный Ноем, он не вернулся и не сообщил об окончании потопа. Ной же благославляет голубя, принесшего добрую весть, и проклинает ворона, и он из белого становится черным. Ворон оказался «дурным» вестником, а голубь «добрым».

Народная мифология утверждает, что ворон черен оттого, что связан с силами тьмы – это птица Чернобога, беса, черта-дьявола. В вороне воплощается нечистая сила. Считалось, что умирающий колдун может принять ее образ. Опознать дом, в котором живет ведьма, можно по тому, что на его крыше по ночам сидит ворон. Согласно русским народным поверьям о колдунах и ведьмах, вороны являются их помощниками. К тому же души злых людей представлялись народному сознанию в виде черных ворон.

В сказках о животных, анекдотах и поговорках ворона – комический персонаж: выставляется ее глупость и хвастовство. Ср. пословицы: *Куда ворона летит, туда и глядит; Эта ворона нам не оборона; Пуганая ворона и куста боится; Ворона за море летала, да вороной и вернулась.*

В басне «Ворона и Лисица» И.А. Крылова высмеивается глупость Вороны. Он называет ее *вещуньей*, ср.: *«Вещуньяина с похвал вскружилась голова»*. Из басни И.А. Крылова следует, что виновата не глупость Вороны, а сама лесть очень опасна, ср. развернутый и очень выразительный монолог лстивой Лисицы:

*Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!*

Ворона хвастается перед орлом красотой своих детей и просит их не есть. Орел же, увидев самых безобразных из птиц, съедает именно воронят. Ворона меняет свои перья на белые и хочет смешаться с голубями, однако те ее прогоняют, но и стая ворон тоже не хочет принять ее назад. Ср. выражение *белая ворона* «человек, резко отличающийся от других своими поступками», пословицу: *Белую ворону и свои заклюют; Ворон ворона стыдит за черноту.*

Так же и ворон, надевший лебединые или павлиньи перья, оказывается распознанным и опозоренным. И.А.Крылов в басне «Ворона» описал ворону, которая отстала от ворон, а пристала к павам. Мораль этой басни такова: «Когда не хочешь быть смешон, держись звания, в котором ты рожден». *Вороной в павлиньих перьях* называют человека, который пытается казаться более важным, значительным, чем есть на самом деле, который стремится занять более высокое общественное положение, который хочет казаться умнее и лучше, чем он есть [16]. Фразеологизм *ни пава, ни ворона* обозначает «человека, отбившегося от своей среды и не приставшего к другой».

В народной традиции вороны противопоставлены традиционно почитаемому соколу, напр., в пословицах: *Не летать было вороне в боярские хоромы; На что вороне большие хоромы, знай ворона свое гнездо; Как ни бодрись ворона, а ей до сокола далеко; Наряд соколий, а походка воронья; Вороне соколом не бывать; Плох сокол, что ворона с места сбила; Сокол с места, а ворона на место.*

Ворона ленива, нерасторопна, неслучайно русские *вороной* называют невнимательного, рассеянного, нерасторопного человека, фразеологизмы *ворон считать, ворон ртом ловить, проворонить* обозначает «упускать благоприятный момент для чего-либо» [18,с.69-75].

Таким образом, в турецкой и русской культурах представления о вороне совпадают: в обеих культурах связана с такими понятиями, как: «мудрость», «глупость», «хвастовство», «уродливость», «неблагодарность», «предвестник беды, несчастья». В русской культуре ворона предстает также как стереотипный образ нерасторопного, невнимательного человека, падкого на лесть.

Литература:

1. Özbaş Mustafa. Kurtarıcı Kargadan Burnu Pislikten Çıkmayan Kargaya: Türk Halk Anlatılarında Karganın Dönüşümü. – Ankara, Milli Folklor, 2010, Yıl 22, Sayı 88.
2. <http://www.ilimalemi.com/kuran-i-kerim-tefsiri/8759-maide-suresi-27-31-ayetler.html>
3. Mesnevi'de Geçen Bütün Hikayeler, Hazırlayan Mehmet Zeren. – Semerkand, İstanbul, 2002.
4. <http://xwap.me/books/25231/Dede-Korkut.html?p=28>
5. Doğan Levent. Türk Kültüründe Hayvanlar ve Hayvan İsimleri, Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, 2001.
6. <https://books.google.com.tr/books?id>
7. Akalın Sami. Türk Folklorunda Kuşlar, Ersel Matbaası, Ankara, 1993.
8. <http://lutfubozkurt.blogspot.com.tr/2014/07/arif-damar.html>
9. <http://yunusemresoirleri.blogspot.com.tr/2008/04/hak-nuru-iklara.htm>
10. Лебедев И.Г., Константинов В.М. Ворон и человек – долгий путь рядом // Врановые птицы: экология, поведение, фольклор: Сб. науч. тр. / Под ред. В.М. Константинова, Е.В. Лысенкова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2002. – С. 51-71
11. Şener Leyla. Eski Rusya'da Çeviri Faaliyetleri. – Ankara: Grafiker Yayınevi, 2015.
12. Gamze Öksüz. Ana Hatlarıyla Rus Mitolojisi, Çeviri Bilim. – İstanbul, 2014.
13. <http://www.efremova.info/word/karkat.html#.Vx-J1FSLTIU>
14. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997.
15. Белый А. Стихотворения и поэмы. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966.
16. <http://skorogovorki.com/vorona-v-pavlinyih-pervah/.html>

ВЛИЯНИЕ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАЗАХСТАНА

Шетиева А.Т.

*Актюбинский региональный
гос. университет им.К. Жубанова
Казахстан, Актюбе*

Аннотация. Под влиянием внеязыковых факторов русский язык Казахстана приобрел свои особенности, как правило, проявляющиеся на лексическом уровне в виде языковых единиц, передающих реалии казахстанской действительности. Помимо лексических особенностей употребления русского языка на данной территории имеются свои прагматические особенности, учитывающие эти экстралингвистические факторы. В настоящей статье на примере императивных высказываний рассматривается влияние казахской культуры на речь носителей русского языка на территории Казахстана. В качестве материала исследования были взяты тексты СМИ, в частности газетные тексты, поскольку СМИ отражают изменения, которые происходят в языке.

Ключевые слова: язык, культура, влияние, императивное высказывание, культурная особенность.

История тюркско-славянских связей уходит корнями в глубокую древность. Территориальное соседство во многом определило отношения между тюрками и славянами. Наряду с оставшимися в истории фактами – борьбой за власть над безграничными просторами, занимающими большую часть Евразии, и как результат этой борьбы – войнами, в которых в разные эпохи оказывались победителями то тюрки, то славяне, – существовали торговля, бытовое общение народов. Такие отношения не могли не отразиться в языках этих народов, а особенно в лексике, в виде заимствований, которые еще с давних времен стали объектом исследования в науке о языке.

Контакты соседствующих народов – тюрков и славян – продолжают в настоящее время. Под воздействием исторических событий на территории Казахстана сложилась «уникальная», по мнению О.Б. Алтынбековой [1, с.3], языковая ситуация. Проведя ряд социолингвистических исследований, Э.Д. Сулейменова пришла к выводу о том, что в Казахстане наблюдается высокая русская языковая компетенция (93,3%) у респондентов-казахов [2, с.42-43].

Итак, под влиянием внеязыковых факторов русский язык Казахстана приобрел свои особенности. Эти особенности связаны не только с языковыми единицами, передающими реалии казахстанской действительности. Помимо лексических особенностей употребления русского языка, на территории Казахстана имеются прагматические особенности: на употребление языковых единиц влияют язык и культура титульной нации.

Чтобы определить влияние казахской культуры на употребление сложных единиц на современном этапе, мы решили обратиться к исследованию прагматических особенностей императивных высказываний, поскольку они являются универсальными [3; 4]. В силу потребностей, продиктованных условиями и образом жизни, во всех языках мира существуют единицы, обозначающие побуждение к действию и включенные в обиходный язык. Иначе говоря, под императивным высказыванием понимается «высказывание, которое содержит волеизъявление, т.е. побуждение к действию», имеющееся во всех языках мира.

Материалом исследования послужили тексты СМИ, в частности газет, поскольку процесс преобразований в Казахстане наиболее полно и всесторонне отражается в СМИ [5]. СМИ «определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе» [6, с.8], а также фиксируют все изменения в языке, связанные с его употреблением. Среди средств массовой информации особое место занимают газеты, которые являются «одной из самых распространенных форм общения» [7, с.7]. Газеты отличаются своей яркостью и доступностью всем слоям населения. В качестве источника исследования функционирования императивных высказываний были взяты статьи журналистов из газет республиканских – «Караван» (Алматы), «Экспресс К» (Алматы – Астана), «Мегаполис» (Талдыкорган, Тараз, Астана, Кокшетау) и региональных («Огни Алатау», Талдыкорган). Общее количество примеров составило 2225 единиц.

Что же показало исследование газетного текста?

Во-первых, в языке, как продукте культуры, отразились обращения, свойственные казахской культуре и принятые казахстанском обществе (*ага, агашика, апай, ата* и др.). Эти обращения обязательны при общении.

Не только к родным, но и к чужим людям старшим по возрасту используются «ага» (старший брат, дядя, *агашика* – ласково), «ата» (дедушка) – к мужчинам, «ана» (*бабушка*), «апай» (сестра старшая) – к женщинам:

а) «– Это вообще строит мой племянник, – пояснил «Мегаполису» заместитель акима Алматинской области Серик Муканов. – Пришел и говорит: мол, *агашика*, я хочу такое построить» (Алия Ахмедиева, «Заботливый агашика», Мегаполис, 18.01.2012);

б) «– Вера Алексеевна сказала: ты знаешь немецкий язык, ты должен поехать, я дам тебе еще двоих людей, – вспоминает Акмырза-ага. – Перед отправкой несколько недель она готовила меня» (Жанар Канафина, «Казахский Штирлиц», Караван, 14.10.2011);

в) «Еще один случай. Приходит завуч средней школы. Я ей: «Что случилось, *апай?*» (Галия Шимырбаева, «Турар Кукеев: Секрет долголетия? Я дружу с головой», Казахстанская правда, 22.11.2013).

По отношению к ровесникам, либо младшим принято обращение «бауырым»: Она начала издали: «**Бауырым**, не осуждай меня, но нитка не прошла мимо игольного ушка...». Так она, мать пятерых детей, сообщила о нежеланной беременности» (Галия Шимырбаева, «Турар Кукеев: Секрет долголетия? Я дружу с головой», «Казахстанская правда», 22.11.2013)

В бытовых и полуофициальных ситуациях, носители русского языка, чаще всего мужчины используют сокращенные имена собственные, образованные с помощью элементов *-еке*, *-аке*, которые подчеркивают уважение и дружелюбный настрой говорящего по отношению к собеседнику. Такие обращения не допустимы в официальной обстановке, однако это не останавливает носителей языка: «Замечание спикера прозвучало во время доклада Досаева по законопроекту, касающемуся проведения ЭКСПО-2017. Когда министр, отвечая на очередной вопрос, начал его с обращения к кому-то из депутатов «**Уаке...**», спикер Мажилиса тут же прервал его. «– Я извиняюсь, что перебиваю, – сказал Нурлан Нигматулин. – У меня к вам просьба: вы вот эту комплиментарность в нашем национальном стиле оставьте там для застолий – **Уаке, Баке**. Если обращаетесь к депутату – то по имени-отчеству, хорошо?» Министр Досаев в ответ только извинился» (Жанар Канафина, «Добрый сосед лучше дальней родни», Караван, 15.11.2013).

Во-вторых, как уже отмечалось выше, в основном взаимоотношения между двумя культурами реализовывались в виде заимствований в соответствующих языках, передающих реалии другой культуры, поэтому в императивные высказывания включаются слова казахского языка как отражения казахстанской действительности, казахской культуры (*Наурыз*, *бауырсақ*, *куырдақ*, «*Болашақ*», *бала*, *жиен* и др.): «Посади в *Наурыз* дерево» (Жанар Канафина, «Караван», 20.03.2009); «*Меруерт Жусупова из Уральска* рассказала нам, что каждый год в *Наурыз* кроме *коже*, *баурсаков* и *куырдака* готовит еще и казахский салат» (Жанар Канафина, «Накройте щедрый дастархан», «Караван», 20.03.2009); «Но зачастую бывает так: окончит «*Болашақ*» чей-то *балашика*, *куйеу-балашика* или *жиенчик* – и сразу, без заслуг, подавай ему должность! Потому и топчемся на месте!» (Талгат Мусабаев в интервью Жанар Канафиной. «Талгат Мусабаев: Меня обвиняют, что я продался россиянам», «Караван», 15.11.2013);

В-третьих, на общение между носителями русского языка в Казахстане влияет в большей степени возраст. Даже находясь на статус выше, говорящий вынужден избирать особые языковые средства, когда обращается к адресату старше его. Мы полагаем, что это самая важная особенность.

В-четвертых, как известно, в речи императивное высказывание может иметь прагматическое значение приказа, требования, просьбы, предложения, совета, призыва, запрета, предупреждения и т.д. Все эти императивные значения (приказ, запрет, требование, просьба, пожелание, совет, предупреждение, предложение) считаются «оттенками волеизъявления» [8] и составляют ядро «группы речевых воздействий» [9, с.153], а также составляют функционально-прагматическую парадигму императива. Они считаются «оттенками волеизъявления», поскольку побуждение в них идет от менее категоричного к более категоричному: от приказа к предложению. В текстах печатных русскоязычных СМИ доминируют императивные высказывания, имеющие прагматическое значение совета. Советы, как правило, отдаются специалистами в конкретной сфере и не оспоримы. Как полагает Е.В. Падучева, «мотивировкой побуждения адресата к действию должно быть то, что оно принесет ему пользу, а не то, что это действие само собой разумеется в данной ситуации» [10, с.251]. Высказывания со значением совета составляют 25% от общего количества примеров. В статьях казахстанских газет совет выражается преимущественно с помощью императивных форм 2-го л. мн.ч. (26,1%), а также предложений с модальными глаголами (27,7%). Например:

а) «– Простое по крою платье дополните крупными длинными серьгами и крупным браслетом – и будете звездой вечера!» (Жанар Канафина, «В год Змеи смени чешуйки!», «Караван», 27.12.2012);

б) «– Никто вам ничего не скажет, это закрытая организация. Тех, кто с вами будет разговаривать, уволят, а с родственниками наверняка побеседовали – говорит таксист из Ушарала Талгат. – **Езжайте в Бесколь, там есть родственники погибших пограничников. Они вам что-нибудь расскажут**» (Алия Ахмедиева, «Мертвая застава», «Мегаполис», 04.06.2012);

в) «– **Пранк питается ненавистью и злобой, – говорит знаток молодежной субкультуры Евгений Самойленко. – Если вам звонит пранкер, поддержите тему розыгрыша, попробуйте победить его на ниве словесной эквилибристики. Или просто молчите. Для пранкера это провал. Но ни в коем случае не раздражайтесь и не материтесь, иначе ваш телефон станет объектом обмена между пранкерами**» (Рустем Омаров «Пранки грязи не боятся», «Экспресс К», 14.02.2013).

Е.И. Беляева, сравнивая императивные (побудительные) высказывания русского и английского языков, отмечает, что для англичан характерны менее категоричные формы и менее категоричные прагматические значения (совет, предложения), носители же русского языка, по мнению исследователя, используют более категоричные прагматические значения – приказы и требования[12]. Исследователь объясняет это культурными особенностями. Анализ высказываний в газетных текстах показал, что доминирование советов, безусловно, связано с ментальностью казахского народа. Выбор менее категоричного прагматического значения совета обусловлен назидательностью.

В-пятых, на общение между носителями русского языка в Казахстане влияет в большей степени возраст. Даже находясь на статус выше, адресант вынужден избирать особые языковые средства, когда обращается к адресату старше его: «*Его увещевают: «Азке, нельзя же так, надо выбирать слова помягче»* (Галия Шимырбаева, «Свет далекой звезды», Казахстанская правда, 14.03.2014).

Таким образом, влияние казахских культурных особенностей на русский язык на территории Казахстана происходит не только на лексическом уровне, но и, как показал анализ языкового материала, на прагматическом уровне: в речи носителей языка учитывается возрастная категория, включаются реалии казахстанской действительности, используются принятые обращения и менее категоричные императивные значения.

Литература:

1. Алтынбекова О.Б. Языковая ситуация в Казахстане: макро- и микросоциоллингвистическая парадигма: автореф. ... докт. филол. наук. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 46 с.
2. Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 117 с.
3. Плунон В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
4. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
5. Калкабекова Д.Б. Метафора персонификации в публицистическом дискурсе (на материале СМИ): автореф. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2010. – 30 с.
6. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. – С.6-24.
7. Абишева М.С. Информационная заметка: структура, семантика, прагматика: автореф. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2004. – 30 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. II. – 767 с.
9. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и таксономия // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2007. – №1. – С.153-164.
10. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
11. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. – Воронеж. Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.

ВЛИЯНИЕ «АЗ И Я» О.О. СУЛЕЙМЕНОВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

Жексембаева Л.Б.

Аркалыцкий гос.пед.институт
им. И. Алтынсарина
Казахстан, Аркалык

Пожалуй, ни одна книга казахской литературы XX века не имела столь шумную, можно сказать, скандальную репутацию, которая выпала на долю чисто литературоведческого исследования Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Чисто филологический труд о казахского поэта о «невидимых тюркизмах», которые исконно считались русскими, вмиг стал бестселлером, весь стотысячный тираж книги, стоившей всего 74 копейки, был раскуплен мгновенно. мы, студенты постазиевского времени, не успели ее приобрести, «Аз и Я» была изъята из всех магазинов, библиотек, упоминание о ней было под строгим официальным запретом, но идеи, созвучные сулейменовским, звучали в казгуовских аудиториях на спецкурсах и спецсеминарах наших преподавателей, в частности, о ней мы слышали от Р.С. Зуевой, дружившей с Олжасом Сулейменовым, и знали, что Сулейменов долго шел к этой

цели – с 1959 года, когда по предложению профессора Литературного института Сидельникова начал курсовую работу о тюркизмах в «СПИ» до 1975 года. На лекциях по ИРЛЯ нам говорили и о Василии Ивановиче Абаеве, индоевропеисте того времени, который подтвердил гипотезу Сулейменова о двуязычии автора «Слова о полку Игореве» и читательской среды XII века Гражданскую позицию Олжаса Сулейменова, автора «Аз и Я», понимавшего уже в те годы актуальность темы взаимоотношений Древней Руси и Половецкой степи, можно выразить его же словами: «Не осознавая прошлое, заблудимся в настоящем, как Иваны и Ахметы, не помнящие родства друг с другом...». В противовес общепринятому мнению о незначительном влиянии тюркоязычных народов на Русь, Олжас Сулейменов во главу угла своей книги поставил идею о том, что длительное сосуществование тюрков с русичами не могло не наложить существенный отпечаток как на Русь, так и на её восточных соседей. И процесс взаимообогащения был обоюдным. В качестве доказательств он приводит сведения о многочисленных династических браках русских князей с дочерьми степных владык и другие доказательства. По его мнению, в «Слове о полку Игореве» наблюдается настоящее смешение культур и народов. Он утверждает, что «контакты Руси и Поля нельзя сводить только к крови, пролитой во вражде. Кровью и роднились». При этом он отталкивается от А.С. Пушкина, который в статье «О ничтожестве литературы русской» отметил нетипичность и внесистемность «Слова о полку Игореве»: «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». Об этом писали сами русские историки и литературоведы. Д.С.Лихачев отмечал: «Давно обращала на себя внимание жанровая одинокость «Слова» среди памятников древнерусской литературы. Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанру «Слова». Если «Слово» – светское ораторское произведение XII в., то других светских ораторских произведений XII в. пока еще не обнаружено. Если «Слово» – былина XII в., то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это воинская повесть, то такого рода воинских повестей мы также не имеем». О. Сулейменов ссылается на мнение украинского исследователя начала XX века Н.И. Маньковского «Слово о полку Игореве» – лирическая поэма внука Боянова» (Житомир, 1915 г.), который устанавливает родство автора «Слова о полку Игореве» с Бояном. Эта гипотеза дала возможность новых интерпретаций образа мифического певца Бояна. Исследователи русской литературы называют его «русским певцом XI века» и тщательно избегают вопроса об его этническом происхождении. Но уже его имя является доказательством его близости либо принадлежности к тюркам, а в антропонимике русского языка оно отсутствует. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Боян – единственный представитель в «пустыне русской словесности», у него нет ни предшественников, ни последователей. Но можно предположить и подобрать доказательства из иных этнических пластов музыкально-поэтической культуры, в данном случае тюркской культуры. Боян не только по имени, но и по крови, по духу, по творениям, – всецело – был тюрком. И в самом тексте можно встретить упоминание о степном происхождении Бояна: «Боянь бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серымь вълком по земли, шизымь орломь подь облакы...». Кроме того, сейчас достоверно установлено, что Боян был типичным степным бардом, свободным акыном, жыршы, он не был привязан ко двору какого-либо удельного князя, не был придворным певцом, не одному князю, а «княземь славу рокотаху»: воспевал мудрость старого Ярослава, храбрость Мстислава, красоту Романа. Олжас Сулейменов при помощи тщательного текстологического анализа доказывает, что, если бы Боян он был только русским певцом, то, как подданный князя, не имел бы элементарных прав воспевать доблести, славу, честь его противников. А в казахской рыцарской поэзии акыны-жыршы Казтуган, Доспамбет, Ақтамберды, Шалкииз, Бухар-жырау и наследовавший их традиции Махамбет, как волхвы, «не боялись могучих владык», говорили то, что велит сердце и долг перед народом. Олжас Сулейменов с помощью аналитического метода доказывает близость жанра древнерусского текста к произведениям тюркской словесности. Он считает, что автор жанровой основой «Слова...» избирает тюркский (казахский) жанр жыр (Шокан Валиханов называл его рапсодией), в древнерусской литературе этот жанр трансформирован в воинскую поэтическую повесть. Также близок по семантике жанр плача, используемый автором древнерусского текста, и жанр казахской поэзии джилау (жыла, жылау – плакать, плач): «... и Жля поскочи по Руской земли...», «Жены руская възплакашась, аркучи: «Уже намь своихь милыхь ладь ни мыслию смыслити, ни думую думати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!». Как видим, и рифма, и плач, и само название жанра, соответствующее ему, доказывает применение автором литературной формы, практикуемой в казахской степи и поныне. Еще один яркий пример близости «Слова о полку Игореве» к тюркским – «злато слово» Святослава, где он обращается к другим князьям с призывами, укорами, напоминаниями, применяя такие средства агитации, как личное обращение, убеждение, критика, восхваление, лозунги. В тюркской литературе этот жанр известен благодаря орхоно-енисейским руническим письменам. Орхоно-енисейские надписи как обращение каганов к народу можно рассматривать как жанр светского ораторского искусства. Л.Н.Гумилев называет их «обращением к широким слоям тюркского общества: «Причем цель этих

обращений ничем не замаскирована, народ хотят убедить. Значит, надписи – агитация, и исторический материал приводится в них выборочно... При проверке оказывается, что события изложены довольно верно, но неполно. Это и понятно, т.к. в агитационном документе беспристрастие не только не уместно, но и противопоказано. Само наличие такого жанра убеждает в том, что сила слова у тюрков считалась реальной силой. Следовательно, общество было развито и общественное мнение уже существовало». Поэтому можно с уверенностью утверждать, что автор древнерусского текста сознательно использовал степной опыт агитации. В исследовательской литературе о «Слове...» обстоятельно решены проблемы жанровой специфики этого произведения. Одним из жанровых компонентов этого текста называют диалог, придающий повествованию особый полифонизм. Д.С. Лихачев позже нашел точки соприкосновения с Олжасом Сулейменовым: «Слово о полку Игореве» по замыслу автора – песнь-диалог для двух певцов: поклонника «старых словес» Бояна и представителя «прозаиков». Олжас Сулейменов идет дальше своего оппонента и доказывает близость «Слова...» к одному из самых популярных жанров тюркской поэзии – синкретичному жанру айтыса. Итак, вышесказанное позволяет нам вслед за известными исследователями считать, что «Слово о полку Игореве» возникло не «в пустыне русской словесности» (А.С.Пушкин), а имело многовековые традиции именно тюркской поэзии, огромный опыт степных жырау, владеющих разнообразными средствами и приемами выражения основных идей произведения, включая музыку и пение. Гипотетически можно предположить, что между двумя литературами существовала более тесная связь, диалог культур был прочным взаимообогащающим, и писателей, древних рапсодов, подобных Бояну и его преемнику, автору «Слова о полку Игореве», было множество. Поэтому процесс влияния одной литературы на другую в средние века был плодотворным и взаимным, и Олжас Сулейменов в «Аз и Я» блестяще доказал не только возможность диалога культур, но и степень влияния тюркской культуры на древнерусскую. Думается, что если бы об этом говорили бы нам во время студенчества, курс древнерусской литературы не казался бы скучным. История не любит сослагательного наклонения, но если бы на лекциях и семинарах мы читали книгу О.О. Сулейменова «Аз и Я», не было бы равнодушных. Поэтому я в своих лекциях акцентирую внимание студентов на концепции О. Сулейменова, на доказательствах того, что «Слово» напрямую связано с историей наших далеких предков. Этому способствуют и романы И. Есенберлина «Кочевники», А. Алимжанова «Гонец», «Стрела Махамбета» и др., по которым нужно изучать историю своего народа. В те годы они раскрывали нам «белые пятна» истории Казахстана, а официальные истории «изучали» (если здесь уместно это слово) историю Коммунистической партии Советского Союза. Сегодня, как верно заметил О.О. Сулейменов, наши историки пытаются ограничить исторические знания школьников и студентов только историей Казахстана. Как произведения И. Есенберлина и А. Алимжанова способствовали росту нашего национального самосознания, появлению гордости за исторические личности нашего прошлого, столь же велико и значение книги «Аз и Я». На лекциях, читаемых мною еще в доперестроечную эпоху, я использовала комментарии скрытых тюркизмов в «СПИ», к примеру, толкование исследователями словосочетания «буй тур», имени Всеволода – брата Игоря Новгород-Северского.

Автор книги «Аз и Я» прослеживая переводы этого сочетания слов на русский язык, начинает с толкования Мусина-Пушкина (первооткрывателя древнего письменного памятника) и заканчивает современными интерпретаторами. Особое внимание он уделяет тексту перевода переписчика XVI века. Мусин-Пушкин переводит это словосочетание как Дикий вол: «Итак, Буйтуром, или Буйволом, называется здесь Всеволод в смысле метафорическом, в рассуждении его силы и храбрости» [1, с 427]. Ни один из комментаторов текста не заметил, что сочетание «буй тур» постоянное, и переписчик XVI в. заменяет краткую форму слова «буйный» – буй (как ему кажется) на краткое же прилагательное яр. Возникает сочетание «Яр туре Всеволоде». Никого не удивляет и то, что буйтурами в тексте «Слова о полку Игореве» называют не только Всеволода, но и других князей. Так обращается Святослав к четырем князьям: «Ты буй Рюрюче и Давыде!.. А ты буй Романе и Мстиславе!» [1, с 429] Разные князья, с этой точки зрения, получают одинаковые характеристические черты. Олжас Омарович переводит с тюркского это сочетание слов как «высокие господа», «именитые», что мною было принято безоговорочно, поскольку сочетание «буй тур» лежит в основе имени моего отца и мне очень близко.

В летописях о Всеволоде говорится, как о мужественном воине и достойном человеке, чего не скажешь о самом Игоре или «великом» князе Святославе. Слово «великий» по отношению к князю Святославу пишу в кавычках, так как авторитета у него среди современных князей не было. Образы Игоря и Святослава идеализируются неведомым автором «Слова» в связи с той высотой целью, которую он поставил. Проблема реального и вымышленного весьма остра в анализе «Слова о полку Игореве», поэтому так важно знать историю, в том числе историю взаимоотношений Руси и Степи. Тогда мы не ведали о труде Льва Николаевича Гумилева «Русь и великая Степь», и эти взаимоотношения для меня впервые раскрыл О. Сулейменов.

«Слово о полку Игореве», как памятник XII века, основано не на христианском мировосприятии, а на языческом. Главное место в нем занимают языческие боги, среди которых Дажьбог оказывается покровителем не русского полка князя Игоря, а половецкого. Взаимопроникновение славянского и тюркского эпосов столь явно в «Слове», что не заметить этого возможно лишь при постановке именно такой цели.

Литература:

- 1 Сулейменов О.О. Аз и Я. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. - Алма-Ата, 1990.
- 2 Беседы с Олжасом (2004-2011). - Алматы, 2011.

ТВОРЧЕСТВО ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Калиаскарова А.Т.

*Институт литературы и искусства
им.М.О.Ауэзова МОН РК*

Аннотация. В статье А.Т. Калиаскаровой объектом изучения стали книги О. Сулейменова по тюркославистике. Опираясь на их высокую оценку В. Бадиковым, М.М. Ауэзовым и современными исследователями, прослежена перспектива дальнейшего изучения тюрков в истории, древнетюркских языков и письменности, культурно-историческая роль тюркских этносов в мировой истории. Формирование национального самосознания связано с развитием культуры. Важную роль в современном мире играет диалог культур и литератур.

Ключевые слова: тюркославистика, знак, слово, этногенез, культурный код

Филологические книги О. Сулейменова, как его поэзия и публицистика, стали объектом изучения авторского коллектива монографий «Литература народов Казахстана» и «Современная литература народа Казахстана». Впервые изданная в 2004 году под редакцией академика НАН РК С.А. Каскабасова коллективная монография «Литература народов Казахстана» [1] посвящена выявлению основных тенденций развития казахской, русской, уйгурской, немецкой, корейской, курдской, татарской литератур в XX веке.

Критик и литературовед В. Бадиков написал исследование «В поисках языка со-бытия. О новых филологических книгах Олжаса Сулейменова», в котором изучил четвертьвековой путь от «темных мест» в «Слове о полку Игореве» до теории происхождения древнетюркских языков и письменностей на примере книг «Язык письма», «Пересекающиеся параллели», «Тюрки в доистории». В. Бадиков был уверен в кардинальном пересмотре О. Сулейменовым методов традиционной лингвистической компаративистики. «Эти книги – смелая, захватывающая гипотеза об общем праязыке, скрупулезное исследование, основанное на взаимодействии палеографии, археологии, истории, философии и других наук. Поэтическая этимология Олжаса 60-х годов давно переросла в оригинальную методологию «вопросания» и расшифровки древних знаков, предшественников письменного слова, знаков, вобравших в себя не только многотысячелетнюю историю мирового этногенеза, но и культурно-историческую эволюцию слова-знака и слова-символа» [2, с.319-320].

В 2014 году монография «Литература народа Казахстана. Издание второе, дополненное» вышла в свет по программе «Издание социально-значимых видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан [3] под общей редакцией член-корреспондента НАН РК У. Калижанова и с его предисловием «Культурный код народа Казахстана». У. Калижанов пишет: «Культурный код народа Казахстана, находящий свое художественное отображение в литературе и искусстве, усиливает этническую идентичность, включая набор художественных образов и раскрывая их своеобразие... У братских тюркских народов общая историческая судьба. На протяжении многих веков мы жили в близкой духовной связи, нас связывали общие обычаи, нравы и истоки единого тюркского языка» [4, с.5].

Вот и О. Сулейменов вызывает из академического забвения древнетюркские языки и письменности. В новом издании коллективной монографии «Литература народа Казахстана» раздел В.В. Бадикова представлен в авторской редакции. В. Бадиков пишет об актуальности и плодотворности создания О. Сулейменовым тюркославистики. В книге О. Сулейменова «Тюрки в доистории» масштабно раскрыта культурно-историческая роль тюркских этносов в мировой истории. Об этом в свое время писали Бартольд, Радлов, Мелиоранский, Л. Гумилев. «Тюрки в доистории» О. Сулейменова казахстанский исследователь считает «мощным прорывом к истокам языкового этногенеза. Причем на самом широком сравнительном фоне всех языков мира, мертвых и живых» [5, с.344].

Книги О. Сулейменова по тюрко-славистике связаны с его первым исследованием «Аз и Я», жанр которого не поддается традиционному определению. В свое время М.М. Ауэзов особую ценность «Аз и Я» определял уникальной способностью О. Сулейменова «улавливать дыхание поэтического слова». Проблема соотношения «поэтического и научного начала в мышлении поднимается в книге

неоднократно, протест против их категорического противопоставления друг другу является в ней главным творческим импульсом» [6, с.59]. В книге «АЗ и Я» О. Сулейменов – славист, тюрколог, шумеролог, историк, лингвист, литературовед, этнограф, палеограф, знаток летописей, поэт, публицист, гражданин, общественный деятель. В такой последовательности определяет М.М. Ауэзов ипостаси О. Сулейменова.

К «АЗ и Я» возвращается постоянно и В. Бадиков. В этой книге содержатся блестящие примеры лингвистического творчества. «Формула «1001 слово» не случайно, вероятно, калькирует «Тысячу и одну ночь» – формулу бесконечного творчества во имя жизни» [5, с.344].

Научным и образным определяют стиль новой книги О. Сулейменова «Код слова» отечественные исследователи [7, с.448]. В ней намечены перспективы дальнейших направлений, в их числе, новые главы о тюрках в Шумере, Древнем Египте, Этрурии, Древней Индии и Древнем Китае. Это обусловлено тем, что тюркоязычные народы оставили в языках мира следы своей культурной, цивилизованной активности. Не считается с ними мировая наука не может.

О. Сулейменов способствует налаживанию диалога между народами, выработке общечеловеческого сознания, избавленного от идей национальной исключительности, расовых и религиозных предрассудков. Поэт и общественный деятель уверен, что в XXI веке миру предстоит освоить понятия – «человечество», «общечеловеческое сознание». Движение «Невада – Семипалатинск» родилось как воплощение одной из моделей планетарного сознания. Человечество объединит цель – сохранение жизни на Земле.

На универсальном мировоззрении основаны книги-исследования О. Сулейменова, который призывает, описывая прошлое, «оперировать рациональными понятиями, избегая эмоциональных категорий. Был каменный век, век бронзы, век железа. Но не было у человечества и, значит, ни у одного племени золотого века. Все народы – участники и акционеры любой цивилизации, и каждый из нас сегодня наследник всей истории человечества от Шумера и Египта – и каждый ответствен за сегодняшнюю цивилизацию» [8, с.66]. Так может быть сохранена мировая культура.

Литература:

1. Литература народов Казахстана / Отв. редактор С.А. Каскабасов. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004. – 352 с.
2. Бадиков В.В. В поисках языка со-бытия. О новых филологических книгах Олжаса Сулейменова // Литература народов Казахстана / Отв. редактор С.А. Каскабасов. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004. – С.319-324
3. Литература народа Казахстана. Изд. второе, дополненное / Отв. редактор С.В. Ананьева. – Алматы: КАЗакпарат, 2014. – 380 с.
4. Калижанов У. Культурный код народа Казахстана // Литература народа Казахстана. Изд. второе, дополненное / Отв. редактор С.В. Ананьева. – Алматы: КАЗакпарат, 2014. – С.3-13.
5. Русскоязычные писатели Казахстана (Литературно-критические заметки) // Литература народа Казахстана. Изд. второе, дополненное / Отв. редактор С.В. Ананьева. – Алматы: КАЗакпарат, 2014. – С.340-345
6. Ауэзов М.М. Иппокрена. Хождения к колодцам времен. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1997. – 172 с.
7. Ананьева С.В. Казахская русскоязычная литература // Современная литература народа Казахстана / Под ред. С.В. Ананьевой – Алматы: Evo Press 2014. – С.445-482
8. Сулейменов О. «Но людям я не лгал...» Афористические высказывания и крылатые выражения. – Алматы: ИД «Библиотека Олжаса». Издание второе, дополненное и переработанное. 2011. – 360 с.

Секция II

ПОЭТИКА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СТИХОТВОРНОГО МЕТРА

*Бузаубагарова К.С.
КазНПУ имени Абая
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Стихотворный метр имеет знаковую природу, и, как любой знак, имеет план содержания. Встречающиеся в тексте ритмические «неровности», формальные «неправильности» выполняют определённую функцию. Идея функциональной и, как следствие, семантической «специализации» метра очень важна с точки зрения отношения автора к поэтической традиции. Данная статья посвящена анализу стиховой системы выдающегося казахского поэта Олжаса Омаровича Сулейменова. В работе актуализируется проблема поэтической традиции, а точнее проблема семантического ореола стиховых метров. Творчество поэта погружается в историко-культурный контекст и анализируется с точки зрения стихотворной формы. В частности, в статье показано, что творческое восприятие и трансформация ритмико-интонационного строя пятистопного ямба, выраженного в строфической композиции, в своеобразном членении текста (переносы, подстрочия), воспроизводит намерение автора, направленное на выражение эпического мироощущения, так свойственного казаху.

Ключевые слова: структуральная поэтика, культурный код, структура, семантика, традиция.

В структуральной поэтике Ю.М. Лотмана стих определяется как исторически сложившийся культурный код. «Стиховая форма, - считает учёный, - несёт в знаковых ассоциациях содержательную информацию, накопленную всей культурной традицией; в каждом поэтическом произведении с другими такими же культурными кодами (стилистическим и прочими), и в этом взаимодействии актуализируется неповторимо конкретное содержание данного произведения» (1, с.47).

В современной поэтике нет обобщающих теоретических работ по культурному коду стихотворной формы. Различные сведения, которые содержатся в многочисленных источниках, в большинстве своем случайны и разрозненны; многие из них либо игнорируют теорию, либо трактуют ее как абстрактно понятую «содержательность формы». В чем, однако, заключается содержательность стиховых элементов, в каком случае она носит «запрограммированный» характер, а в каком возникает «самопроизвольно» - остается пока не выясненным.

В соответствии с этим цель нашего доклада состоит в теоретическом осмыслении культурного кода стихотворной формы и аналитическом его описании в поэтической практике современного русскоязычного поэта О.Сулейменова.

Нас интересует вопрос о семантическом ореоле стихотворных метров в рамках проблемы отношения автора к поэтической традиции. Разработанная Г.О.Винокуром, К.Ф.Тарановским, на сегодняшний момент данная проблема получила фундаментальное обоснование в монографии М.Л. Гаспарова [2].

Еще в 1920-е гг. изучение семантических преобразований в стихотворном тексте позволило очень точно определить стих как особую языковую форму, особым образом модифицирующую логическое содержание, репрезентированное в языке, придающую «ему композиционное ображение, что дает нам повод хотя бы условно признать его эстетической формой языка» [3, с.160]. В учебнике «Теория литературы. Поэтика» Б.В. Томашевского были отмечены важные смыслопорождающие качества стиха. Противопоставляя стих прозе, учёный указал на особые условия его семантического развертывания: «Слова в стихах как бы выпирают, выходят на первый план, в то время как в прозе мы скользим по словам, задерживаясь на центральных словах предложений. То, что речь является не сплошь, а рядами, более или менее изолированными, создает особые ассоциации между словами одного ряда или между симметрично расположенными словами параллельных рядов» [4, с.104]. Развивая эту мысль, М.Л. Гаспаров и Т.В. Скулачева заметили, что если в прозе «каждое слово действует как дополнительный фильтр, постепенно по ходу предложения отсекая все возможные

толкования... то в стихе каждое новое слово скорее добавляет возможные толкования, образуя новые ассоциативные связи с другими словами» [5, с.110].

Актуализировать проблему позволяет эпистемологически цельное понимание функциональности художественной формы М.М. Бахтина. Форма, по Бахтину, - это не только и не столько внешнее упорядочение словесного материала. «В форме, - утверждал ученый, - я нахожу себя, свою продуктивную ценностно оформляющую активность... я должен пережить себя в известной степени творцом формы, чтобы вообще осуществить художественно-значимую форму как таковую» [6, с. 306]. Художественно значимой форму представляет в искусстве личность с «ценностной позицией вне содержания». Именно это «делает возможным завершение и вообще осуществление всех эстетических функций формы по отношению к содержанию» [6, с.307].

Особенно актуальна проблема функциональности формы в отношении стихотворного текста, где художественная форма графически и интонационно закреплена, где она выступает как существенный момент фактурности текста, определяя характер его эстетического развертывания.

Стиховедение давно стало специальной и одной из самых разработанных областей отечественного литературоведения, часто именуемой на Западе «русским методом». Труды Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Тынянова, Л.И. Тимофеева явились фундаментом, на котором выросло прочное и относительно завершённое здание русской стихотворной теории. Аналитическим наблюдениям и обобщениям в стиховедческих работах как типологического характера, так и касающихся различных аспектов развития стихотворного языка в отдельные периоды, в разных жанрах, у разных поэтов придаётся форма точной науки. Статистический метод позволил подсчитать все стихотворные размеры, составить многочисленные таблицы, дающие объективную картину развития метрических и ритмических форм русского стиха, описать почти всю строфику, подробно изучить звуковой состав рифмы.

В последнее время поэтика, лингвистика, стиховедение проявляют устойчивый интерес к области стиховой семантики. Постановка и решение этой проблемы позволяет, с одной стороны, использовать накопленные эмпирические данные по теории и истории стиха, преодолев цеховую замкнутость этой области литературной науки, а с другой - сохранить эстетическое измерение текста (пока закрытое для стиховедения), в котором любая, в том числе и стихотворная, форма «есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (со-творящего форму) к содержанию» [6, с. 307].

Конечной целью стиховедения является не регистрация и классификация отдельных стиховых элементов, а осознание их художественного функционирования: важно в каждом элементе стихотворной формы увидеть просвечивающее сквозь него содержание. По справедливому убеждению Е.Г. Эткинда: «в поэзии всё без исключения оказывается содержанием - каждый даже самый ничтожный элемент формы строит смысл, выражает его: размер, расположение и характер рифм, соотношение фразы и строки, соотношение гласных и согласных звуков, длина слов и предложений, и многое другое» [7, с.69]. Именно такая постановка проблемы делает стиховедение не формальной наукой, просто классифицирующей виды размеров, строф и рифм, а самостоятельной и сложной частью литературоведческой науки.

Работа о стихе не должна сводиться к «перечню, каталогу, справочнику тех или иных особенностей творческих созданий», не должна походить на «аннотированный, анатомический атлас», а должна приблизить нас к пониманию эстетической сущности стихотворной формы, функционального значения перечислительно описанных элементов художественной структуры [8, с. 195].

Невозможно отыскать семантику в каждом элементе стиха, нельзя связывать употребление тех или иных размеров, строф, окончаний с содержанием, потому что связь эта опосредована. Безусловно, любой элемент формы не имеет самостоятельного выразительного значения, а обнаруживает только тенденцию к выразительности и лишь в сочетании с другими элементами образует систему, в которой конкретизируется переживание, приобретает убедительность и индивидуальность. Вся ритмическая и фоническая организация стиха служит его выразительности, экспрессии.

В области собственно стиховой семантики художественная форма согласно структуралистскому пониманию осуществляет эстетически значимое взаимодействие тождества и различия текста на уровне графики, строфики, метрики, ритмики, рифмы.

Подлинное освоение искусства поэзии невозможно без глубокого восприятия самой этой стихотворной реальности. Специфика поэтического творчества О. Сулейменова выявляется при исследовании его версификационной системы. Стих для О. Сулейменова – «необходимая форма поэтической мысли» (В.Г. Белинский), которую поэт ищет в многообразии форм, способных глубже и адекватнее выразить его мировосприятие, его мироощущение. Стиховая организация О.

Сулейменова рассматривается нами как система речи, обладающая отчетливой художественной функцией, как целостный выразительный комплекс, включающий в себя ряд элементов, каждый из которых может быть понят только в этом комплексе. Свое выразительное значение элементы стиха поэта осуществляют во взаимодействии друг с другом и в определенной мотивировке, которую получают они от содержания, заключенного в произведении.

Рассмотрение стихотворной структуры произведений О.Сулейменова на уровне метра, рифмы, строфики представляется обязательным этапом постижения внутренних законов его творчества. Обобщение аналитических наблюдений в области стихотворной формы позволяет рассмотреть смыслообразующую роль ее компонентов. Основанием для решения этой задачи стала традиционная стиховедческая теория как составная часть поэтики, ориентированная на выявление семантических механизмов создания эстетической реальности. Инструментализм структуралистской теории, не помешал учитывать роль субъекта-творца, чье активно-ценностное отношение к содержанию является по Бахтину «конститутивным моментом художественной формы». Выяснение особенностей, неповторимого своеобразия стихотворной поэтики О.Сулейменова необходимо для детального и глубокого исследования структур отдельных стихотворных текстов поэта.

Стиховедческий анализ стихотворных произведений как «концерта для смысла с оркестром» (Т.Сильман) актуален для изучения их специфического содержания. Анализ текстов О.Сулейменова позволяет говорить о стихе как эстетически значимой форме, представляющей собой структурное единство компонентов разных уровней, о «поэзии грамматики», об особой содержательности всех элементов стихового построения, которая определяется многообразными контекстными связями «этого» элемента с другими в пределах данного поэтического текста и историческим развитием стихотворной формы, смысловыми накоплениями, опирающимися на ту или иную поэтическую традицию.

Вопрос о взаимодействии семантики и ритмики в поэзии, о метрике как структурно-эстетической категории очень сложен. Прямые связи между ритмическим рисунком и экспрессивным содержанием устанавливаются совершенно редко и лишь для очень характерных размеров. Но за каждым размером вследствие его объективных свойств и возможностей закреплён определенный экспрессивный ореол.

В древней поэзии семантика и метрика жестко закреплялись за определенными жанрами: гекзаметр и героическое сказание - за эпосом, элегический дистих и любовная жалоба - за элегией, ямб и поношение противника - за инвективой.

В современной поэзии семантика и метрика связаны кодифицированной традицией, полуосознаваемой привычной ассоциацией: К.Ф. Тарановский и другие исследователи показали, например, как русский пятистопный хорей связывается с тематикой элегической медитации. Для выражения грустных размышлений о послевоенных событиях О. Сулейменов выбирает пятистопный ямб. Связь этого размера с философской поэзией не обнаруживается явно, но существует. Вспомним пушкинское «И вновь я посетил», написанное белым пятистопным ямбом. Размер стиха лишь в самом общем виде, приблизительно определяет его ритмический рисунок и внутреннюю мелодику, а через ритм размер оказывает воздействие на эмоциональный и общесодержательный смысл стихотворения.

Одна война окончилась другой,	ЯЯЯПЯ
Мой дядя, брат отца, ушел на фронт.	ЯЯЯЯЯ
Ушел он добровольно? Я не помню.	ЯПЯЯЯ
Но помню - от бессонницы ушел.	ЯПЯПЯ
От белых окон.	
И ночных испугов,	ЯЯПЯЯ
От резких тормозов на повороте.	ЯПЯПЯ

[9, с. 59].

Так как особенности интонации стихотворения связаны в первую очередь с метрической его организацией, то в данном случае пятистопный ямб, разряженный пиррихиями, тяготеет к повествовательной интонации. Паузы делят стих и тем придают ему особую полноту. Игра пиррихий, пауз обогащает ритмику, сопрягая ее с конкретным смысловым движением - неторопливым, непринужденным рассказом мальчика. В пятистопном ямбе ударения в сильных местах часто пропускаются и не образуют четкой ритмической «сетки». Ритм русских двусложников совпадает с ритмом казахской силлабики по причине того, что в русском стихе процент ударных слогов не высок, не строгий ритмический рисунок. Читая стихотворение, мы невольно подчиняемся ритмико-интонационному строю стихотворной речи, выраженному и в строфической композиции, и в своеобразном членении текста (переносы, подстрочия), и

воспроизводим тем самым намерение автора, направленное на выражение эпического мироощущения, так свойственного казаху.

Стихотворение «Ну что же облака» написано трехстопным хореем, семантические типы которого, по определению М.Л. Гаспарова [8, с.32], связаны с песенной традицией. Оно, как известно, положено на музыку.

Любой размер О.Сулейменова в области ритмики предполагает свою дифференциацию в нормах игры ударений, пиррихийев, цезур, подчиненную определенной, объективно содержащейся в произведении художественной идее. Иначе форма не может быть эстетически значима, не может осуществить своих основных функций. Иначе не состоится индивидуальный, оригинальный стиль поэта, который узнается в каждом отдельном стихе, в ритме, интонации.

Структура размера создаётся тем содержанием, которое оно призвано выразить. Анализ ритма отдельного стихотворения может выявить связь этого ритма с содержанием. И Виноградов в своей книге замечает, что «при анализе ритма необходимо обратить самое пристальное внимание не столько на наличие тех или иных ходов, сколько на движение их, на самый способ ритмизирования в целом, в его соотносённости со смысловым содержанием» [10, с.353-354]. Ритмическое движение и внутрстиховые связи в произведениях О.Сулейменова в действительности очень тесно соотносятся с движением содержания.

Поэзия О.Сулейменова тяготеет к формам широкого эпического повествования и выражения философских раздумий. Эта тенденция и приводит, по-видимому, к большому распространению в его лирике «весомых» четырехстопного и пятистопного трехсложников, дольника, Я5 и Х5 – размеров лермонтовского «Выхожу один я на дорогу» и «Журавлей» Заболоцкого. Метрика О.Сулейменова принадлежит к внутренним приметам поэтики, связанным с самой жанровой, философской природой его лирики.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. / Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М.: Гнозис, 1994. - 560 с.
2. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти / М.Л. Гаспаров. – М.: РГГУ, 2000. – 289 с.
3. Кенигсберг М.М. Анализ понятия «стих» // Philologica. - 1994, т. 1. - № ½.- с.149-185.
4. Томашевский Б.В. Поэтика. - М.: Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
5. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 283 с.
6. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Next, 1994. -511 с.
7. Эткинд Е.Г. Материя стиха. - М.: Гуманитарный Союз, 1998. – 509 с.
8. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т.2. О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 504 с.
9. Сулейменов О. Определение берега. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 456 с.
10. Виноградов И. Вопросы марксистской поэтики. Избранные работы. – М.: Советский писатель, 1972. – 423 с.

АНАЛИЗ ЖАНРОВЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

*Салханова Ж.Х.
КазНУ им.аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация фольклорных элементов в поэзии О. Сулейменова. Отмечается, что творчество современных казахских литераторов, пишущих на русском языке, сосуществует с развитой литературой на казахском языке, питается ее эстетическим опытом. Автор утверждает, что уже в раннем периоде творчества поэта прослеживались элементы жанров жырау и толгау, использовался характерный для акынов так называемый «степной рефрен» и другие признаки фольклора. В статье изучается жанровая природа поэмы «Кактус», осуществляется анализ поэмы в сопоставлении со специфическими свойствами казахского фольклорного жанра. Утверждается тезис о том, что поэма «Кактус» представляет собой трансформированную версию айтыса, принципы фольклорного жанра реализуются здесь как в композиционном, так и в стилевом, тематическом отношениях. Отмечается, что айтыс в совокупности самобытных признаков сегодня, как и столетия назад, представляет собой уникальный, аутентичный, и вместе с тем динамичный вид казахского народного творчества, питающий современную литературу и не имеющий аналогов в других культурах.

Ключевые слова: литература, фольклор, трансформация, айтыс, жанр.

Проблема единства мировой литературы относится к числу наиболее общих и спорных вопросов гуманитарного знания, так как по сути своей равнозначна проблеме единства человеческой культуры вообще. Частным случаем этого глобального вопроса является соотношение фольклора и литературы. Первый традиционно считается явлением архаичным, вторая - более современным. Однако такая

точка зрения, безусловно, справедливая для европейской не является абсолютной истиной по отношению к другим национальным литературам, имеющим иной типологический характер. Именно такова казахская литература, в которой в настоящее время сосуществуют и естественным образом взаимодействуют живые фольклорные традиции и многообразные литературные интенции.

В казахской литературе XX-XXI веков взаимодействие фольклорной традиции и развития литературы осложнено еще и тем, что в последней существенную роль играют русский язык и русская литература. Это относится и к переводам произведений русской литературы на казахский язык, и к переводам казахской поэзии на русский, и к оригинальному творчеству казахских поэтов на русском языке. Те казахские литераторы, что обращаются к русскому языку как форме художественной практики, опираются на традиции и русской словесности, и своей национальной литературы. Этот художественный билингвизм находит свое выражение и в подборе фактологического материала, и в образной системе, и в жанровой специфике.

Наиболее ярко эти явления в русскоязычной литературе Казахстана представлены в поэзии О. Сулейменова, своеобразие творчества которого, по всеобщему мнению, как раз и состоит в синтезе художественных достижений казахского фольклора и русской поэзии. Г.Д. Гачев в свое время писал о том, что в такой ситуации происходит своеобразный диалог двух миров, двух исторически сложившихся культурных и мировоззренческих систем. Такой диалог, по мнению ученого, «обуславливает при этом стереоскопичность зрения, объемность мышления» [1, с.35].

Поэзия и проза казахов, пишущих на русском языке, вобрала в себя этнические казахские свойства, касающиеся исторического мироощущения, хромотопного состояния, культурной преемственности, а также культурные достижения русской поэзии и мировой цивилизации. К тому же, иной язык предполагает и другую лексику, и иные изобразительно-выразительные средства, и иную систему стихосложения, и иную поэтику. При этом творчество современных казахских литераторов, пишущих на русском, сосуществует с развитой литературой на казахском языке, питается ее эстетическим опытом и оказывает, в свою очередь, заметное влияние на ее дальнейшее развитие.

Обратимся к художественному материалу и попытаемся выяснить, каким образом преломляется фольклорная традиция в жанровой системе произведений поэта. Одна из наиболее обсуждаемых работ О. Сулейменова, вызвавшая самые различные отклики у читателей и критиков, это сборник поэм «Глиняная книга» [2]. Несмотря на существование критической литературы касательно произведения, все еще немало «белых пятен» в интерпретации данного эстетического явления. Рассмотрим взаимосвязь входящей в «Глиняную книгу» поэмы «Кактус» с системой традиционных жанров казахского фольклора. Преимущественная сосредоточенность нашего внимания именно на этой поэме продиктована тем, что она является ключевой для всего сборника во многих отношениях – идейно-тематическом, субъектном, жанровом.

Написанная по-русски, поэма соответственно была большинством критиков прочитана как произведение русской литературы, для которой не характерна ситуация такого конфликта, когда во всех отношениях отталкивающего героя обличает грубый и хвастливый оппонент. Основной конфликт поэмы состоит в противостоянии поэта Амана, от лица которого идет повествование, и литератора Жаппаса. Образ Амана, центральный в произведении, вобрал, казалось бы, противоречивые качества талантливого поэта-интеллектуала, обличающего бездарного приспособленца Жаппаса, и человека, способного хамить и дерзить. С точки зрения русскоязычного читателя подобные качества несовместимы в одном человеке. Между тем в казахском фольклоре для такой ситуации можно обнаружить полное и последовательное соответствие.

Художественное наследие казахского народа многообразно и включает народные сказки и предания, легенды об исторических деятелях, воинах, народных певцах, поэтические произведения акынов – импровизаторов, устные рассказы о различных событиях из жизни народа, образцы ораторского искусства и замечательные эпические сказания. Айтыс – один из самых популярных и любимых народом, переживший века фольклорный жанр, и в XXI веке торжественно шествует, живет в культуре и сознании казахов. Во все времена казахские традиции устных состязаний образно отражали действительность, художественно воспроизводили конкретно-историческую сущность, характерную для определенной социокультурной ситуации. В наши дни традиции айтыса отражают национальную культуру народа, вобравшую опыт прошлого в интересах настоящего.

Поэтическая схватка, стремительный поединок слов, как правило, происходит перед собравшимся народом. Вступая в состязание без подготовки и обдумывания, импровизируя поочередно, акыны соревнуются в остроумной находчивости, блеске мыслей, глубине значений, умении слагать стихи экспромтом. Талант акына-импровизатора проявляется силой и выразительностью не только поэтического дара, но и широтой голосового певческого диапазона, речевого мастерства. В

поэтических состязаниях допускается и поощряется ироническое отношение соперников друг к другу, дружеские шутки, стихотворные каламбуры, меткие пословицы и поговорки, загадки. Вдохновенные импровизации исполняются под аккомпанемент домбры, сопровождаются выразительными жестами. Таким образом, айтыс представляет собой сложный синтез ряда искусств – поэзии, музыки, драматического представления, исполнительского мастерства.

Самым прославленным акынам народ присваивал звания «сал» или «сэре», которые являлись носителями культуры кочевой цивилизации и имели высокий статус в традиционном казахском обществе. Они отличались от всех своеобразной манерой держаться в обществе, куртуазностью, отличительным стилем в ношении одежды. «Салы» и «сэре» всегда были в окружении свиты – музыкантов, поэтов, сказителей, борцов-силачей. Наиболее прославленные из них на протяжении всей жизни путешествовали по степи, участвуя во всенародных торжествах. Приезд в аул акынов-импровизаторов превращался в праздник, они приносили с собой свежее дыхание нового, яркого, сокровенного. Иносказательная форма словесного поединка давала возможность поэтам, что называется, «бить не в бровь, а в глаз», критиковать, говорить правду.

Состязательная песня, импровизированный поэтический спор позволяет певцу, участвующему в состязании, подробно говорить о собственных достоинствах, восхвалять свой род, его знаменитых людей. Самовосхваление участника айтыса должно было показать партнеру и всем слушателям его явное превосходство. Одновременно певец, бичуя своего соперника, всеми силами стремился ошеломить его, привести в состояние растерянности. Именно эта самобытная фольклорная стихия и правила айтыса дали возможность Сулейменову в нетривиальной форме воплотить сюжетно-субъектную организацию текста, трансформировать айтыс в современный синтетический жанр. Хвастливость Амана с точки зрения традиций русской лирики кажется чрезмерной и неприятной. Однако казахская фольклорная традиция и жанровая специфика устного словесного состязания дают возможность герою осуществлять диалог именно в такой стилистике.

Характеризуя силу своего таланта, красоту и мощь голоса, певцы и поэты создали немало ярких сравнений, эпитетов, метафор. Образ современного поэта-интеллектуала Амана, чье мышление парадоксально и иронично, чьи высказывания иногда позволяют отождествлять его с лирическим героем Сулейменова, казалось бы, никак не вяжутся с его же бранью и грубыми насмешками над противником. Между тем здесь нет никакого противоречия: Аман - участник айтыса и поэтому ведет себя в соответствии с законами этого жанра. Анализ поэмы в сопоставлении со специфическими свойствами казахского фольклорного жанра, показывает, что «Кактус» представляет собой трансформированную версию айтыса по целому ряду признаков. Принципы фольклорного жанра реализуются здесь как в композиционном, так и в стилевом, тематическом отношении.

Логика жанрового новаторства Сулейменова в рассматриваемой поэме проясняется при сопоставлении ее с более ранним самым знаменитым его произведением поэмой «Земля, поклонись человеку». Уже тогда для многих критиков была очевидна связь его творчества с традициями казахской устной поэзии; ее отмечали З.Ахметов, Н.Ровенский, Б.Канаяпов и другие исследователи[3; 4; 5]. В частности, в ранней поэме прослеживались элементы жанров жырау и толгау, характерный для акынов так называемый «степной рефрен» и другие признаки фольклора. Вместе с тем уже тогда (в 1961 г.) Сулейменов в поэме «Земля, поклонись человеку!» не только следует традициям казахской народной поэзии, но и успешно их развивает. Тем самым в своих индивидуальных художественных исканиях он следовал в общем русле развития казахской поэзии. Используемые поэтические жанры и виды при этом представляли не окостеневшие, а модифицированные формы.

Рассматривая поэму только как айтысили как творческое развитие этого фольклорного жанра, следовало бы заключить, что концептуальный смысл произведения состоит в противопоставлении творческих позиций двух поэтов, чей конфликт выглядел бы сугубо профессиональным. Однако, жанровая специфика анализируемого произведения не может быть полностью описана, исходя исключительно из особенностей айтыса. Сложность субъектной организации соответствует в поэме неочевидным нюансам сюжетно - фабульного построения. Вслед за уже упомянутыми исследователями отметим, что в произведении присутствует избыточная для айтыса сюжетная линия. Два поэта, состязающиеся в поэтическом искусстве, в данном случае являются соперниками по отношению к женщине. Но с другой стороны, эта сюжетная линия подчеркивает мотив соперничества, заданный законами айтыса.

Один из исследователей творчества О.Сулейменова С. Машкова отмечает, что во всех пяти поэмах, составляющих «Глиняную книгу», происходит взаимодействие традиционных жанров казахского фольклора (айтыса, толгау, жоктау) с элементами современных литературных жанров (историко-публицистическая поэма, элегия, философский диалог). Это взаимодействие происходит таким образом, что фольклорная и современная жанровые составляющие сохраняются и

одновременно взаимообогащаются, что в свою очередь позволяет также говорить о жанровом параболизме как о характерной черте поэтики Олжаса Сулейменова вообще [6, с.10].

Действительно, на протяжении всего сюжета два плана произведения остаются равноправными и изоморфными, такая структура художественного текста характерна для жанра параболы. Говоря об этом жанре, мы имеем в виду те его черты, которые широко распространились в мировой литературе XX столетия, когда параболой может стать любое повествование, вне зависимости от его собственной жанровой природы. Параболой его делает не внутреннее качество смысла, сюжета, образов, а параболическая функция, для осуществления которой повествователь приспособливает такое повествование. «Параболический» взгляд автора поэмы дает возможность модифицировать фольклорную стихию, совместить в художественном тексте, казалось бы, несовместимые элементы. Таким образом, «Кактус» - это поэма, обладающая специфическими трансформированными жанровыми чертами традиционного фольклорного жанра айтыса. Айтыс в совокупности самобытных признаков сегодня, как и столетия назад, представляет собой уникальный, аутентичный, и вместе с тем динамичный вид казахского народного творчества, питающий современную литературу и не имеющий аналогов в других культурах.

Литература

- 1 Гачев Г.Д. Национальные образы мира. - М.: Правда, 1988.
- 2 Сулейменов О. О. АЗиЯ. Эссе, публицистика, стихи, поэмы - Алма-Ата: Жалын, 1990.
- 3 Ахметов З. О языке казахской поэзии. - Алма-Ата: Мектеп, 1970.
- 4 Ровенский Н. О поэзии Олжаса Сулейменова // Ровенский Н. Литературные портреты, статьи, рецензии - Алма-Ата: Жазушы, 1986.
- 5 Канапьянов Б. Образ Махамбета в творчестве советских поэтов: О.Сулейменов и А.Вознесенский // Нива - 2003. - №4.
- 6 Машкова С. «Глиняная книга» Олжаса Сулейменова: природа жанра. - Изд.: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012.

ИРОНИЯ И ПАРАДОКС В ДИСКУРСЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Жаксылыков А.Ж.

КазНУ имени аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Аннотация: В статье рассматриваются сложные вопросы поэтики О. Сулейменова, в частности, особенности функционирования парадоксов в поэме «Глиняная книга», авторская стратегия по развитию особого парадоксального мышления, облеченного в иронический модернистский дискурс. Все эти особенности рассматриваются как актуальные черты и принципы поэтики О. Сулейменова, имеющие важное значение в свете современных интерпретаций.

Ключевые слова: дискурс, метод, парадокс, релятивизм, онтология, мениппова сатира.

Семидесятые годы – это приближение конца социалистического реализма, того времени, которое было отпущено историей идеологическому методу, детищу марксизма-ленинизма в его прикладном варианте. Соцреализм должен был служить матрицей для всех форм и вариантов художественно-эстетического мышления в советском искусстве, в том числе и в жанрово-стилевом отношении. Нормированная антропология (модель детерминированного человека), регламентированный конфликт и проблематика произведения, однозначный пафос исторического оптимизма, идеологизированная художественная правда (которая никогда правдой не являлась), умеренный психологизм (глубокий не одобрялся), черно-белый ракурс в изображении человека по критерию положительного и отрицательного, пресловутые каноны классовости, партийности народности – вот некоторые опорные принципы этого метода. Они, в том числе, тотальный контроль над искусством привели к застою в культуре социалистических стран и советских республик, а он стал особенно очевидным в семидесятые годы двадцатого века. Все эти критерии легко вписываются в некую схему, которую можно определять как схематизм, косность, одномерность, линейный характер мышления, грубо опрощающий даже такое сложнейшее явление бытия как диалектика. А ведь диалектика – это только дверь в мир парадоксов. Парадокс как форма мышления, это определенный знак свыше, он говорит человеку следующее – вот предел твоего языкового мышления, языковой, вербальной картины мира, которую ты можешь вообще начертать, это граница твоего восприятия, следовательно – воображения. А мир простирается бесконечно шире и глубже по немислимым проекциям за пределы твоего мышления и воображения. Современные экзотические теории в физике подсказывают, что

самые радикальные, нетривиальные состояния вещества и есть граница, так называемой, видимой вселенной.

В двадцатом веке человечество ощутило эти границы, когда Альбер Эйнштейн опубликовал сначала специальную, потом общую теорию относительности. Наиболее проницательные умы планеты начали понимать, что границы мира находятся не в пространстве-времени, а в уме человека. Так релятивизм ворвался в мировую онтологию, сначала в науку, потом в искусство. Принцип относительности проник во все сферы мышления в западной культуре, он и стал одним из факторов развития модернизма и постмодерна. С тех пор такая ситуация в западной онтологии сохраняется, усиливается лишь степень иронического остранения от объекта и субъекта творчества. Мы должны признать, что в советском искусстве социалистический реализм в значительной мере реанимировал эстетику классицизма с его железобетонными принципами, регламентами и запретами. Релятивизм был чужд советскому образу мышления, он был опасен и враждебен господствующей идеологии и методологии. Еще бы, ведь принцип относительности предполагает и иронический взгляд на самого себя со стороны. В сталинскую эпоху такое было невозможно, с трудом пробивал себе дорогу релятивизм и в постсталинскую эпоху. Тоталитаризм и господство директивного мнения губительны для большой науки. Искусство, более свободное в своих формах и средствах, всегда спешит проложить ей дорогу в будущее, однако не всегда ей это удается сделать.

Поразительно осознавать, что релятивистский принцип был изначально открыт на Востоке в глубокой древности (3-2 тыс. лет. до н.э). Он был облечен в религиозную форму, в Индии как брахманская космогония, затем как буддийская философия, в Китае явлен в качестве даосских притч и парадоксов [1]. Этот релятивизм носил столь радикальный и сложный характер, что он до сих пор влияет на мировую онтологию, ее дисциплины и направления, особенно на астрофизику, квантовую философию и физику. В этом плане О. Сулейменов прав, когда в своей парадоксальной поэме «Глиняная книга» формулирует: «Талант ученого, как сказано однажды, – суперпамять. Открывать – это значит вспоминать давно и всеми забытое» [2, с.334-335].

Религиозно-философский мистицизм исподволь влияет на все формы мышления, это особо тонкая сфера метамышления человечества, она была всегда и никогда не спрашивала разрешения, быть ей или не быть. Но в советское время ее пытались запретить, изгнать из всех пор общества, особенно из науки, и надстройка общества оказалась недолговечной, она рухнула. Всем известен Н.И.Лобачевский, один из создателей неевклидовой геометрии. В советской литературе были литераторы, философы, ученые, обладавшие всеми качествами релятивистского, парадоксального мышления, которые были поближе к пульсу тайны бытия. Назовем хотя О. Мандельштама, М. Булгакова, Д. Андреева, Н.А. Козырева, увы, они в той или иной форме закономерно стали жертвами режима, и это не случайно. Обладать парадоксальным мышлением значит – быть свободным от официоза, идти вразрез с господствующей идеологией и методологией. Внутренняя свобода человека в тоталитарном обществе – непростительный грех перед обожествленной методологией.

Таким образом, допустима констатация, что развитый последовательный релятивизм продуктивен и в науке и в искусстве, особенно, если он окультурен длительной духовной традицией. Обратимся к казахской национальной культуре. Как ни странно, принцип относительности пронизывает и казахский фольклор, особенно волшебные сказки. Есть сказки, где по тенгрианским моделям была предложена иерархия миров, высших, средних и нижних (сказки цикла «Ер Төстік»). (3.49-51с.) В средние века релятивистский принцип был углублен и осложнен суфийскими текстами, которые в большом количестве проникли в казахскую письменную и устную традицию. Из этих истоков и берет начало народная философия «Жалған дүние». В двадцатом веке, особенно в сталинскую эпоху, реальный релятивизм был полностью изгнан из национальной культуры, то есть из науки и искусства. Литература тесно породнилась с эволюционизмом, линейным принципом восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему. Плоское, двумерное мышление прочно утвердилось во всех сферах познания. Догматизм, схематизм, господство шаблонов и стереотипов, агрессивная нетерпимость к иному типу мышления и миропонимания, нормированная, декларативная диалектика, не имеющая ничего общего с реальной диалектикой в природе и социальных отношениях, – все это долго господствовало в нашей науке, литературе и искусстве.

Первым по настоящему масштабным и революционным прорывом в национальной литературе семидесятых годов стала поэма Олжаса Сулейменова «Глиняная книга». Если не знаешь ее предтеч, она кажется неожиданной и неподготовленной, воспринимается своего рода инопланетной гостьей. Однако у нее есть предтечи, и они очень глубокие, а уходят корнями в неожиданные проекции. Например, по нашим предположениям, истоки угадываются в менипповой сатире из мировой литературы («Золотой осел» Апулея, «Сатирикон» Петрония), в онтологическом и лингвопоэтическом плане – в «Тайной доктрине» Е.П. Блаватской и т.д. В семидесятых годах в казахской литературе ультрасовременный синтез архаики и модернистской иронии в форме

системных парадоксов, заявленный в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга», оказался неожиданным, даже шокирующим. Многие критики и литературоведы просто не поняли сути этой поэмы. Они по-прежнему хотели читать по линейному принципу, а в поэме был совсем другой тип мышления. Он был странный и не укладывался в прокрустово ложе методологии.

Парадоксы встречаются в поэме на каждом шагу и часто выступают как тропы, и их очень много, они экспрессивны, особенно в ироническом или сатирическом контексте. Приведем лишь некоторые из них: «Спит человечество вечно, но каждый век из храпящей толпы поднимается один человек», «И снова в будущее пропутешествуют народы спящие», «Жизнь – это сон», – сказано, но не нами. Явь – это смерть. Неплохо?», «И мука меда воздается ядом», «Не каждого любят, но каждого губит надежда», «А восьмой был шагом первым» и тд. [3, с.338-352]. Есть и скрытые иронические пассажи - оксюмороны, они направлены в плоскость изжившего себя традиционализма: «Таков поэт по имени Котэн». Нет никакого сомнения, что вся система тропов в поэме создает великолепную экспрессию, главная цель которой – осмеяние всего и вся, что представляет собой пресловутый шаблон, своего рода железную привязанность ко всему отжившему, омертвелому, безнадежно косному в науке, культуре, искусстве, особенно – к догматической методологии. Есть объекты более или менее ясно вычерченные – это историческая наука на стадии провинциализма и плакатная, дежурная поэзия, служащая верхам. Смех поэта здесь очевиден, известна и его реминисценция. Однако это только верхушка айсберга, стратегия парадоксального метода Сулейменова простирается шире и глубже этого. Это противостояние авторской эзотерики и герменевтики, стремящейся через парадоксы к постижению амбивалентности и недвойственности как важных стадийальных изоморфных проявлений, как в общечеловеческой истории, так и в типах мышления. Например, храмовая блудница Шамхат и ассирийский царь амбивалентно – это одно и то же лицо, исторические прецеденты таких метаморфоз в древнем мире прекрасно объяснены Е.П. Блаватской в «Тайной доктрине». Другое дело, что адресатом иронической атаки О. Сулейменова является мир номадов, оказавшийся не на своем месте не в свое время, по этой причине порой выпадающий вообще из истории. И тогда конфликт культур неизбежен, и результаты инвектив прочитываются только в парадоксальном контексте. Например, в представлении кочевников-воинов, позорно влюбившись в проклятую рабыню-блудницу, скифский вождь Ишпака «умирает-выбывает» из их мира, они еще не понимают, что «она» одновременно является еще и «им» (то есть мужчиной). В представлении персов и ассирийцев, Ишпака - вождь ишогузов именно через такую «унизительную» любовь возрождается, становится человеком, – по парадигмам своей культуры они иначе понимают требования любви. В концептосфере поэмы любовь для них – самоотверженность, готовность к смерти личного «эго». Этого еще требует религия Иштар. Ишогузы бесконечно далеки от таких «вырожденческих вариантов» любви. А в наше время маскулинизация женщин и феминизация мужчин, определенные субкультуры, изменение пола некоторыми людьми (особенно на Западе) разве не возвращают нас к повторному осмыслению некоторых правил правящих кланов древнего Египта и Месопотамии?

Смех О. Сулейменова предлагает самый оптимальный вывод из громоздких абстракций и тяжелых теоретических построений, а также безнадежных пикировок. Смех есть смех, он есть средоточие жизни, которая всегда движется вперед, а парадоксы дают знать человеку, что он серьезно отстал или все еще спит крепким сном.

Литература:

- 1 Капра Ф. Дао физики. – Санкт-Петербург: Орис, 1994. – 302 с.
- 2 Сулейменов О. Определение берега. - Алма-Ата: Жазушы, 1976.- 456 с.
- 3 Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. - Алматы: Қазақ университеті, 2013. – 362 с.

«АЗ и Я» О. СУЛЕЙМЕНОВА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ВУЗЕ

Кривошапова Т.В.

*Казахстанский филиал МГУ
имени М.В. Ломоносова
Казахстан, Астана*

Аннотация. Статья построена на воспоминаниях и размышлениях, связанных с историей публикации книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я», первая часть которой была посвящена интерпретации так называемых «темных» мест «Слова о полку Игореве». Будучи двуязычным, поэт соединил их происхождение с тюркскими источниками. Статья содержит информацию о восприятии современниками автора книги, которая находилась в

течение долгого времени под запретом не только советских средств массовой информации, но и подвергалась критике учеными семидесятых годов XX века. Приведенные реальные факты, эпизоды работы автора статьи учителем литературы в школе, суждения и оценки известных ученых направлены на то, чтобы объяснить роль книги в современном обществе и в недалеком прошлом. Все это сопровождается комментариями, позволяющими понять причины того, почему эта книга не только стала бестселлером, но и способствовала росту национального самосознания казахов и началу реструктуризации СССР.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», тюризмы, двуязычие, «темные» места, национальное самосознание.

*Благодарны только благородные.
Олжас Сулейменов*

Свои заметки «благонамеренного читателя» хотела бы открыть небольшой полемикой с Д.С. Лихачевым, который в известной статье о книге Олжаса Сулейменова рассуждал о том, что на серьезные темы нельзя писать «романизированные исследования». Считаю, что великий ученый-медиевист в строгости своих суждений был не совсем прав, так как многочисленные критические разборы и обзоры минувших лет были написаны скорее в форме эссе, нежели выдержаны в строгом научном стиле. Именно в этом жанре в свое время была написана книга «Аз и Я», что гарантировало автору (и в этом Лихачев был абсолютно прав) читательский успех. Последнее обстоятельство и побудило меня последовать стилю книги, которая на протяжении пятнадцати лет была опальной в СССР.

Вместо предисловия. Об этом эпизоде двадцатилетней давности мне уже приходилось писать. Совсем небольшая моя заметка была опубликована в журнале «Нива» и адресована 60-летнему юбилею Олжаса Сулейменова. Но с тех пор многое изменилось: скончался главный редактор, да и журнала больше нет, а заметка моя затеряна где-то в архивах. Поэтому позволю себе повториться, нарушая при этом привычный научный стиль изложения, равно как и автор книги, о которой я собираюсь писать.

Жаркое лето 1975 года. Капчагай. Я приехала искупаться на машине скорой помощи – тетя, работавшая на станции переливания крови в Каскелене, ехала сюда по делам и меня захватила. Я, решив заодно посмотреть городок, остановившись у киоска Союзпечати. Внимание мое привлекла небольшая книжка в белой суперобложке с необычным заглавием: Аз и Я [1]. Стоила она совсем недорого – точно помню, что меньше одного рубля, какие-то копейки, хотя по тем временам и это были деньги. Книжку я купила, полистала и почему-то увезла с собой в Москву, где в те годы училась в аспирантуре МГУ имени М.В. Ломоносова. Вынула из чемодана, поставила на книжную полку... Спустя некоторое время ко мне в гости зашел приятель по аспирантуре – Александр Дубровин. Для прояснения ситуации скажу только, что он выпускник филологического факультета МГУ, ученик знаменитого медиевиста В.В. Кускова, к древнерусской литературе относился с большим пиететом, многое о ней знал, так как она на протяжении многих лет входила в круг его профессиональных интересов (позже он был ректором знаменитой «Строгановки» на протяжении восьми лет до дня своей безвременной смерти). И когда он увидел книгу Сулейменова, то ахнул, схватил ее и попросил почитать. Я, которая дальше ее содержания в тот момент еще не продвинулась, его реакции очень удивилась, но книгу дала, не забыв спросить о причине столь острого интереса. Помню до сих пор, что он переглянулся с Гульшарой Лукпановой, жившей со мной в одной комнате в ДАСе, как будто бы им уже тогда, ранней осенью 1975-го, было понятно о судьбе книги то, о чем я и вовсе не догадывалась. Не буду утомлять читателя пересказом долгих попыток книгу вернуть, ведь Саша во что бы то ни стало хотел оставить ее в личной собственности, но настойчивость моя была столь велика, что книга вернулась, хотя и в изрядно потрепанной суперобложке (до сих пор не понимаю, почему я ее не сняла перед тем, как отдать в руки Дубровину). И лишь тогда я начала ее читать, увлеклась необычным авторским стилем, запутанной, почти детективной историей, связанной с открытием «Слова о полку Игореве», мало что поняла в расшифровке так называемых «темных мест» в самом знаменитом древнерусском памятнике, еще менее – во второй, лингвистической части книги.

Мое медленное, как мы сейчас говорим, «филологическое» чтение совпало с появлением первых критических статей о книге. Сначала это были вполне доброжелательные алма-атинские отзывы, но вслед за ними в толстых журналах: одна за другой – в «Молодой гвардии», «Москве», «Звезде», академической «Русской литературе» и даже в «Известиях ОЛЯ АН» - появились разгромные рецензии. Точно помню, что более всего мне не понравился в этих публикациях их тон, который сквозил всюду, начиная с заглавий. Прошло уже сорок лет, многие, особенно первые статьи получили объективную оценку, о других забыли вовсе. Но я прекрасно помню свое первое

впечатление от статьи А. Кузьмина «Точка в круге, из которой вырастает репей» [2], которая в основном была посвящена второй части книги, и автор иронизировал по поводу попыток О. Сулейменова увидеть точки соприкосновения в разноуровневых языковых единицах. Еще большее раздражение вызвала у меня статья профессионального литературного критика Ю. Селезнева «Мифы и истины» [3], который по роду службы не имел никакого отношения к проблематике книги. Оскорбительная, вырванная из контекста цитата М.В. Ломоносова до сих пор режет мне слух. И не мне одной, а даже Льву Анненскому, написавшему в своей положительной рекомендации, которую он дал Селезневу в Союз писателей, буквально следующее: *«Я и сам далеко не всегда бываю с ним согласен. Не думаю, например, что в статье о книге О. Сулейменова «Аз и я» стоило в ответ на «тюркские амбиции» последнее форсировать «славянские амбиции» – это малоперспективный метод решения подобных проблем»*. О том, что деятельность Ю. Селезнева постоянно вызывала споры, можем убедиться, прочитав почти хвалебную статью В. Огрызко в критике «И вечный бой», из которой я позаимствовала предыдущую цитату [4]. Чуть позже к обсуждению подключилась так называемая «тяжелая артиллерия» - Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков, Л. Дмитриев, О. Творогов и др. Истины ради надо сказать, что рецензии Л. Дмитриева и О. Творогова «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова» [5] и Д.С. Лихачева «Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» [6] были выдержаны в академическом тоне, хотя и содержали возражения против большей части прочтений и толкований О. Сулейменова. На короткое время мне показалось, что в стране нет других филологических вопросов, кроме обсуждения «Аз и Я».

Но в середине 1976 года травля «Аз и Я» вдруг прекратилась, и книга была отдана на так называемый местный, казахстанский уровень. 17 июля 1976 г. последовало соответствующее постановление Бюро ЦК КП Казахстана. Его содержание стало достоянием общественности лишь через восемь месяцев, когда «Казахстанская правда» изложила его в редакционной статье «Высокая идейность — главный критерий». [7]. «Анализ критических замечаний по книге «Аз и Я», — читаем в псевдопокаянном письме О. Сулейменова, — убеждает в том, что мною действительно допущены серьезные фактические неточности, научно необоснованные выводы и вытекающие отсюда ошибочные утверждения, недостаточная аргументированность ряда положений, непродуманность, импровизальность формулировок, их размашистая категоричность и даже прямая несдержанность в отношении бесспорных истин и научных авторитетов» [там же]. Позже автор говорил и писал о том, что этот текст был подготовлен без его участия. А на исходе перестройки в центральной печати появилось и другое письмо ЦК КП Казахстана, в котором постановление 1976 года было отменено.

Разумеется, и тогда мало кто поверил в искренность самобичеваний поэта. Слишком хорошо было известно, как и почему писались подобные письма. Затем последовал «заговор молчания», но автора оставили в покое. И даже наградили орденом «Знак Почета» в 1980 году, правда, за другие заслуги. Многострадальная книга была переиздана лишь в 1990-м, но объективная ее оценка была еще впереди. В Казахстане в 1996 году выходит книга Геннадия Толмачева «Повесть об Олжасе» [8], а спустя 25 лет после ее первой публикации в НЛЮ появилась статья Л. Фризмана «Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики» [9], вслед за которой и в других статьях содержалась интерпретация этой неприглядной околонушной истории. Сегодня имя Сулейменова есть в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» [10], и в этой статье содержится ценная информация о ранних его работах по «Слову», начиная с курсовой, которая писалась еще в Литературном институте в 1960 г. Напомню только, что там учился он на отделении поэтического перевода.

Но вернусь к концу 1970-х годов, когда я вернулась из Москвы в Целиноградский пединститут после защиты кандидатской диссертации. Тогда в моей учебной нагрузке впервые оказалась история древнерусской литературы... Должна заметить, что даже спустя три года после публикации о книге говорили очень много, особенно казахи. В моей практике был эпизод, когда студент-старшекурсник (кстати, очень толковый) заявил мне, что стоило казаху написать книгу о «Слове о полку Игореве», как разразился скандал. Что-то в его умозаключении меня насторожило, и я наивно спросила: «А кто книгу-то написал?» И в ответ услышала: «Ануар Алимжанов!» То есть слышал звон... Книгу было невозможно достать и даже купить. «А в одной из республик на черном рынке за «Аз и Я» предлагали автомобиль», — рассказывал Олжас Сулейменов участникам конференции в Университете имени Джорджа Вашингтона. Кстати, 18 мая 2006 года, в день 70-летия поэта, эту версию подтвердил наш президент в редакционной статье газеты «Казахстанская правда» [11]. Об этом же месяцем раньше в газете «Мегаполис» писала и Любовь Шашкова, уточняя город (Баку) и даже марку автомобиля («Москвич»). Об этом я слышала многократно, так что, полагаю, это преувеличением не было.

С тех пор постоянно в лекциях и на семинарских занятиях, посвященных «Слову о полку Игореве», я считала своим долгом эту книгу комментировать. Более того, в учебных группах, состоявших из выпускников казахских школ (они именовались у нас РКО, то есть русско-казахским отделением), то есть чистых билингов, я предлагала индивидуальные контрольные работы по интерпретации отдельных «темных» мест, имеющих в книге Сулейменова. Не могу сказать, что опыт всегда был удачен, но это снимало ажиотаж и позволяло начинающим филологам почувствовать себя не только читателями, но интерпретаторами книги. До сих пор помню студенческие попытки в духе Сулейменова понять фразы из сна Святослава и его объяснении боярами, знаменитые «ярь туре», «буи турь», «а ты буи» и др. Особенно близка мне сулейменовская версия прочтения последней фразы «Слова», которую я всегда озвучиваю в лекции. Речь идет о смысле слова «аминь». Кстати, я никогда не предлагала студентам читать статьи, в которых «Аз и Я» в прямом и переносном смысле смешивалось с грязью. Статью же Д.С. Лихачева, вошедшую после журнальной публикации с видоизмененным названием в первое издание его книги «Слово о полку Игореве» и культура его времени», в то время как из второго она была снята, сохранившись лишь в списке работ [10], комментировала всегда. Особенно запомнившуюся цитату: «Меня, как русского, очень трогает стремление Сулейменова вложить в «Слово о полку Игореве» черты своего, тюркского этноса. Трогают меня и другие проявления любви автора к «Слову». Кстати, по словам Сулейменова, Лихачев на съезде народных депутатов в 1989 году говорил о давних контактах древнерусской литературы с восточными, в частности, с тюркскими, ссылаясь при этом на «Слово о полку Игореве». В свое время даже промелькнула информация о том, что в доме академика книга эта стояла развернутая за стеклом, всей обложкой.

Экзамен по древнерусской литературе всегда был многотрудным, и я, стремясь максимально растянуть процесс подготовки к нему, каждому студенту давала спецвопрос. Одним из них был вопрос по первой части книги «Аз и Я». От студента требовалось прочитать текст и прокомментировать несколько «темных» мест. Еще один спецвопрос был посвящен истории оценок и суждений о книге в 1970-е годы. Кроме того, я приглашала на семинарские занятия свою коллегу по кафедре, исследовавшую творчество О. Сулейменова в кандидатской диссертации. И готовила со школьниками научные проекты на темы: «Олжас Сулейменов – интерпретатор «Слова о полку Игореве», «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве» и др. Приходилось объяснять, что присутствие тюркизмов в самом известном литературном памятнике не отрицали даже самые маститые ученые, и Сулейменов был скорее прав, чем неправ, полагая, что автором «Слова» был билингв.

Хочу напомнить еще об одном студенческом споре. Теперь уже его основных участников нет в живых, поэтому обойдусь без фамилий. Скажу только, что они были из числа лучших: после получения дипломов один из них долгое время работал директором школы, а второй даже дослужился до поста вице-министра информации и культуры РК. Кстати, у обоих были украинские фамилии (уж не знаю подробностей по поводу их этногенеза), что не помешало им страстно спорить о том, какой - русской или украинской литературе принадлежит знаменитый памятник. И мне пришлось им объяснять, ссылаясь на научную периодизацию, что это памятник древнерусской литературы, а в конце XII века имело место единство восточнославянских народов, равно как и их культурного наследия. Следовательно, «Слово о полку Игореве» в равной мере принадлежит каждому из них. Не удивлюсь, если узнаю, что подобные споры ведутся до сих пор не только с академической кафедры или в студенческой аудитории, но и с высот политического Олимпа. Последнего, правда, не хотелось бы.

Еще одна точка взаимодействия, находящаяся постоянно в поле моего филологического зрения: Лев Гумилев и Олжас Сулейменов. Гумилев в свое время написал статью «Спор с поэтом», в центре внимания которой находилась уже упомянутая выше одиозная статья А. Кузьмина. Гумилев, посчитавший многие рассуждения Сулейменова фантазиями, на которые поэт имеет право, подверг резкой критике суждения профессионального историка: «Итак, поэт, имеющий право на вымысел..., провел за нос историка, принявшего фантазию всерьез. Но если А.Г. Кузьмин не смог разобраться даже в таком простом тексте, то как же он читает летописи, где система ассоциаций и манера подачи куда сложнее? И куда смотрел его рецензент? Вот вопросы, значительно более важные, нежели буйное воображение алма-атинского поэта» [11]. Известно, что А. Кузьмин уже перед самой кончиной Л. Гумилева все в той же «Молодой гвардии» опубликовал одиозную статью «Пропеллер пассионарности, или Теория приватизация истории: заметки о концепции этнического развития, разработанной Л.Н. Гумилевым» [12]. Теория пассионарности – одна из наиболее спорных идей ученого, но с моей точки зрения в ней есть своя изюминка, связанная с так называемым «пассионарным толчком». Мне, родившейся и всю свою жизнь прожившую в Казахстане, свидетелю этносоциальных и этнокультурных процессов, уже давно пришла в голову мысль о том, что именно книга Сулейменова послужила исходной точкой того пассионарного толчка, который, согласно

теории Гумилева, приводит к созданию нового этноса в границах прежнего. Мощный рост национального самосознания, который вывел оскорбленный народ в декабре 1986 года на площадь и в итоге спустя несколько лет привел к его самоопределению, был спровоцирован теми мыслями поэта об исторических корнях пратюркского языка и о степени его присутствия в самом знаменитом памятнике древнерусской письменности. Конечно, я далека от мысли, что каждый, вышедший в те дни на площадь, был знаком с книгой поэта, но и Гумилев полагал, что этногенез зависит от числа пассионариев, которое даже в фазе подъема не превышает 1-2%. Позже мне даже приходилось читать, что эта книга подготовила перестройку в СССР...

Вообще же споры вокруг «Слова о полку Игореве» ведутся со второго десятилетия XIX века, то утихая, то разгораясь с новой силой. Странно, что в России «Аз и Я» была опубликована только в XXI веке (2005, ровно через 30 лет после выхода первого издания), всего лишь годом раньше, чем на (или в) Украине, Уже после распада СССР, к своему 70-летию Сулейменов был награжден в России Орденом Дружбы, в Украине - Орденом Ярослава Мудрого, в Азербайджане – Орденом Шохрут, годом спустя французы назвали его Рыцарем искусств и литературы и т.д. и т.п. Но награды не лишают его самого престижного, на мой взгляд, статуса «неудобного интеллектуала», каковым он был назван американским профессором Питером Ролбергом. И на пороге столь значимого юбилея можно лишь подтвердить высказанную Сулейменовым мысль о том, что «Слово» - неожиданно».

Литература:

- 1 Сулейменов О. Аз и Я. - Алма-Ата: Жазушы, 1975. С.3-188.
- 2 Кузьмин А. Точка в круге, из которой вырастает релей // Молодая гвардия, 1975, № 12. - С. 270-280.
- 3 Селезнев Ю. Мифы и истины. // Москва, 1976, №3. - С.201-208.
- 4 Огрызко Вячеслав. И вечный бой: Юрий Селезнев // Литературная Россия, 2013, №23. 07 июня 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/archive/item/6495-oldarchive>
- 5 Дмитриев Л., Творогов О. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // Русская литература. 1976, № 1. - С.251-258.
- 6 Лихачев Д.С. Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1976, № 6. - С.203-210.
- 7 Высокая идейность - главный критерий // Казахстанская правда. 1977. 19 марта.
- 8 Толмачев Г. Повесть об Олжасе. - Алматы, 1996.
- 9 Фризман Л. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики // НЛО, 2002, № 55. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/friz.html>
- 10 Бобров А.Г. Сулейменов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovenk/es/es5/es5-0831.htm>
- 11 Назарбаев Нурсултан. Слово о моем друге Олжасе // Казахстанская правда. 2006. 18 мая.
- 12 Гумилев Л.Н. Спор с поэтом // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kulichki.rambler.ru/~gumilev/>
- 13 Кузьмин А. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизация истории: заметки о концепции этнического развития, разработанной Л.Н. Гумилевым // Молодая гвардия. – 1991. - № 9.

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ОСОБЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТОСФЕРЫ О.СУЛЕЙМЕНОВА

*Туманова А.Б.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Статья посвящена описанию категории пространства в концептосфере известного казахстанского поэта Олжаса Сулейменова. В ней приведен краткий обзор научных взглядов ученых Г. Гачева, В.Н. Топорова, Е.С. Яковлевой, Т.В. Топоровой, В.А. Масловой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др. по данной проблеме. Автором рассматривается концепт «родина» (родина «большая» и «малая»), описываются особенности понимания концепта «дом» в современной лингвистике. В статье представлено содержание концепта «родина» и способы его репрезентации в творчестве О. Сулейменова. В качестве иллюстрации приведены фрагменты из произведений поэта: «Земля, поклонись человеку!», «Казахстан», «Кочевники», «Айналайын» и др.

Ключевые слова: категория пространства, концепт «родина», концепт «дом», границы, вселенная.

Имя великого казахстанского поэта – Олжаса Сулейменова, его творчество известны далеко за пределами Республики Казахстан. Его замечательные стихи и поэмы переведены на многие языки мира и произносятся с огромным воодушевлением наизусть: и в день космонавтики («Земля, поклонись человеку!»), и при разговоре о родине и чувстве патриотизма («Казахстан», «Кочевники» и др.), и при признании в любви («Айналайын») и т.д. В творчестве О. Сулейменова значительное место занимает тема родины: «большой» родины (планета Земля, вселенная, окружающий мир, человечество, космос) и «малой» родины (степь, горы, кочевники, земля, окружающая природа, люди). Это свидетельствует о том, что он является сыном не только казахского народа, он является

сыном всей нашей необъятной Земли. Поэтому он крепко стоит на ногах, поэтому его стихи понятны и приятны каждому читающему человеку.

Цель статьи – пронаблюдать, при помощи каких языковых средств выражается категория пространства, в частности концепт «родина», в произведениях О. Сулейменова и определить специфику их репрезентации.

Известно, что картина мира в каждой культуре складывается из универсальных концептов и составляющих культуры: пространства (места), времени, событий и действий, традиций и обычаев, судьбы и жизни и др. У каждого народа даже в случае идентичного подбора универсальных концептов существуют особые соотношения между этими концептами, характерные только ему. Именно это и создает основу национального мировидения, мироощущения и оценки действительности. Кроме этого, имеются и специфические, так называемые этноцентрические концепты, которые напрямую связаны с данным этносом и являются особыми показателями его мировоззрения, его менталитета. Так, например, всем известны специфически русские национальные концепты: у Д.С. Лихачева – «воля», «тоска», «удаль», у А.Д. Шмелева – «душа», «дом», «поле», «удаль», «авось», у Н. Рериха – концепт «подвиг» и др. Действительно, язык отображает то, что фактически сложено в сознании человека, а сознание формируется под воздействием родной культуры (см работы: Вежбицкая А., Т. ван Дейк, Степанов Ю.С., Карасик В.И., Телия В.Н., Маслова В.А. и др.).

Остановимся на описании универсальной категории – категории пространства. Данная категория характеризуется протяженностью мира, его связностью, структурностью, многомерностью, многоаспектностью и др. Пространство как основная форма существования мира и человека в нем широкоотражается в языке, сознании, культуре, мифологии. Изложим краткий обзор научных работ по этому вопросу.

Г. Гачев отмечает, что русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность, а болгарский образ пространства – это круглый, замкнутый космос [1]. По мнению В.А. Масловой, есть пространство, которое окружает человека как защитная аура, размеры этого пространства специфичны для каждого народа [2, с.88].

В.Н. Топоров отмечает о существовании двух пониманий пространства: 1) это «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися» (по Ньютону); 2) «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования» (по Лейбницу) [3 с. 228]. В сфере искусства используется второе представление пространства: упорядоченное, структурированное; оно «одушевляется» человеком и является особой областью его представлений о мире [4].

По мнению исследователей Т.В. Топоровой, В.А. Масловой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др., согласно мифологическому пространству границы вселенной расходятся «от человека» концентрически все большими кругами. Самый ближний круг, микрокосм, – это сам человек, его границы – тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических норм. Следующий круг – дом человека, его ближайшее окружение [2, с.89]. Очень подробно разработан данный концепт Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: Дом = бытие, обитание, а жилище = жизнь, существование. Основная функция дома – защита, но и ограничение [5].

Мы согласны с утверждением В.А. Масловой, что дом – «это разновидность пространства, причем он ассоциируется сугубо со «своим» пространством, как-то отгороженным от внешнего мира. Дом служит связующим звеном в общей картине мира: с одной стороны, принадлежит человеку, с другой, связывает человека с внешним миром. Это как бы внешний мир, уменьшенный до размеров человека, т.е. здесь реализована триада: дом – человек – мир. Структура дома повторяет структуру внешнего мира. Дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим» [2, с.90].

Все пространство человека – от интерьера его дома и до великого Космоса – исчерчено видимыми и невидимыми границами. Границы, проходящие в пространстве, занимают важное место в культуре. Различают *окно, дверь, порог* и другие элементы **дома** как границы дома. Последняя граница вокруг человека – это *граница «своей» земли, родины*. Первоначально это была граница «малой» родины, заданная самой природой. Всякое массовое переселение, смещение с нее воспринималось, как трагедия. Лишь после того, как возникли первые государства, граница стала государственной, а присоединение чужих земель начало интерпретироваться как «освоение», «окультуривание» чужого пространства, дикого и еще как бы «не человеческого» [2, с.90-92].

Интересно пронаблюдать рассуждения исследователей М.Ю. Лотмана, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, А. Фомина, Е.С. Яковлевой и др. о концепте «дом» в качестве организующего центра мира. Данный концепт пространства используется в русской культуре по-особому, с помощью особых языковых средств. *Страна, история* обносятся стенами и сужаются до

размеров дома: **наш дом** – *Россия*; **дом** – *замкнутое пространство, безопасное пространство, свое пространство*. Отмечается, что в русском языковом сознании бытуют разные значения слова **дом**, среди которых главным является представление о **родном доме**: *кров, очаг, изба, хата* и т.п. Неслучайно поэтому, что с **родным домом** ассоциируются только приятные, положительные чувства. В.А. Маслова справедливо отмечает: «Это центростремительный перекресток всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага. Родной дом – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая «связь времен» [2, с.263]. Для обоснования данного положения Маслова приводит анализ произведений М. Цветаевой. Через концепт **дома** М. Цветаева определяет не только «свое», защищенное земное пространство, но и собственный духовный мир, собственную сущность. Пространство дома расширяется у нее до масштабов целого большого города (Москвы) и даже целой страны (Руси). **Дом** – это еще и убежище, последняя опора в жизни: «*Дом, который не страшен в час народных расправ*» (М. Цветаева).

Кроме того, Н. Дацкевичем и М. Гаспаровым указывается, что в поэзии М. Цветаевой существуют **два дома** – «дом земной» и «дом небесный» [6]. А также **дом** у нее – *потустороннее царство*, как *светлое и славное местов* большом фальшивом мире, **дом** – это *храм, дом для Бога* [2, с.264-265].

Нами проанализированы известные произведения О. Сулейменова: поэма «Земля, поклонись человеку!» (1961 г.), «Казахстан» (1963 г.), «Айналайын» («Кочую по черно-белому свету») (1967 г.) и др. Перед нами предстает уникальная концептосфера Олжаса Сулейменова, в которой значительное место занимает особый компонент – категория пространства. Категория пространства в поэтическом тексте автора раскрывается широко, разносторонне – от родины малой до родины большой: от степи, от земли Казахстана до больших городов, огромных размеров Земли, материков, континентов, до бескрайних границ Космоса. Это и позволяет нам говорить о Сулейменове как о поэте планетарного масштаба. Размышления о родине автором представлены глубоко философски, что очень сложно передать в поэтическом слогое. Изложим коротко результаты наших наблюдений.

1. Мысль Олжаса Сулейменова о неразделимой связи в пространстве жизни человека и целой страны, человека и целого мира звучат в следующих строках:

Мы шли, дорогой.

А за нами в окопах

молчала страна,

Затаившись

в предчувствии наступленья,

Мы ползли

(А в руках рукоятки гранат).

Под колючими звездами оцепленья

Мы ползли,

как по карте космических трасс,

Вся страна.

Целый мир....(«Земля, поклонись человеку!», 1961).

Реки вспаивают поля.

Города над рекой — в заре.

И, как **сердце, лежит Земля,**

Перевитая жилами рек.

....(«Земля, поклонись человеку!», 1961).

Мир,

Земля,

Шар земной —

Сочетание слов,

Сочетанье народов.

Мечей

И судеб.(«Земля, поклонись человеку!», 1961)

2. О широте мировидения поэта, имеющего планетарный характер, свидетельствует использование названий городов, объектов, материков в форме множественного числа: Африки, Франции, Азии, Бастилии, столицы, Лувры и др.

Казахстан, ты огромен –

Пять Франций –

Без лувров, монмартров –

Уместились в тебе **все Бастилии**

Грешных столиц. («Казахстан», 1963, с. 16).

... а я, как удастся какая оказия,

Мотаюсь **по Африкам, Франциям, Азиям.**

(«Кочую по черно-белому свету», 1967, с.178)

3. Следует отметить, «особость» использования поэтом слов-обращений: обращения во множественном числе (*люди, предки, энтузиасты, поэты, счастливицы*); обращения к народам (*кипчак, Казахстан, Украина, Азия, Франция*); индивидуально-авторские обращения (например, *айналайын, акын*). Такое употребление обращений позволяет нам увидеть главную мысль поэта: в мире все взаимосвязано, взаимообусловлено, и человек – это частичка общества, частичка вселенной. Сравним:

Люди!

Граждане всей вселенной!

Гости галактик!

Хозяева Шара!

Вы не хотите
пропасть бесследно?

Живите,

Живите,

Живите с жаром!

Живите, **люди!**

Живите, **люди**.... («Земля, поклонись человеку!», 1961).

Приведем пример использования обращения, под которыми подразумеваются целые народы (например: слово-обращение «Казахстан»):

Время настало.

Если **мир не тоскует** –

И ты, **Казахстан, не грусти.**

Мир испытан тобой.

Казахстан, если сможешь, прости.

И

Да здравствует

Запрещение испытаний! («Казахстан», 1963, с. 18).

4. Отметим широкое использование авторского приема О.Сулейменова как обыгрывание слов, обозначающих части света. Это позволяет разглядеть мысль о том, что неважно, где человек родился и живет, а важно, то, что ты чувствуешь, что есть вера, солнце, земля, доброе и светлое в жизни каждого. См:

Я рождён в стороне.

Где живут воедино

Все части света, -

Есть и Запад,

Восток и Север

В стране поэтов.

Есть края, где не знают

Обычных сибирских морозов,

Есть края, где не знают

Аральского знойного лета.

Где

Другие границы

Между частями света!

Океаны не покидают Землю,

Они верят. **Солнце**

Сердцем бьётся в земле.

Оно верит. .... («Земля, поклонись человеку!», 1961)

Мы ведь тоже верим,

что:

Нет Востока,

И Запада нет.

Нет у неба конца.

116

**Нет Востока,
И Запада нет,
Два сына есть у отца.
Нет Востока,
И Запада нет.
Есть
Восход и закат,
....(«Земля, поклонись человеку!», 1961)**

Не зная, что
Азия западной

Запада,

Запад – восточней Китайского моря... («Кочую по черно-белому свету», 1963, с. 178).

5. Важно отметить, что в концептосфере Олжаса Сулейменова, представленной на русском языке, содержатся языковые средства и обороты, имеющие этноцентрический характер. Использование слов-определений типа мать – *степь*, девушка – *скакун* характерны для жизни кочевого казахского народа в прошлом:

Матерью - степь

мы называем.

Девушкой -

мы **скакуна** называем.

(Земля, поклонись человеку!)

В следующем фрагменте говорится о национальной традиции захоронения умерших (*ногами на запад*), характерной для народов мусульманской веры:

А нас хоронили – ногами на запад,

Лежат миллиарды – ногами на запад

Под желтым покровом монгольской степи –

Тумены ногаев, болгаров, казахов,... («Кочую по черно-белому свету», 1963, с. 178).

Остановимся на примере использования слова-обращения – казахизма в стихотворении «Айналайын», в котором так проникновенно, искренне, этнически показательно представлено признание в любви Земле родной:

Кружись, айналайын, Земля моя!

Как никто, я сегодня тебя понимаю,

Все болезни твои

На себя принимаю,

Я кочую, кружусь по дорогам

твоим... («Айналайн», 1967, с.178-179)

Интересен тот момент, что самим автором дается информация в предтекстовой части стихотворения, предназначенная для потенциального читателя: «Обращение к дорогому человеку – «айналайын». «Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод. «Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы. На наш взгляд, это свидетельствует о желании поэта быть понятным и понятным человеком любой национальности, не только соотечественником.

Как видно из наблюдений, концепт «родина» как компонент категории пространства, репрезентируемого различными языковыми средствами и их особым подбором в концептосфере известного казахстанского поэта Олжаса Сулейменова, представляет научный интерес и имеет перспективы для дальнейших исследований в современной лингвистике.

Литература:

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психологос. – М., 1995.
2. Маслова В.А. Концептосфера русской культуры// Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2016. – С. 74-275.
3. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М., 1983 – С.227-284.
4. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия. – М., 1994.
5. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы.– М., 2000.
6. Дацкевич Н., Гаспаров М. Тема дома в поэзии Марины Цветаевой // Здесь и теперь. - 1992, №2. – С. 116-130.

О.СҮЛЕЙМЕНОВ ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ БЕЙНЕЛІ СӨЗДЕРДІҢ ЛИНГВОМӘДЕНИ НЕГІЗДЕРІ

*Жапақов С.И.
Ускенбаева Л.Қ.
Қазақ Ұлттық
Аграрлық университеті
Қазақстан, Алматы*

Тілдің табиғилығы мен оның даму мәдениеті қадым заманнан бері көтеріліп келе жатқан мәселе, бұл ұлттық таным мен ұлттық сана сезімнің қалыптасуынан келіп шығатын үрдіс екені белгілі. Қазіргі тілдің даму ширегіне жеткен кезінде, және жаһандануға байланысты тіларалық қарым-қатынастың тереңдей түскен шағында бұны ескі сарынмен және біржақты заңдылықтардың шеңберінде қарау көп жағдайларда қазір тілшілердің, тіл жанашырларының сыңаржақ пікірлерін туындатып жататыны да аян. Қазіргі тіл тазалығымен оның мәдениетінің дамуын әлеуметтік лингвистика, психолінгвистика, когнитивті лингвистика сияқты тілдің ғылымның өзге ұштасқан салаларымен байланыстыра қарап бағамдауымыз қажет. Айырықша теориялық ғылыми пәндердің қазіргі өмір талабына байланысты тәжірибеге араласуы қоғамдағы қалыптасқан тілдік ахуалға байланысты. Қазақстандағы тілдік қарым-қатынастың сан қырлылығы мен күрделілігі қазір тілдің типологиялық, генетикалық және функционалдық қасиеті жөнінде тұрақталған тұжырым айтуға негіз бола алмайтынын байқап отырмыз.

Қазіргі қазақ қоғамына көз жүгіртетін болсақ, қазақтардың тілге байланысты орыс тілді және қазақ тілді қазақтар болып екіге бөлініп қалыптаса бастағанын байқаймыз. Бұл әсіресе Қазақ елінің егемендік алуынан кейін жандана бастағаны айқын болып отыр. Осы мәселелерге түбегейлі көз жүгірту үшін бірнеше жәйіттің басын ашып алуымыз қажет. Мәселен, қазақтардың ұлтқа ұюы мен олардың консолидациялану жолы, әдеби тілдің қалыптасуының ұлттық сезімді қалыптастыруға ықпалы, қазақ әдеби тілінің қалыптасу, даму жолдары және осыдан келіп шығатын тіл мәдениеті мен оның тазалығын сақтаудың проблемалары сияқты мәселелерге ұласады. Осы орайда тек қазақ халқына ғана емес, сонымен бірге әлем халықтарының классик ақындарының қатарынан орын алған каламгер О.Сүлейменовтың орны ерекше.

О.Сүлейменов тек ақын ғана емес, сондай-ақ қарымды зерттеуші ғалым. Оның әлем тілдерінің ішінде түркі халықтарының тілдік ерекшелігіне, ондағы кейбір этнографизмдердің шығу тарихы мен оның өзге тілдермен байланысын айқындаудағы зерттеулері ғылымда жаңа ізденістердің қалыптасуына әсер етті. Себебі, түркі тіліндегі жазулар тіл ғылымында руна жазу деп аталған. Ол скандинавия халықтарының тілі бойынша, сыры ашылмаған құпия жазу деген сөз. Бұл жазудың оқылу сырын ашқан сол халықтың атақты тіл білімнің ғалымы Дания университетінің профессоры В.Томсон. Одан кейін Орхан жазуларын орыс тілінде аударған тюрколог ғалым В.Радлов болды. Сөйтіп, XIX ғ. аяғында руна жазуының құпия сырының ашылуы ертедегі түркі тілдес халықтардың да өздеріне тән жазуларының болғандығын көрсетеді. Ал біздің заманымызда осы үрдісті жалғастырғандардың қатарында О.Сүлейменов болды. Осы тұста О.Сүлейменов: “Ұлттық мәдениеттерде айырмашылықтарынан гөрі жалпыға ортақтары молынан қордаланған” деп жазады. Расында да осылай. Ұлттық қасиет-негіздерімізді жадымыздан шығарып, өркениетке еліктеп кеткеніміз рас.

Қазақстанның ЮНЕСКО-дағы тұрақты өкілі О.Сүлейменовті кейбір зерттеушілер оны "дуализмді" біріктірген билинг (қостілді) санап, орыс тіліндегі мәнерлі тіл айшықтары негізінде кең-байтақ даласының тарихын таныды деп бағалайды. Оның тілі "екі бірдей жалпыұлттық дүниетаным мен екі түрлі құрылымдық тілдік жүйенің әрекеттесуі" негізінде көрініс тапқан дейді. Екінші бір зерттеушілер оны монолог санаяп, орыс жазушысы деп те атайды (М.Д. Жүсіпов, А.Ж. Сәрсембаева). Сүлейменовтің поэтикалық тіліне паронимик, аттракция құбылысы, афоризмдер, бейнелілік, халықтық поэтик. тілдің этимологиясын тануға деген ұмтылыс тән. Қазақ және орыс тілдерінің поэтик. Дәстүрлері қабысқан О.Сүлейменов шығармалары шынайы сезім шаттығымен, әсемдігімен және көркем образдың айқындығымен, өткір суретімен, кең тынысты ой-өрнектерімен, қоғамның саяси-әлеуметтік өміріне асқақ дауыспен үн қосуымен ерекшеленеді. Сүлейменовтің поэзиясында қазақ халқының сан ғасырлық тарихы көрініс тапқан, ол — өзіндік мәдениетін, дәстүрін сақтаған ұлт ретінде қазақ халқын әлемге танытқан суреткер. Оның еңбектері әлемдік тұрғыда жоғары баға алды.

О.Сүлейменов шығармның өмірлік кредосы "тауды аласартпай, даланың даңқын асқақтату" болып саналады. «Язык письма» кітабындағы **«тауларды аласартпай даланы асқақтатайық»** деген [1] қанатты сөзі бүгінде поэтика тіліндегі афоризмдердің бірі ретінде қолданылады. Бұл Олжас шығармаларының бейнелі сөз орамдары мен мотивтік сипаты зор тілдік қолданыстарға бай екендігін

аңғартады. Рас, О.Сүлейменов шығармаларының тілі жаңа жаңа дәуірдің лексикалық мүмкіндігін толық ашып көрсете алады. Осыны жіті аңғарған болу керек атақты Лили Данидің өзі: "Олжас Сүлейменовтің "Мешін жылы" кітабынан мен кеше мен бүгіннің тамырластығын таныдым. Сөз тамыры... Мен сол тамырдың не екенін, оның Олжас Сүлейменовті қалай алып шыққанын және қазақ мәдениетімен ұласып жатқан ұлы көпірді таныдым. Сол көпір Отанға, ауыз әдебиеті дәстүрінің құдіретіне деген сүйіспеншіліктен туғандығын ұғындым" десе, А.Бучис: "Жер мен Адамзаттың бірлігін сезіну О.Сүлейменовтің поэтикалық оптимизмінің тағы бір қайнар көзіне айналды. Шексіз әлемге шарықтап сан қырлы өмірдің сұлулығын ашу образдар мен сезімдердің Шығысқа тән буырқанысын туғызып қана қоймай әрі соны тағы да ақтап тұрғандай - О.Сүлейменов елден алабөтен бар жан-тәнімен (бірақ қызбалықсыз!) қазіргі дүниенің тағдырына аландайды. Ол - замана ақыны. Оның поэзиясының адресі - жұмыр Жер" деген баға береді. Бұл пікірлердің барлығы О.Сүлейменов тілінің көркемдігіне берілген баға болса, қаламгер шығармаларының басты өзегі реализм. Сол реализмді ақын адам санасының танымдық деңгейі мен қарт құрлықтың халықтық философиясына сай етіп өрнектейді. Ал афоризмдердің өзіне тек тілдік бірлік қана емес, философиялық трактат негізінде қарау керек. Мұнда барлық ойдың жемісі, танымның тілдік болмысы, керек десеңіз тұтас бір қоғамның психологиясы жатады. Осы дәстүрлі ақын басты назарда ұстаған. Мысалы, 1961 жылы Ю.Гагарин ғарышқа ұшып, адамзат баласының өмірінде бір таңғажайып оқиға болды. О.Омарұлы сол тұста басқа қаламгерлерден бұрын, бір күнде ғажайып поэма жазды. Ең алғаш сол шығарманы «Қазақстанская правда» газеті басып шығарды. Бұл О.Сүлейменов атының әлемге таралуы еді. Бүкіл әлем осы поэма туралы сөз қозғай бастады. Сол кезде ақын небәрі 25 жаста еді. Поэманың тақырыбы – «Адамға табын, Жер енді!» деп аталатын. Бұл тіркес бүгінге дейін танымды ой мен тақырыптың мәнін ашатын қанатты сөзге айналды. Сол «Адамға табын, Жер енді!» кітабындағы «**Өткеннің тұңғығы, болашақтың биіктігі болмаса, бүгінгіміз де сүреңсіз болады**» деген сөзі афоризмдік сипатпен өрілген. Ақын қарапайым сөздің сыры сезілмес, жымы білінбес шеберлікпен шендестіру арқылы ғаламат қуат күшін оятады. Жай ғана бір сөздің ұйқасы мен үйлесімінің арасына ол тіршіліктің қария даналығын орнықтырады.

О.Сүлейменовтің адам санасында жатталып қалатын айшықты сөз қолданыстары аз емес. Бұл тіліміздегі әлеуметтік лингвистика тілдің қоғамдық сипатын, стильдік саралануын, әлеуметтік ерекшелігін, қоғамдағы қостілділік, көптілділік мәселелерін, тілдік жағдай, тілдік саясат ұғымдарын және т.б. айқындауға мүмкіндік береді, анығырақ айтқанда, тілші Э.Д.Сүлейменова “Әлеуметтік лингвистика - тілдің қоғамдық қызметтерін, әлеуметтік шартталған белгілері мен заңдылықтарын кешенді түрде зерттейтін қазіргі тіл ғылымының маңызды бағыттарының бірі. Ол тіларалық байланыс жағдайындағы кез келген тілдің өмір сүру формасына, қоғамдық қызметінің ауқымы мен сипатына қатысты айқындалатын тілдердің қызмет ету ерекшеліктерін қарастырады”, - деп [2] анықтама береді. Тілдің қоғамдағы орны оның қатысымдық деңгейімен, нормалану дәрежесімен, құқықтық мәртебесімен, конфессиялық ерекшелігімен, оқытылу, меңгерілу сипаттарымен өлшенеді. Дегенмен, «Адамзат баласы қашанда өзін қоршаған ортадағы заттар мен құбылыстардың мәнін, сыр-сипатын жете білуге тырысқан. Бірте-бірте олардың даму заңдылықтарын ашып, дүние танымын кеңейткен», -деп ғалым Б.Сағындықұлы атап көрсеткендей, таным мәселелері адам баласының назарын әрдайым өзіне аударып келгендіктен, бірде арнайы, бірде қосымша қарастырылған тілтанымдық ұғымдар мен бірліктер, олардың ғылыми-теориялық ұстанымдары бүгінгі күні аса құнды тұжырымдар қатарын құрау үстінде. Бұдан шығатын қорытынды кез-келген бейнелі сөздердің семантикалық құрылымында коннотациялық мән қалыптасады. Коннотация мәселелеріне арналған ғылыми еңбектерді қарастыру барысында коннотацияның тіл бірлігіне эмоциялық, стилистикалық рең үстейтіні, кең мағынада коннотация тіл бірлігінің грамматикалық және заттық-ұғымдық мағынасы – денотатты толықтырып, оған экспрессивті рең беретін түрі, ал тар мағынада коннотация – тіл бірлігі мағынасының бір бөлігі, сол мағынаның ассоциативті-бейнелік ішкі тұлғасын түсінуден туындайтын қосымша мағына екендігі анықталды. Мысалы, О.Сүлейменовтің 1961 жылы шыққан "Арғымақтар" атты тұңғыш өлеңдер жинағында шығармалар мазмұнынан қоғамдық дағдарыс пен руханият мәселесін, жаман мен жақсының тайталасын, қоршаған орта мен адам табиғатының сырын ашуға, ұлт тарихының тереңнен тартқан тамырын тануға деген ұмтылысты байқауға болады. Сол «Арғымақтар» [3] өлең жинағында ақын «**Өмір деген қабық, ал біз оның тірегіміз**» деген афоризмді қолданады. Бұл тілдік бірліктің тілдегі экспрессиялық нұсқаны жүзеге асырушы құрал болып табылатындығы және эмоционалдылық, экспрессивтілік, бағалаушылық және образдылық категориялары коннотаттық мағынаның компоненттері болып табылатындығы айқын жағдай. Мұнда коннотативті үлкен мән жатыр. Коннотация құбылысы адамның психологиялық және тілдік қызметінің көрінісі болуымен қатар аталған тіл білімі теориясымен және психологиямен байланысқа түсе алады. Яғни мұнда ақынның эмоция, экспрессия, бағалау және стилистикалық ерекшелігі

байқалады. Бұл бір жағынан тіл біліміндегі прагматика құбылысымен байланысып жатыр. Тіл біліміндегі прагматика ұғымы туралы тұжырымдардың барлығы әсер ету нәтижелерін талдауға негізделген. Онда адамның, яғни автордың қажетті тілдік бірліктерді таңдаудағы және мақсатқа жету барысында ақпаратты беру қабілетіне ерекше назар аударылады. Прагматика тілдің сөйлесім тәжірибесін халық өмірімен байланыстырып, адамның әлемді қабылдау ерекшеліктерінің когнитивтік базасын, ұлттық-мәдени дәстүрлерін, танымын тануды үйретеді. О.Сүлейменов афоризмдерінің ішінде жиі қолданысқа ие «**Әрбір заманда аспан бір жұлдызын жоғалтады**», «**Адам неге жұлдызға жетуін армандайды**», «**-Бұл өмір сенікі де, менікі де,... біздікі!**», «**Қаламнан ой жүйрік**», «**Жазу – сезім мен ақыл-ойды мезгіл мен кеңістік ішіндегі арқалап жүретін құрал**» тәрізді ойларындағы коннотацияның прагматикасы – бұл афоризмдердегі эмоционалдық, экспрессивтік, бағалағыштық, стилистикалық, ассоциативті-бейнелі компоненттердің ықпал ету, әсер ету қасиетін аңғартады. Осы құбылысты байқаған болу керек Б.Сулцкий О.Сүлейменов шығармаларын талдай келіп, оның поэтикалық ерекшелігі туралы: "Меніңше, орыс Азиясы біздің поэзиямызда бұрын-сонды дәл мұндай айрықша сонылықпен сөйлеп көрген емес..." деген пікір білдірген болатын. Афоризмдердегі тағы бір ерекшелік – компаративтік мағына. Бұл екеуінің арасында ешқандай семантикалық айырмашылық болмайды. Мәселен, О.Сүлейменовтің «**Ақын болу міндет емес, азамат болу міндетін**» деген қанатты сөзін «Адам бол» деген тіркеспен салыстырсақ, мағынасы мен мотиві бірдей. Ал олардың өзгешеліктеріне келсек, біріншісі, тұрақты тіркеске кіретін «тілдік штамптар», ал екіншісі, – еркін лексикалық таңба. Бұдан шығатын қорытынды О.Сүлейменов өз шығармаларында әлемдік классикадағы тілдік қолданыс жүйені өзіндік «өзіндік шығармашылық өндіріске» жаңаша стильмен әкелген қаламгер деуге әбден болады. Осы қасиетті аңғарған А.Арустамов: «Испокон веку в нашей семье чтят Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока, у которых все так прозрачно и ясно, Может быть, поэтому мне показалось чрезмерной усложненность образов и мыслей О.Сүлейменова» [4] деп ақын танымы туралы ой тастаған болатын. Ендігі бір мәселе О.Сүлейменов шығармаларының, оның ішінде афоризмдерінің аудармасы жайында. Бұл өте күрделі құбылыс. Себебі кез-келген қанатты сөздер калькалық аудармаға келе бермейді. Сонымен қатар қанатты сөздерде берілген ой жоғарыда айтып өткеніміздей коннотативтік мағынаға ие болады. Яғни, әр сөз астарлы мағынаға ие. Мысалы, О.Сүлейменовтың «**Кони неслись со скоростью смерти**» деген қанатты сөзі бар. Мағынасына келсек, дәл осындай жолдарды тек қазақ ақыны жырлай алады. Ал қазақ тіліндегі аудармасы орыс тіліндегідей дәл осы ұғымды бере бермеуі мүмкін. Бұл ақынның тілдік қолданыстағы лексикалық бірліктерді авторлық қолданыста жаңартып жұмсау тәсілі, халық тілі үлгісімен жасалған, өз қаламынан шыққан қанатты сөздері қазақтың ауыз әдебиеті тілімен ұштасып жатқандығын дәлелдейді және ол ұлттық сипатты айқындаушы фразеологизмдер қатарына қосыла алатын рухани құндылықтар болуға әлеуеті жетеді. Сонымен бірге жоғарыда айтылғандай О.Сүлейменовтың афоризмдерінде коннотациялық сипат басым.

Сондықтан да О.Сүлейменов шығармаларындағы адамды игілікке, әділдікке, ізгілікке тәрбиелейтін, адамгершілік мәселесін көтерге отырып халықты философиялық ойларға жетелейтін қанатты сөздері – жаңа дәуірдің ғылымында іргелі зерттеулердің іргесін қалайтын тұжырымдар болмақ.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Сүлейменов О.О. Язык письма. - Алматы-Рим, 1998. 497 с.
2. Сүлейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алматы: Мектеп, 1989. – 152 с.
3. Сүлейменов О.О. Аргамаки. – Алматы: Жазушы, 1961. – С.71.
4. Толмачев Г. Повесть об Олжасе. – Алматы, 1996.

ПРИЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ КАЗАХСКИХ МОТИВОВ В СТИХОТВОРЕНИЯ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Бисенкулов М.К.

Жетысуский гос. университет

им. И. Жансугурова

Казахстан, Талдыкорган

Аннотация. В статье предпринята попытка текстуального исследования приемов включения казахских мотивов в стихотворения О. Сулейменова. В процессе анализа произведений привлекаются необходимые исторические, этнографические сведения.

Ключевые слова: мотив, первооснова, трансформация, прием, способ.

Одним из постоянных постулатов в оценке творчества О. Сулейменова является утверждение мысли о казахском звучании его стихов, написанных на русском языке. Исследователи повторяют полюбившуюся формулу, как в свое время русские критики повторяли крылатую фразу «Пушкин – наше все». И как в 19 веке в русской литературной критике долгое время не появлялось детальных исследований творчества А.С. Пушкина, подтверждающих правоту приведенного утверждения, так и в казахском литературоведении недостаточно исследований, раскрывающих суть формулы о казахском звучании поэзии О.О. Сулейменова. В настоящей статье предпринята попытка выделить основные приемы включения казахских мотивов в тексты стихотворений О. Сулейменова.

<i>Я поехал бы в штат Небраска,</i>	<i>Я поеду в адайские прерии,</i>
<i>Но мне надо спешить на родину,</i>	<i>Там колочки, жара, морозы,</i>
<i>Там такой же пейзаж неброский,</i>	<i>Пыль и кони такие! Прелесть!</i>
<i>Я поеду к себе на родину.</i>	<i>Я поеду к себе на родину... -</i>

[1, 89]

заявляет лирический герой стихотворения Олжаса "Ришад. Сын степняка". Вот это постоянное стремление *к себе на родину*, выраженное в данном стихотворении многократным рефреном, можно считать идейно-эмоциональным стержнем, пафосом поэзии О. Сулейменова. Проведенное нами исследование позволило выделить следующие приемы включения казахских мотивов в произведения О. Сулейменова:

1. Простое включение в текст казахских слов.

Может быть, не всегда этот прием срабатывает, но при соблюдении меры, о которой говорил еще Пушкин ("Во всем нужно чувство меры и соразмерности"), рождаются прекрасные стихи. К разряду таких стихотворений относится небольшая миниатюра О. Сулейменова:

<i>Хрипло поёт о любви старик,</i>	<i>Грустных кипчакских слов.</i>
<i>Почесывая домбру,</i>	<i>Мясо остыло,</i>
<i>К юрте прислонена чаща пик,</i>	<i>Серый айран</i>
<i>Усатый скуластый круг.</i>	<i>В чашах цветных уснул...</i>
<i>Трется об юрту пыльный ишак,</i>	<i>Блеет в предчувствии пара баран...</i>
<i>Кони лягают псов,</i>	<i>Завтра проспит аул.</i>
<i>Люди покрикивают в такт</i>	

[1, 102]

В этой поэтической миниатюре все прозрачно: представлена картина вечернего аула, отходящего ко сну, перечислены нехитрые реалии степного быта, высказано два предчувствия. И вместе с тем незаметное вкрапление в русский текст слов *домбра, юрта, айран, аул, кипчак* создает неповторимую мелодию стиха - неторопливую, размеренную, как сама жизнь степного кочевника. Казахские слова проникли в русский текст настолько органично, что их присутствие не ощущается, не бросается в глаза, напротив, оно кажется естественным и необходимым. Это тот случай, когда каждое слово стоит на своем месте.

2. Включение в текст фактов из казахской истории.

Без знания истории такие стихи Олжаса могут быть восприняты читателем поверхностно. К разряду таких произведений можно отнести стихотворение "Чем порадовать сердце?" [1, 52-55], в котором эмоциональной оценке поэта подвергнута трагическая судьба Отрара. По утверждению историков, Отрар был знаменит не только мощными стенами, торговлей, мастерством ремесленников, но и библиотекой. Отрарская библиотека называлась второй в мире после Александрийской по богатству собранной в ней литературы на языках народов, контактировавших с казахской степью на Великом Шелковом пути. Гибель Отрара и его знаменитой библиотеки сродни сюжету о потерянной Атлантиде. Обращают на себя внимание следующие строки стихотворения:

Счет осадных ночей майским утром прервала измена,

И наполнился трупами длинный извилистый ров...

Поэт опирается на исторические факты и поднимает в связи с этим проблему, которая сопровождает историю казахского народа на протяжении многих веков – разобщенность казахских родов, доходящая до вражды, до измены. Эта межродовая рознь актуальна и в XXI в. О гибельности трайбализма для независимого Казахстана пишут сегодня политики, социологи, историки, деятели литературы и искусства. В решающие для народа мгновения испытаний все казахские роды и племена объединялись, но в мирные дни междоусобицы не прекращались. Именно поэтому Мухтар Ауэзов в эпосе «Путь Абая» сравнил казахские племена, расселившиеся в огромной степи и, тем не менее, враждующие друг с другом за каждую пядь земли, с "горстью баурсаков", беспорядочно разбросанных по дастархану. Именно поэтому Олжас Сулейменов с горечью заявляет:

*О кипчаки мои! Я на десять столетий вперед
Степь не любила высоких гор, Вам бросаю укор,
Плоская степь О казахи мои, молодые и древние!..
Не любила торчащих деревьев.*

3. Включение в стихи описаний казахских обычаев ("Песня кумана", "Айналайн").

Глубокое проникновение в смысл таких произведений Олжаса невозможно без прямой апелляции к казахской истории и этнографии [2, 28-34].

4. Включение в текст описаний казахских национальных игр и воинских обрядов.

Таково известное шутивное стихотворение поэта "Догони" [1, 49], в котором сюжетную основу составило описание казахской народной игры "кыз куу":

*Злые люди, Дали сильному джигиту
Злые люди, И красивому джигиту
Вы обидели меня! Ишака,
Дали смелому джигиту, А не коня!..*

Стихотворение проникнуто духом добра, любви, за интонацией нарочитой обиды девушки скрывается юмор. Примечательно, что в этом стихотворении дано не объективированное описание, а субъективно-окрашенное изображение перипетий древней игры кочевников.

Совсем иная интонация звучит в стихотворении О. Сулейменова "Красный гонец и черный гонец" [1, 129]. Это стихотворение возрождает перед читателем один из суровых обычаев древних воинов, согласно которому красный гонец, несущий добрую весть, заслуживал всяческих почестей, а черный гонец - вестник несчастья – мог быть и казнён. Поэт точен в деталях: чёрный гонец мчит, *огибая кишлак*. В мирное время проехать *мимо* аула, огибая его, не заезжая в него, означало нанести людям, проживающим в нем, оскорбление. Черному гонцу все равно, ему незачем заезжать в кишлак, потому что там ему не обрадуются.

Следует заметить, что О. Сулейменов часто дорабатывает свои стихотворения. Так случилось и с этим текстом: в сборниках "Повторяя в полдень" (1973) и "Определение берега" (1976) есть строчка:

*За измену аргынов!
За трусость падши! –*

Здесь вся беда за поражение возложена не на бедного черного гонца, а на одно племя – аргынов. В последнем по времени издания сборнике 1989 года [3, 135] эта строчка подверглась трансформации:

*За измену сегуна.
За трусость падши.*

О. Сулейменов сопровождает замену слова своим примечанием: "Сегун - вождь (древнетюркск.)". Думается, замена родового понятия *аргыны* на более конкретное по значению слово *сегун* качественно изменила содержание стихотворения: теперь виновными в поражении оказываются не отдельные казахские племена, а верхушка, вожди, не сумевшие сплотиться в трудный час. Можно заметить, что поэт снова возвращается к уже высказанной им в другом стихотворении мысли о междоусобице как источнике бед для казахского народа.

5. Создание поэтических миниатюр на тему казахской степи, своеобразные зарисовки с природы.

В качестве такого образца может послужить стихотворение "Кочевье перед зимой":

*Когда расцветает, сверкая, Мои бедные белые гуси,
Звезда Сумбуле, Это значит - трава постарела
Косяки кобылиц на пастбищах.
Отдадут свое белое молоко, Поднимайся кипчак ...
Тонко-длинные гуси над степью моей Пусть умрет у меня на руках,
пролетят, Сверкая, звезда Сумбуле.
И угрюмо-печально в ночи прокричат*

[1, 107]

Это автологический рассказ о самом обычном - приближении кочевки, причем поэт снова точен в подробностях: кочевник-скотовод судил о времени по звездам и травам, поэтому в стихотворении возникают образы звезды Сумбуле и постаревшей травы.

6. Поэтическая трансформация произведений казахских акынов и жырау 15-18 вв.

Так, Доспамбету-жырау, жившему на рубеже 15-16 веков, принадлежат стихи *Тугай, о тугай у излучины рек...* [4, 79], в которых раскрывается философия средневекового поэта-воина. Жизнь воина - это цепь битв, набегов, побед, о которых лирический герой Доспамбета-жырау ничуть не жалеет, напротив, он считает, что иной жизни не может быть.

Толгау Доспамбета-жырау послужило основой стихотворения О. Сулейменова "Последнее слово акына Смета" [1, 255]. Однако О. Сулейменов подверг существенной трансформации толгау Доспамбета-жырау: на первый план выступает не воинская доблесть, а самая обычная жизнь, дорогая лирическому герою Олжаса во всех проявлениях - в ее неповторимости ("*судьбу не повторить сначала*"), быстротечности ("*уйду, как ветерок по лицам*"), в печали ("*тоске не повториться*"). Кульминацией песни акына Смета становятся последние строки, в которых выражается печаль от того, что один поэт может погибнуть от руки другого поэта. Не жаль умереть от "*руки злодея*", жаль умереть от "*ножа поэта*" - вот главная мысль акына Смета.

Ряд примеров, когда О. Сулейменов использует в качестве своеобразной первоосновы стихи казахских средневековых поэтов, можно продолжить. Так, в свое время Ч. Валиханов записал "Песню об Аблае "Бухара-жырау", в которой есть следующие памятные стихи:

<i>О хан Аблай, ты ходил,</i>	<i>Сверкая, как метеор,</i>
<i>Гогоча, как гусь,</i>	<i>И печень твоего врага</i>
<i>Бушуй, как бура,</i>	<i>Досталась тебе в руки ...</i>
<i>Бурля, как горный поток,</i>	[5, 258]

Бухар-жырау создает ряд сравнений, отражающих предметность поэтического мышления степных жырау, когда в качестве образа сравнения привлекаются привычные для кочевника реалии, окружающие его в повседневной жизни: гусь, верблюд-бура, горный поток, печень и т.д.

Стихотворение Бухара-жырау стало первоосновой для поэтической трансформации О. Сулейменова. О. Сулейменов создает миниатюру "О конь!", в которой буквально повторяет полюбившиеся ему поэтические образы:

<i>О конь!</i>	<i>Я печень врага</i>
<i>Он гогочет, как гусь,</i>	<i>увидел в своих руках,</i>
<i>Он бушует бурой.</i>	<i>Табун украду и отдам</i>
<i>Бурлящий горный поток</i>	<i>За коня вороного ...</i>
<i>Не сравнится с его дыханием.</i>	[1, 50]

Вновь О. Сулейменов использует в своих стихах яркие, свежие, самобытные образы, созданные поэтами прошлых веков.

7. Стихи, посвященные историческим личностям.

Здесь следует выделить стихотворение "Вблизи Чингизских гор его могила..." [1, 103]. В тексте не называется адресат, которому посвящены стихи, но перед глазами подготовленного читателя встает трагическая фигура великого Абая, столкнувшегося с непониманием и равнодушием современников и соплеменников. Олжас Сулейменов сумел в коротеньком стихотворении передать свою боль от трагической судьбы Абая, точно подобрав каждое слово, каждый эпитет.

Таким же трагизмом веет от стихотворения "Последние мысли Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны", посвященного другому великому сыну казахского народа - Махамбету Утемисову [1, 185]. Так же, как и Абая, Махамбета погубили свои же соплеменники, решившие спасти себя ценой жизни Махамбета. О. Сулейменов скорбит о разобщенности казахов, не сумевших сберечь своих поэтов.

Литература:

1. Сулейменов О. Определение берега: Избранные стихи и поэмы. - Алма-Ата: Жазушы, 1979. - 455 с.
2. Бисенкулов М.К. Чокан и Олжас: к проблеме гипертекстового пространства. - Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. - 2015. - №4 (156). - С. 29-32.
3. Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. - Алма-Ата: Жалын, 1989. - 591 с.
4. Поэты Казахстана. Вступит статья, составление, биографические справки и примечания М. М. Магауина. - Л.: Советский писатель, 1978. - 607 с.
5. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том I. - Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской Энциклопедии, 1984. - 432 с.

ДЫХАНИЕ ПРОШЛОГО В КНИГЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА «КОД СЛОВА»

Ли Э.В.

Жетысуский гос. университет

им. И. Жансугурова

Казахстан, Талдыкорган

Аннотация. В статье прослеживается взаимосвязь исследований О. Сулейменова с вопросами происхождения и развития языка как системы знаков, отмечается своеобразная попытка приблизиться к разрешению отдельных проблем этимологии, существующих на современном этапе в языкознании. Кроме того, рассматриваются некоторые авторские новообразования, необходимые для исследовательской работы.

Ключевые слова: языковой знак, значение знака, единый праязык, научная и «народная» этимология

Во введении к книге «Код слова» О. Сулейменов отмечает о необходимости придавать особое значение слову как основному свидетельству доисторического прошлого человечества. И узнать можно его глубже, «если мы научимся читать слово. Поэтому вырастает роль этимологии» [1, с.6].

Действительно, в современной науке до сих пор этимология и семасиология в целом являются той областью языкознания, в которой бытует много неопределенного и, можно сказать, «ненаучного». Прав О. Сулейменов и в том, что «так называемая «научная этимология» пока недалеко ушла от так называемой «народной этимологии», поскольку «воспринимает слово только на слух и понимает лишь самый поверхностный слой его значений» [1, с.6].

Скептическое отношение отдельных лингвистов к семасиологии, по-видимому, объясняется в первую очередь тем, что словарный состав языка фактически не очерчен, не имеет чётких границ в определенный момент существования языка. Поэтому с достаточной точностью ответить, существуют эти слова и эти значения слов, бывает трудно. С другой стороны, ввести в этимологию какие-то новые методы, которые успешно используются в других отраслях языкознания, затруднительно, так как этимология, являясь наукой о происхождении слов и их значений, неизбежно обращена к тому предмету или явлению, для обозначения которого это слово существует. То есть она связана с внеязыковой действительностью. Отсюда следует, что важной задачей этимологии (и шире в целом семасиологии) нужно считать исследование того, каким образом в словах отражается внеязыковая действительность. Вся знаковая система как раз и служит для обозначения того, что находится за пределами языковой системы, и значение знака может быть раскрыто только вне этой системы. Исследователю необходимо помнить также и о том, что любой сдвиг в значениях слова, появление у слов новых значений, образование новых слов и т.д. не могут происходить независимо от уже существующих в языке семантических отношений. Другими словами, изучение внутриязыковых изменений нельзя проводить, не установив того, чем вызваны эти изменения, то есть без учёта внешних по отношению к языку факторов.

Во введении О. Сулейменов также отмечает и то, что для изучения глубинных пластов истории слова недостаточно метода фонетических соответствий, «инструментарий лингвистики нуждается в дополнении» [1, с.6]. Об этом еще в 1976 году в монографии Академии наук СССР «Принципы и методы семантических исследований» было отмечено: «В настоящее время требуется определенное переосмысление накопленных в истории языкознания фактов, пересмотр концепций относительно природы языковых знаков и поиски новых подходов к проблемам значения и смысла в языке, что в целом обнимается общим термином «семантика» [2, с.4].

Действительно, в последнее время активно обсуждаются проблемы, касающиеся сущности понятийной стороны языкового знака, соотношения идеальной и материальной сторон в знаке, характера отображения предметов и явлений окружающей действительности в языковых единицах и структурах и т.д. В этом отношении новым и убедительным в теории языкового знака является слово, сказанное О. Сулейменовым в книге «Код слова», являющейся по сути особым видом этимологического словаря, в котором словарная справка имеет вид научного рассуждения, пояснения, толкования, а иногда просто предположения, размышления автора по какому-либо языковому факту. Предлагаемый в словаре вариант трактовки языкового знака и его значения свидетельствует о величайшей и разносторонней эрудиции учёного, в котором всё же можно разглядеть писателя, мастера образного слова. По этой причине научная информация воспринимается читателем довольно легко, нужно только вчитаться и привыкнуть к авторским отсылкам, подсказкам, удивительным метафорам, сравнениям, хотя для полного понимания смысла необходимо иметь, конечно, определенные филологические знания:

углубить *лестницу истории* на несколько *ступеней тысячелетий*
(единый словесный знак); месяц только на экваторе плывет *по*

черному морю африканского неба «лодочкой»; на севере Африки «лодочка» приподнята штормовой волной, а в Европе и вовсе вздыблена; юный месяц на экваторе воспринимался как улыбка бога, на севере – это уже кривая улыбка [1, с.10].

Всё это - объяснение знака Луны – полукруга, напоминающего золотые рога африканского буйвола, и его изменения в зависимости от географического положения (экватор, север Африки).

Достаточно подробно и убедительно автор излагает историю первоначальных знаков и первых слов, возникших на востоке экваториальной Африки, где, по мнению учёных, появились Номо Sapiens, первой верой которых было *лунопоклонничество* и которые на начальном этапе развития языка – *звукоподражательном* – создали первые слова и знаки-названия. Этот период О.Сулейменов определяет новым термином *знакоподражательный*, созданный по одной словообразовательной модели со *звукоподражательный*. Он продлился до эпохи появления письменности (II тыс. до н.э. – появление финикийского письма). Затем на смену лунопоклонничеству приходит *солнцепоклонничество*, приведшее к образованию новых символических знаков и новых слов. Так, шаг за шагом, по мнению автора, человечество двигалось по пути познания окружающего мира и отражения его в специальных знаках, давших жизнь словам, затем графемам, оформлявшимся по складывающимся законам грамматики и т.д.

Нашей задачей не является доказательство или опровержение научных положений, научных гипотез происхождения слов и их значений, времени их появления и путей распространения на различных территориях и у разных народов. Важно, с каким профессиональным филологическим мастерством это делает автор книги. Конечно, есть отдельные факты, которые лингвисты рассматривают как спорные, не до конца научно доказанные, требующие доработки. Но и О.Сулейменов не считает свои изыскания окончательными и безусловно научными. Главное, есть огромное желание упорядочить процесс появления праязыка и даже сформулировать правила, на основе которых устанавливались и видоизменялись знаки-символы, создавались слова, формировались грамматические категории и значения, развивались значения слов. Интересно и то, что, создавая правила, автор сам пользуется ими. Например, на с.18 помещено Правило сложного знака:

Соединяя знаки, соединяй их название

Разве не является свидетельством этого образование сложных слов О.Сулейменовым? Только здесь соединяются такие знаки, как самостоятельные слова:

*лунопоклонничество, солнцепоклонничество, солнцепоклонник,
древнеевропейцы, первоероглиф*

Перечисленные слова образованы с помощью соединительных гласных. Но встречаются в работе и слова, представляющие собой слияние двух слов-знаков:

Ступени тысячелетия – одно слово со сложным значением «ступень шириной в одно тысячелетие», *властелинбеспредельщик* – также одно слово, в котором первая часть определяет выбор второго слова: раз властелин, значит может делать всё, без какого-либо предела.

Привлекает внимание читателя и устраняет сложность восприятия научной информации формулировка некоторых заголовков работы. Так, само название книги *«Код слова»* уже вызывает интерес. Читатель верит, что, прочитав произведение с таким названием, он получит некий ключ, шифр, который раскроет тайну слова, его глубочайший смысл. И это его привлекает. Заголовки типа *«Улыбка Бога», «Следы знака Вола», «Куда шёл Вол?», «Кульбиты и сальто Вола», «Ещё один африканец», «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в других», «Человек со стрелой», «Рыцарь и мама»* полностью ломают представление читателя о научной информации, снимают страх не понять научные сложности и позволяют воспринимать излагаемое как увлекательные рассказы, мифы, поверья об удивительной истории развития и совершенствования самого человека и его универсального средства общения – языка.

Автор ненавязчиво и очень тонко даёт читателю понять, что изобретение наименования для какого-либо предмета, явления действительности, формирование значений слова или грамматических категорий не что иное, как мыслительная деятельность человека. Он (по мнению О. Сулейменова, это был жрец) имел перед собой какой-то предмет номинации, который существовал материально или мыслился, и старался дать ему наименование, имея при этом немногочисленные средства номинации, находившиеся в его распоряжении в то время. Процесс этот можно упрощённо представить как действие, в котором участвуют три элемента: первый – именующий субъект (номинатор), второй – имеющийся языковой материал и третий – это именуемый объект. Естественно, что все три элемента тесно взаимосвязаны. При этом номинатор должен быть творческой личностью, чтобы отобрать самый важный признак именуемого предмета и произвольно выбрать языковое средство номинации в пределах тех средств, которые предоставляет ему язык.

Об этом О.Сулейменов пишет так: «Наиболее интенсивно процесс знакоподражательного словотворчества происходил в период функционирования образного письма (первоиероглифа). Многозначность схематичных образных знаков позволила жрецам за десятки тысячелетий развития Homo Sapiens из названий нескольких простых и двусложных знаков породить миллионы слов» [1, с.78].

Таким образом, в книге представлены интересные мысли, находки автора, его размышления о сложном процессе появления слов праязыка, о причинах различных семантических изменений, о взаимодействии самых разных факторов (внутриязыковых и внеязыковых), тесно взаимодействующих и влияющих как на образование слов, его значений и форм, так и на развитие языков в целом.

Литература:

1 Сулейменов О. Код слова. – Алматы, 2013. – 85с.

2 Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. – 378 с.

НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЭЗИИ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Мейрамгалиева Р.М.

КазНУ им.аль-Фараби

Казахстан, Алматы

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема литературоведения – новое осмысление поэзии известного мастера слова О. Сулейменова, подчеркивается мысль о том, что поэт, утверждая общечеловеческие ценности, объединяющие людей, задумывается над тем, какая доля в этой исторической работе принадлежит казахскому народу. Автор статьи опирается на высказывания современников и критиков о поэте, а также обобщаются высказывания критиков о том, что национальная история для О. Сулейменова – несколько вспышек яркого света в ночной степи. По мнению поэта, только история может дать ответ на многочисленные вопросы о судьбе казахского народа. В заключение статьи речь идет о том, что поэтическая свобода О. Сулейменова есть гражданская ответственность художника за свое слово, его стремление к правде, его боль и надежда.

Ключевые слова: поэт, мыслитель, общественный деятель, эволюция, история, будущее.

Олжас Сулейменов – поэт двух веков – XX и XXI с новыми мироощущениями. Данная черта поэзии более заметна по основным идейным признакам его стихов – идея интернационализма и братства в них согрета, просвечена чувством Родины. «Один из самых крупных русских советских поэтов, Леонид Николаевич Мартынов, с детства знакомый с казахской землей, её людьми, написал однажды проникновенные и обязывающие слова о своем молодом собрате: «Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа, исстари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями народа русского» [1, с.329].

Это действительно так, потому что в его творчестве Казахстан и Россия объединились как неотъемлемые просторы навсегда под одним небом поэзии. Поэт, говоря словами Мухамеджана Каратаева, «страстно любит свой Казахстан, но не унижается до приукрашивания, а открыто ненавидит всё, что плохо в Казахстане – остатки бескультурья, патриархальщины, мракобесия, исламизма, остатки той поры, когда цари в Казахстан ссылали неугодных им революционеров» [2, с.46].

Почти все написанное Олжасом Сулейменовым адресуется читателям, обладающим определенной литературной подготовкой. Всегда и сегодня творчество поэта переживает сложный период: начало её обозначилось в 1968 году с выходом в свет сборника «Год обезьяны» и продолжается в данное время в контексте современной литературы и культуры. Сейчас согласуется с основными положениями Хартии ЮНЕСКО о сохранении мирового культурного наследия в электронной форме, по словам Э.Т. Какильбаевой – исполнительного директора НИЛЦ О. Сулейменова.

С.Н.Сергеев-Ценский писал: «Русское слово. Как радостно бывает на душе, когда в книгах находишь у наших писателей замашистое, кипящее и животрепещущее русское слово. И поэтому, когда молодые люди спрашивают меня, как стать писателем, я отвечаю:

- Идите в жизнь, слушайте народную речь и постарайтесь запечатлеть её в своих книгах! Если вам удастся это сделать, то вы станете художниками, проникающими в душу народную. А это единственное, ради чего стоит посвятить свою жизнь литературному труду» [3, с.247]. Эти строки, уверенно касаются жизни и творчества русскоязычного поэта Казахстана – О. Сулейменова.

Следует подчеркнуть, что «в 1963 году у поэта было всего три книги стихов («Аргмаки», «Солнечные ночи», «Ночь-парижанка») и, сделавшая его известным всесоюзному читателю поэма «Земля, поклонись Человеку!», Николай Тихонов на обсуждении творчества участников IV Всесоюзного совещания молодых литераторов, сказал об одной из книг Олжаса памятные слова: «Не только я, но и все участники обсуждения были радостно поражены темпераментом, силой образности, широтой чувств, большим захватом темы.

Если иным молодым поэтам, действительно, не хватает масштаба, то в этой книге раздвинуты границы, и перед нами проходят поэтические картины, видения далекой азиатской древности, выхваченные как бы из легенды веков и картины самой острой современности, включая парижские улицы и просторы далекой заокеанской Алабамы, и всё это в самом энергичном развитии действия, ошеломляя контрастами, драматическими сценами, избытком темперамента, горячего чувства, сменой гнева и нежности, седого эпоса и романтической лирики» - вспоминает В. Владимиров [4, с. 224].

Поэтический рассказ о былом и сегодняшнем, укрепляя голос и дух поэта, дает своеобразный сплав новых ощущений. Из пламени такого поэтического костра рождается характер нового человека, нашего современника, дышащего всей мощью нашего индустриального, богатого чудесами атомного века.

Речь шла о новой книге поэта – «Доброе время восхода». Она была восторженно принята читателями и принесла автору непоколебимую репутацию поэта-публициста, дышащего ритмом времени, спешащего разделить свои мысли и чувства с читателями. Новый поворот в творчестве поэта знаменовал собой углубленное понимание социальной роли поэта, повышенный интерес к тому, мимо чего поэт прежде проходил, не фиксируя своего внимания» [4, с.224].

«О. Сулейменов убедительно писал «об объединяющей силе человеческой мысли, общих для всех народов исторических закономерностей («и в конце человек человечество создал»), вместе с тем настойчивее обращается к жизни своего народа, к его прошлому и настоящему, духовному и психологическому облику. Поэт, утверждая общечеловеческие ценности, объединяющие людей, задумывается над тем, какая доля в этой исторической работе принадлежит казахскому народу.

Степь тянула к себе

Так, что ноги под тяжестью гнулись, -

ожесточенно замечает О. Сулейменов в одном из самых драматических произведений о прошлом – поэме «Чем сердце порадовать?». Степь до сих пор неотступно притягивает его мысль, внимание, совесть. Отношения поэта со степью, с историей далеко не всегда примирительно гармоничны. В них больше горечи, злой иронии, протеста против жестоких исторических несправедливостей, коверкавших судьбу народа, - считает критик Н. Ровенский [5, с.250].

Критик Евгений Сидоров точно подметил, что О. Сулейменов мечтал породнить Азию и Запад, «возвысить степь, не унижая горы, заставить заговорить погибшие первые книги, по которым потом затоскует спаленный Восток. Он всматривается в прошлое «жадными раскосыми очами» и ищет в нем человечности и любви, скрепляющие археологические черепки в сосуд жизни и культуры. И одновременно он внимателен и чуток к сегодняшним нашим дням, к событиям текущей мировой истории. В его стихах живут публицистика, политика, активный социальный пафос [6, с.329]. На примере большой поэмы с названием «Глиняная книга» можно увидеть самое сильное выражение его таланта и прозрение человека, который, не ведая величие собственного духа, понимает смену в душе, но которое мыслимо и передается до сих пор самим поэтом.

С появлением «Глиняной книги» завершилась романтико-юношеская пора в поэзии О. Сулейменова и наступила пора его творческой зрелости. «Глиняная книга» - это поэма не только человеческого прозрения, но и поэма единства и ответственности людей, в которой на кровавом фоне истребительских битв и национальных порабощений зримо проступает мечта об интернационализме и братстве. «Глиняная книга», по словам Владислава Владимирова, «интересный творческий эксперимент автора, на который тот имеет бесспорное, никем не стесненное право. И этот эксперимент, что особенно важно, находится в неотрывной, органической связи со всем предыдущим творчеством поэта. Это большая, кропотливая работа, во-первых, чисто поэтическая, во-вторых, чисто научная». [4, с.241].

Вышеназванные критики не случайно одновременно отмечают, что национальная история для О. Сулейменова – несколько всплеск яркого света в ночной степи. По мнению поэта, только история может дать ответ на многочисленные вопросы о судьбе казахского народа. «Степь, проклятая, но моя... Она постоянно живет с ним, он слышит её «кровью, сердцем и глазами», степь рисуется «огромной и пустынной ветреной свободой». В поэме «Глиняная книга» поэт образ водителя «большого самосвала» «готов оправдать и оправдывает героя перед тем временем, для которого

строчи, поэт, любым калибром,
сади слова любой обоймой,
стих может быть и не верлибром,
поэзия была б свободной.

Эта поэтическая свобода есть гражданская ответственность художника за свое слово, его стремление к правде, его боль и надежда. На том стоит О. Сулейменов, - считает Е. Сидоров [6, с.331].

Таким образом, на карте своего творчества поэт проложил ещё один интересный маршрут, где как более осведомленный ученый стремился вывести нас, своих читателей, к исчезнувшим горизонтам далекого прошлого, и задав читательской мысли напряженную работу, сам пристально вглядывался в созданную им же, этим прошлым, галерею современных нам живых «окаменелостей» вроде поэта-конформиста Жаппаса, «классика» Амана, лжеученого Ишпакая, его «оппонента» аспиранта Ант-ургана Сумдук-улы и др.

Литература:

- 1 Мартынов Л. Вместо предисловия // Сулейменов О. Определение берега. Избранное. Стихи и поэмы – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С.3-10.
- 2 Каратаев М. Мировоззрение и мастерство. – Алма-Ата: Жазушы, 1965.
- 3 Сергеев-Ценский С.Н. Трудитесь много и радостно - Москва: Молодая гвардия, 1975.
- 4 Владимиров. На стремление. Литературно-критические статьи и эссе. - Алма-Ата: Жазушы, 1972.
- 5 Ровенский Н.С. Совпадение. Литературные портреты, статьи, рецензии. - Алма-Ата: Жазушы, 1986.
- 6 Сидоров Е. В поисках истины. Статьи и диалоги о литературе. - Алма-Ата: Жазушы, 1983.
- 7 Сулейменов О. Красная полынь. Киноповесть о Махамбете Утемисове. – Алматы: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2012.

«КАКТУС» ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА: ИСТОРИЯ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОЭМЫ

***Какишева Н.Т.**
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье речь идет о поэме известного поэта О. Сулейменова "Кактус", ее изданиях разных лет и о мнении критиков об этом произведении. По мнению автора статьи, поэма «Кактус» является модификацией традиционного фольклорного жанра. Суть трансформации в данном случае состоит в том, что присущие поэме жанровые черты айтыса сочетаются в ней с параллельно и самостоятельно развивающейся сюжетной линией любовного соперничества.

Ключевые слова: издание, сюжет, мнение критиков, айтыс, любовное соперничество.

Поэма Олжаса Сулейменова "Кактус", первое издание которой увидело свет в 1969 году, неоднократно переиздавалась в составе различных сборников автора. Практически во все редакции «Кактуса» автор вносил изменения разной степени радикальности, так что, рассматривая поэму, мы имеем дело с совокупностью нескольких ее вариантов. Разночтения в этих редакциях порой слишком серьезны для того, чтобы при анализе «Кактуса» можно было их проигнорировать.

В 1973 году О.Сулейменов вносит в нее не очень большие по объему, но весьма важные в концептуальном плане изменения. Дальнейшие после 1973 года изменения, как правило, уже не столь существенны. Таким образом, основное внимание мы должны сосредоточить на рассмотрении двух основных редакций поэмы – 1969 и 1973гг. В издании 1973 года поэма завершается совершенно новой главой – «Боб и Лючия. Американская трагедия». Таковы достаточно серьезные разночтения между текстом поэмы в первой и второй редакции.

Окончательная редакция «Кактуса» сложилась далеко не сразу, работа над поэмой продолжалась долгие годы. Кроме того, как уже отмечалось, наибольшие разночтения имеются между первыми двумя редакциями, все же последующие изменения (кроме возвращения первоначального названия начиная с третьей редакции) являются в меньшей степени значительными изменениями второй редакции.

Основной конфликт «Кактуса» состоит в противостоянии двух героев поэмы – поэтов Амана, от лица которого идет повествование (подзаголовок поэмы – «Размышления классика Амана на тему «Быть и казаться»), и Жаппаса. Последний занимает пост главного редактора литературного журнала, Аман развенчивает его как бездарного халтурщика и плагиатора.

У большинства критиков такой взгляд на конфликт поэмы не вызывал возражений. Однако критик Л. Миль в статье « В поисках «знака явлений» предлагает совершенно иной взгляд на персонажей поэмы, на ее конфликт, его мнение о главном герое «Кактуса» буквально следующее: «Аман, такая нервическая благородная натура («единственная подлая черта в человеке (в таком, как я) - он не может защитить себя»), оказывается, пошляк и беспардонный хам, идущий по жизни с широко расставленными локтями» <...> « житейская мораль Амана, как и его рассуждения о поэзии, необходимой времени и людям, тоже стоят недорого» [1, 31].

Убежденным противником точки зрения Л. Милиа выступал казахстанский критик и литературовед Мухамеджан Каратаев. В своей статье «Диалектика поэтических дерзаний» он определяет «Кактус» как «энергичнейший диалог между Аманом (настоящим талантливым поэтом) и Жаппасом (бесталанным, но преуспевающим приспособленцем)» [2, 365]. Интересна статья, впрочем, не самим этим выводом, который, по сути, ничего не добавляет к известному из самой поэмы, а полемикой с Л. Милем. М. Каратаев пишет: «Поэта Амана, чья жизнь «ярче, чем алмаз, и дорога своей алмазной хрупкостью», поэта, «кто понимает стыд» и чей «стих, как штык», критик зачислил в число пошляков и хамов. Право же, читателю предоставляется право сделать вывод, что критик Л. Миль задался целью унижить поэта Амана и тем самым всячески обелить жирного приспособленца Жаппаса. Ну что же, еще Герцен заметил, что язык без костей и печатный станок тоже» [2, 367]. Столь противоположные выводы обескураживают: можно подумать, что речь идет о двух совершенно разных текстах.

Н. Ровенский в статье «О поэзии Олжаса Сулейменова» (1971), уделяет поэме «Кактус» большее внимание и предлагает ряд толкований ее образной системы. В частности, говоря о кактусе, считает, что автор «развенчивает этого жителя южноамериканских пустынь, он снимает с него традиционный ореол выносливости и мужественного терпения. На самом деле долговечность его – от «бездуховности», хорошо отлаженного механизма приспособления <...> О. Сулейменов создал сатирический образ поэта Жаппаса, позабывшего, «что значит Долг, все превратившего в рубли – и только», ловкого и безжалостного конформиста, решившего для себя все вопросы на много лет вперед. Это – кактус. Женщина, уверенная в прочности своей семьи на том основании, что муж заплатил за нее большой калым («три тыщи новыми»), – это тоже кактус, дитя духовной пустыни...» [3, 280] – и так далее. Критик, однако, ни разу в статье не упоминает Амана, и создается впечатление, что для него этот образ не кажется спорным.

Л. Аннинский назвал Амана лирическим героем поэмы. Это положение перекликается с тем, что было высказано Дм. Молдавским в статье «Степь, стихи и время», опубликованной еще в 1966 г., то есть до появления «Кактуса»: «В стихах Сулейменова есть герой – это молодой человек, его сверстник, он повышенно чувствителен к справедливости и несправедливости. Он знает, что справедливость должна восторжествовать. Малейшее промедление – в этом он сходится со многими другими поэтами – нетерпимо. Любое отступление от этических норм кажется ему, чуть ли не катастрофой» [4, 179]. Сказанное Дм. Молдавским действительно напоминает декларации Амана, но, на наш взгляд, одного этого еще совершенно недостаточно, чтобы назвать его лирическим героем.

Л. Миль, доказывая свою точку зрения, приводит достаточно аргументов в пользу того, что Аман никак не может считаться однозначно положительным героем. Так, «... в своих теоретических опытах Аман преимущественно шутит», причем «за каждой его шуткой явственно проглядывает желание шутить, а это уже сильно обесценивает юмор» [1, 30]. Что же касается собственно стихов Амана, то Л. Миль, цитируя их, замечает: «...здесь смущает не столько набор газетных штампов, сколько повод для декларации» [1, 30]. (Аман, напомним, пишет стихи о строителях, известных лишь тем, что они спьяну помочились на угол дачи Жаппаса). Далее критик приводит стихи Амана, посвященные его возлюбленной, и характеризует их следующим образом: «...примечательны слова, которые он бросает ей пусть даже в запальчивости, – да нет, в какой запальчивости! – это скорее и сытая ругань» [1, 31].

В сущности, все критики прямо соотносят Амана с автором. Разница между критиками состоит в том, что Л. Миль, в отличие от других, не видит в Амане положительного героя и ставит это в вину автору. Мы также совершенно не согласны с этим выводом, хотя послышки Л. Милиа, которые привели его к такому мнению, кажутся нам справедливыми.

Полагается, что столь резкие отзывы с обеих сторон отчасти продиктованы внелитературными причинами. М. Каратаев – давний и искренний поклонник поэзии Олжаса Сулейменова, автор доброго десятка статей о его творчестве. Что же касается статьи Л. Милиа, то ее тон, при всей его корректности, трудно назвать доброжелательным по отношению к Олжасу Сулейменову.

Мы не согласны в первую очередь с тем, что Аман «недостаточно карикатурен». Напротив, на наш взгляд, Аман карикатурен более чем достаточно, карикатурен в гораздо большей степени, чем это заметил Л. Миль. И это естественным образом опровергает вывод о «блаженном неведении» Олжаса Сулейменова относительно своего героя. Если, следуя логике Л. Милиа, уличать Амана в

разнообразных неприглядных высказываниях и вольных или невольных признаниях, то к обвинениям в его адрес можно добавить еще очень многое.

Поэма имеет подзаголовок – «Упражнения классика Амана на философскую тему: «быть и казаться». В «Шумер-наме» Олжас Сулейменов вспоминает случай из своей молодости, когда один из посетителей газетной редакции, дилетант-стихотворец, принял его за сотрудника газеты: «Классиком я себя уже тогда не полагал, и потому вступил в разговор, причем смущались мы с ним наперегонки» [5, 191]. Речь идет о самом раннем периоде творчества поэта, тогда еще студента-геолога. Будем иметь в виду, что «Шумер-наме» написана от лица самого Олжаса Сулейменова. Итак, еще не будучи профессиональным литератором, «классиком» Олжас Сулейменов «себя уже тогда не полагал», очевидно, считая это не самым серьезным и почтенным занятием. Аман, однако, безапелляционно назван «классиком». Если это ирония, то ее объект – именно Аман, а вовсе не Жаппас.

В самых же первых словах поэмы Аман с очевидной гордостью рассказывает о своем знатном социальном происхождении («Я по паспорту Аман-хан. Хан – это титул...») и противопоставляет себя «безродному Жаппасу». Аман еще ни слова не сказал о том, что он – талантливый поэт, а Жаппас – бездарный приспособленец. Речь об этом пойдет ниже, но с первых же строк Аман декларирует свое сословное превосходство, и сразу же после указания на безродность Жаппаса следует фраза Амана: «Пусть всегда чувствует дистанцию между нами» [6, 30]. Своеобразна и портретная характеристика врагов. Со слов Амана нам известно, что Жаппас очень толст, а сам Аман «неправдоподобно стройный». Обратим здесь внимание на это определение: «неправдоподобно стройный». Но в контексте поэмы и Жаппас толст вполне неправдоподобно. Олжас Сулейменов использует средства кинематографии:

«Я увидел покадрово:

Крупный план: его жирное лицо.

Отъезд до среднего: брюхо.

Общий: все еще – БРЮХО.

С противного холма с копьём наперевес идет на сближение Брюхо» [6, 39]. И далее: «Где он наел такое брюхо? В хлебном магазине его пропускают без очереди, как беременного. Читатели, заметив Жаппаса, говорят задумчиво: «В нем что-то есть...» [6, 43].

Таким образом, Аман не только настойчиво повторяет слова о жирности Жаппаса, но и развивает аналогию «брюхо – брюхатый, беременный». Гротеск совершенно очевидный, совершенно, опять же, неправдоподобный, ибо, конечно же, никто никогда не принимает мужчину-толстяка за беременного, и не пропускает его без очереди. Этот гротеск есть острота рассерженного Амана скорее площадная насмешка, что плохо вяжется с образом остроумного поэта-интеллектуала, каким пытается предстать перед нами Аман. Здесь не случайная реплика, так как тема «толщина – брюхо – беременность» косвенно развивается и дальше, актуализируясь репликой Амана в споре: « – Так было или не было, рожай, Жаппас! – я уже откровенно издевался» [6, 42]. Это совершенно точное определение: очевидно, что Аман не спорит со своим оппонентом Жаппасом, не обличает его, а именно издевается над ним.

Б. Канапьянов утверждает, что «элементы жырау и толгау, характерный для многих акынов так называемый «степной рефрен», мгновенная импровизация не в угоду поэтической версификации, а рожденная самой поэтической мыслью, которая всегда живет в Сулейменовском Слове, что «бродит в степи», – все это, и многое, многое другое, всегда определяло поэтический дух Олжаса Сулейменова как сугубо национальное творчество, вышедшее из многовековой традиции, именуемой «поэзией степей». Однако все это было бы именно версификационным калькированием степного фольклора, если бы не личность самого поэта, его эрудиция, его естественное мастерство и умение воплощать в свою оригинальную форму неординарную поэтическую мысль, свой «миг сознания» [7, 18].

«Кактус» не является айтысом в его неизменном традиционном виде, речь здесь идет лишь об использовании отдельных элементов жанра в ходе его развития. Точно так же происходит и в поэме «Земля, поклонись человеку», которая, по мнению исследователей, является не простым копированием, а развитием традиций казахской народной поэзии. Между тем тот факт, что эти произведения написаны О. Сулейменовым в 1960-е годы, сам по себе вовсе не говорит, что традиция развивается тем самым автоматически. Есть принципиальная разница между достаточно патетичной поэмой «Земля, поклонись человеку» и насквозь ироничным «Кактусом». Ирония эта, вероятнее всего, и помешала критикам увидеть в поэме ее серьезную фольклорную составляющую. Образ современного поэта-интеллектуала Амана, чье мышление парадоксально и иронично, чьи высказывания иногда позволяют отождествлять его с лирическим героем О. Сулейменова, как

поступили писавшие о «Кактусе», никак не вяжется с его же бранью и грубыми насмешками над противником.

В поэме «Кактус» параллельно развиваются две, хотя и взаимосвязанные, но совершенно самостоятельные темы – состязание (айтыс) двух поэтов и их же любовное соперничество. Первая из них облечена в традиционную форму, характерную для соответствующего фольклорного жанра. Вторая раскрывается исподволь, так как повествующий о ней персонаж поэмы, Аман, по тем или иным причинам не хочет распространяться на эту тему. Тем не менее, она постоянно присутствует в поэме, определяет практически все слова и поступки Амана. Она объясняет и его крайнюю нетерпимость к своему сопернику, несмотря на то, что Аман пытается представить дело так, что его неприязнь к Жаппасу является идейным конфликтом между талантливым поэтом и бездарным редактором.

Кульминацией поэмы является глава «Поединок», в которой каждая из развивающихся тем обретает соответствующую ей форму. Литературный конфликт получает форму айтыса, а любовный – куртуазного поединка. Однако обе формы здесь сливаются в едином действе. Заметим, что это единое действо является воображаемым: Аман мыслит его использованием изобразительных средств кино, а именно крупного, среднего и общего планов. Виртуальность такого действа легко позволяет рассказчику смешивать в нем черты, характерные как для состязания певцов, так и для поединка воинов.

Важной особенностью «Кактуса» является то, что, несмотря на свою важность для оценки концептуального уровня поэмы, тематика любовного соперничества здесь раскрывается путем очень немногочисленных высказываний персонажа, оставаясь почти на уровне подтекста. Не слишком внимательным читателем эта тема вообще может не приниматься в расчет. Поэма совершенно непротиворечиво может быть прочтена и как история чисто литературного конфликта. Именно так она и прочитывалась во всех известных нам случаях.

Итак, поэма «Кактус» является модификацией традиционного фольклорного жанра. Суть модифицирования в данном случае состоит в том, что присущие поэме жанровые черты айтыса сочетаются в ней с параллельно и самостоятельно развивающейся сюжетной линией любовного соперничества. Однако благодаря параболическому способу толкования сюжета повествователем (в данном случае – лирическим персонажем) на протяжении всего произведения оба плана остаются равноправными и изоморфными.

Литература:

1. Миль Л. В поисках «знака явлений» // Вопросы литературы. – 1970. – № 9. – С. 23-41.
2. Каратаев М. Диалектика поэтических дерзаний. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 468 с.
3. Ровенский Н. Олжас Сулейменов // Простор. – 1978 – № 7. – С. 7-12.
4. Молдавский Д. Степь, стихи и время // Звезда. – 1966. – № 3. – С. 15-22.
5. Сулейменов О. Повторяя в полдень: Стихи разных лет. – Алма-Ата: Жазушы, 1973 – 288 с.
6. Сулейменов О. Определенные берега. Избранные стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 456 с.
7. Канапьянов Б. Быть далеко услышанным... // Простор. – 2006. – № 5. – С. 18-19.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ ПОЭЗИЯСЫНДАҒЫ БАЛЛАДАЛАР

Рамазанова Ж.С.
Ақылбайқызы А.
Е.А.Бөкетов ат.ҚарМУ
Қазақстан, Қарағанды

Аннотация. Статья посвящена жанру баллады. Один из общественных деятелей, поэт и историк Олжас Сулейменов не раз обращался к этому сложному жанру. Авторами статьи проанализированы баллады О.Сулейменова в переводах казахского поэта К.Мырзалиева.

Ключевые слова: баллада, мифология, жанр, монолог.

Қазақ әдебиетінде ХІХ ғасырда белгілі бір нышандары бой көрсетіп, сонымен қатар қазақ өлеңінің тарихында өзіндік балладаға ұқсас, соған үндесетін сипаттары байқалып қазіргі кезде қазақ әдебиетінің де бір айтулы жанры болып қалыптасқан балладаның пайда болуы, қалыптасуы негізінен батыс елдері әдебиетінен бастау алады. Энциклопедиялық анықтамаларда «Лириканың бір түрі, шағын сюжетті өлең» [1, 64-б.] деген түсіндірме берілген. Баллада сөзінің өзі латын, француз, неміс, итальян тілдерінде «би билеу», «би әні», «би әуені» деген мағынаны білдіретіндіктен, батыс елдеріндегі өнер мен әдебиет саласында әуелгіде түрлі поэтикалық, музыкалық жанрдың атауына айналып кеткен. Орта ғасырларда пайда болған бұл жанрдың алғашқы кезеңдегі белгісі аңыз-әңгімелерге, тарихи шындық оқиғаларға, қиял-ғажайып оқиғаларға, ерлік пен қаһармандық

әрекеттерге арналатындығы. Мазмұны солайша тарихи құбылыстар мен оқиғаларға ден қойса, автордың ішкі сыршылдығы, көңіл-күйі, сол мазмұнға көзқарасы, әсері басым көрініс беріп отырған. Теориялық еңбектерде «лирикалық сюжетті өлең», «лиро-эпикалық шағын шығарма», «шағын лирикалық өлеңге негізделіп жазылған би әуені» т.б. деген сынды сипаттамалардың жазылуы да сондықтан болу керек. Еуропа әдебиетінде ерте дәуірлерде жиі кездесетін сюжетті әндерді де баллада деп атаған. Музыка саласында баллада жанрына арналып жазылған туындылар көп, ол әдебиет тақырыбына жатпайтындықтан атап қана өткенді жөн санаймыз.

Зерттеушілер баллада жанрының орыс поэзиясында XVIII-XIX ғасырларда бастау алғандығын жазады [2, 124-б]. Қазақ ғалымдары баллада жанрының қазақ әдебиетінде XIX ғасырдан-ақ көрініс бергендігін дәлелдейді. Балладаның етене кірігіп дамып кеткендігінен, күні бүгін де төл әдебиетіміздің небір тамаша туындылары сол түрде жазылып жүргеніне қарағанда, оның белгі-нышандары қазақ көркем сөз өнерінде бағзыдан бар болған деген тұжырым түйе болар еді. Өйткені теориялық тұжырымдарға сүйенсек, Батыс Еуропа әдебиетінде де, әлем әдебиетінің өзге салаларында да балладаның, ең алдымен, халықтық тарихи оқиғалармен, халық әдебиетінің өзегімен тікелей сабақтастығы айтылады. Демек, қазақ әдебиетінің баллада жанрының өзіндік жаратылысын ежелгі әдебиет өрнектерінен іздеу шарт. Баллада атауының термин ретінде қабылдануы заман ағымынан туындаған әрі жанрдың дамып, түрлене келе қалыптасып өзгеше бітімге ие бола бастағандығынан деп ойлаймыз.

Баллада – көркемдік дәстүрі бай, поэзияның ерекше үлгідегі жанры. Мұндай бітімі ширақ, ішкі әуезділігі анық, сыршыл да сюжетті өлең көркем сөз өнеріндегі үлкен мәдениетті әрі ақындық шеберлікті білдіреді. Поэтикалық бітімінің күрделілігінен де болу керек, баллада тым аз жазылады. Қай әдебиеттің тарихында да бұл жанрдың сирек жазылып, ерекше бағалы саналатыны байқалады. Жанрдың қалыптасу, дамып өрістеу тарихы әр кезеңдегі әр елдегі әдебиет шығармаларында өзінше толысып, түлеп, түрленіп отырғандығын байқатады. Мысалы, орыс әдебиетінің тарихында В.Жуковский ең алдымен балладаларымен танылып, балладаларымен атағы шықты. «О Жуковском заговорили в 1808 г., когда в «Вестнике Европы» была опубликована его баллада «Людмила». Все в ней было ново, неожиданно и одновременно знакомо» [3, 168-б.]. Бұл балладаның өзі аударма еді. Соның өзінде ақынның орыс рухын, орыс поэзиясының табиғатын сақтай отырып жазғандығын әдебиетшілер аса жоғары сезініп, бағалаған. Біртіндеп басқа да балладалары жарық көргенде, әдебиетті жаңа түрмен байытқаны, сонымен бірге ақындық талантының барынша жарқырап ашылғандығы сөз бола бастады. «Слава поэта упрочилась, когда в 1813 г. увидела свет его оригинальная баллада «Светлана» (1808-1812), где была опозтизирована жизнь русского народа» [3, 169-б.]. Орыс әдебиетінің бұдан былайғы тарихынан поэзиялық шығарманың осы үлгісі туралы мысалдар мен дәлелдерді көптеп келтіруге әбден болады. Өзге тілдегі әдебиеттің жанрлық түзілімінің екінші бір елдің әдебиетінде етене жарасты жалғасын табуын осыдан да көруге болады.

Баллада ұғымы орта ғасырларда Еуропа мәдениетінде қолданылып, қалыптасса да, біртіндеп Еуразия, Шығыс елдері әдебиетінде оның алуан түрі өрбіп дамыды. Би әні, қысқа сюжетті лирикалық поэзия шығармасы деген мағынаны ұстанған әуел бастағы анықтама өзекті негізіне айналса да, әлденеше түрленіп толықты.

Қазіргі кезде қазақ өлең өнерінің саласы мен сарыны жан-жақты толысып, жанры мен тақырыбы, түрі мен тегі, ырғағы мен интонациясы жетілген. Баллада жанрының табиғаты ақыннан үлкен шығармашылықты талап етеді. Шап-шағын көлемнің ішіне сюжет енгізу, оны драмалау екінің бірінің қолынан келе бермейді. Сондықтан да болар, көп ақын балладамен «басын ауыртқысы» келмейді.

Орыс халқының поэзиясында А.Вознесенский, Р.Рождественский, Е.Евтушенколармен бірге дәуір тынысын толғап, жырлары үндесіп жататын қазақ ақындарының бірі – Олжас Сүлейменов. Ол – ұлтымыздың кең байтақ жерін, дала қазағының мінезін орысша жырлап өзге елге танытқан, жан-жақты талантты ақын, ірі ғалым.

О.Сүлейменовтің өлеңдерін қазақша сөйлеткен ұлт ақынымыз – Қ.Мырзалиев. Аударма арқылы әлемдік дәстүрде жазылған көптеген шығармаларымен таныстық. Жалпылай алғанда, Олжас ақын өлеңдерінің көбісі сюжетке негізделген. Бірақ сюжетті өлеңдердің бәрі бірдей баллада емес екені бізге мәлім. Сонымен қатар ақынның жанрды шебер танытқан шабытты шығармалары да бар: “Көне заман туралы күпті ойлар”, “Ақын Сметтің ақырғы сөзі”, “Қасқырдың күшіктері”, “Қарғыбаулы, Шынжырлаулы төбеттің...”, “Қазақ үшін қашанда қыр қазына”, “Енисей жағасында паром күтіп отыр” т.б.

Қазақ өзін көкбөріден тарағанбыз, ол біздің “тотем” деп жатады. Ғалым А.Егеубаев “Құлабыз” атты еңбегінде түркі әулетінің шығу тегі көкбөрі мифінен тараған дей келе: “Көкбөрінің киесін қазақ әлі күнге дейін арқаланады, көкбөрінің киесінен әлі күнге дейін сескеніп жүреді. Ерекше құдірет тұтады. Сол нанымның өзі сөзге ғажайып киелілік қасиет дарытқан. Сондықтан түркі баласы көкбөрі

аты аталған шығармаларға ерекше қарайды. Көкбөрі туралы сөз қазақ баласының жан-жүйесін шымырлатады. Өйткені, онда тарих қойнауларынан ғасырлар бойы қордаланған рухани күш бар” [4, с.35], – деген пікірін еске ала кеткенді жөн көріп отырмыз. Өйткені О.Сүлейменов осынау бөрі бейнесін он шақты шығармасында келісті келтірген. Баллада желісімен жазылған “Қасқырдың күшіктері” ойымыздың дәлелі іспеттес. Сюжетте: Жолда қансырап жатқан қасқырды көреміз.

Дұрыс айтсақ,

Арланы емес,

Қаншығын... [5, 8-б.].

(Түпнұсқада: Точней волчицу,

а вернее – мать) [6, с.77].

“Кім кінәлі? Айуандар ма? Аңшы ма? Кім жығыпты оны сойыл-қамшыға” (түпнұсқада:

Кем?

Волком иль охотничими псами?) [6, с.77], – деген риторикалық сұрақтар баллада бойына драмалық леп береді: “Жарақаттың аузын жалап күшіктер, Шешесінің жылы қанын жатты еміп”. (Түпнұсқада:

Голодные волчата позабыли,

как властно пахнет в зарослях укроп,

они, прижавшись к ранам,

жадно пили

густую, холодеющую кровь).

Ой әлемі аса ауқымды ақын оқушысының көз алдына осындай көрініс ұсынады. Автор шығармасын көркем сөздің құдіреті арқылы асқақтатады:

Қанмен бірге күшіктердің бойына

Сіңе берді ашу-ыза,

Кек деген.

(түпнұсқада: И вместе с ней вливалась жажда мести).

Не деген тапқырлық! Хайуан екеш хайуанға адамша әрекет жасатып, оның өн бойына “мінез” бітіру үлкен шеберлікті қажет етеді. Осыған орай ғалым А.Егеубаевтың “Антикалық дүние табиғатымен ұштасатын жаратылысы дара түркі мифологиясы және оның кейінгі ұлттық әдебиеттердегі түрленуі ұлттық көркемдік танымымыздың да бітімін таныта түседі” [7, 35-б], – деген бағалы түйіні О.Сүлейменовтің аталған шығармасына тікелей қатысы бар екені сөзсіз, сонымен қатар жұмысымыздың ұлттық ерекшеліктерін анықтауда тигізер әсері мол ой-пікір. Баллада мынадай жолдармен өз шешімін табады:

әлгі кісі кезіп жүрген қиянды

Қас жауы екен қасқырлардың зиянды.

Бірақ та ол

Анасынан айрылған

Жетімдерді

Өлтіруге ұялды.

(Түпнұсқада: И человек пошел своей дорогой.

Куда? Зачем?

Нам это не узнать.

Он был волчатник, но волчат не тронул:

Волчат уже не защищала мать.

36-ақ жолдан тұратын (түпнұсқада 28 жол) шығарма бойында лирикалық, эпикалық элементтер табылады. Баллада бірнеше риторикалық сұрақтармен басталады. Бұл – сирек қолданылатын тәсіл. Кейіпкері адам емес, айуан болса дағы ақын ұсынған көрініс оқырман бойын шымырлатып, санасына сансыз ой салады.

Келесі келісті балладасы О.Сүлейменовтің жанрға жаңалық енгізгенін аңғартады. “Ақын Сметтің ақырғы сөзі” баллада бойына ақын поэзия мен прозаны үйлесімді қылып, шебер өре білген. Ақындық ремарка шығарманың басында және аяқ жағында қара сөзбен берілген. Бұл – жанрға енген соны құбылыс. Балладада: Екі ақын жас аруға бірдей ғашық болады. Сұлу қызды Смет ақын әзербайдан алып қашып бара жатқанда, қуғыншылар орта жолдан ұстап алады. Енді Смет ақынның тағдыры әзербайдың қолында еді. Сметтің толғау-монологінен оның: Жоқшылықтан көрген қорлығын, сүйгеніне қосылғысы келетінін, ақындық алғырлығын танимыз. Монолог біртіндеп барып екі ақынның диалогіне ауысады. Проза, монолог, диалог – үш жанрдың синтезінен құралған шығарма. Бұл – ақынның жанрға енгізген соны құбылысы. Прозаны, диалогті ұтымды пайдаланып, балладашы-ақын үлкен оқиғаны кішкентай шығарманың бойына сыйдырта білген, сол арқылы да баллада конфликтісі жаңаша дем-тыныс алып отыр. Үлкен қызығушылықпен балладаны оқып отырған қауым

Смет акынның ажалы келді-ау деп ойлайды (Шығарманың аталуы да ойыңды соған қарай ыңғайлайды). Бірақ Әзербай акын бәрін басқаша шешеді: “Азамат Сметтің масқаралағаны рас мені. Бірақ акын Смет мені өмір бойы мадақтап өтетін болады. Менде не көп, әйел көп. Ал халықта Смет біреу-ақ” [5, 213-б.] (түпнұсқада: Мужчина Смет опозорил меня. Но поэт Смет продолжает славу поэта Азербая) [6, с.130], – деп аяқ астынан осындай шешімге келеді. Баллада оқиғасы драмаланған. Көз алдыңнан ғажайып көрініс өтеді.

Әдебиет зерттеуші бірқатар ғалымымыз Олжас Сүлейменовті шығармаларын орысша жазатындықтан, оны қазақ жазушысы деп есептемейтін сияқты. Алайда акынның осыған қатысты мына бір пікіріне құлақ асқан жөн секілді: «Я пишу на русском, но я казахский писатель, об этом говорят и содержание, и большинство стиливых признаков моих писаний» [7, 8-б.]. Акынның тілі орысша болғанымен, балладалар мазмұны ұлттық сипатта, ұлттық танымда көрініс тапқандығына көз жеткіздік.

Әдебиеттер:

1. Қазақ совет энциклопедиясы, 2-т. – Алматы: ҚСЭ, 1973. – 640 б.
2. Қазақстан Ұлттық энциклопедиясы. – Алматы: ҚЭ, 1999. – 704 б.
3. История русской литературы XI-XIX века. В двух частях. Часть 1. – Москва: Гуманитарный издательский центр, 2000. – 272 с.
4. Егеубай А. Құлабыз: Монография. – Алматы: Жазушы, 2001. – 216 б.
5. Сүлейменов О. Әр күн – арайлы таң: Өлеңдер мен поэмалар /Ауд. Қ.Мырзалиев/. – Алматы: Жазушы, 1986. – 480 б.
6. Сулейменов О. Избранное: Вступ. ст. Е.Сидорова. – М.: Худож. лит., 1986. – 430 с.
7. Шакирова Л.З., Саяхова Л.Г. Практикум по методике преподавания русского языка в национальной школе. – С.-Петербург: Отделение издательства «Просвещение», 1992. – 288 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Байшукурова Г.Ж.

*Казахский Национальный
Аграрный Университет
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультураны в поэзии О. Сулейменова, отражающие своеобразие национального менталитета поэта, создающего свои творения на стыке двух культур. Основная задача автора статьи – показать, как через лингвокультураны передаются переживания народа, воспроизводится его историческая память. Автор доказывает, что эмотивность лирики Олжаса Сулейменова обусловлена его билингвокультурным происхождением.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, эмотивность.

Основным средством репрезентации лингвокультурологического содержания художественного произведения являются лингвокультураны [1, с.28]. Изучение лингвокультурных концептов позволяет раскрыть общие закономерности и специфику человеческого освоения мира посредством языка.

В поэзии О. Сулейменова лингвокультураны можно разделить на 3 основные группы:

- 1) казахские (*Махамбет, Бетпак-Дала, аргамак*);

- 2) русские (*Пушкин, Рязань, ива*);

- 3) международные (интернациональные, региональные) (*Колумб, Хайям, пустыня*).

В художественном мире сулейменовской поэзии они, как правило, тесно взаимосвязаны и представляют не разность культур, а их единство; это широкий взгляд на мир, в котором отражается мировосприятие настоящего гуманиста, человека, владеющего двумя языками, впитавшего культуру разных народов.

Лингвокультураны в поэзии О. Сулейменова имеют эмоциональную окрашенность. Они – символы и ключевые эмотивы. Лингвокультурные концепты наиболее эмоционально заряжены, так как они отражают не только состояние конкретного человека (автора), конкретной ситуации, но и эмотии, переживания целого народа, его историческую память.

К лингвокультуранам мы относим не только нарицательные существительные, представляющие национально-культурные символы и понятия, но и лингвокультураны-имена собственные (географические наименования, имена, фамилии и т.д.), так как в художественном тексте, в произведениях О. Сулейменова они выступают именно в таком качестве. Так, например, в стихотворении «Бетпак-Дала...» [2, с.61-62] данное имя собственное является эмоциональным ядром стихотворения. Его лингвокультурная, эмоциональная коннотация эксплицитна. Она раскрывается

поэтом эмоционально и ярко. Стихотворение построено на эмоциональных контрастах (*Спокойное широкое седло, скупое равнодушное движение // Над головою раскаленный камень, пустыня взбешена, копыта высекают желтый пламень из белой глины*) и эмотивной лексики (*стыдно смотреть в глаза, отупев, спокойное седло, скупое равнодушное движение, пустыня взбешена*):

Бетпак-Дала/ Всегда такая голая,/ Что стыдно лошадям смотреть в глаза.../ Моя кобыла,/ Отупев от голода,/ Не слышит повода,/ Глядит назад./ Нет колес,/ Бетпак-Дала – Дорога./ Ой, дорого ей заплатил казах,/ Пустыня – От порога до порога./ Все сто дорог / Вели его назад./ Размеренная смена поколений,/ Спокойное широкое седло,/ Скупое равнодушное движение, / Укачивая,/ Всадника вело. / Над головою / Раскаленный камень,/ Пустыня взбешена,/ Копыта высекают желтый пламень/Из белой глины.

Однако противопоставление, контраст *Спокойное широкое седло, скупое равнодушное движение ≠ Над головою раскаленный камень, пустыня взбешена, копыта высекают желтый пламень из белой глины* не представляется удивительным для тех, кто владеет казахским языком и знаком с казахской культурой и культурой кочевников, так как он отражает менталитет нации, его культурные традиции. Пустыня и степь формируют рассудительный, спокойный, неторопливый образ жизни.

Без знания казахской культуры невозможно адекватно понять, прочувствовать и другое стихотворение поэта – «Молитва батыра Мамбета перед казнью» [2, с.106-107].

Ощутить дух казахских батыров, жизнь степняков, проникнуться их чувствами может только тот, кто является настоящим билингом, ибо эмоциональная глубина произведения раскрывается через лингвокультурологическое содержание, в частности, через соответствующие казахские или региональные лингвокультуремы. К ним относятся следующие слова: *бисмилля, зиндан, Аллах, аруах, казан, лепешка*. В контексте данного произведения как лингвокультуремы можно рассматривать и такие эмотивные [3] лексемы, как *седло* (я родился в седле – кочевник), *конь* (я забуду, как пахнет запаленный конь – жизнь и быт казахов-кочевников), *клич* (боевые кличи воинов, батыров), *меч* (оружие батыра), *кречет* (*мое сердце – оципаннный кречет* – птицы из вида соколиных: беркут, кречет и др. символизируют свободу, гордость), *месяц, луна, пустыня, барханы, верблюды* (символы, лингвокультуремы восточной (казахской) поэзии). Требуется особого лингвокультурологического анализа и то, что связано с религиозными обращениями. Начало стихотворения – начало мусульманской молитвы (Бисмилля!), далее следует короткая эмоциональная исповедь (своего рода молитва): *Бисмилля!/ Я в далеких походах забуду себя. / Я в битвах – по году./ В обидах – по горло,/ Я родился в седле,/ Умираю в цепях, / Меня водят пешком, как собаку, по городу./ Я забуду, как пахнет запаленный конь, / Я забуду в зиндане гортанные кличи,/ Утром тело разрубят и бросят в огонь, / Мое темя забудет бывшее величье./ Я забуду, как жены боялись меня,/ Я как меч обнаженный, / Но ржа меня режет./ Сердце в горле как яростная змея.*

Но затем меняется настроение: герой как будто становится спокойнее, смиряется с участью, но не теряет мужества, он остается настоящим батыром, готовым принять смерть. Батыр Мамбет обращается уже к «истокам», духам предков, и последние его слова о прекрасном, о красоте родного края, о том, что для него важнее всего:

Э, не так!/ Мое сердце – оципаннный кречет./ Все забуду./ Молитвы – спасенье свое./ И пожары, и битвы, аллаха забуду.../ Аруах!.. / Ясный месяц в пустынях встает,-/ И уходят в барханы/ За самкой верблюды.../ И в казахских казанах шипит молоко.../ И собаки рвут шкуры друг другу от скуки.../ Я в зиндане лежу глубоко-глубоко,/ А луна, как лепешка последняя, катится/в руки...

Если в приведенных выше стихотворениях О. Сулейменова встречаются в основном казахские лингвокультуремы, то в следующем наблюдается необычное соединение разных языковых картин мира и стереотипов. Хотя на первый взгляд это трудно заметить, так как созданное произведение, яркое и целостное, эмоционально гармоничное. Это стихотворение «Ночные сравнения» [2, с.112]:

Ты как мед,/ как вспомню – зубы ноют,/ Ты как шутка,/ от которой воют,/ Я ничтожен, кто меня обидит!/ Видел ад, теперь бы рай увидеть./ Ах, зачем тебя другие любят,/ Не люби, да разве это люди./ Они ржут, собаки, до икоты, Это же не люди, это – кони!/ А когда язык ломает зубы!/ А когда глаза сжигают веки!/ Как, скажи, мне брови не насушить,/ Глянуть – /И остаться человеком!/ И лягушкой ночью не заплакать,/ Я люблю тебя,/ как любят квакать,/ Как вдова – кричать,/ Как рыба плавать,/ Я люблю тебя, как слабый – / Славу,/ Как осел – траву,/ Как солнце небо./ Ты скупа, тебе прожить легко,/ Даже нищий дал мне ломоть хлеба,/ Как дают ребенку молоко./ Если б звался я, дурак, Хайямом,/ Если б я, проклятый, был Хафизом,/ Если б был я Махамбетом, я бы!.. / Только все стихи уже написаны./ Так в горах любили и в степях,/ Так любили – и смеясь и плача./ Разве можно полюбить иначе!.. / Я люблю тебя, как/ я – тебя...

В нем на русском языке представлена восточная лирика, украшенная казахским орнаментом. Автор не скрывает, что это своеобразное «подражание» любовной лирике Востока, но вместе с тем в нем есть лингвокультурема, указывающая на то, что написано оно и под влиянием поэзии и духа

Махамбета Утемисова (стихотворение «Я – это я»). Однако, несмотря на стиль произведения, сравнения, казахские и региональные (восточные) лингвокультуры *Хайям, Хафиз, Махамбет*, эмотивность стихотворения строится и на русских стереотипах. В чем можно убедиться, внимательно прочитав следующий отрывок: *Ах, зачем тебя другие любят,/ Не люби, да разве это люди./ Они ржут, собаки, до икоты,/ Это же не люди, это – кони!*

Как известно, в русской языковой картине мира конь – концепт, имеющий как положительную, так и отрицательную эмотивность. О чем свидетельствуют русские пословицы и поговорки: *Женихи, что лошади,- товар темный. И конь не валялся. И крылатый конь спотыкается. Был конь, да изъездился. Без коня казак кругом сирота. Казак голоден, а конь его сыт.*

Для казаха конь – это благородное животное, воплощение красоты, силы, свободы, быстроты и благородства, символ светлого, чистого, и поэтому в казахском языке нет и не может быть подобных сравнений. Ярким свидетельством могут служить пословицы: *Имя молодца либо конь прославит, либо жена. Быстроногий конь, когда – конь, а когда – крылья. Там, где находится лошадь, там не бывает нечистой силы.*

На примере стихотворения «Ночные сравнения» мы видим, что билингвокультурные тексты действительно отличаются от традиционных, не только лингвокультурными концептами, но и их эмоциональным фоном.

Весьма своеобразно в лингвокультурологическом плане и стихотворение «Айналайн» [2, с.151]:

*Кочую по черно-белому свету./ Мне дом двухэтажный построить/ советуют,/ а я, как удастся
какая оказия,/ мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям./ В Нью-Йорке с дастанами выступаю,/ в
Алеппе арабам глаза открываю,/ вернусь,/ и в кармане опять – ни копыа;/ копые заведется – опять на
коня!/ Последний ордынец – к последнему морю!/ На карту /проливы, саванны и горы!/ А нас хоронили
– ногами на запад,/ Лежат миллиарды – ногами на запад/ Под желтым покровом монгольской степи
– /Туменыногаев, болгаров, казахов,/ Не зная, что Азия западней Запада,/ Запад – восточней
Китайского моря,/ А нас хоронили ногами на запад!.. Шумит за спиною последнее море./ Кружись,
айналайн, Земля моя!/ Как никто,/ Я сегодня тебя понимаю,/ Все болезни твои на себя принимаю, /я
кочую, кружусь по дорогам твоим...*

Кажется, что уже само название указывает на то, что в тексте будет представлен фрагмент казахской культуры. Действительно, прежде всего читатель обращает внимание на казахские лингвокультуры *кочую, ордынец, туменыногаев, болгаров, казахов, айналайн* и образы и параллели, посредством которых передаются идея, содержание произведения. Безусловно, центральная лингвокультура *айналайн* (1) *кружусь вокруг тебя*; 2) обращение к дорогому человеку), связанная с древним ритуалом, способом лечения больных людей, раскрывает смысл следующего отрывка из стихотворения: *Кружись, айналайн, Земля моя!/ Как никто,/ Я сегодня тебя понимаю, Все болезни твои на себя принимаю,/ Я кочую, кружусь по дорогам твоим...*

Однако либо потому, что произведение написано на русском языке, либо потому, что автор является билингом, (и для него порой незаметны некоторые культурные различия), а, может быть, преднамеренно автор употребляет в стихотворении лингвокультуры русского происхождения. Это фразеологизм *в кармане опять – ни копыа* и предложение: *А нас хоронили – ногами на запад*. Особенно интересна последняя фраза, повторяющаяся 3 раза. Почему она не вписывается в казахскую языковую картину мира? У казахов в отличие от русских принято говорить *выносить головой вперед* или *лицом (головой) в сторону Мекки*, то есть ключевым является слово *голова*, а не *ноги*.

Что касается фразеологизма *в кармане – ни копыа*, то здесь поэт указывает на его происхождение: *и в кармане опять – ни копыа*; (переносное значение, русский фразеологизм); *копые заведется – опять на коня!* (прямое значение, тюркское заимствование).

В билингвокультурном тексте, как показывает анализ стихотворений «Айналайн» и «Ночные сравнения», один культурный срез является, как правило, эксплицитным, явным, а второй – может быть скрыт. И для его выявления и определения требуется хорошее знание языков и культур двух народов.

Как уже было отмечено, наряду с казахскими, в поэзии Олжаса Омаровича немало русских лингвокультур. Поэзия О. Сулейменова – это не только экскурс в казахскую историю, но и прекрасные картины русской природы. Так, в стихотворении «Русь Врубеля» [1, с.56] пред нами предстает пейзаж средней полосы России:

*Край росистых лесов/ И глазастых коней,/ росыль рубленых сел,/ городов изваянья,/ и брусничные
ночи,/ и росыль огней./ Росомашьи размашистые расстоянья./ Жизнь – и выдох сквозь зубы,/ И
радость, и грусть./ Глупость осени. Шубы./ И русое небо./ И морозы./ И странные взгляды Марусь./
И хрустящие, жаркие/ Щеки хлеба./ Я могу перечислить – и весь мой рассказ:/ Русь – река под*

обрывом,/ И это не мало./ Ночь июльская./ Ивы. И месяц раскосый./ Я, как ты, задыхаюсь,/ Когда обнимаю...

В произведении целый ряд лингвокультурем: *край росистых лесов, россыпь рубленых сел, брусничные ночи, шубы, русое небо, морозы, странные взгляды Марусь, хрустящие, жаркие щеки хлеба, Русь – река под обрывом* (так как, как правило, русские деревни строились возле рек), *ивы*, которые в сочетании с эмоциональными, образными сравнениями и эпитетами создают яркое художественное «полотно». Не менее эмоционально окрашены такие образы-сравнения, как: *Русь – река под обрывом; Жизнь – и выдох сквозь зубы,/ И радость, и грусть*. Еще один важный компонент эмотивной составляющей – их однотипность (в основном номинативные предложения), употребление в начале предложений союза *и*, перечислительно-градационная интонация и неожиданная кажущаяся недосказанность в конце.

Таким образом, эмотивность данного произведения базируется на трех китах: русских лингвокультуремах, их эмотивном окружении и эмотивной структуре предложений. Стихотворение по своему содержанию и эмоциональному наполнению можно отнести к национальным, то есть отражающим только культуру и мировоззрение русского народа.

Проведенный таким образом анализ стихотворений О. Сулейменова позволяет резюмировать, что эмотивность художественных творений, созданных поэтом-билингвом, может быть как ярким национальным (в нашем случае: казахским или русским), так и билингвокультурным явлением.

Литература:

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
2. Сулейменов О. Определение берега. Избранное. Стихи и поэмы – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 456 с.
3. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 223 с.

ЖЕНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ О.СУЛЕЙМЕНОВА

**Умарова Г.С,
Утарова Н.Т.**
*Западно-Казахстанский
госун-т им.М.Утемисова
Казахстан, Уральск*

В последнее время большую актуальность приобретают исследования учеными проблем пола в различных сферах общества, в том числе в культуре и языке, т.е. гендерный вопрос. «Гендер (англ. *gender* от лат. *genus* – род) определяется в лингвистике как «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [1]. Культура и язык определенного народа безусловно отражают и гендерные различия. «Культура этноса ... определяет особенности социальных ролей мужчин и женщин, зафиксированных в национально-языковой картине мира и представленных в гендерных стереотипах, изучение которых посредством языка позволяет увидеть этнокультурные и социальные языковые особенности, например, гендерную асимметрию» [2].

Социально-гендерный признак дифференцирует этнос (нацию) не столько по биологическому, сколько по социально-психологическому ощущению собственной маскулинности/фемининности. Социальный конструкт гендерных ощущений как продукт этногенеза через семью, учреждения образования, средства массовой информации, другие социальные институты формирует определенный набор половых различий, обеспечивает воспроизводство культурно обусловленных нормативных социальных ролей мужчины и женщины [3].

Понятия «менталитет» и «ментальность» зачастую трактуются как синонимы, но Д.В.Манкевич обосновал различие этих понятий: «ментальность» понимается как совокупность осознанных и неосознанных психологических установок индивида или различных социальных групп действовать, мыслить, воспринимать и постигать мир определённым образом. Менталитет, как уже отмечалось, понятие более высокого порядка, включающее в себя несколько видов ментальности (социально-бытовую, политическую и т.д.). Менталитет – это реальный стиль, характер, способ мышления и духовной жизнедеятельности, присущий определённому социуму (социальной группе). Справедливо и другое определение. Менталитет – это стереотипы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, присущие не отдельной личности, а социально-культурной общности или сословию» [4].

Принадлежность к полу оказывает влияние на культурную ориентацию и на менталитет, обнаруживаются различия между мужской и женской ментальностью. П.А.Андреева считает, что «пространство ментальности «женского мира» опирается в своем существовании на следующие положения: мир идеален; идеал недостижим; жизнь (движение) как смысл жизни; истина непостижима; идеальное и реальное смешаны; смех носит иронически-рефлектирующий характер; проявляется склонность к синтезу; безобразное (деформированное, большое) воспринимается как эстетическое содержание; мир многозначен; мир постигаем чувствами (т.е. зримо-постигаем).

Женственности свойственны иные положительные социологические характеристики: обаяние, привлекательность, чуткость и заботливость, жизнерадостность, общительность, интерес к противоположному полу, деликатность. Данные характеристики формируют образ женщины, которые принимаются за эталон в обществе. Типично женский образ включает ряд черт, связанных с социальными и коммуникативными умениями, с теплотой и эмоциональной поддержкой. Идеализированные черты образа дополняются и отрицательными качествами – формализм, пассивность, излишняя эмоциональность» [5]

Нет такого поэта или писателя, в произведениях которого отсутствовали бы женские образы. Во все времена женщина вдохновляла поэтов, ей посвящались элегии, послания, поэмы. О.Сулейменов не является исключением. Его стихотворения о девушках и женщинах также многогранны и разнообразны, как и вся его поэзия. Их традиционно можно разделить на несколько групп в зависимости от женского образа, положенного в основу.

Безусловно, первыми следует выделить стихотворения, посвященные женщине, родившей и воспитавшей поэта. «Помнишь первые сказки мои...» о том, как поэт полюбил чтение благодаря своей маме: *«Помнишь, ты принесла / мою самую первую книжку... я читал по складам / про джигитов на быстрых конях / нараспев, а потом и крича - / голос сказок был звонок... Через год...я читал все, что было в шкафу...в море книг я барахтался...»*. Он благодарен ей за это, несмотря на то, что она потом восклицала *«...разве можно так много! Глаза ведь дороже...»*. Всю любовь поэт вложил в последние строки: *«Моя добрая мама, родная моя, / вспоминай - / прозревал, прозревал / твой послушный, / упрямый мальчишка»*.

В стихотворении «Маме» О. Сулейменов вспоминает место своего детства, себя же сравнивает с птицей, чье *«крыло полмира отмахало, / и в реку Лимпопо перо макало, / и в пряный ветер из цейлонских куц...»*. И всю жизнь он следовал принципам, устоявшимся в нем еще с детства: *«...будь с гордым горд: он не отец пророка, / будь с робким робок: он тебе не раб.../ людям я не лгал, хотя и мог...»*.

Мудрые слова О.Сулейменов также помещает и в стихотворение «Мать» ,написанное о матери поэта Димчо Дебелянова, которой в Болгарии поставлен памятник: *«Если ты человек, сотвори себе имя...Будь нескромен, сынок, / ты огромен, сынок. / Встань под взглядами дул, / пусть увижу - / ты смог! ... / ...Так запомни, сынок, / где б ты ни был, - везде / будь заметен в беде. / А когда над долиной / свинец не свистит / когда время ползет / и твой век не летит.../ ...будь тогда незаметен, / застенчив, сын мой»*. Поэт обращается и к тем матерям, кто пережили очень много трудностей и боли. В стихотворении «Картинки из одного журнала» автор призывает их взглянуть на эти картинки, вспомнить и помнить войну, на которой были убиты и мужья, и сыновья, и в то же время поэт удивлен тем, почему она не выражает эмоции и не кричит от боли, хотя он понимает, что ей больно, но она сдержана.

После мамы в жизни поэта большое место занимает любимая женщина. Воспоминания о первой любви, первых чувствах поэта в стихотворении «Детство, сады, зной...»: *«веселая женщина в нашем дворе, / квартирантка.../ мои щеки с утра начинали гореть.../ я смеялся, когда улыбалась она.../ когда у ручья умывалась она, / я мальчишек гонял из кустов»*. И тут же появляется ревность, которая заставляет мальчика совершать глупые поступки. Но та женщина поняла, увидела его чувства и защитила: *«...она оттолкнула того: - Уйди, / это деда Насыра внук, - / и прижала к распахнутой мягкой груди: / - Ах, мой маленький, глупый друг...»*. Спустя годы О. Сулейменов сам понимает таких мальчишек, которые глядят с детской тоской и видит, как мальчишка *«...стоит, прислонившись к беленой стене, / черноглазый, угрюмый, злой. / Свою первую ревность отдаст он тебе...»*.

Но образ действительно любимой в стихотворении «Были женщины – по плечу...», в котором поэт идеализирует свою женщину, замечая все детали, но в то же время они положительное:

Были женщины – по плечу,
Были женщины мне – по грудь.
Но – по сердце
Была одна.
Просто по сердцу мне она.

Всё идёт ей –
Тоска в глазах,
И пушиночка в волосах,
И жестокий, капризный рот,
И зубов обнажённый лёд.
Даже пальчиков нежный хруст,
Даже слишком не взрослый рост,
Даже тридцать четвёртый год.
Всё идёт ей.
Как всё идёт!..

Любимой женщине О. Сулейменов посвящает и стихотворение «О, ты горда...», в котором признается «...я не хочу любить тебя покорной. / Идут года. Еще пройдут года. / Вся твоя гордость – мне, / Останься гордой». В этом произведении показано особое отношение женщины к своему мужчине, который выделяет эту характеристику в ее натуре, и она ему нравится. Стихотворение «Почта» изображает тоску и стремление поэта к своей любимой после двухлетней разлуки, предвкушая долгожданную встречу: «...ждать, замирая, как выстрела, / щелк замка. / Я приеду, / умру, но приеду...». Но, а пока ему остается только молиться: «Береги тебя бог, / в этот миг я поверю в бога, / береги тебя бог, / если я не сумел сберечь».

В стихотворении «Эти слова рождаются ночью...» О.Сулейменов высказывает нежелание отпускать от себя любимую в холодную снежную ночь, возможно, даже ассоциируя это с течением времени и жизни: «ты не заметишь, как в теплые косы / туго влетаются холодные пряди / милая, юная и седая».

Забота о любимой показана и в стихотворении «Вечером», посвященном жене поэта, терпимостью которой он восхищается, которая ради него оставила родительский дом и идет на жертвы, променяв уют на «угрюмость чужих углов». Стареют они вместе, усталость с каждым днем все больше и больше, но она защищает мужа от нападок, греет его своим теплом, а он укрывает ее от холода в чужой квартире, злясь на окружающих и думая о будущем.

Искренние признания, которые невозможно выразить и сравнить с чем-либо существующим в мире, О.Сулейменов вкладывает в стихотворение «Ночные сравнения», сетуя о том, что все стихи уже написаны другими поэтами:

Ты как мёд,
как вспомню – зубы ноют,
ты как шутка, от которой воют,
...
я люблю тебя,
как любят квакать,
как вдова – кричать,
как рыба – плавать,
я люблю тебя, как слабый –
славу,
как осёл – траву,
как солнце – небо.
...
Только все стихи уже написаны.
Так в горах любили и в степях,
так любили – и смеясь и плача.
Разве можно полюбить иначе?..
Я люблю тебя, как
я – тебя...

В произведении «Аз тэ обичам» (Урок болгарского) О.Сулейменов показывает образ женщины другой страны, другого менталитета, более открытую и раскрепощенную, но он не чувствует в ней родного «жаным».

Отличие женщин и мужчин в проявлениях эмоций читатель замечает в стихотворении «Горы»: «..вскрикнешь...водой плеснешь...позволишь на тебя смотреть...смущенно краску с губ водою смоешь...захочешь загореть...притихнешь...странно глянешь, коротко дыша...губы, плача, стиснешь / А я твое волнение не пойму, вскочу, засучусь и успокою, ...скажу «Ну что ж, пошел...». Ярко видны характерные черты женской ментальности, их восприятие романтического летнего вечера с любимым человеком как чуда, нечто необыкновенного.

Мир и психология женщин открывается в стихотворении «Сильнее «Фауста», где, рассказывая историю старика из поселения Кыз-Кудук, поэт рисует два женских мира: один – красивая и привлекательная литовка: «...явилась литовская женщина. / то ли богом посланная, / то ли кем-то сосланная, / не то чудь, / не то жмудь, / но красивая – жуть!», которая приносит не добро и не зло – дискомфорт; и второй – родная и любимая дочка: «восьмая дочь произросла в пустыне, / коса – ручьем, / в глазах озера стынута, / и льется речь, как речка, по губам. / Заметь еще и море обаянья, / души разливы!», которая затем убежала из родительского дома с любимым человеком, сравниваемым с Сатаной.

Образ европейской женщины представлен и в стихотворении «Ждем парома через Енисей»:

... словно льдинка,
в белой блузке и косынке
вдоль заборов по тропинке,
до колен подняв подол,
...
забежала, а потом –
отдышалась, улыбнулась,
встав на колесо телеги,
посмотрела через реку –
не покажется ль паром?
На губах её помада.
Грудь под блузкою –
что надо!...

Но здесь автор, подчеркивая красоту женщины, которая привлекает внимание многих мужчин, показывает такую черту женской ментальности, как верность, преданность своему мужчине: «Он, уверена, не с нами - / грудь спокойная под шелком. / Он, наверное, в Норильске, / иль плывет по Енисею, / или вовсе / на Карельском - / броситься б ему на шею...». Особый мир женщины, которая ждет своего единственного, она не дарит своего внимания поклонникам, потому что раскроет чувства только при виде своего любимого.

Под впечатлением от Бродвея О. Сулейменов написал стихотворение «Женщина», в котором героиня «голубоглазая или голубовласая. / На белой коже тонкой акварелью / написаны глаза, / а брови – маслом. / Глядит! /... Ты сделала меня таким нескромным / и улыбаешься, не понимая / ни-че-го!».

Есть у О.Сулейменова и стихотворения, посвященные знаменитым женщинам. «На площади Пушкина» Н.Гончарову он характеризует так: «...дивная Наталья. / Ее никто не называл Наташей. / Она на имени его стояла, / как на блистающем паркете зала, / вокруг легко скользили кавалеры... Ох, это горло белое и плечи, / и грудь высокая, как эшафот!...», –и как бы подчеркивает ее мудрость в обращении к мужу – «Скажи, мой господин, чего ты медлишь! / Не то и я влюблюсь, о, ты не веришь!...». Поэт обращает внимание на ее женский ум, мудрость, которая поднимает знаменитого Пушкина на ступень выше.

Марине Цветаевой посвящено стихотворение «Амазонка», в котором, по нашему мнению, О.Сулейменов хочет показать, что половчанки (женщины тюркского происхождения) и ярославны (из «Слова о полку Игореве»; обобщающий образ русских женщин) также являются воинственным племенем, в их ментальности быть сильными и храбрыми, но, несмотря на это, в них живет природный зов материнства, из-за чего они могут согрешить. Обращение к амазонкам О. Сулейменова возможно также и на основании того, что Цветаева посвятила этой теме некоторые свои произведения.

Стихотворение «Поэтесса из кишлака Кашмир» также посвящено тяжелой судьбе женщины, которая живет в холодном краю у старухи и в стихах со слезами вспоминает родной теплый Кашмир и тоскует по его горам и цветам. Поэт обращает внимание на терпеливость и выносливость как качества женской ментальности, а также на одиночество в чужой стране.

В стихотворении «Девушка на зеленой траве» О.Сулейменов раскрывает перед нами трагическую тему концлагерей, а именно крематория Майданека в Польше. Изображая девушку, лежащую на траве теплым и тихим сентябрьским днем под знаком «Траву не рвать», поэт акцентирует наше внимание на следующих строках: «...Памятником человеку (логика такова!) / не камень и не железо – стала трава. / Выросшая на удобренном подзоле, / на плоской поляне близ польского града Ополе...».

«Девочка в желтом сари» повествует нам о страшном обряде самосожжения девочки в желтом, в огненном сари, которая «...печально, смущаясь своей обреченности, / полулежит на газете» с

изображением прекрасным и в то же время контрастирующим изображением Софи Лорен. Этим обрядом заканчивается митинг протеста в Бихаре.

Стихотворение «Случай» имеет библейский сюжет о сотворении Адама и совоокой Евы, а «Возрождение» синтезирует повествование о Ноевом ковчеге и образ появляющейся в проеме двери восточной женщины, возникновение которой автор описывает как будто в замедленной съемке, применяя сравнения и эпитеты. Новое восприятие женщины и воспевание ее в поэзии Востока открывается нам в стихотворении «Аллах запрещал нам словами касаться запретов...», когда *«настали блаженства века...и свобода – нага...дозволено ныне писать обо всем...»*.

Сулейменов отдельно затрагивает национальную тематику, а именно ментальность женщин-казашек. Так в стихотворении «Догони» сквозь ироничную вуаль национальной игры Кыз куу отчетливо видно, как девушка любит джигита и желает, чтобы он догнал ее, как она сетует о том, что он отстает и она снова одна.

Ярко описывает поэт казашек в стихотворении «Постою у окна»: *«Молчаливые девушки в белом.../ руки спелые, / глаз молодых чернослив...»*, когда молодому парню предлагают кандидатуры невест, которые не очень рады такой судьбе и противятся воле своих отцов.

Таким образом, О.Сулейменов изображает абсолютно разные образы женщин, показывая различия в их менталитете и отношении к жизни, но в то же время объединенных характерными для женской ментальности качествами. Так, он подчеркивает в ментальности матери такие черты, как любовь к своему ребенку, заботу, желание помочь преодолеть трудности и стремление передать ему те знания, которые помогут ему в жизни стать хорошим человеком, чтобы испытывать гордость за него, но в то же время показывает и то, какими матери могут быть терпеливыми, сдержанными, хотя в душе переживают, испытывают страдания в тысячу раз больше. В любимой женщине поэт видит все положительным, отмечает ее заботу, преданность, особое отношение к мужу, он признается ей в любви, но не может подобрать нужных слов, до того его любовь сильна. О. Сулейменов показывает в сравнении женщин Запада и Востока, амазонок и половчанок, какими женщины могут быть сильными и слабыми.

Литература:

1 Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 2. // <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>

2 Калугина Е. Н. Теоретико-методологические основы гендерных исследований в лингвистике: состояние и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2013. - № 7 (25): в 2-х ч. - Ч. 1. - С.79-81.

3 Кириенко В.В. Менталитет как социологическая категория: предметное поле, структура, функции // Социология. - №3. - 2009. - С.85-97.

4 Манкевич Д.В. Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. - №1. -2005. - С.12-19.

5 Андреева П.А. Архетип матери, как определяющая сущность женской ментальности // Аналитика культурологии. - №1. - 2009. // http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/345-article_14-5.html

6 Сулейменов О.О. Стихи разных лет.../ Сост., отв. Ред. С. Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.- 460 с.

ТЮРКИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЯ О.СУЛЕЙМЕНОВА «АЗИЯ»)

Найманбаева Н.Е.

*аграрный колледж
Казахстан, Шымкент*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования тюркизмов в русском языке на примере прочтения нами книги О.Сулейменова «АЗИЯ». В процессе исследования нами отобраны из книги примеры, позволившие сделать доказательственными основные положения теории тюркизмов.

Ключевые слова: тюркизмы в русском языке, заимствованная лексика, теория тюркизмов, заимствования, тюркские лексемы.

В разные исторические периоды (общеславянский, восточнославянский, собственно русский) в русский язык проникали слова из других языков. Это было обусловлено тем, что народ вступал в экономические, культурные, политические связи с другими народами, отражал нападения, заключал военные союзы и т.д. Однако в целом, по мнению исследователей, языковые заимствования в русской лексике составляют сравнительно небольшой процент. В современном русском литературном языке выделяются два типа заимствований:

1) из славянских языков (т.е. из родственных);

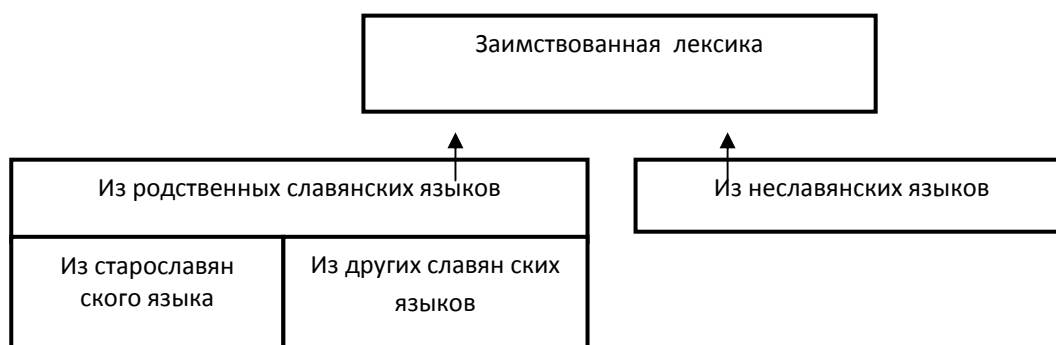
2) из неславянских языков.

К первому типу относятся заимствования из старославянского языка и из других славянских языков (например, украинского, белорусского, польского, болгарского, чешского и т. д.). Ко второму типу принадлежат заимствования из греческого, латинского, а также тюркские, иранские, скандинавские, западноевропейские (романские, германские и др.).

Заимствованные слова выделяются по происхождению и противоплагаются исконно русским словам. Отдельные их группы используются только в определенном стиле речи. Степень их востребованности, по мнению А.Н. Гвоздева, определяется тем, насколько прочно они вошли в русский язык и насколько соответствуют имеющимся в нем синонимам [1, с.70].

По времени появления в русском языке заимствования также неоднородны. Одни из них являются ранними: они осуществлялись в период или общеславянского языкового единства, или восточнославянского, т.е. древнерусского языка, другие — более поздние (они пополняли уже собственно русскую лексику). Схематично все сказанное можно отразить в таблице.

Таблица 1.

Целью нашей статьи является анализ использования заимствований из тюркских языков. Задача исследования связана с наблюдением за употреблением тюркизмов в речи. Решение этой задачи предполагает работу с текстом, для чего мы обращаемся к произведению О.Сулейменова «АЗиЯ» [2].

Исследование мы начали с изучения лингвистической литературы, для чего обратились к работам Н.С.Валгиной [3], М.Н.Шанского [4]. Изучение трудов названных лингвистов позволило познакомиться с одним из интереснейших в разделе «Лексикология» явлением – с характеристикой тюркизмов в русском языке. Обобщая изученный материал, мы использовали примеры, отобранные нами из произведения О.Сулейменова «АЗиЯ». Наша гипотеза сводилась к тому, что наибольшее количество заимствованных слов составят тюркизмы, ведь не случайно эпиграфом к главе «Невидимые тюркизмы» автор взял слова С.Маркова:

*В великом «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.*

Тюркизм - это слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованный из какого-нибудь тюркского языка или создание по образцу тюркского языка слова или выражения.

В процессе употребления большая часть слов, пришедших из других языков (как правило, вместе с заимствованием тех или иных понятий, реалий и т. д.), уподоблялась структуре заимствующего языка. Постепенно многие слова, ассимилированные русским языком, начинали входить в состав общеупотребительной лексики и переставали восприниматься как собственно иноязычные, о чем достаточно убедительно пишет О.Сулейменов в произведении «АЗиЯ».

Следует отметить, что использование заимствованной лексики у О.Сулейменова всегда оправданно и определяется замыслом. Для примера процитируем строки из его посвящения А.Вознесенскому, с которого начинается произведение «АЗиЯ»:

*Ты не пытайся понять нашу странную речь,
Вылезай из треклятой стены:
уже сделана брешь,
...лезь в колчан библиотек –
жить эпосом в царстве прозы,
исправляя метафорой мир,
выпрямляя вопросы...*

(*странная* – ст.-сл.; *колчан* – тюркск.; *библиотека* – лат.; *эпос* – гр.; *проза* – лат.; *метафора* – гр., *вопрос* – ст.-сл.)

О.Сулейменов говорил: «Я впервые заявил, что „Слово о полку Игореве“ было написано для двуязычного читателя двуязычным автором. Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на Руси тогда существовал билингвизм. Я попытался это доказать, опираясь на данные многих древнерусских источников. В советской исторической науке считалось, что в русский язык за время половецкого и татаро-монгольского нашествия попало всего несколько тюркских слов, таких как аркан или кумыс. Я же говорил о *невидимых тюркизмах*, которые всегда считались русскими. Вот это и потрясло академиков. Я, как ни странно, оказался первым двуязычным читателем „Слова о полку Игореве“» [2].

С учетом идеи произведения «АЗиЯ» особое значение приобретает исследование в нем слов тюркского происхождения: здесь автор использует этимологический подход, объясняя семантику и происхождение целого ряда тюркизмов. Древнерусские заимствования из тюркских языков, как *атаман*, *басурман* (фонетически видоизмененное *мусульманин*), *барабан*, *башмак*, *бешмет*, *буран*, *вьюк*, *кабала*, *казна*, *казначей*, *караул* (стража), *курган*, *малахай* (шапка), *орда* (лагерь, стан), *товарищ* (первонач. «компаньон по торговле»), *чертог*, *чулок* (мягкая обувь), *шалаш* и др. Ученые считают, что среди тюркских заимствований больше всего слов из татарского языка, что объясняется историческими условиями (татаро-монгольское иго). Тюркизмы заимствованы также из речи печенегов, половцев и др. Это слова, относящиеся к кочевому быту и домашнему обиходу, названия одежды, названия лошадей, лошадиных мастей, названия животных, птиц, названия растений, слова относящиеся к общественной жизни (судопроизводству, товарообмену, военному делу и т.д.) и т.д. Например: *чабан*, *марал*, *чин*, *казан*, *войлок*, *баран*, *коршун*, *барс*, *сайга*; *аргамак*, *лошадь*; *карагач*, *камыш*; *алтын*, *рубль*, *казна*, *караул*, *капкан*, *колчан*, и многие другие.

А вот свидетельство самого О.Сулейменова: «Только во времена мира и дружбы могли войти в славянские языки такие слова тюркские, как – *пшено* (*пшеница*, *сено*), *ткань*, *письмо*, *бумага*, *буква*, *карандаш*, *слово*, *язык*, *уют*, *явь*, *сон*, *друг*, *товарищ* ... » [2, с.515].

Анализируя произведение «АЗ и Я», мы пришли к заключению того, что задача О.Сулейменова значительно уже - обосновать возможность проникновения в славянские языки тюркских лексем, связанных с идеей объединения. Примеры из произведения «АЗ и Я»: Удельные князья женятся на тюркских принцессах, и, скрепив таким образом союз со степными владыками, расширяют свои земли в Руси. Эти браки означали долгосрочный воинский союз. Род, выдавший девицу, обязан был относиться к князю как к родственнику, не нападал на его княжество, а при случае защищал. Те же самые обязательства принимал на себя и русский «зять». *Тёркины*, т. е. родственники по женской линии, пользуются у тюрков особыми привилегиями и правами. Они считались ближе чем родственники по мужской линии. Народ, к которому принадлежит жена, по-тюркски - «торкин». Слово, вовлеченное в русскую грамматическую эволюцию, переразложилось - торки, так называют летописи кочевое племя, самоназванием которого было - узы (ед. число «торкин», «торчин».

Исходной формой является кипчакская «бірак» - союз (буквально «соединение, сочетание», от числительного бір - один).

Так как чаще всего союз скреплялся женитьбой князя, слово приобрело новое конкретное значение. Только княжеские супружества назывались браком, потому что лишь они выражали идею объединения, политического союза. (В монгольском языке понятия «союз», «примирение» тождественны и выражается термином «эвлэх», происходящим от древнетюркского еблек - женитьба, от ебле - женись, букв. «обзаводись домом», а на современном турецком языке «evlenmek» - тоже означает жениться).

Славяне встречались со многими тюркскими племенами, и поэтому часты заимствования, сохраняющие диалектные особенности тюркских языков. Числительное «один» представлено в современных тюркских языках такими формами: пир (шорское), пір (хакасско-тувинское), пер, перре (чувашское), бир (азербайджанское, кумыкское, туркменское, алтайское, турецкое), бір (ногайское, каракалпакское, киргизское, узбекское, казахское, уйгурское), бер (татарское, башкирское), биир (якутское).

Итак, нами было отобрано несколько тюркизмов, происхождение которых определялось по Этимологическому словарю.

Таблица 2.

Тюркизмы	История происхождения
Аркан	заимств. из тат., крым.-тат., казах.; чагат. arkan "толстая веревка, канат" [4]
Барабан	древнерусское заимствование из тюркских языков. Например, в татарском есть

	<i>дарабан</i> , а в турецком <i>balaban</i> [5]
Башмак	заимств. из тур., чагат. <i>basmak</i> "башмак, подошва"[4]
Барс	заимств. из туркм., хивинск., др.-тюрк., уйг. <i>bars</i> "тигр, пантера, рысь"[4]
Богатырь	заимств. из др.-тюрк. * <i>baatur</i> (откуда и венг. <i>bator</i> "смелый"), дунайско-булг., тур., чагат. <i>batur</i> "смелый, военачальник", шор. <i>paattyg</i> "герой", монг. <i>bagatur</i> , калм. <i>batr</i> [4]
Буран	это слово было заимствовано скорее всего из татарского, где буран образовано от бур ("крутить, свивать, вертеть"). Отметим, что слово <<буря>> имеет совершенно иное происхождение и никак не связано с внешне похожим на него существительным буран [5]
Деньги	денег, деньгам-деньгам, ед. (истор.) деньга, деньги, и (простореч.) деньга, деньги, ж. (тюрк. <i>tamga</i> - клеймо, печать) [7]
Войлок	это слово было заимствовано древнерусским языком из тюркских (в татарском, например, ойлык означает "покрывало") [5]
Кавардак	это слово, имеющее значение "бестолковщина, путаница", было заимствовано из тюркских языков. В турецком находим существительное <i>kavurdak</i> – "жаркое", образованное от глагола <i>kavurmak</i> – "жарить". Первоначальное значение этого слова – "кушанье", а современное развилось в связи с тем, что это слово переосмыслилось в "смесь плохих продуктов" [4]
Казна	заимств. из тур. <i>azna</i> , крым.-тат. <i>azna</i> – то же, тат. <i>azina</i> ; [4]
Камыш	из тур., кыпч., крым.-тат., азерб., тат. <i>kamys</i> – то же; [4]
Карандаш	из тюрк. <i>karadas</i> "черный камень", тур. <i>karatas</i> "черный сланец" [4]
Караул	заимств. из чагат., тат., казах., тел. <i>karaul</i> – то же, наряду с чагат., тур. <i>Karaul</i> ; Тюркское заимствование: в турецком, например, имеется слово <i>qaraul</i> в значении "стража, часовой" [4; 5]
Кочевать	заимств. из тюрк.: уйг., чагат. <i>koc</i> "поездка, путешествие, переселение", кирг., уйг., чагат., <i>kostak</i> "кочевать" [4]
Сарафан	заимств. с Востока, через тюрк. <i>sagara(i)</i> из перс. <i>segara</i> "почетная одежда" [4]
Саранча	заимствовано в древнерусский период из тюркских языков, где образовано от <i>sary</i> – "желтый, бледный". Насекомое получило свое название по характерной окраске [5]

В процессе работы над текстом нами были подобраны примеры, позволившие сделать доказательными основные положения теории тюркизмов. Кроме того, мы имели возможность вновь убедиться в справедливости той высокой оценки, которую заслужило произведение, а его автор доказал свое высокое призвание писательской и общественной деятельностью.

Литература

- 1 Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. - М., 1965.
- 2 Сулейменов О.О. «Азия». Книга благонамеренного читателя - Алма-Ата, 1976.
- 3 Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной. – М., 2002.
- 4 Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование - М, 1992.
- 5 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М., 1964-1973 (первое издание).
- 6 Крылов П.А. Этимологический словарь русского языка. - СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. - 432 с.
- 7 Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. - М., 1948.

МИР ПРИРОДЫ В ЛИРИКЕ О.О. СУЛЕЙМЕНОВА

Ибраева Д.С.
КазНУ им. Аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Аннотация. Автором статьи для исследования была выбрана личность крупнейшего поэта современности О. Сулейменова, чья яркая индивидуальность и самобытность не могут не привлекать внимания ученых, так как в его творчестве воплощено художественное двоемирие писателя. В статье рассматривается взаимодействие русских и казахских литературных традиций на материале творчества О.Сулейменова, отмечается, что в поэзии Сулейменова в органическом единстве представлены традиции казахской акынской поэзии, фольклорные образы и сюжеты и русская поэтическая традиция. Во главу угла автор ставит творческий контекст Сулейменова, под которым понимает индивидуально-авторскую систему речевых фактов. Цель автора - выявить приемы создания образа природы, определить функции часто употребляемых слов и установить связь с концептуальной картиной мира поэта.

Ключевые слова: языковая картина мира, образы природы, гор и степи, пустыни, кочевника и коня.

«Каждое поколение казахских писателей, – пишет М. Ауэзов, – открывает для себя в фольклоре, в эпосе, национально-художественной традиции в целом древний и вечно новый образ гор». Словно гигантский экран, доступный обозрению из любой точки степи, горы отражают крупное, эпохально важное – великий подвиг, героизм или катастрофические потрясения. Горы – установившийся образ национальной литературной традиции, но эмоциональное отношение к ним менялось в зависимости от исторических судеб народа. В творчестве современного казахстанского поэта О. Сулейменова образ *гор* и *степи* занимает едва ли не центральное место» [1, с.27].

Сложный путь прошел О. Сулейменов, прежде чем ему удалось найти в себе понимание древнего образа гор. Закрепленное в языке порой как механическая память представление о величии гор оживает в беспокойной тяге поэта к этим изломам, так контрастирующим с равнинной поверхностью степи:

*Что-то мучит меня,
Я-то знаю, что степь бесконечна
Но предчувствие!
А что мне делать с предчувствием гор?.. [1, с.27]*

Основной вид земных пик в его стихах видится в сравнении с плоскостью, равниной, со степью; следствием таких подобий являются следующие знаменитые строки:

*Степь – суть обезглавленные горы,
Обнаженья вылезли растерянно... [3, с.34]*

или:

*Степь – горы без вершин и без ущелий,
Без острых ощущений Бухары... [2, с.101].*

«Высокие», «седые», «желтые», «Чингизские», «далекие», «вдохновенные», «финикийские», «сгорбленные», «лавинные», «темно-синие», «пенные» и «черные» горы могут «стать песками», «глядеть», «обжечь жаром», «чернеть», «лежать» и даже «любить». «В окно глядящих верблюдов» можно «оседлать», над ними будет «аварское небо», из-за них «восходят лучами тяжелыми, первые клинья, /устало вонзая потертые крылья в прозрачный и вязкий воздушный раствор» [2, с.202], по ним «проходят тучи пеишом» [2, с.155], «сползают тучи тучные каскадом, разглаживая влажным животом горячие растресканные скалы» [2, с.155]. С горами О.Сулейменов связывает «мгновенья счастья, слепленные в годы», он «влюблен в пламя темно-синих гор» и не «унижает их», чтобы «возвысить степь».

Для человека тюркской традиции (каким мы считаем О. Сулейменова), «горы – образ, давно ставший символом величия, мудрости, высоты духа» [1, с.39]. Поэта окружают холмы, а не пики. Словно, разграбленные курганы, хранящие лишь следы кладоискателей, осели горы, лежат их вершины «в камнях и в окурках, в ожогах от молний» «С вершин разрушенных уплыли облака», – элегически констатирует поэт. Эстетические ориентиры, обретая плоть, вновь и вновь возвращают его к образу гор. Разочарование в этих горах порой сквозит в его поэзии, но уже в сопоставлении с достоинством вполне земных вершин. Вблизи чеченского села Бамута археологи нашли самый древний в мире котел. Поэт пишет:

*Когда-то в нем...
Холмы, холмы, о горы
моей Родины,
как опрокинутые казаны.*

Картина мира, воссозданная в устном и письменном творчестве кочевого казаха, претерпевает в настоящее время значительные изменения, – рассуждает об эволюции национально-художественных образов в казахской литературе более 20 лет назад М. Ауэзов. Надо сказать, что подобное заявление остается актуальным и по сей день, ведь многие двуязычные художники слова, не отрываясь от своих корней и «кружась, кочуя» по «дурной бесконечности», на которой фундаментально воссело духовное сознание народа, все же ощущают неумолимое влияние других ценностей, имеющих совсем иные географические, климатические, исторические условия – иные «горы».

Следовательно, можно утверждать, что языковая картина мира формируется в сознании языковой личности из двух основных базовых пластов: родной концептуальной картины мира и индивидуальной-синтезированной под влиянием других культур, цивилизаций.

Какой вариант языковой картины мира будет преобладать в творчестве писателя, зависит от разных причин, в числе которых могут быть и социальные факторы, и тематика, и увлеченность традициями, а быть может и реформированием. Тем не менее, главным здесь будет, на наш взгляд, направление по горизонтали, т.е. на фоне национального показать современное изменение, или по вертикали: проникновение в глубины национального, где современное будет лишь на фоне связи.

Иногда эти горизонталы и вертикали чередуются, важно в такие моменты уловить последовательную суть, вот к примеру как рассуждает исследователь творчества О.Сулейменова М. Ауэзов: «Через отчуждение возвращается к родной степи лирический герой О.Сулейменова в поэме «Чем порадовать сердце?» Вспомним структуру песни баксы: имена предков, названия разрушенных городов, затем – проблема («несчастливого и больного отгадай недуг») и в конце заклинание («О дедушка... поддержи меня под руки»).

*История наша –
несколько всплывших в
ночной степи.*

*У костров ты напета
На развалинах Семиречья,
У коварной обиженной Сырдарьи ...*

Города возникали как вызов плоской природе и гибели в одиночку, - медленно в духе сказителей эпоса или песен «баксы», как бы раскачиваясь и нащупывая верный тон, начинает поэт». [1, с.54].

Сулейменовская *степь* часто проявляется в топонимических эпитетах: «степь Джетысу», «Баканаса», «Казахстана», «Прииртышья», «тургайская», «монгольская», «южнорусская». Поэт фиксирует состояние степи в самое жаркое время, и этому факту соответствуют эпитеты: «сухая знойная», «раскаленная», «бесконечная жаркая», «безлесая от природы», «пустынная», «плоская», «выжженная», «холодная», «суровая».

Скупы представлены компоненты степи: почвенное покрытие – «такыр» («...как вскрик -/ степь окликала пастуха, / В такырах заблудившегося: /Сын...»); глина, покрытая солью, в глубине которой скрыты полезные ископаемые «Под круглой плоскостью степи / Углами дыбятся породы / Над равнодушием степи / встают взволнованные руды». Из растительности преобладает карагач [ломают бури, но он упрям -/ Маяк пустынных степей, / стоит развернув навстречу ветрам / плечи черных ветвей]; ива «зеленая вдова, степная Ева», ковыль «степь то билась в копытах, /То гневно текла, / Жаря ноги босые / Теплом ковылей»; полынь «Черный беркут раскинул над степью крыла. / я щеголю на спину жеребенку легла, / а полынь ему ноздри щекочет пылью».

Степь Сулейменова осмысливается как отечество, любимый край, который включает в себя ландшафты горных цепей и водных источников: «Верни меня в степи родные, /хочу туда, / где солью Балхаш умывал, / где плыл Каратал» [2, с.406]; степь становится не просто олицетворением родного дома кочевников «Я сижу в эпицентре великой/ Голодной степи» [2, с.122], голодная степь – буквальный перевод названия пустыни «Бетпак-Дала», является не только собирательным обозначением ее жителей «Степь гуляла в победе, забыв обо мне», но приобретает материнское начало: «матерью – степь мы называем» [2, с.24].

О. Сулейменов всем сердцем предан степи-матери, но он ненавидит степь, губящую и жгущую своих Высоких сыновей «степь терпеть не могла яснолицых высоких людей, высоким из зависти мстила». Поэт видит свой путь в служении родной степи, оставаясь при этом сыном человечества в целом: «Здесь долг я понял ... возвысить степь, не унижая горы» [4, с.217]. Именно художественному восприятию присущи созерцание всей полноты окружающего, неотделимость человеческих судеб от природы, подчиненность ее ритмам. Особенно дорога героям эпоса степь, достойная поклонения, как вечно живой, неохватный мир. Уходя из жизни, Тулеген («Кыз Жибек») с болью в сердце ощущает, что больше «этого мира красот его не увидят глаза [5, с. 69].

У О.Сулейменова по эпической национальной традиции особое отношение к степи: в ней «захоронена радость», она «тянет к себе, так что ноги под тяжестью гнуться», на ней «бездонны озера», лежащая «огромным аэродромом», которая «может пулю ту перехватить, расплавить в себе, остановить», ее «не забудешь», и кто к ней не вернулся, тот «жизнь утратил». Степь для поэта – это искорка истории земли и народа:

*...вся степь уставлена мазарами,
повторяющими очертания уничтоженных
в набегах крепостей и храмов [2, с.256]*

Природное осмысление земли занимает второе место по количеству словоупотреблений. Если осознание земли как планеты солнечной системы предполагает ее связь с другими аналогичными универсалиями, то представление земли как некоторого участка природного ландшафта можно соотнести с живительной влагой, способной возродить к жизни растительный мир:

*О, лиственных лесов остолбененье,
Какая-то полуденная тьма,
Она бывает перед наводненьем.
Когда земля в невидимых дымах.*

В «Глиняной книге» такая местность источает аромат – «земля благоуханна».

Отмечая негативные последствия вторжения людей в сердцевину природы: «искусственную правоту суля, / естественную истину порушили»; увлекшись научными изысканиями, «просчитывая давление центробежной силы», человек перестает воспринимать вселенную первозданными чувствами, как чудо, и вследствие этого:

...с земли слетает волшебство.

Прощай,

Великое невежество травы,

Талантливая темнота снежинок... [2, с.135]

«Любопытно, что об этом рассуждает в поэме кандидат технических наук, на своем примере испытавший, наверное, губительное влияние рационалистического мышления и высказывающий теперь мысль о благе научной неосведомленности: «незнание – вот гениальный дар».[6, с.39]

В стихотворении «Африканские ритмы» строительство Парка отдыха, рассматриваются как насилие, как вторжение человека в целомудренные джунгли земли:

Месть режет белых в Нью-Йорке,

насилует женщин,

как в джунглях

Центрального парка земли. [2, с.84]

Земля в эпитетном обрамлении предстает в произведения О.Сулейменова в разных обликах: «желтой», «глубокой», «исхудалой», «белой», «растрескавшейся», «песчаной», «глиняной», «мокрой», «разбитой», «сырой», «холодной», «осенней», «черной» и «росистой», «священной московской», «горячей», «выкипающей», «улыбчивой».

Казахи, которые поклонялись духам предков, глубоко ценили так называемую священную пыль. Известны случаи, когда содержимым тумара, оберегающего человека от различных напастей, является земля с могил умерших предков. И как доказательство следующие строки:

Убережет от злобы и от зла,

От родичей недобрых,

от обмана,

священная московская земля,

защитая старухой в талисманы [2, с.150].

Земля в значении страны, государства или какой-либо территории:

Ты знаешь, редактор, что такое Бихар!

Это - земля лежит недалеко от экватора,

Это - страна без комбайна и элеватора...

Стереотипы сознания, закодированные в структуре и проявляющиеся при его обыденном употреблении, считает И.М. Кобозева, самими носителями языка не осознаются, однако говорящий организует содержание высказывания в соответствии с моделью мира. [7, с.102]. Так О.Сулейменов, согласно своему виденью насыщает концепт степи своими атрибутами, которые обозначаются важными для кочевника концептами: «коня», «верблюда», «барана», «саксаула», «полыни», «такыра» и др.

Конь – космос кочевника, его единство, божество, увешанное всеми атрибутами бытия и мироздания. В стихотворении «Хромой кулан» необычайно ярко рисуется косяк диких степных коней и их «черный вожак», «умница старый»? умеющий спасти табун от бесчисленных опасностей, подстерегающих коней в степи:

О конь!

Он гогочет, как гусь,

Он бушует бурой...'

Бурлящий горный поток

Не сравнится с его дыханьем.

Я печень врага

Увидел в своих руках,

Табун украду и отдам

За коня вороного.

О, зад вороного,

Как черное сердце округ!.. [2, с.50]

Каждую минуту поэт способен любоваться скакуном, его великолепным неповторимым обликом.

Конь О.Сулейменова «белый» и «черный», «старый», «запаленный», он «задыхается» и «хрипит», «взлетает» и «мчится», «догоняет» и «ржет».

Итак, продолжая разговор о концептуальном наполнении степи, хотелось бы отметить еще одно не менее благородное животное, которого Г.Гачев называет «китом» - «образом мира, внутри которого живет кочевник» - верблюда. У О.Сулейменова он предстает «белым» «динозавром в степи», «угрюмым, напоминающим третичного ящера», его «приносят в жертву», он «ревет», «уходит в барханы», «морщится», «глядит» и «тает», он «нагружен» и его горбы сравнивают с горами, грудью.

Исследователи не раз отмечали своеобразие художественно-эстетической оценки явлений в поэзии О.Сулейменова, корни которой в национальной усложненности языка и формы его произведений, в билингвизме поэта, для которого двуязычие является методом творчества.

Русский язык в плане художественного выражения позволяет О.Сулейменову проявить свой неповторимый почерк. Национальная основа используемых лингвистических фактов предполагает не только определенные закономерности своего речевого воплощения, но и различную степень актуализации отдельных семантических оттенков значения, что зависит от конкретного стилистического задания автора. О.Сулейменов творчески решает сложные проблемы художественного поиска, семантико-понятийной адекватности речевых фактов двух языков, сплетения национальной психологии, традиции, мироощущения с русскоязычными средствами выражения. Пейзаж *пустыни* у О.Сулейменова мало чем отличается от степного, разве, что обилием «измолотого камня», «разбухших грудей пустыни», «песок, песок – как будто все старатели / за все века несли сюда старательно / пустой песок...» и одиночеством, которое засасывает весь пустынный мир:

*Над пустыней стоят одинокие соколы,
Над пустыней застыли мохнатые беркуты,
Над пустыней парит августовское солнце –
Одинокие образы человеческой веры.
Над пустыней стоит одинокое небо [2, с.99].*

К образу пустынно-степного ландшафта примыкает *поле*, которое часто мыслится безграничным полотном степи: «Устало разогнешься, глянешь через тын в бесконечную жаркую степь, безлесую от природы и не поймешь, за что ее назвал предок именем Дикий поль или Дикое поле» – или пустыни «А Каракумы – то же поле / Такыр киркуем до победы». Встречается и осмысление поля как чужого отечества: «О, Казбек не уверен, что дальше райцентра / есть другая земля, / он не верит, что кроме персидских и русских, / есть другие поля».

Для кочевых народов стремление к новому, динамизм – естественное состояние, в котором пребывают поколения из века в век. Они не посвящают природе отдельные произведения, специальные жанры, поскольку она для них не фон, рама для кочевья, не перечень увиденных картин, а неотъемлемая, органичная, очень значимая часть жизни [6, с.79].

Литература

1. Ауэзов М. Времен связующая нить. – А.: Жазушы, 1972. – 133 с.
2. Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы – А.: Жазушы, 1976. - 455 с.
3. Сулейменов О. Избранное. – М.: Художественная литература, 1986.
4. С.А. Диканбаева. Стилистический комплекс в творческом контексте О.Сулейменова // Русистика в Казахстане: проблемы, традиции, перспективы. Доклады междунар.научно-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения д.ф.н., профессора Х.Х.Махмудова. – Алматы, 1999. – С.217-223.
5. Шакенова Э. Художественное освоение мира // Кочевники. Эстетика. под ред. М.Ауэзова. – Алма-Ата: Гылым, 1993. – С.68-72.
6. Шашкина Г.З. Слово в образной системе поэта (на материале поэзии О.Сулейменова), Дисс. на соиск. ст.канд.филол.наук., АГУ, 1996.
7. Кобозева И.М. Немец, англичанин и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов// ВМУ – 1995. – №3. - С.102-117.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ О.СУЛЕЙМЕНОВА

*Григорьева И.В.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения понятия концептуального анализа в современной лингвистике. Рассматриваются различные исследовательские подходы к толкованию данного термина. Определяется перспективность применения принципов концептуального анализа к художественному дискурсу О. Сулейменова. Анализ концептов с позиций лингвокультурного направления позволяет выявить, помимо

основных, скрытые глубинные смыслы концепта, а также проследить смену аксиологических доминант в представлениях современного носителя языка об объективной действительности, смену его приоритетов в определенную эпоху, проанализировать особенности менталитета, нестандартность, самобытность художественного творчества. В работе используются методы: наблюдения, описательный, анализа и синтеза, обобщения и систематизации.

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ, лингвокультурный концепт, интерпретация, интроспекция.

Общепризнанно, что в понятийном аппарате современной лингвистики термин «концепт» является стержневым. Его многоаспектное изучение, проблема описания предполагает обращение ученых к исследованию разных уровней языка, соответственно, в научных изысканиях исследователей применяется понятие «концептуального анализа», объектом которого и выступает концепт. В этом плане творчество известного общественного деятеля, писателя, постоянного представителя Казахстана в ЮНЕСКО Олжаса Сулейменова вызывает особый интерес. В исследованиях казахстанских ученых изучению концептов в поэзии художника слова посвящено огромное количество работ. Наиболее частотное обращение к анализу концептов «время», «человек», «земля», «дерево», «слово». Так, Тусупова А.К. отмечает: «Многие исследователи творчества Олжаса Сулейменова утверждают, что в произведениях часто встречаются слова: земля, слово и ночь, каждое из которых порождает свою тематическую систему образов. Так, представление земли как небесного тела раскрывает сулейменовскую концепцию космического мироустройства, а осмысление земли как природного ландшафта помогает выявить не только родной сердцу поэта ландшафт, но через него и мировоззрение художника, озабоченность тем, чтобы возвысить степь не унижая горы» [1, с.304]. Это обусловлено самобытностью и разноплановостью способов репрезентации авторского видения действительности: особенностями восприятия, мировоззрения и мироощущения. По справедливому замечанию Н.О. Джуанышбекова, «в творчестве Олжаса Сулейменова происходит синтез стереотипов этномышления с выражением его на русском языке, соединение национальных картин мира, разнородных культур, поэтических традиций, в нем рождается новое этносостояние. ... Столкновение этнообразов, материальных и духовных миров происходит на уровне осмысления современной цивилизации, поэтому главный источник нового этносостояния – это гуманизм, общечеловеческие ценности, когда остро ощущается культурное единство человечества» [2, с.183].

Цель статьи - определить перспективы использования концептуального анализа при изучении специфики концептов и их функционирования в художественном дискурсе О. Сулейменова. Для достижения поставленной цели остановимся более подробно на определении понятия «концептуальный анализ».

Необходимо отметить, что процедура концептуального анализа не имеет четкого описания в современной лингвистике. Это обусловлено различными толкованиями самого термина «концепт», различными подходами к его исследованию. В целом, суть концептуального анализа состоит в установлении связей между объектами и явлениями действительности и репрезентацией их в языке, а также в определении содержательной структуры концепта как ментальной единицы. По мнению Е.С. Кубряковой, основными направлениями концептуального анализа являются концепция Р.И. Павилениса, которая может рассматриваться как логико-философская. Также ученым называются исследования в рамках школы «Логического анализа языка» как лексикографическое направление концептуального анализа. Культурно-семиотический подход Ю.С. Степанова, по мнению ученого, исследует «не разнородные языковые средства, реализующие один и тот же концепт, но именно отдельные концепты» [3, с.12].

По Поповой З.Д., Стернину И.А., основными этапами семантико-когнитивного исследования являются: 1) построение номинативного поля концепта; 2) анализ и описание семантики языковых средств; 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка. Данный этап ученые называют факультативным, но желательным [4, с.160]. Для ученых важно, что «при моделировании концепта выделяются когнитивные признаки, а не отдельные значения» [4, с.176].

По мнению Н.Н. Болдырева, объектом концептуального анализа являются значение и смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями [5, с.46].

В рамках лингвокультурологического направления концептуальный анализ предполагает учет культурно-исторического контекста использования концепта, поведенческих, этикетных норм, принятых в том или ином обществе, ассоциативных данных представителей конкретного этноса, в

целом особенностей менталитета и др. (см. работы Степанова Ю.С., Телия В.Н., Вежбицкой А., Колесова В.В., Аругюновой Н.Д., Карасика В.И., Слышкина Г.Г., Воркачева С.Г., Масловой В.А., Красных В.В., Красавского Н.А., Пименовой М.В. и др.). В фундаментальном труде Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» разработана концепция культурного концепта. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек, рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [6, с. 43]. Подход к исследованию концепта, по Ю.С. Степанову, предполагает поэтапный историко-этимологический анализ всех слоев концепта: начиная с 1) «третьего», «наименее актуального», «наиболее отдаленного в историю» (анализ «внутренней формы»), далее перейти к 2) изучению «пассивного», «исторического» слоя концепта (анализ истории концепта), после этого обратиться к 3) новейшему, наиболее актуальному и активному слою концепта (анализ «социальной стороны» концепта, изучение концепта как коллективного достояния).

Согласно концепции А. Вежбицкой концептуальный анализ представляет метод тренированной интроспекции. Заниматься концептуальным анализом – значит: используя интроспекцию, анализировать языки, которыми ученый владеет в совершенстве сам, а также как можно полнее использовать все данные культурно-антропологического анализа. Единицами семантического анализа будут являться семантические примитивы [7, с.9].

При анализе лингвокультурных концептов, «характеризующих специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе», Карасик В.И. предлагает следующие процедуры: 1) семантический анализ слов, называющий имена концептов; 2) этимологический анализ этих имен; 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты; 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты; 7) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта; 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное обозначение концепта [8, с. 28-32].

С.Г. Воркачев, определяя лингвокультурный концепт как «единицу коллективного сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [9, с.5], основными этапами его исследования считает анализ понятийной, образной и значимостной составляющих [10].

Мы согласны с мнением М.В. Пименовой о том, что более «полную картину» в определении когнитивных признаков концепта может дать личный индивидуальный опыт носителя языка. «Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [11, с.16].

В казахстанской лингвистике на сегодняшний день большую популярность приобретают исследования лингвокультурных концептов в аспекте евразийской культуры, выявления идиоэтнических особенностей художественного дискурса писателей, концепции билингвизма и др. (см. работы Сулейменовой Э.Д., Ли В.С., Шаймерденовой Н.Ж., Шайбаковой Д.Д., Журавлевой Е.А., Ахатовой Б.А., Гиздатова Г.Г., Сабитовой З.К., Ихсангалиевой Г.К. и др.). Так, например, по мнению З.К. Сабитовой, специфика лингвокультурного концепта состоит в его актуальности на протяжении многих веков, «в каждую эпоху он «обрастает» своими культурными смыслами» [12, с. 200]. При описании и анализе евразийских концептов, вербализованных в русском языке Казахстана, ученый вместе с исследователями Г.Т. Жанкидировой, К.С. Складенко, Д.С. Шантаевой, А.Т. Шетиевой используют приемы: 1. Анализ лексических значений ключевого слова, 2. Этимологическая справка, 3. Энциклопедическая, историческая справка, 4. Анализ текстов художественной литературы Казахстана (на русском языке и переводным), текстов СМИ, 5. Анализ фразеологизмов, поговорок, 6. Данные свободного ассоциативного эксперимента (Сабитова З.К. и др. 2011).

При изучении особенностей художественного дискурса писателей-билингвов анализ лингвокультурного концепта как идиоэтнического позволяет выявить уникальность мировосприятия автора-билингва. По утверждению А.Б. Тумановой, идиоэтнический концепт характеризует «художественное и концептуальное пространство дискурса писателей-билингвов», выражает национальный менталитет [13, с.77-79].

Обобщая итоги обзора исследовательских концепций в отношении понятия «концептуальный анализ», можно с уверенностью отметить его большие преимущества и перспективы в изучении

художественного дискурса О. Сулейменова. На наш взгляд, исследование концептов в его творчестве именно с позиций лингвокультурологического направления позволит выявить особенности ментальности поэта, описать систему его аксиологических представлений и способов их репрезентации в языке произведений.

Литература:

1. Тусупова А.К. Художественное пространство в поэзии О. Сулейменова // Олжас Сулейменов: Өнегелі өмір / под ред. Г.М. Мутанова. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – С.303-319.
2. Джуанышбеков Н.О. Языковая личность Олжаса Сулейменова в парадигме поэтического стиля // // Олжас Сулейменов: Өнегелі өмір / под ред. Г.М. Мутанова. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – С.181-189.
3. Кубрякова Е.С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М., 2007. – С.5-12.
4. Попова, З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – М.: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – 624 с.
7. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежицкой / Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С.5-32.
8. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 405 с.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
10. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
11. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований / Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 14-16.
12. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. –200 с.
13. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. – Алматы, 2010. – С. 77-79.

Секция III

ПРИЕМЫ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Екшембеева Л.В.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Признание учебного текста единицей обучения иностранному языку уже давно стало аксиомой. Одним из требований к III уровню общего владения русским языком как иностранным является сформированная способность «детально понимать информацию, содержащуюся в тексте, и критически её осмысливать». При этом Государственный образовательный стандарт (ГОС) [1] данного уровня предусматривает понимание информации в текстах различных стилей и типов. Именно текст как единица речевой деятельности обеспечивает социальную адаптацию человека в иноязычной среде, его полноценную включенность в социум.

В философии понятие включенности человека в действительность трактуется в числе прочего и как его способность выявлять, понимать и интерпретировать смыслы окружающего его мира. Смыслы текста, механизмы их генерации и понимания, кодирования и декодирования являются объектом изучения таких наук, как герменевтика, филологическая феноменологическая герменевтика, этнометодология (феноменологическая социология), когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвистика текста, дискурс-анализ, прагмалингвистика, этнолингвистика и т.д.

Способность понимать имплицитные смыслы и выражать свои намерения не только средствами «высокой степени экспликации» (ГОС), но и используя техники декодирования имплицитного представления информации, определяется как параметр качества владения языком.

Современный уровень развития лингвистики текста и дискурса позволяет организовать обучение языку через работу с различными уровнями текста. Поскольку основными функциями языка являются когнитивная, коммуникативная и аффективная, текст как средство его функционирования выполняет эти функции посредством информации определенного типа. Эта информация соотносена с денотативным (предметным, предметно-логическим), когнитивным, аффективным уровнями его содержания.

Ещё Гальперин отмечал, что информация как основная категория текста различна по своему прагматическому назначению. В связи с этим он различает информацию а) содержательно-фактуальную, б) содержательно-концептуальную, в) содержательно-подтекстовую. Содержательно-фактуальная информация содержит сообщения о фактах, событиях, процессах, гипотезах и т.д. Она эксплицитна по своей природе, т.е. всегда выражена вербально, при этом единицы языка употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за этими единицами социально-обусловленным опытом.

Содержательно-концептуальная информация – это информация об авторском понимании отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в жизни народа или отдельного человека. Такая информация извлекается из всего произведения и представляет собой переосмысление указанных фактов, явлений, событий, процессов.

Содержательно-подтекстовая информация представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений приращивать смыслы [2]. Если содержательно-фактуальная информация эксплицитна, то концептуальная и подтекстовая – извлекаются, т.е. они имплицитны.

Работая с учебными текстами в рамках программы подготовки к сдаче экзамена на получение сертификата III уровня, важно научить студентов выявлять и понимать не только предметно-логическое (денотативное) содержание текста, но и его глубинную когнитивную информацию.

Какие же типы имплицитных смыслов заложены в программу данного уровня?

Анализ текста Стандарта III сертификационного уровня позволил выявить два основных типа имплицитных смыслов: прагматический и когнитивный.

Классификация типов имплицитных смыслов, заложенных в ГОС

Тип	Содержание	Соотнесено с видом речевой деятельности
прагматический	Воспринимать имплицитно выраженные коммуникативные намерения говорящего	Аудирование
	Понимать в полилоге-дискуссии аргументы, содержащие имплицитно выраженную оценку.	Аудирование – говорение
когнитивный	Воспринимать социально-культурную информацию, выраженную в имплицитной форме	Чтение
	Понимать и адекватно интерпретировать тексты социально-культурной сферы общения с достаточно высоким уровнем содержания прецедентной информации	Чтение

Далее мы попытаемся рассмотреть природу имплицитных смыслов прагматического и когнитивного типов и определить методику работы по формированию способности распознавать, выявлять и декодировать скрытые смыслы в учебных текстах.

Технологии понимания имплицитных смыслов прагматического типа рационально экстраполировать в учебный процесс из лингвистической прагматики и теории дискурс-анализа. С семиотической точки зрения, прагматика как наука изучает отношение знака и пользователя. Концептуальной доминантой данного типа отношений является положение о том, что смысл языкового знака определяется не только и не столько внутриязыковым контекстом, сколько внешним контекстом использования [3]. Одним из направлений дискурс-анализа является теория высказывания, назначение которой – выявлять и анализировать интенции высказывания в рамках конкретного контекста. А этот контекст формируется субъектами общения, отношениями между ними (дружественными, деловыми, субординационными, определенными возрастом и др.), их глобальными целями, фоновыми знаниями, которыми они обладают о конкретно данной ситуации. Важнейшей частью контекста становятся социальный контекст, ценностные стереотипы общественного сознания, культурные традиции, национальный или региональный менталитет.

Понимание контекста определяет выбор стратегии языкового выражения. Стратегии языкового выражения, разработанные в прагматике, подразделяются на прямые, конвенциональные и косвенные. Прямые стратегии языкового выражения реализуются в речи перформативными глаголами – *просить, приказывать, предлагать, советовать, обещать* и др. Конвенциональные стратегии – этикетными формами, закрепленными в языке. Косвенные стратегии связаны с использованием одних речевых актов в роли других. Например, использование речевого акта *запрос информации* – *Не могли бы Вы дать мне ручку?* – в роли речевого акта *просьбы*.

Если прямую и конвенциональную стратегии языкового выражения намерения можно отнести к эксплицитным, где для выражения смысла используются закрепленные в языке средства, то косвенная стратегия выражения намерения имплицитна. И распознавание прагматического смысла возможно только в условиях определенного контекста.

И не всегда объективный смысл высказывания, выраженный в предложении, совпадает с его семантико-прагматическим смыслом, который становится инструментом воздействия в коммуникации. В высказываниях-реакциях, которые В.Г. Гак [4] называет речевыми рефлексам, используются речевые глаголы, но не с целью формирования объективного смысла (диктума), а для организации модально-коммуникативной (модусной) рамки, т.е. для выражения той или иной интенции. Так, в определенной ситуации императив глагола *поговорить* не побуждает к разговору, а выражает угрозу - *Ну поговори, поговори у меня!* Грамматическая форма отрицательного императива по логике должна выражать запрет, а в высказывании - *И не говори!* - скрыт смысл согласия с говорящим.

В междометийных высказываниях типа - *Да нет! Ну ты даешь!* - объективный смысл отсутствует полностью. Прагматический смысл определяется реакцией на какой-либо стимул и ситуативно может быть ориентирован соответственно на выражение *согласия / несогласия; удивления / восхищения / или возмущения*.

Намерение в таких высказываниях можно отнести к имплицитным смыслам, которые требуют детерминации контекстом общения.

Правильно понять иллюкутивную силу таких высказываний иностранному студенту сложно ещё и потому, что выбор говорящим конкретной формы находится под влиянием родной лингвокультуры. А это значит, что надо научить студентов распознавать намерение говорящего через осознание

назначения смысла в конкретной ситуации в рамках культурного и социального контекста. Для этого очень полезны наблюдения за речевым поведением носителей языка, анализ программ речевого поведения героев художественных текстов, художественных фильмов, продуцирование ситуативно определенных программ поведения (написание сценариев, моделирование тематических ситуаций речевого общения и т.д.).

Именно поэтому одной из задач учебных курсов «Язык кино» и «Язык художественного текста», введенных во втором семестре в программу подготовки флагманцев к сертификационному экзамену в КазНУ им. аль-Фараби, является формирование способности работать с имплицитными смыслами прагматического типа, т.е. с косвенными стратегиями языкового выражения намерений.

Имплицитные смыслы когнитивного типа в практике преподавания РКИ (III сертификационный уровень) должны стать объектом особого внимания.

Человек живет в мире смыслов. Этот мир формируется как результат кодирования / декодирования смыслов (на метаязыке культурологи – опредмечивания и распредмечивания; на метаязыке дискурс-анализа – материализации). Между смыслами устанавливается иерархия, они систематизируются на основе логической соотнесенности или на когнитивной основе – через процедуры категоризации и концептуализации.

Важно помнить, что понимание и интерпретация смыслов становятся возможными при условии сформированности индивидуальной концептуальной системы обучаемого, которая представляет собой его видение мира, в том числе и мира иной культуры [5]. Использование элементов этой системы в речемыслительной деятельности осуществляется посредством родного языка как системы кодирования / декодирования смыслов. При овладении неродным языком индивидуальная концептуальная система приобретает не только дополнительный код – языковые средства и грамматику изучаемого языка, но и новые лингвокультурные концепты.

Работу с текстом, в соответствии с его уровневой характеристикой, рекомендуется выстраивать поэтапно.

На первом этапе обеспечивается изучение денотативного пространства текста. Понимание смыслов текста базируется на их соотнесенности с действительностью. Основным когнитивным механизмом определяется базовая категоризация, которая обеспечивает достаточный уровень обобщения, необходимый для того, чтобы члены категории легко воспринимались по сходным очертаниям, а одиночный ментальный образ мог быть соотнесен с категорией в целом [6]. Результатом становится формулирование объективного (пропозиционального) смысла предложения. Все смыслы эксплицитны. Совокупность предложений передают денотативное (предметное, предметно-логическое) содержание текста. Проверка понимания осуществляется пересказом предметного содержания.

Учебными объектами второго уровня понимания текста являются смыслы, формирующие его концептуальную информацию. Это уровень аналитической работы с текстом. Логическая и когнитивная обработка информации текста направлена на выявление концептуальной информации, установление скрытых смыслов и отношений между ним с целью прагматического фокусирования фрагментов текста. На этом уровне устанавливается связь между когнитивным и денотативным содержанием текста через обобщение, обоснование, соотнесение с определенной категорией, выявление причинно-следственных отношений и отношений иерархии, формулирование выводного знания. Задания аналитического типа позволяют выявить скрытые смыслы, сформулировать их, выявить когнитивный уровень содержания и интерпретировать его. Закономерно, что основным когнитивными механизмами нами определены категоризация и интерпретация. Проверка понимания осуществляется способностью интерпретировать смысл через установление его места и роли в иерархии других смыслов.

В качестве примера такой аналитической работы можно привести работу с текстом-интервью, где требуется найти реплики и вопросы, соответствующие ответам. Не всегда лексика, синтаксис и предметное содержание текста помогают выполнить это задание. Поэтому студентам предлагается алгоритм работы, где первым шагом является обобщение информации фрагментов текста (и вопросов, и ответов) с целью соотнесения с семантической категорией. После процедуры категоризации выделяются группы фрагментов текста, соотнесенные с одной категорией. И только после этого предлагается провести логико-предметный и языковой анализ текстовых единиц. Такая методика работы значительно повышает успешность выполнения задания.

Третий уровень – уровень синтеза с целью выявления глубинных смыслов текста, понимание которых обеспечивается благодаря знанию социального, культурного, национального контекста. Синтезируется глубинная когнитивная, аффективная, культурная информация на основе понимания контекста функционирования концептуальных смыслов и их когерентности. Языковыми формами их

выражения могут быть метафоры, прецедентные тексты, стилистически маркированные обороты, фразеологические единицы, речевые клише конвенционального типа и др. Они способны выражать смыслы отрицания, оценки, ощущения, экспрессии; институциональные смыслы профессиональных сфер деятельности, культурные и этнокультурные смыслы и ценности; отношения модальности и т.д. Для работы с глубинными смыслами текста требуется наблюдение над языковыми средствами выражения культурных смыслов, ценностных стереотипов общественного сознания, смыслов, порожденных особенностями профессиональной сферы и отношениями внутри неё. Основным инструментом проверки понимания и использования в речи является интерпретация.

В заключение ещё раз хочу акцентировать ваше внимание на следующем:

1) Актуализация имплицитных смыслов учебного текста, с одной стороны, необходима при развертывании программ речевого поведения. Все интенции, коммуникативные цели и задачи участников общения при выборе косвенной стратегии языкового выражения намерения не могут быть правильно поняты вне прагматического контекста именно с силу имплицитности выражения. При работе с такими смыслами требуется элементарный прагматический или разговорный анализ текста. Дидактически это реализуется как система наблюдения и анализа программ речевого поведения героев и соотнесение их с коммуникативными целью и задачами.

2) Распознавание имплицитных смыслов логического типа возможно через обучение интерпретировать содержание текста на основе обобщения информации, формулирования вывод, соотнесения с определенной категорией, выявления причинно-следственных отношений, отношений иерархии и т.д.

3) Интерпретация глубинных ментальных смыслов невозможна вне знаний социально-культурного, лингвокультурного, научного контекста. Это подтверждается работой в аудитории с прецедентными именами и текстами, метафорами, фразеологическими единицами, интенциональным дискурсом определенных научных сфер, с анекдотами, загадками, шутками и т.д.

Понимание и актуализация имманентных смыслов в речемыслительной деятельности обучаемых и позволяет вывести их на более высокий уровень владения языком.

Литература:

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / Т.А. Иванова и др. - М.: СПб.: Златоуст, 1999. – 22 с.
  2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования - М.: УРСС, 2004 - 138 с.
  3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. - М.: Гнозис, 1994. - С.328.
  4. Гак В.Г. Речевые рефлексии с речевыми словами. // Логический анализ языка. Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994. - С.6-10.
  5. Павилёнис Р.И. Проблема смысла - М.: Мысль, 1993. – 286 с.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. - С.135-137.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «ПОСТОРОННИЙ» А. КАМЮ и «ДОМ БЕРНАРДЫ АЛЬБЫ» Ф.Г. ЛОРКИ

*Джолдасбекова Б.У.
КазНУ им.аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье рассмотрены возможности компаративного анализа на практических занятиях по зарубежной литературе. Объектом анализа являются произведения представителей разных литератур. Студентам предлагается рассмотреть особенности трактовки поступков героя повести Альбера Камю и семьи Бернарды Альбы путем выявления мотивов их поведения. Приемы компаративного анализа позволяют провести сюжетные параллели в произведениях французского и испанского писателя и драматурга и сделать вывод, что полностью зависят от общества, в котором вынуждены жить.

Ключевые слова: компаративный анализ, экзистенциализм, абсурд, конфликт между обществом и человеком.

На современном этапе изучения студентами-филологами зарубежной литературы одним из действенных исследовательских приемов является компаративный анализ, который позволяет выявить общее и различное в художественных текстах писателей, рассмотреть связи и влияние литератур разных стран друг на друга. Особенно эффективно использование его элементов при анализе сюжетов, мотивов, образов в литературах разных народов и эпох [1].

Интеграция образовательных программ по зарубежной литературе, сопровождающаяся стремительным сокращением аудиторных часов, также предполагает обращение к опыту компаративистов и их методу анализа, параллельно изучать творчество романтиков, реалистов, модернистов в русской и зарубежной литературах. В свою очередь, синхронное изучение литератур, компаративный анализ произведений и творчества авторов разных стран дает возможность понять своеобразие мирового литературного процесса.

Творчество французского писателя Альбера Камю и его дебютная повесть «Посторонний» представляют собой классический идей экзистенциализма. Испанский поэт и драматург Фредерико Гарсия Лорка как художник-авангардист решает проблему выбора человеком своего места в этой жизни. В их произведениях показаны разные случаи влияния общества на человека, поэтому на занятиях по анализу текста наиболее эффективен компаративный анализ.

А. Камю в повести «Посторонний» (1940 г.) показывает трагедию личности, оказавшейся непонятой обществом из-за желания жить и рассуждать по-своему. Писатель родился в Алжире, который долгое время был колонией Франции. Французы относились к арабам как к людям второго сорта, не считались с их мнением. Возможно, происхождение писателя и знание им жизни алжирцев отразились в развитии повествования в повести. Гарсия Лорка, наоборот, в своей пьесе не поднимает проблему расизма, но он ярко и достоверно описал жестокий мир испанских деревень незадолго до начала гражданской войны в Испании.

Главный герой Камю мсье Мерсо – француз, который ведет неинтересную, скучную жизнь. Главное в характере этого героя – это то, что он «посторонний» в этом обществе, «чужой» среди людей. Окружающие не могут понять причин его поступков, поэтому относятся к нему как к «чужеродному телу» в своем кругу. Повесть начинается с того, что Мерсо получает телеграмму о смерти матери в богадельне. Смерть единственно близкого человека не вызвала у Мерсо никакой реакции. Он даже не знает, когда это произошло, потому что в последние годы не посещал ее. Они расстались несколько лет назад без сожаления, этим близким по крови людям не о чем было говорить. И он, под предлогом того, что ему не на что содержать сиделку, отправил мать в дом призрения, где она нашла себе подруг и любовь. Но сын об этом узнал только после ее смерти. «Ну вот, подумал я, воскресенье я скоротал, маму уже похоронили, завтра я пойду на работу, и, в общем, ничего не изменилось» [2, с.24]. В сущности, героя можно обвинить в черствости и равнодушии к матери. Но оно вначале воспринимается окружающими лишь как «странность», и только потом на суде звучит как преступление: Мерсо не выполнил свой сыновний долг. Но на самом деле этим и такого рода пороками страдает само общество. Вспомним, что его хозяин не выражает ему соболезнования потому, что нет у Мерсо пока знаков траура, т.е. в этом обществе сострадают только для галочки, создают лишь видимость.

Альбер Камю разоблачает фальшивое отношение к факту смерти, их лицемерие и лживость. Мерсо едет на похороны, но не притворяется, что ему грустно, отказывается посмотреть на покойницу; он не знает, сколько ей было лет; не плачет на похоронах, потому что ему все равно, что люди будут осуждать его за бессердечие и нелюбовь к матери. Единственное его правило – всегда говорить правду, какой она ни была бы – неслучайно вызывает у окружающих возмущение. После похорон он приходит к выводу, что «ничего не изменилось». Читая об этом, мы понимаем, что этот герой не похож на окружающих, он ведет себя не так, как все. Мари считает его «странным», и признается себе, что, возможно, за это его и любит. «Странность» проявляется и в других поступках героя: когда хозяин предложил ему более интересную работу, вместо радости он проявляет равнодушие, ему «все равно», он считает, что «жизнь не изменишь». Эта правдивость героя не понята и не воспринимается окружающими. Мерсо не играет в игру окружающих: он не лжет ни самому себе, ни тем, с кем ему приходится сталкиваться, поэтому общество считает его чуждым. Но простые люди, нуждающиеся в такой же «правде», тянутся к нему (вспомним эпизод со стариком Саламано, потерявшим пса и пришедшим жаловаться на судьбу именно к Мерсо). Сам же герой ищет уединения, он молчалив, живет своей внутренней жизнью. Внешнее равнодушие героя к жизни вызвано скукой. Наверное, поэтому он добровольно обрекает себя на одиночество. Его любимое занятие – сидеть у окна и наблюдать за жизнью других людей, особенно соседей. Он хороший психолог, видит человека насквозь и знает немало тайн окружающих, но на контакт с людьми идет редко. То есть Мерсо сам сознательно выбирает одиночество, никому не навязывает свое мнение и не нуждается в опеке со стороны общества. Но тем не менее. Удивительно, что именно его безразличие к людям возмущает общество. Оно считает его поведение аномальным.

Особенно ярко ненависть общества к Мерсо проявляется на суде. Мерсо убил араба, но то, что произошло, на суде представляется совершенно иначе, расследование искажает факты из-за того, что общество не понимает мотивов поведения Мерсо. Убийство араба происходит на пляже под

влиянием раскаленного, знойного воздуха и солнца. Выстрел в араба был нечаянным, из-за жары, а не по умыслу. Мерсо не собирался никого убивать. После ареста Мерсо не делает ничего, чтобы как-то облегчить свою участь, не пытается оправдаться, и в этом окружающие видят угрозу себе, обществу, (вспомним поведение следователя который хочет заставить Мерсо поверить в Бога: он испуган, потому что не может понять мотивы поступков Мерсо). Из-за этой правдивости прокурор и обвинитель невзлюбили героя. Суду нужно не только признание, им нужно покаяние, но этого не происходит. Мерсо только перед казнью чувствует, что был счастливым и возможно еще будет счастлив. Мир «так на меня похож, он мне как брат, и от этого я чувствую – я был счастлив, я счастлив и сейчас».

Герой находит согласие с миром в тесном общении с природой, уход в другой мир означает для него возвращение к вечной природе. А для окружающих такое поведение Мерсо – абсурдно. Но Альбер Камю оставляет вопрос открытым, позволяет нам самим решить, кто абсурден: Мерсо или общество с его ханжеством, лицемерием, фальшью, ложью.

Проблема влияния общества на психологию человека ставится и в пьесе Фредерика Гарсии Лорки в пьесе «Дом Бернарды Альбы» (1936 г). В ней нет главного героя, на что указывает и подзаголовок: «Драма из жизни женщин в испанских селениях». Автор рассказывает о подлинных событиях. Семья Бернарды Альбы живет во лжи и притворстве. У Бернарды Альбы умирает муж, и пьеса начинается со сцены похорон и решения Бернарды о восьмилетнем трауре по нему: «В этот дом и ветру не будет доступа... Так было в доме моего отца и в доме моего деда, так будет и у нас» [3, с.66]. Этот жестокий обычай придуман не ею, она просто хранительница и исполнительница и в то же время она его рабыня. Но эта жертва вызвана отнюдь не потерей близких людей. Общество диктует Бернарде свои правила, и она опасается, что иначе люди осудят их семью. Для молодого поколения семьи: Ангустиас, Магдалены, Амелии, Мартерио и Адель – смерть бабушки и отца означает, что теперь они будут жить по еще более строгим правилам, не смогут видеться с молодыми людьми, так как им запрещено выходить за пределы дома. Они с горечью осознают, что не смогут теперь выйти замуж, останутся старыми девами, потому что никто из мужчин не сможет переступить порог дома, где не осталось мужчин. Соблюдения этих строгих правил требует общество, отношение которого к дому Бернарды Альбы полно притворства, ханжества, неискренности. Трагедия в этом доме длится много лет, свидетельство тому история восьмидесятилетней Марии Хосефы, безумной матери Бернарды. Только эта женщина из-за своего психического состояния может решиться на свободу, она не подчиняется Бернарде, нарушает ее законы. Запертая в доме тюрьме Мария Хосефа мечтает о свободе, символом которой выступает море (вспомним песенку, которую она исполняет, несмотря на окрики Бернарды и насмешки ее дочерей).

У каждой из дочерей Бернарды своя трагедия: они лишены права любить, выйти замуж, быть счастливыми. Они – рабы общественного мнения. Жизнь в этом доме лжива и фальшива, здесь нет места правде и все это – в угоду обществу. Бернарда управляет в этом доме всем, в том числе и сознанием своих дочерей. Дочери под влиянием матери научились лгать, подслушивать, ябедничать, выслеживать и делать друг другу пакости. Ни у кого из них не сложилась судьба. Никто из них не испытал истинного счастья в любви и дружбе, не смог создать семью, иметь детей. У сестер нет свободы и независимости. Они живут в доме, словно заключенные, постоянно находятся под неусыпным оком Бернарды. Поэтому окно играет в этом доме-крепости важную роль: оно символ связи сестер с внешним миром. Неслучайно они проводят много времени у окна и завидуют людям на воле. Если герой А. Камю сознательно сторонился людей, не допускал их близко к себе, то дочери Бернарды Альбы только и мечтают об общении с миром, природой, хотят выйти замуж и жить счастливо и долго. Но этого не может допустить общество, его мораль: сестер осудили бы, их желание общаться с другими назвали бы неприличным. Сестер останавливает страх перед возмездием: они боятся повторить участь несчастной дочери Либрады, которую толпа преследует за тайную связь с мужчиной: «Прикончите ее поскорей, пока не приехала полиция! Жгите ее грешницу! Жгите ей живот горячими угольями!». Все село пронизано атмосферой неискренности, жестокости и пошлости.

Развязка в обоих произведениях схожа – смерть главных героев, но она наступает по разным причинам. Мерсо приговаривают к смертной казни из-за убийства араба. Но на самом деле его осуждают за то, что он не жалеет о содеянном, не оправдывается. Присяжные, вынося приговор, говорят не столько о совершенном им преступлении, сколько о том, что он черств и бездушен по отношению к матери: не плакал на похоронах матери, не захотел взглянуть на нее в последний раз, после похорон пошел гулять с женщиной и т.п. Прокурор также не заостряет внимание на том, что Мерсо просто так убил человека. Может быть, если бы убитый был бы не арабом, а французом, все было бы по-другому. Поэтому Мерсо наказывается из-за того, что не умеет и не желает врать, в этом общество видит себе угрозу.

Гарсиа Лорка также завершает конфликт между обществом и человеком через смерть героини. Все дочери властной Бернады Альбы несчастны и страдают от того, что вынуждены жить взаперти, вне внешнего мира. Их будущее трагично. Но самое страшное происходит с Аделой, полюбившей будущего жениха своей сестры и решившейся на самоубийство из-за этой запретной любви. Смерть ей принесла освобождение из рабства. Остальных дочерей Бернады ожидает печальная участь безумной матери Бернады. Сестры смеются над старухой, пытающейся сбежать из дома, и пока не видят в ней самих себя через 30 лет. Из этой тюрьмы есть только один выход – смерть. Но даже в последний момент Бернада играет свою роль, она объявляет всем, что ее дочь умерла невинной, девственницей, хотя Адела согрешила. Общество заставило ее еще раз солгать, его мораль оказалась сильнее материнских чувств. Оно подчинило себе всех из семьи Альбы, и в этом смысл трагедии.

Подводя итоги, студенты приходят к выводу, что и герой Альбера Камю Мерсо, и героини Гарсии Лорки полностью зависят от общества, в котором вынуждены жить. Поэтому смерть для них – единственное избавление из создавшегося положения. Герой Мерсо, отказывающийся лгать в угоду окружающим, представляет собой угрозу обществу. А в «Доме Бернады Альбы», напротив, все погрязли во лжи и грехах, и поэтому смерть спасает испытывавшую истинное чувство любви Аделу, избавляет ее от мучений. Остальным же героиням не вырваться из этого порочного круга.

Литература:

- 1 Эсалнек А. Анализ художественного произведения: практикум. – М.: Флинта, 2011. – 315 с.
- 2 Камю А. Посторонний // А. Камю. Сочинения. – М.: Прометей, 1989. – С.21-82.
- 3 Гарсиа Лорка Ф. Дом Бернады Альбы // Федерико Гарсиа Лорка. Избранные произведения в двух томах. Стихи. Театр. Проза. – Том.2. – М.: Художественная литература, 1986. – С.65-103.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сабитова З.К.

*Анатолийский университет
Турция, Ескишекир*

Аннотация. В статье описываются приемы работы с произведениями Олжаса Сулейменова на уроках русского языка в контексте интегрированного образования, способствующие формированию у учащихся внимательного, творческого отношения к слову, критического мышления.

Ключевые слова: произведения Олжаса Сулейменова, учебник русского языка, интегрированная образовательная программа.

1. Введение

Олжас Сулейменов на протяжении многих лет ведет научные изыскания в области языкознания, семиотики, литературоведения и др. Его произведения не могли не изучаться в школе, стать средством постижения мира. Использование текстов его художественных, публицистических произведений на уроках русского языка позволяет создать обучающую среду, способствующую формированию тонко чувствующих слово, креативных, функционально грамотных, критически мыслящих учащихся, способных воспринимать мир масштабно, космополитически, а родную страну – как колыбель цивилизации, начало начал, ориентир, к которому человек всегда возвращается, где бы он ни был.

2. Интегрированные образовательные программы в школе.

В казахстанскую среднюю школу внедряются интегрированные образовательные программы, основанные на лучших традициях казахстанской и мировой образовательной системы. Для интегрированной образовательной программы характерны интеграция предметов, единство обучения и воспитания, ориентация на обучение учащихся применению знаний в решении жизненных проблем.

Основные цели интегрированной образовательной программы можно сформулировать в образной форме: учить учиться, учить думать, учить действовать, учить жить. Самым важным в этой программе является то, что она ориентирована на обучение действию, жизни. И это в полной мере отвечает реалиям нашего информационного века.

Известный ученый-физик Митио Каку считает, что в будущем учеба не будет базироваться на запоминании, потому что всю необходимую информацию можно загружать в компьютеры и гаджеты. Мозг не будет перегружен бесполезными знаниями, основной процент которых, как показывает практика, впоследствии не используется. А освободившийся умственный резерв переориентируется на развитие способностей думать, анализировать, аргументировать и принимать решения [1].

Представим цели и средства обучения интегрированной образовательной программы в таблице 1.

Таблица 1

Цели интегрированной системы образования	Как это сделать?	
	средства	объект
Творчески решать задачи и проблемы, самостоятельно учиться →развивать критическое мышление, исследовательские и коммуникативные навыки	Информационные и коммуникационные технологии, работа в группе и индивидуально	Языковой материал – лучшие образцы речевой продукции, ее отбор, презентация, способы подачи.

3. Цели обучения русскому языку вчера и сегодня

Особый статус русского языка среди предметов гуманитарного цикла в общеобразовательной школе обусловлен его функциями в жизни общества и каждого человека. Благодаря языку люди могут общаться, получать и хранить информацию, приобщаться к культуре, истории народа, художественной литературе. Известно, что мы живем в большей степени в мире слов, нежели в мире предметов и явлений. И неслучайно нашу постоянную, никогда не прекращающуюся жизнь «с языком» и «в языке» называют *языковым существованием* [2]. Этим определяется созидательная роль языка в формировании личности учащегося, его интеллектуального, эмоционального и нравственного развития.

В этой связи важно подчеркнуть, что русский язык – это не просто предмет изучения, он также и средство изучения других предметов, познания окружающей действительности, мощное орудие саморазвития и социализации человека. Поэтому в преподавании русского языка мы должны не только давать сведения о русском языке, учить использовать его в разных ситуациях, но и учить самим добывать знания, размышляя над языковыми фактами в их реальном функционировании, сопоставляя их, делая выводы.

С появлением чего-то нового люди обычно критикуют старое, и это вполне естественно. Это возникает потому, что мы соотносим новое с существующим или прошлым опытом: только сравнивая, оценивая, мы сможем осознать и принять преимущества нового. И только в этом случае мы можем двигаться вперед, идти в ногу со временем. Раньше в нашей школе ведущим был «знаниецентрический» подход, затем он уступил место коммуникативно-деятельностному, компетентностному подходу, ориентированному на результат, а сейчас наше среднее образование будет основываться на интегрированном обучении.

Надеюсь, что интегрированный подход позволит преодолеть практику обучения русскому языку, которая низводит полноценное овладение речью до умений проводить различные виды лингвистического «разбора» и до орфографически-пунктуационного тренинга. Не секрет, что гипертрофированная «орфографоцентричность» системы обучения русскому языку в школе не дает нужного результата: ведь, несмотря на это, грамотность выпускников школы остается желать лучшего. Поставив во главу угла принципы, способствующие овладению на уроках по русскому языку различными видами речевой деятельности (слушание, чтение, понимание, говорение, письмо), мы направляем процесс обучения на овладение функциональной грамотностью, способствующей реализации способностей учащихся, их успешной адаптации и социализации.

Значит, в контексте образно названных задач обучения учитель русского языка должен руководствоваться тем, что нужно не просто дать знания о русском языке, а сформировать умения пользоваться этими знаниями в практической деятельности. Иными словами, на уроках русского языка нужно говорить не *о* языке, а *на* языке.

4. Обучение русскому языку на материале произведений Олжаса Сулейменова.

Цель обучения учебному русскому языку в 5 классе – научить детей учиться, стать самостоятельными, мотивированными, заинтересованными, ответственными и интеллектуально развитыми личностями. Изучение русского языка планируется осуществлять на основе следующих тем: «Культура: язык и общение», «Мир вокруг нас: транспорт и инфраструктура», «Жизненные ценности», «Мир профессий», «Мир фантазий», «Живые организмы: растения», «Каникулы и отдых», «Астрономия: звезды и созвездия», «Чудеса света». В учебнике «Русский язык» для 5 класса мы обратились к художественному и публицистическому творчеству Олжаса Сулейменова, в основе поэтических творений и научных изысканий которого положено сотворчество и диалог при помощи слова:

Любая влага,
влитая в кувшин,
спешит принять

его литую форму,
а слово,
проникая в глушь души,
ей сообщает
собственную форму...
Так, в мир входя,
мы изменяем мир,
он – оболочка,
мы – его основа,
мой мир,
рябьсь, морщинась,
как эфир,
приобретает очертанье СЛОВА[3, с.115].

5. Гипертекстовое пространство Олжаса Сулейменова в учебнике по русскому языку

Приведем примеры использования произведений Олжаса Сулейменова при изучении темы «Почему их так называли?» раздела «Мир фантазий», в котором мы ставим целью познакомить учащихся с понятием внутренней формы слова – признаком, который лег в основу наименования предмета, явления. Мы обратились к его тексту:

«Слово – это микрочип.

Оно включает в себе значительный объем информации. Если найти нужный золотой ключик, то можно узнать из слова больше сведений, чем сообщают археология и история».

Мы предложили выделить в этом тексте-рассуждении композиционные части, выразить свое согласие / несогласие с тезисом автора, провести работу с ключевыми словами этого текста (*микрочип, золотой ключик*) и выяснить, почему Олжас Сулейменов употребил эту развернутую метафору. Сходства микрочипа и слова очевидные: оба состоят из множества элементов, соединенных в одну сеть. При этом нужно обратить внимание учащихся на важность слова в тюркской картине мира.

Известно, что предмет, явление становится своим, понятным, освоенным, если дать ему имя, обозначить его. И только назвав его, мы можем использовать его, совершать с ним какие-то действия для своих целей. Для тюрка основой упорядочения мира и создания культуры были два высших творения – имя и конь. Как слово (*at*) означало освоенность, осмысленность мира, гармонию, вселенский порядок, так и конь (*at*) символизировал освоенность, покорение мира, переход от хаоса к порядку и гармонии. Ср. омонимичные прилагательные *atliŋ* ‘называемый, именуемый’ и *atliŋ* ‘имеющий коня, конный, на коне; всадник’ [4, с.67].

Используя данный культурный код, можно объяснить мифокультурную значимость использования понятия «конь» (*at*) как эталона интеллекта, мотивов соотнесения понятий «конь» и «язык» в тюркских и славянских языках, напр., в пословицах: рус. *Не бывает языка без ошибок, копыт не спотыкающихся; Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась* [5, с.270]; казах. *Ұятсыз езбе жігіт жүгенсіз атқа ұқсайды* (‘Если джигит бесстыдный болтун, он похож на коня без узды’); *Ақылсыз жігіт – ауыздықсыз ат* (‘Глупый джигит что конь без узды’); *Адам тілінен, ат аяғынан азады* (‘Конь спотыкается на ноги, человек запинаясь на слове’); *Адамның тізгіні – ақыл* (‘Ум для человека что вожжи для лошади’) [6, 69, 153, 156 б.]; башк. *Дүрт аяғлы ат та һөрөнә* (‘Конь о четырех ногах и то спотыкается’); *Асыуынды ат ит, ақылыңды тезген ит* (‘Гнев свой сделай лошастью, а ум поводьями’) [7, с.55, 57].

В учебнике мы привели отрывок из стихотворения «Айналайын» Олжаса Сулейменова. В казахском языке и в «казахстанском» русском языке слово *айналайын* используется как выражение любви по отношению к детям, родным и близким людям:

*Айналайын – захочешь, запомнишь!
Повтори айналайын при мне.
Пусть оно будет нашим паролем,
Именами твоим и моим...
Мы казахи с любовью и болью,
О любимых своих говорим.*

Изучая это стихотворение, мы ставили целью выявить вместе с учащимися представления, связанные со словом *айналайын* у казахстанцев, обратить их внимание на то, что это слово употребляется в русском языке в Казахстане, для жителей же России и других стран оно будет непонятным. Это связано с тем, что у казахстанцев особая, евразийская, ментальность, которая,

естественно, находит отражение в русском языке, и это обуславливает различия «казахстанского» и русского русского языка. Слово *айналайын* – это и есть тот микрочип, в котором заключена не только языковая, но культурная, философско-мировоззренческая, историческая информация. Оно больше, чем слово, оно – знак евразийской культуры, пучок, из которого «смысл торчит в разные стороны, а не устремляется в одну точку» (О. Мандельштам). Это слово сродни пароллю, секретному слову, позволяющему обозначить своих, родных людей.

Ключевые слова этого текста имеют многомерное значение, они, «проникая в глушь души, ей сообщают собственную форму».

Такие обогащенные в культурном и смысловом отношении тексты развивают чувство языка, креативное, творческое отношение к нему, способность воспринимать его объемно, в магической связи с другими словами, видеть за каждым словом фрагмент мира народа – носителя языка. Работа над такими текстами позволит учащимся увидеть в каждом слове «петлю тончайшей сети, которая соткана нашей памятью из невообразимого множества волокон, тысячи ассоциаций», которые сходятся в каждом слове и «расходятся от него по всем направлениям» [8, с.89].

При изучении темы «Доброта» в разделе «Жизненные ценности» мы дали для чтения и анализа текст Олжаса Сулейменова:

«Кочевник, встретив в пустыне умирающего от жажды странника, никогда не проедет на своем верблюде мимо. Он напоит его, накормит, доведет до ближайшего колодца, где всегда есть люди. И пойдет дальше, чтобы никогда более не встретиться. Тысячи таких случаев уложились в степной закон: «Если ты встретишь человека, обрадуй его: может быть, ты видишь его в последний раз». Это выражение бескорыстной доброты, благородной морали во встречавшихся мне в детстве сказках, где герой помогает выброшенной на берег рыбе, а когда его лодку опрокинул шторм, спасенная им рыбка чудесным образом помогает ему».

В беседе по тексту о степном законе казахов предполагается выяснить, как учащиеся понимают смысл выражения *бескорыстная доброта, благородная мораль*, почему кочевники жили по законам «бескорыстной доброты», и привести к заключению о бескорыстии, благородстве казахов. К тому же мы предлагаем учащимся привести из произведений литературы, которые они изучают, примеры бескорыстной доброты и задаем вопросы, почему люди помогают друг другу, что это им дает, как нужно делать добро (просто так или для того, чтобы оно к тебе вернулось).

Уважением к величию сыновней любви и заботы о степи, подчеркиванием значимости для казахов степь, особыми, трепетными, чувствами, которые она вызывает у казахов, проникнут текст Олжаса Сулейменова: *«Степь проста с первого взгляда, а со второго она уже красива и недоступна. С третьего взгляда (и уже навсегда) степь лишается шумных и высоких эпитетов. Она уже попросту твоя родина, она ждет не восхищения, а сыновней любви, заботы на всю жизнь».* Мы взяли для анализа стихотворение «Карагач» Олжаса Сулейменова и предложили охарактеризовать слова, которыми поэт описывает карагач как живое существо; определить, с какой целью он его так изображает, почему карагач назван «маяком пустынных степей».

В разделе «Созвездия» мы читаем отрывок из поэмы «Земля, поклонись человеку!» Олжаса Сулейменова, посвященной Юрию Гагарину. Путь к звездам Юрия Гагарина начался у нас в Казахстане, на Байконуре. Мы задаем вопросы, что является для тебя Родиной, почему *Земля* «большое слово», что в твоём понимании Земля, можешь ли ты поставить знак равенства между Землей и Родиной, как ты думаешь, почему люди тянутся к звездам, что обозначает слово *жилы (рек)* в поэме, на чем основан перенос значения, похожа ли Земля на сердце, «перевитое жилами рек», почему «все прекрасное, что он создал, человек называет – высоким». Тем самым мы учитываем дискурсивную естественность – погружаем этот текст в конкретную ситуацию.

Известно, что важным при изучении русского языка (как и любого другого языка) является текст. Зачастую учитель соблюдает текстовую естественность (т.е. правильность употребления элементов строения текста, выбора средств маркирования межфразовых связей и др.), однако более важной оказывается дискурсивная естественность, которая предполагает соответствующую коммуникативную ситуацию: коммуникативные намерения собеседников, общий коммуникативный замысел и др. И это понятно, поскольку наше общение выражается в его «вплетенности» в различные ситуации.

В заключение скажем, что в процессе обучения два главных участника – ученик и учитель, слияние энергий которых даст исключительный результат. Поскольку, как писал Ш. Амонашвили, «учебники не умеют по-дружески говорить со школьниками, помогать им, сочувствовать, радоваться вместе с ними, смеяться, поощрять их познавательные дерзания». Эту задачу выполнит учитель.

Литература:

1. Каки М. Учеба уже не будет базироваться на запоминании // <http://www.vospitaj.com/blog/mitio-kaku-uchjoba-uzhe-ne-budet-bazirovatsya-na-zapominanii/>
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - 352 с.
3. Сулейменов О.О. Любая влага... // Сулейменов О. Стихотворения и поэмы. - Алма-Ата: Жазушы, 1975. - С.115-116.
4. Древнетюркский словарь / Под ред. Наделяева и др. - Л.: Наука, 1969. - 676 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1999.
6. Қазақ мақал-мәтелдер – Казахские пословицы и поговорки / Құраст. және ауд. М. Аққозин. - Алматы, 2000. - 202 б.
7. Башкирско-русский словарь - М., 1958. - 804 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика - М.: Либроком, 2009. - 398 с.

СТИХОТВОРЕНИЯ О.О. СУЛЕЙМЕНОВА НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 7 КЛАССЕ

Лих И.В.

*Назарбаев Интеллектуальная школа
Казахстан, Талдықорган*

Янко М.Л.

*Назарбаев Интеллектуальная школа
Казахстан, Усть-Каменогорск*

Аннотация. Статья посвящена изучению стихотворений О.О. Сулейменова «Волчата» и «Карагач» на уроках русской литературы по Интегрированной образовательной программе, которая используется в Назарбаев интеллектуальных школах Казахстана. Эти стихотворения помогают учащимся раскрыть одну из сторон творчества поэта, связанную с проблемами взаимоотношений человека и природы, вызвать эмоциональный отклик на описанные события. Авторы статьи описывают приемы, соответствующие возрастным особенностям учащихся 7 класса, методы работы с текстом стихотворений, которые позволяют более глубоко проникнуться идеей произведений. В статье приводятся примеры различных заданий, соответствующих целям обучения и варианты их использования на уроке. Описанные варианты творческих заданий направлены на самостоятельный анализ и интерпретацию текстов стихотворений. В статье приводятся примеры ученических работ, которые публикуются с согласия их авторов.

Ключевые слова: Интегрированная образовательная программа, цели обучения, анализ и интерпретация, варианты заданий, примеры работ учащихся.

В настоящее время процесс литературного образования учащихся, безусловно, подразумевает включение регионального компонента. Наша казахстанская земля щедро одарена талантливыми писателями, поэтами, публицистами, одним из которых является О. Сулейменов.

По словам Леонида Мартынова, этот поэт, «творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским»[1]. Большая часть его произведений посвящена теме защиты родной природы: растений, животных и Человека, способного жить в гармонии с окружающим миром. Именно такого Человека О.О. Сулейменов призван был защитить, борясь за закрытие семипалатинского ядерного полигона и основывая движение «Невада-Семипалатинск». И именно такой Человек является носителем гуманной идеи автора, заключенной в словах из стихотворения «Волчата»:

И человек пошёл своей дорогой.

Куда?.. Зачем?..

Нам это не узнать.

Он был волчатник,

Но волчат не тронул,

Ребят уже не защищала мать...[2]

Интегрированная образовательная программа по русской литературе, разработанная для Назарбаев интеллектуальных школ, основывается на развитии навыков понимания, анализа, интерпретации и сравнения художественных текстов. Тексты стихотворений О.О. Сулейменова служат основой для такой работы.

Урок, посвященный анализу стихотворения «Волчата», способствует необыкновенно сильному эмоциональному отклику учащихся. Вызывает чувство жалости, сострадания и ответственности за все происходящее. Кроме того, как показывает многолетняя практика, это произведение является мощным стимулом для создания необыкновенно интересных творческих работ учащихся: эссе, отзывов и даже своих стихов на сходную тему.

На уроке по стихотворению О. Сулейменова «Волчата» добиться хорошего результата в усвоении содержания помогает проблемный анализ произведения и применение стратегий критического мышления. Так, например, в начале урока учитель может задать вопрос: «Какие ассоциации вызывает у вас слово «волк»?». Затем учитель, создав проблемную ситуацию, просит учащихся привести

примеры из жизни или книг, фильмов, которые могут свидетельствовать не только о злобности, но и о преданности, заботливости и других положительных качествах волков.

Чтобы учащиеся определили тему и идею произведения (по цели обучения АИ 2 – Тема и идея), выражая своё мнение о поступках героев, предлагаем посмотреть видео, где автор, Олжас Сулейменов, читает стихотворение «Волчата» [3]. Затем ученики в группах обсудят предложенные для размышления вопросы и поделятся своими мыслями с классом (по цели обучения ПО 2 – Понимание художественного произведения). Вопросы могут быть такими:

- Что увидел человек в густой лощине?
- Как вы думаете, что мог почувствовать волчатник при виде происшедшей трагедии?
- Можно ли с уверенностью сказать, кто ее истинный виновник?
- Какова главная мысль стихотворения?
- Каким образом изобразительно-выразительные средства языка (эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения, синтаксические фигуры) помогают понять основную мысль произведения?
- Какую роль играют повторы вопросительных предложений и деепричастные обороты?

Учитель должен обратить внимание на подробный анализ изобразительно-выразительных средств языка, чтобы подготовить учащихся к пониманию идеи этого стихотворения. Очень плодотворно проходит дискуссия на тему «Прав ли человек, что оставил волчат живыми?». Для выполнения этого задания можно разделить учеников на группы, чтобы они отстаивали свою точку зрения и оценивали работу друг друга.

Учителю следует обратить внимание дискутирующих на то, что в своей аргументации они должны опираться на цитаты и детали из текста стихотворения и выражать свое личное мнение о поступках героев.

В глубоком усвоении содержания этого произведения учащимся может помочь следующий вид деятельности: в парах они выделяют две части в стихотворении и отобразят на флипчартах в виде схемы или рисунков сюжет, композицию и художественные образы стихотворения, чтобы представить свои работы для обсуждения в классе.

Учитель обращает внимание учеников на то, что стихотворение можно разделить на две части: в первой части (три четверостишия) рассказывается об убийстве волчицы. И хотя убийца прямо не назван, можно предположить, что им был человек, охотившийся ради забавы.

Вторая часть – это ужасная сцена, когда осиротевшие, изголодавшиеся волчата пьют густую, холодеющую кровь матери, и вместе с ней в них вливается жажда мести.

Большое впечатление производит на учеников видеоклип «Волчата» на слова О. Сулейменова и Nico 777t, музыка Nico 777t[4].

Для достижения цели ОС 3 (Сравнение произведений литературы с произведениями других видов искусства) можно предложить вопросы:

- Какое впечатление произвело на них данное видео?
- Как музыка и видеоряд помогают понять основную мысль стихотворения?
- Какие изменения внес автор клипа в содержание, композицию данного произведения, и с какой целью он это сделал?
- Что изменилось в вашем восприятии произведения после просмотра видеоклипа?

Ученики отмечают, что автор клипа смог привнести более оптимистичную трактовку в восприятие стихотворения О. Сулейменова.

После подробного анализа содержания и изобразительно-выразительных средств языка стихотворения предлагаем учащимся выполнить творческое задание на выбор, что соответствует цели АИ 9 (Творческое письмо). Можно написать отзыв на стихотворение или видеоролик в один из чатов, где они обсуждаются; предложить свой вариант финала стихотворения или написать свое стихотворение. Для некоторых учащихся, возможно, понадобится поддержка учителя, например, в виде составления плана отзыва. Учитель может использовать стратегию РАФТ или другую стратегию при написании творческой работы.

Перед написанием отзыва учащиеся совместно с учителем должны составить критерии оценивания, обратив внимание на понимание основной мысли; использование средств художественной выразительности; выражение личностного отношения к происходящему. Учащиеся могут обсудить работы в парах или группах, чтобы выбрать лучшую работу.

На одном из проведенных уроков, посвященных анализу стихотворения «Волчата» О. Сулейменова, учащиеся определили лучшую творческую работу соклассника, содержащую альтернативный вариант финала этой трагической истории:

- Но зверь не каждый человек.
- Среди людей есть тоже ЛЮДИ,
- И голос сердца не остыл

В волчатнике, порою хмуром.
Он не пошел дорогою своей,
И «хата с краю» не его отрада.
Те серые комки заботой его дочки стали...
Они окрепли, подросли,
И да, конечно, все кругом они, играя, искромсали,
Но с каждой детской игрой, укусом юного волчонка,
Слепая ненависть их покидала.
Вид матери умершей и страшный окровавленный поток,
Сначала породили в их душе отчаянье и все испепеляющую злобу,
Но позже - верность человеческому дому.
Он был волчатник...
Они волками...
Им возродить надежды образ удалось.

Еще одним интересным и важным для учащихся является стихотворение О. Сулейменова «Карагач» [5]. Примечательно, что учащиеся самостоятельно предложили это стихотворение для анализа после того, как изучили стихотворения о березе русских поэтов, и им было дано задание найти стихотворение о дереве, которое можно считать символом Казахстана. Становится понятным, что именно это стихотворение вызывает у учащихся похожие ассоциации. Поэтому это произведение целесообразно использовать для более глубокого и детального анализа. А Интегрированная образовательная программа позволяет создавать такие условия на уроке. Для достижения целей обучения можно использовать различные задания. Например, для цели обучения ПО 2 (Понимание содержания произведения) можно использовать задание с пропуском слов:

Внимательно прочитайте стихотворение. Как вы думаете, какие слова использовал О. Сулейменов на месте пропусков? Объясните, почему вы так думаете?

Учитель может пропустить по одному слову в каждой строфе, чтобы учащиеся по смыслу догадались, какие слова и как выбирал поэт. Такая работа с самого начала позволяет учащимся понять содержание стихотворения. Целесообразно пропустить слова «сердце», «не ломает», «благодарит», чтобы эти слова помогли учащимся понять основную мысль.

Для цели обучения ПО 3 (Чтение наизусть и цитирование) важно проанализировать не только отдельные слова и их роль в тексте, а более глубокое понимание идеи стихотворения. Вариант такого задания:

Выпишите из текста 3 самые важные, на ваш взгляд, цитаты. Объясните, почему вы так считаете. В своих комментариях используйте ссылки на текст.

Вариант работы ученика:

1) *«Вцепившись корнями в сердце мое». Эта цитата является важной, так как автор хочет выразить свою любовь, свою связь с этим деревом. Кажется, что для автора важно, что карагач не просто растет, он «вцепился», значит, он крепко держится в земле, в сердце. Так возникает образ связи с родной землей.*

2) *«Его не ломает ни зной, ни буран, ни жажда спокойных дней». С одной стороны, в этой цитате показано, как сильно автор верит в то, что карагач выдержит испытание зноем, бурей, жаждой. Но с другой стороны, может показаться, что «жажда спокойных дней» - это то, чего он бы желал. Но такие чувства, мне кажется, могут быть у осин, которые в низине, а не у стойкого карагача.*

3) *«И всадник, которому повезло, ...благодарит карагач». Эта цитата очень важна для понимания роли карагача для человека. Важным словом в этой цитате является слово «повезло». Оно показывает отношение автора к происходящему, выражает чувства человека, который благодарит за то, что карагач стал своеобразным маяком для него.*

Цель обучения ПО 4 (Составление плана) позволяет работать не только с содержанием, но и формой, структурой текста. Учащиеся могут предлагать свои формулировки в парах, а затем обсудить их в группах. Так как это стихотворение вызывает у учащихся различные чувства, формулировки могут отражать различные аспекты.

Варианты, предложенные учащимися для задания **«Составьте план, озаглавив каждую строфу стихотворения»:**

Вариант 1

1. В низине.
2. Над курганом.
3. Благодарность.

Вариант 2

1. Осины.
2. Карагач.
3. Всадник.

Вариант 3

1. Осины в низине.
2. Карагач над курганом.
3. Благодарность всадника.

Вариант 4

1. Всё как всегда.
2. Сила карагача.
3. Стойкость карагача.

Для цели обучения ПО 5 (Пересказ текста) можно использовать задание на интерпретацию текста, дав возможность учащимся таким образом не только пересказать сюжет, но и выразить свое отношение, чувства. Задание, например, может быть таким: **«На основе стихотворения напишите прозаический текст, сохранив основную мысль».**

Вариант интерпретации текста:

В низине, там, где всегда тепло, куда не проникает порывистый ветер, всегда остается влага, поэтому там всегда зелено: растут осины, вокруг них – трава. Этим растениям не нужны крепкие корни, они привыкли, что у них ничего не меняется, кроме того, что после лета наступает осень, после осени – зима, после зимы – весна... Они привыкли так существовать, как плесень...

А над курганом, там, где каждый день, каждую минуту все может измениться, растет карагач. Он стоит, могучий, крепкий, сильный, сцепившись в землю, потому что если не держаться корнями, то один из очередных порывов ветра вырвет и унесет, как перекасти-поле. Неизвестно куда... Неизвестно...

Этот карагач напоминает мне человека, который всем сердцем привязан к своему родному краю. Человека, который ни за что не покинет его, будет любить и защищать, как этот карагач, который стоит на страже своей малой родины. Он как бы защищает низину, в которой течет своя размеренная мирная жизнь.

Как он попал сюда? Как смог выжить? Как должен быть благодарен ему человек, для которого теперь он служит ориентиром не только в пространстве, но и в жизни?

Цель обучения ПО 6 (Ответы на вопросы) предполагает устный или письменный ответ. Вариант задания:

Напишите развернутый ответ на один из вопросов:

- 1) **Каким образом О. Сулейменов создает образ карагача в стихотворении?**
- 2) **Как удалось автору создать привлекательный образ дерева в стихотворении «Карагач»?**

Обратите внимание на использование автором художественно-образительных средств.

Для целей обучения из раздела «Анализ и интерпретация» можно также предлагать различные варианты заданий. Наиболее привлекательными являются те, в которых учащиеся могут выражать свою точку зрения.

Например, для цели обучения АИ 2 (Тема и идея) на первом этапе урока можно предложить следующее задание:

Определите, какая формулировка наиболее точно раскрывает идею стихотворения? Объясните, почему вы так считаете. В своих комментариях используйте ссылки на текст. Предложите свой вариант.

- 1) Любой из нас может помочь миру, в котором мы живем.
- 2) Если ты будешь силен и вынослив, как карагач, сможешь принести пользу своей стране, своему родному краю.
- 3) Карагач – символ единения человека и природы.
- 4) Карагач – символ независимости и стойкости.

Для многих учащихся цель обучения АИ 5 (Характеристика героев) не является проблемной, и поэтому не всегда привлекательна. Учитель может усложнить задание, чтобы вызвать интерес. Например, использовать для характеристики навыки более высокого порядка, навыки сравнения. Вариант задания:

Каким представлен карагач в стихотворении О. Сулейменова? Каким представлен человек в стихотворении? Какова его связь с образами природы? Есть что-то общее в образе человека, созданном О. Сулейменовым в стихотворениях «Волчата» и «Карагач»?

Задания можно строить, совмещая две цели, например, совмещая цели АИ 7 (Отношение автора) и АИ 8 (Художественно-образительные средства), можно предложить заполнить таблицу:

Художественные средства	Примеры из текста	С какой целью их использовал автор?
эпитет		
метафора		
сравнение		
олицетворение		

Задания для цели обучения АИ 9 (Творческое письмо) может быть таким:

Напишите эссе на тему: «Какие чувства вызвало у меня стихотворение О. Сулейменова «Карагач»?». Используйте цитаты из текста.

Вариант работы ученика:

Это стихотворение наполнено любовью к этому дереву. У меня сложилось впечатление, что карагач является для автора чем-то близким и родным, частичкой его сердца. Не зря автор пишет о том, что карагач стоит, «вцепившись корнями в сердце». Мне кажется, он хотел показать связь между жизнью дерева и жизнью человека. Прочитав это стихотворение несколько раз, я представила себе картину, как росло это дерево, а рядом с ним рос автор. И жизнь их была похожа. Сколько усилий нужно было маленькому деревцу, чтобы выжить в таких условиях? Сколько сил необходимо было О. Сулейменову, чтобы стать великим человеком, настоящим поэтом, который сумел в таком коротком стихотворении нарисовать волнующие людей образы!

Стихотворение не только понравилось, оно заставило о многом задуматься... Смогу ли я быть такой стойкой и выносливой? Смогу ли я, как это дерево быть полезной на своей родине?

Одной из заключительных работ по изучению этих стихотворений может быть сопоставительный анализ. Цель обучения ОС 2 (Сопоставление произведений литературы) может быть достигнута при выполнении задания:

Сравните стихотворение О. Сулейменова с другими стихотворениями о деревьях казахстанских поэтов, растущих на просторах Казахстана. Обратите внимание на сходства и различия в описаниях деревьев, чувствах автора, художественных средствах, а также на тему и идею стихотворений.

Для выполнения задания по цели обучение ОС 3 (Сравнение художественных произведений с произведениями других видов искусства) можно предложить учащимся найти иллюстрацию или самим создать фотоснимки с изображением карагача. Обязательным условием должно быть то, что изображение должно отражать тему или идею стихотворения. Рассуждая о своих работах, учащиеся таким образом приходят к важным выводам. Например, у некоторых учащихся возникло желание посадить такие деревья возле дома, возле школы.

Стихотворения О.О. Сулейменова дают возможность каждому ученику полюбить поэзию, открыть для себя бесценные истины, вызывают желание читать и перечитывать произведения казахстанского поэта, создавать свои стихотворения. А самое главное, они помогают видеть то, что в нашем быстроизменяющемся, стремительном мире уходит на второй план. Пожалуй, нельзя сказать лучше, чем это сделал один из учеников в своей творческой работе: «В наше время не все замечают красоту. Многим, живущим в городе людям, трудно понять живую природу. Это стихотворение помогло мне понять, что природа живая, может быть, живее, чем многие люди. Природа может чувствовать, как многие люди не умеют. Хотелось бы побольше изучать таких произведений, как стихотворения О. Сулейменова, чтобы все поняли, как важна связь Человека и природы».

Литература:

- 1 Канапьянов Б. Быть далеко услышанным // Литературная Алма-Ата. - № 3. - 2006.
- 2 Сулейменов О.О. Волчата // <https://www.stihi.ru/2011/09/01/6254>
- 3 Сулейменов Олжас. Волчица // https://www.youtube.com/watch?v=w_8H769AYV0
- 4 Nico 777t . Волчица // <https://www.youtube.com/watch?v=nIrpO3UxbRc>
- 5 Сулейменов О. Карагач // <https://www.stihi.ru/2011/09/03/3474>

ИЗУЧЕНИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

*Абаева Ж.С.
КазНУ имени аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности анализа публицистического стиля на занятиях по дисциплинам «Профессионально-ориентированный русский язык», «Культура речи и языковая коммуникация» на материале произведений О. Сулейменова. Приводятся примеры рассмотрения стилевых и языковых особенностей публицистических текстов в процессе языковой подготовки в вузе. Предлагается анализ на материале текста, озаглавленного «Золотая латынь». Обращается внимание на необходимость работы с содержанием текста. Отмечается современное звучание произведений поэта, актуальность предлагаемых тем и сюжетов.

Ключевые слова: публицистика, публицистический текст, стилевые и языковые особенности.

При обучении языку в вузе большую роль играет отбор иллюстративного материала, в качестве которого используются художественные, деловые, публицистические и научные тексты. Они помогают более успешно усвоить изучаемый материал, понять, как реализуются в речи рассматриваемые особенности языка. Подбор качественных, логичных и увлекательных текстов повышает эффективность обучения, позволяя обращать внимание не только на языковые, но и на культурные, исторические, социальные и др. факты. В этом отношении ценным материалом можно назвать произведения талантливейшего казахстанского поэта, публициста и общественного деятеля Олжаса Сулейменова. Ученые, студенты-филологи исследуют его стихотворения, поэмы с разных сторон, обнаруживая в них новые, уникальные грани творчества поэта. Большой интерес вызывают выступления О. Сулейменова на различных мероприятиях, в прессе благодаря глубине, неординарности его суждений, меткости слова, актуальности и современности поднимаемых вопросов и проблем.

При изучении профессионально-ориентированного русского языка и культуры речи на разных факультетах университета основное внимание уделяется стилям речи. На первых занятиях изучаются стилевые, языковые особенности разных стилей речи. При этом анализ специфики публицистического стиля становится одним из наиболее увлекательных и незабываемых, поскольку студентам предлагается интересный в содержательном плане, актуальный материал, извлеченный из средств массовой информации, а также взятый из произведений известных публицистов-казахстанцев. Так, в учебном пособии «Русский язык», изданном под редакцией К.К. Ахмедьярова и Ш.К. Жаркынбековой, содержится текст «Золотая латынь», представляющий собой фрагмент статьи О. Сулейменова, опубликованной в газете «Казахстанская правда» от 13 марта 1996 года. Данный текст наглядно демонстрирует стилевые и языковые особенности публицистического стиля и в дальнейшем перерастает в обсуждение тех проблем, которые были подняты в нем. Стоит отметить актуальность темы публикации спустя 20 лет, что свидетельствует об О. Сулейменове как прогрессивно мыслящем человеке, который умеет видеть далеко вперед. Обратимся к тексту.

Золотая латынь

В феврале этого года в Париже на Всемирной лингвистической выставке я говорил о судьбе книги. Это моя давняя тема. Имел в виду не какой-то конкретный труд, а книгу вообще.

Сказал, что в истории цивилизации, очевидно, наступает постграмотная эпоха: человечество читателей на глазах превращается в человечество зрителей и слушателей. Наши дети уже не читали "Войну и Мир", "Дон Кихота", "Моби Дик"; они видели их на экране, экранизовав всего Толстого, Чехова, Диккенса, Дюма, Шолохова, Марка Твена, Гюго – духовно ограбили целые поколения. Десять лет назад, выступая на съезде кинематографистов, я просил кинорежиссеров оставить в покое классику. Неужели не хватает современной прозы: она на экране только улучшается!

Книга гибнет. Первопричина цивилизации. Электроника – всего лишь последствие. Культура, не породившая Шекспиров, не произведет Ньютонов. Письменность угасает, потому что мы не поняли ее истории и значения.

Вид гомосапиенс существует три миллиона лет. И только в последние максимум тридцать тысячелетий он образовался в народе – создал языки, культуру. За шесть тысяч лет с момента появления строчного письма – информационного средства, наиболее активно мускулирующего ум, человек стал Человеком. И теперь, облегчив все трудоемкие процессы своей многообразной деятельности, он незаметно для себя вступил на опасную тропу, ведущую в обрыв, – предельно

облегчает труд получения информации. Уже не пишут письма: телефон. Все меньше читают журналы: телевизор. Некогда серьезные газеты выходят в цвете, раскрашенные, как азбука – максимум иллюстраций, минимум крупно набранного текста. У таких газет наибольший тираж: читатель деградирует, впадает в детство.

Потому и наши постсоветские общества, неожиданно для себя оказавшиеся в полосе экономической депрессии, без заметного сожаления расстаются с культурой и прежде всего с книгой.

Казахстанские издательства, выпускавшие еще несколько лет назад сотни названий миллионными тиражами, сегодня печатают только вокзальное чтиво – несколько раскрашенных детективов.

(...)

В центре сиятельного Парижа писатели говорили об угасании Письменной цивилизации. Пройдет несколько десятилетий – погаснут и экраны телевизоров, останутся компьютеры – обескультуренное человечество уничтожит себя в одной из незначительных мировых войн. Единственная одаренная разумной жизнью планета опустошенно продолжит свой путь в бесконечность в ожидании новых миллионлетних этапов бессмертной эволюции. В ожидании нового Первого письменного знака.

Студенты выявляют актуальную проблему, освещаемую в данном тексте – роль художественной литературы в условиях современной действительности, актуальность/неактуальность чтения в современном мире. Затем определяют стилевые особенности публицистического стиля, реализованные в нем. Утвердительно ответив на вопрос «Вы ощутили на себе воздействие этого текста?», они анализируют цель авторского высказывания, способы и приемы, к которым прибегает публицист. В процессе обсуждения они утверждают, что информация излагается не нейтрально. Напротив, автор переживает, убеждает, оценивает, предлагает возможные негативные последствия. А читатель наиболее остро реагирует на те «участки», где ярко проявляется личность коммуниканта. Поэтому успешность воздействия обусловлена эксплицитным выражением эмоционально-оценочного состояния адресанта.

Обращение к языковым средствам, благодаря которым выявляются стилевые особенности, позволяет провести интересные наблюдения. Так, используются характерные для публицистического стиля:

оценочные слова с негативным значением (*опасная тропа; раскрашенные как азбука; читатель деградирует, впадает в детство; вокзальное чтиво, обескультуренное человечество*),

конструкции, передающие эмоциональное отношение к предмету речи в виде риторического вопроса (*Неужели не хватает современной прозы: она на экране только улучшается!*),

метафора, позволяющая емко, образно и выразительно передать предмет речи (*книга гибнет, письменность угасает, читатель впадает в детство, строчное письмо... мускулирующее ум*),

прием контраста (*В центре сиятельного Парижа писатели говорили об угасании Письменной цивилизации*),

однотипные конструкции с параллельной связью предложений (*Уже не пишут письма: телефон. Все меньше читают журналы: телевизор*),

парцеллированные конструкции (*а) Книга гибнет. Первопричина цивилизации. Электроника – всего лишь последствие. б) Единственная одаренная разумной жизнью планета опустошенно продолжит свой путь в бесконечность в ожидании новых миллионлетних этапов бессмертной эволюции. В ожидании нового Первого письменного знака*),

обратный порядок слов (*За шесть тысяч лет с момента появления строчного письма – информационного средства, наиболее активно мускулирующего ум, человек стал Человеком*).

Не менее важной представляется и работа по содержанию текста, выяснению того, насколько адекватно были поняты рассуждения автора, поскольку, как показывает практика, современное поколение отличается своим, часто загадочным для нас, образом мыслей, что обусловлено, как указывал в своей статье Олжас Сулейменов, развитием современных технологий и реалиями сегодняшнего дня. Так, студенты абсолютно или почти не реагируют на такие афоризмы поэта, как «Возвысить степь, не унижая гор», «Нет Востока, и Запада нет», а выражение «Земля, поклонись человеку» нечасто вызывает соответствующие ассоциации, что связано и с той основной проблемой, о которой говорится в тексте «Золотая латынь».

Невозможно не обратить внимание на один из ключевых тезисов «Культура, не породившая Шекспиров, не произведет Ньютонов», его глубину и метафоричность. Предложение объяснить смысл данного высказывания часто приводит либо к тупику либо к неожиданным выводам и рассуждениям. Здравствуй, Племя младое, незнакомое! Подобная ситуация наблюдается и при

попытке студентов объяснить, как они понимают последнюю часть текста. Преподавателю просто необходимо выступить в роли «просветителя» и предложить корректные и выразительные комментарии.

Заключительным этапом работы над данным текстом является обсуждение той проблемы, о которой говорится в нем. Студентам предлагается высказать свое мнение, согласиться или опровергнуть положения текста, привести собственные примеры. Многие честно признаются, что не читают художественную литературу, объясняя это нехваткой времени, нежеланием и другими причинами. Другие предпочитают современную литературу. Когда студенты просят составить список художественных произведений, рекомендуемых преподавателем, можно говорить об успешности проведенной работы. В качестве эпилога приводится фрагмент из интервью с О. Сулейменовым под названием «Поэзия – это болезнь. Я надеюсь, что неизлечимая», который перекликается с обсуждаемой проблемой и представляет собой его последующие рассуждения о роли литературы:

Статус литературы, если иметь в виду степень ее влияния на общество, изменился. Более того, с развитием высоких технологий изменилось понятие чтения как такового. Никакое массовое издание не может сегодня соперничать с миллионами зрителей, слушателей и пользователей Интернета. Осталось понять, кто же впоследствии будет аудиторией писательского творчества? Кому оно будет нужно и почему? Избитым стал пример, что после изобретения кино отомрет театр. Сегодня хорошие театры переполнены, но переполнены даже тогда, когда показывают увлекательную халтуру. Театр неповторим присутствием живого человека на сцене, сочинительство остается уникальным даром, писатель предлагает вам сотни вариантов жизней, опыта, эмоций, судеб. Можно ли чем-то заменить наслаждение остаться наедине с книгой? Если родители приучили ребенка любить чтение, то книга спасет его в несчастье, в одиночестве. Есть в литературе магия, которая не сводится ни к ее поучительной роли, ни к познавательной. Когда человек в разном возрасте читает «Анну Каренину», «Три мушкетера», «Слова назидания» Абая, «Кровь и пот», «Кыз Жибек», ему кажется, что он читал раньше совершенно другую книгу.

В качестве самостоятельной работы предлагается сделать подобный анализ других произведений О. Сулейменова, в частности, эссе «Мой Чокан», «Возвысить степь, не унижая горы» и др. Важно обратить внимание на тот факт, что актуальность творений поэта, публициста Олжаса Сулейменова обусловлена обращением к истории языка, культуры народа в контексте мировой истории и культуры, что соответствует веяниям современной эпохи глобализации.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «МИР ЧЕЛОВЕКА» ПОСРЕДСТВОМ ЛИРИКИ О.СУЛЕЙМЕНОВА

Итжанова Н.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Аннотация. Статья посвящена вопросам методики изучения темы «Мир человека» на занятиях по русскому языку в казахской аудитории. Автор статьи утверждает, что творчество русскоязычных поэтов и писателей Казахстана служит хорошим подспорьем при рассмотрении особенностей художественного стиля русской речи на занятиях по дисциплине «Профессионально ориентированный русский язык». В статье рассматриваются приемы формирования у студентов понятий, связанных с миром человека, его средой существования на примере стихов О. Сулейменова. Дается семантический анализ эстетических функций слов *путь, счастье, любовь, айналайн* в поэзии Сулейменова, говорится об образном осмыслении данных концептов. Так же данные слова анализируются с морфологической и синтаксической точки зрения.

Ключевые слова: «мир человека», путь, кочевье, счастье, любовь, айналайн.

В настоящее время на занятиях по русскому языку в казахской аудитории осуществляется интегративный подход к обучению студентов разносистемным языкам. Методисты считают, что студенты успешнее осваивают неродной язык в процессе речевой деятельности. Наша цель – помочь им воспринимать русский язык как средство выражения мыслей и объективной действительности, свойства и закономерности которой являются предметом родного языка. Поэтому мы часто обращаемся к творчеству русскоязычных поэтов и писателей Казахстана для иллюстрации тех или иных лингвокультурных концептов, формирующих восприятие студентами окружающей действительности.

Человек в творческой концепции О. Сулейменова представлен как объединяющее начало между двумя мирами: космоса и природы, в рассматриваемых нами смыслах. Он – чадо космоса и земли. Ему суждено познавать и оберегать эти миры.

«Человеческая» сфера на примере творческого пути поэта рассмотрена в работе Н.М. Байганиной. Исходя из положения Д.Е. Максимова о двух толкованиях писательского пути – как позиции, выраженной в его нравственно-эстетическом кредо, и как эволюции, направленного духовного движения, становящегося объектом рефлексии и реализующего в теме личного, индивидуального духовного пути, исследователь предполагает, что в творчестве О. Сулейменова «путь» представлен в двух ипостасях: и как позиция, и как духовное развитие. Идея пути – предмет размышления поэта на протяжении всего творчества [1, с.89].

Функционирование самого слова *путь* в поэзии Сулейменова неоднозначно. Во многих контекстах значение слова почти не выходит за рамки узувального употребления: «Мать», «Хлебная ночь», «Земля, поклонись человеку!», «Бетпак Дала», «Баллада», «Кучевые облака», «Гадалка», «Песня кумана» и др. В этих стихотворениях смысловый объем образа пути основан на словарных значениях лексем *путь*, *дорога* и традиционно-культурных коннотациях («*полоса земли, предназначенная для передвижения*», «*жизненный путь*», «*духовное развитие*», «*расцвет*», «*нравственная позиция*», «*судьба*»).

Художественная идея пути связана в поэтическом сознании О. Сулейменова с концептом кочевания, что наложило отпечаток на всю художественно-эстетическую систему его поэзии.

Кочевье как основной способ существования многочисленных племен с незапамятных времен до образования казахского народа сохранилось в некоторых своих формах до сих пор. Важно, что эта форма жизнедеятельности, обусловленная средой обитания, отложилась в системе мировоззрения народа, вошла в структуру целостной картины мира. Кочевье – это своеобразная абсолютизация пути как особой семантической единицы, воплощения идеи бесконечного пути, вечного возвращения, смыкаемого и размыкаемого круга.

В поэтическом языке О. Сулейменова концепт пути проявляется в форме следующих словоупотреблений: «кочевье», «кочевник», «кочевать», «качаться», «кружится», «колесить», «бродяжить», «идти», «нести», «лететь» и др.

Индивидуально-поэтические коннотации, связанные с образом кочевания, во многом проясняют контекст стихотворения «Айналайн»:

*Кочую по черно-белому свету.
Мне дом двухэтажный построить советуют,
А я, как удастся какая оказия,
Мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
В Алеппе арабам глаза открываю,
...Шумит за спиной последнее море.
Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
Я сегодня тебя понимаю,
Все болезни твои на себя принимаю,
Я кочую, кружусь по дорогам твоим... [2, с.151].*

Образное осмысление концепта пути – кочевания становится основой смысловой многоплановости.

Айналайн – (бук.: «да/пусть/закружусь я вокруг тебя») – междометие, функционирующее в казахском языке для выражения любви или в качестве ласкового обращения старшего к младшему по возрасту.

Междометие это омонимично форме I лица, единственного числа, повелительного наклонения глагола айналу – «кружиться». Такая форма повелительного наклонения не свойственна русскому языку, в современном употреблении выражает также желание, намерение субъекта. Связь между этими словами, почти не актуальная в современном казахском языке, была обусловлена забытым ныне древним обычаем [1, с.14]. «Есть жертва круговая – айналмак; жертва три раза обходит существо; для которого люди (это) делают. Так, схватывают птицу, окружают (т.е. обводят) три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все несчастья и болезни на себя, человек, делая то же, т.е. обходя кругом больного, принимает (его болезни) на себя и предлагает духам», – описывал в свое время обряд врачевания у казахов Ч. Валиханов.

«Айналайн» – обращается поэт к Земле, выражая этим свою любовь; вкладывая в это слово буквальный смысл древнего обряда: «все болезни твои на себя принимаю» – и смысл, связанный с образом жизни: «Я кочую, кружусь по дорогам твоим».

Кочевание как перемещение в пространстве по пути, в конечном счете, круговому, обуславливает появление окказиональных смыслов. В поэтическом сознании О. Сулейменова кочевать означает

«путешествовать по «черно-белому свету». Окказиональное выражение «черно-белый свет», основанный на трансформации фразеологизма «белый свет» – одно из проявлений оппозиции черный / белый. В индивидуальной системе поэта это «противоречивый мир добра и зла, реальное состояние человечества».

С учетом индивидуально-поэтического смысла образа кочевания можно сказать, что в образе поэта – «кочевника» воплощена идея постоянного духовного движения к постижению мира, людей, идея племени, родства.

Выявленные в рамках художественного пути семантические наслоения отражают специфику индивидуально-авторского мировидения поэта как результата активного воздействия национально-казахской картины мира.

В связи с описанием концептосферы О. Сулейменова, нам бы хотелось вкратце остановиться на таких «ментальных образованиях», как *счастье* и *любовь*.

«Счастье, как и совесть, «понятие трудное, для многих неопределенное и туманное», вроде словечка «рябь», как говорит Ю.Н. Каарулов: «Попробуйте объяснить словечко «рябь» – ничего не выйдет, начнете дрыгать в воздухе пальцами» [3, с.282]. Можно отметить, что концепт *счастье*, отличается от понятия морального сознания – любви, которое принимает форму своего объекта (любовь материнская, отцовская, половая, платоническая, к родине, к труду и т.д.). «Счастье принимает форму своего субъекта, и поэтому существуют понятия «женского счастья», «родительского счастья», «простого человеческого», «мещанского», «героического» и пр. счастья. Действительно, если идеал – это «желанное настоящее», а оценка исполненности желания во многом, если не полностью, зависит от психологического типа личности, ее максималистского или компромиссного взгляда на мир, ее изначальных запросов – того, что формирует «внутренний фатум» человека, определяющий его способность чувствовать себя счастливым» [4, с. 49].

Для О. Сулейменова счастье – это «вода в пустыне», «желанная победа в борьбе», «удача», «возможность бросить медяк богатому сверстнику», «хвост метеора», возможность «встать с колен», оно «мчит оленем», «грозовое» и «неведомое». Во всех этих характеристиках выделяется компонент радости, удачи, неожиданности, непреднамеренности, осознания и недоступности, обыденности и возвышенности одновременно.

Любовь же «не преступна», «сотворена», «беспощадна», «не обходится без телес, без бедер и спины... без небес», любовь – это «бой для солдата: Открыть под пулями окоп! // Попасть кому-то прямо в лоб! // Потом поспать...», «религия» («вера будет бесконечна»), «наслаждение нищих, их свобода она и пища». Сочетание духовного и плотского приносит поэту чувство радости и удовлетворения.

В стихотворении «Назым Хикмет» О. Сулейменов подчеркивает свою преемственность, свой творческий путь от древнейшей традиции любовной лирики Востока, когда поэты вмещали в четверостишие целый философский трактат. «Когда смерть наступает, – беги, беспощадна она, как любовь», – пишет О. Сулейменов, сравнивая не любовь со смертью, а смерть с любовью. И в этом афоризме – тайна человеческой судьбы, открытие которой жестоко каралось небесами:

*Я писал о любви,
как писали поэты Ирана.
Их взводили на башни
и сталкивали
по утрам.*

Продолжая традицию, Сулейменов уходит от канонических метафор, создавая свои образы. Ведь XX век разрушил каноны, но язык любви вечен. Герой Сулейменова говорит с любимой на «забытых... наречьях», на тех, на которых когда-то изъяснялись влюбленные Шумера. Даже имя возлюбленной он «по клокам, по слогам, по словам» собирает из созвучий «вымерших языков».

Прослеживая путь лирического героя по многим стихам, посвященным любви, можно заметить одну особенность, которую автор сознательно подчеркивает, – «книжность» чувства. Его «книжность» не безлика и не мертва. «На пыльных страницах любви» для Сулейменова таится тысячелетняя энергия чувства, спрессованная в загадочные строки, оживающие только для влюбленного. И эти чувства – «хаос, упорядоченный в гармонию слова»... [5, с.248]

Источники и причины двух подобных чувств образуют факторы, вызывающие у субъекта положительную оценку существенных моментов его жизни; факторы же, в отсутствие которых подобная оценка невозможна, образуют «условия» чувств, главным из которых является характер человека, определяющий его общее отношение к миру.

Категории счастья и любви – «многомерные интегративные ментальные образования, включающие интеллектуальную общеаксеологическую оценку и оценку эмоциональную в форме радости либо удовлетворения» [4, с.49]. Можно сказать, что здесь, как в калейдоскопе,

«семантический узор» меняется с поворотом трубки – с изменением точки зрения на причину ... – при неизменном количественном составе мозаичных фрагментов [4, с.51].

Таким образом, метафизические концепты (путь, кочевание, свобода, счастье, любовь и пр.) – ментальной сущности высокой либо предельной степени абстрактности, они отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного.

Литература:

1. Байганина Н.М. Специфика поэтического языка О. Сулейменова. Дисс... канд.филол.наук. – Санкт-Петербург, 1990. – 203с.
2. Сулейменов О. Айналайн // Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С.151.
3. Караулов Н.Ю. Русский язык и языковая личность/отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 261с.
4. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М.: 1981.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. – Известия АН. Серия лит. и яз. – 2001. – том 60. – № 6. – С. 47-58.

ОБУЧЕНИЕ СРЕДСТВАМ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

*Сансызбаева С.К.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье освещены вопросы изучения публицистического стиля, его стиливых и языковых особенностей. Рассмотрены основные функции публицистических жанров – информативная и воздействующая, как наиболее значимые при формировании общественного мнения. Предметом особого рассмотрения в статье явились средства речевой выразительности в публицистическом тексте, используемые с целью эмоционального и эстетического воздействия. Описаны наиболее распространенные из них: дубитация, объективизация, обсуждение, риторический вопрос, а также такие речевые средства поддержания контакта с читателем, как коммуникация, парантеза, риторическое восклицание, умолчание. Кроме того рассмотрены широко используемые в публицистическом тексте различные тропы и фигуры речи, необходимые для создания яркой индивидуально-авторской позиции и придания публицистическому произведению элементов художественной речи: метафоры, эпитеты, перифразы, синонимы, антонимы, оксюморон и др.

Ключевые слова: публицистический текст, жанры публицистики, фигуры речи, речевая выразительность.

Публицистический стиль, являясь официальным стилем СМИ, чаще используется в письменной речи, реже – в устной форме. Общими чертами этого стиля можно назвать:

1. образность и эмоциональность речи – для создания необходимой атмосферы;
2. оценочность и уверенность – для заинтересованности;
3. логика изложения с опорой на неопровержимые факты – для придания речи достоверности и информативности;
4. призыв читателей (слушателей) к действию и общедоступность;
5. легкое и внятное изложение.

Стиливые черты публицистического стиля проявляются на языковых уровнях следующим образом:

- на лексическом уровне – эмоционально-экспрессивные и разговорные слова, фразеологизмы и устойчивые выражения, диалектные или жаргонные слова – в зависимости от специфики аудитории;
- на морфологическом – обилие прилагательных, местоимений и наречий, глаголы в настоящем времени;
- на синтаксическом – короткие и неполные предложения, чередующиеся со сложно-подчиненными.

Как известно, основное назначение публицистического стиля – влиять на общественное мнение, формировать его. Речевая структура публицистического стиля ориентирована на выражение социально значимых идей, активной гражданской позиции. Важнейшей функцией публицистического стиля является воздействующая функция. Публицист не только сообщает о каких-либо фактах социальной, культурной, духовной, экономической жизни, но и дает им интерпретацию, облекая текст в эмоционально-экспрессивную стилистическую форму.

Языковые средства, организующие текст публицистического стиля, подчинены базовому признаку (стилевой доминанте), который определяется как социальная оценочность. Категория оценки ярче всего проявляется на уровне лексики. Перечислим основные лексические средства, выражающие оценку:

- слова с яркой экспрессивной окраской: *варвары, вандал, вероломное вторжение, зверское убийство, бесчеловечный поступок, гуманный руководитель, судьбоносный год;*

- газетизмы, т. е. лексемы, приобретшие социально-оценочные свойства под влиянием публицистического контекста: *боевики, путч, номенклатура, повстанцы, террористы;*

- слова с суффиксами субъективной оценки: *обывательщина, солдатня, смехота, образованщина, бабуленция, родственнички;*

- публицистическая фразеология: *гражданское согласие, кредит доверия, сильная рука, арена политической борьбы, политическая кухня.*

Следует обратить внимание на то, что лексика публицистического стиля характеризуется неоднородностью стилистической окраски: торжественные, книжные слова, призванные воздействовать на читателя, соседствуют со стилистически сниженными единицами, которые придают речи живость, непосредственность: *«А нас с вами – как не вышедших рожками и доходами для Города будущего – отселят в капчагайскую степь» (Время).*

Особый интерес представляет собой процесс преобразования терминологической лексики, которая употребляется в расширенном метафорическом значении, приобретая социальную оценочность: *идеологический вакуум, эпицентр событий, градус возмущения, шкала терпения, вирус общения* и т.п.

В книге «Русский язык на газетной полосе» В.Г.Костомаров выделил основную черту языка газеты: стремление к стандартизованности и одновременно к экспрессивности. Широкие возможности для реализации этой тенденции представляют фигуры речи – отступления от нейтрального способа изложения с целью эмоционального и эстетического воздействия.

С первых же строк статьи читатель часто встречается с такими разновидностями вопросов, как дубитация и объективизация. Дубитация – ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения, например: *«Все чаще в СМИ публикуются социологические данные о популярности претендентов на высокую должность и прогнозы о вероятном победителе. Но насколько надежны эти данные? Можно ли им доверять? Или это только средство формирования общественного мнения, своеобразный способ пропаганды желанного кандидата? Эти вопросы носят как политический, так и научный характер» (МК).*

Объективизация – вопрос, на который автор отвечает сам, например: *«Какие изменения ждут игроков «Милана»? На сайте клуба появилось заявление о том, что никто больше из клуба не уйдет» (Караван).* Объективизация – языковое средство, служащее для высвечивания отдельных сторон основного вопроса по мере развертывания текста. Фигуры этого типа располагаются главным образом в начале абзацев. Они создают каркас рассуждения. Смена утвердительной интонации на вопросительную позволяет оживить внимание читателя, восстановить ослабший с ним контакт, внести разнообразие в авторский монолог, создав иллюзию диалога.

Аналогом и одновременно противоположностью объективизации является обсуждение. Это постановка вопроса с целью обсудить уже принятое авторитетными лицами решение или обнародованный вывод, например: *«Вкладчикам пенсионных фондов, реально смотрящим на вещи, давно предложено позаботиться о себе самим. Какие маневры может предпринять будущий пенсионер?» (Время).*

Риторический вопрос – экспрессивное утверждение или отрицание, например: *«Станет ли связываться со Сбербанком человек, чьи сбережения в нем погорели?» (Капитал)* = «Не станет связываться...». Риторический вопрос интонационно и структурно выделяется на фоне повествовательных предложений, что вносит в речь элемент неожиданности и тем самым усиливает ее выразительность. Некоторая театральность этого приема повышает стилистический статус текста, поднимает его над обыденной речью. Риторический вопрос нередко служит эффектным завершением статьи, например: *«Интересно, а судьбы кто?»*

При изучении языковых средств публицистического стиля необходимо обратить особое внимание на средства поддержания контакта с читателем. Так, среди прочих речевых средств поддержания контакта с читателем выделяются коммуникация, парантеза, риторическое восклицание, умолчание.

Коммуникация – мнимая передача трудной проблемы на рассмотрение слушающему, например: *«Ведь сама схема безумно удобна и выгодна. Смотрите сами. Чтобы получить кредит, надо будет накопить 30% стоимости квартиры» (МК).*

Опознавательным знаком являются формула «судите сами» или ее аналоги «смотрите сами», «вот и решайте» и т.п. Существует два типа коммуникации: 1) подобно обсуждению приглашает

читателя к вдумчивому анализу уже сделанного автором вывода; 2) останавливает рассуждение перед напрашивающимся выводом. Например: *«Есть информация, что один наш кинематографист приобрел более 10 га около города и будет строить там съемочный павильон. Вот это стратегическое мышление управленца. Вся Россия будет снимать у нас. Судите сами, в Москве не хватает площадей плюс у нас более выгодные погодные условия»* (Время).

Парантеза – самостоятельное, интонационно и графически выделенное высказывание, вставленное в основной текст и имеющее значение добавочного сообщения, разъяснения или авторской оценки, например: *«В США от сальмонеллы (это вам не куриная слепота!) ежегодно умирает 4000 человек и болеют около 5 миллионов»* (Известия).

Риторическим восклицанием называется показное выражение эмоций. В письменном тексте эта псевдоэмоция оформляется графически (восклицательным знаком) и структурно: *«Теперь уникальными условиями этого депозита можно воспользоваться, не дожидаясь полувекowego юбилея!»* (Время).

Умолчание – указание в письменном тексте графическими средствами (многоточием) на невысказанность части мысли: *«У Кобена Бектурова одна почка была сморщенная, другая – с камнем, но работающая. Ею прооперировали, но вместо больной почки вырезали... здоровую»* (Время). Многоточие – заговорщическое «подмигивание» автора читателю, намек на известные обоим факты или обоюдно разделяемые точки зрения.

Газетная оценочная лексика – наиболее важный и крупный разряд газетного словаря. Эта многообразная и влиятельная в газете лексика удовлетворяет острую потребность газетно-публицистической речи в выражении специальной оценки предметов, явлений и понятий общественной жизни и во многом способствует выполнению важной для газеты агитационно-пропагандистской функции.

Критерием отнесения слова к оценочной лексике может служить его способность выражать оценку и вне контекста: помимо присущих слову постоянных, закрепленных за ним в словаре значений, оно может реализовать и так называемые ситуативные, или контекстуальные значения.

По признаку оценочности, главному для газетной лексики, последняя подразделяется на позитивнооценочную, негативнооценочную и нейтральную в оценочном отношении. Например: слова и словосочетания с позитивнооценочным значением: *золотой, величественный город, славный, товарищеский матч, колыбель дружбы, созидание, вдохновляющий, инициатива, содружество* и др.; слова и словосочетания с негативнооценочным значением: *атмосфера истерии, заклеить позором, словесный камуфляж, пиратские копии, политика захвата* и др.

В публицистическом тексте довольно широко используются различные тропы и фигуры речи, необходимые для создания яркой индивидуально-авторской позиции и придания публицистическому произведению элементов художественной речи. К ним относятся метафоры, эпитеты, перифразы, синонимы, антонимы, оксюморон и др.

Метафора – троп или фигура речи, употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходного с данным. Например: *Этот парень – настоящий медведь*. Образование данной метафоры основано на сходстве признаков животного с характеризуемым индивидом (грубая сила, крепость, косилапость и др.).

Метафора выполняет две основные функции – функцию характеристики и функцию номинации. Метафора широко распространена в публицистической и ораторской речи, поскольку это жанры, предназначенные для воздействия на эмоции и воображение адресата. Такие метафоры, как правило, основаны на аналогиях: с войной и борьбой (*нанести удар, дипломатические сражения*), игрой (*разыграть карту*), спортом (*арена борьбы за власть, перетягивание каната*), механизмом (*рычаги власти*), организмом (*болезнь роста*), растением (*ростки демократии*), театром (*марионетки власти*) и др.

Метонимия – перенос имени с одного класса объектов на другой класс или отдельный предмет. Например, в предложениях *Конференция состоится в начале года* и *Конференция приняла важное решение* произошел перенос с социального события, мероприятия на его участников.

Эпитет – стилистически значимое слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства. Например: *железная дисциплина, гордо нести знамя Отечества, величественный град Астана* (заголовок), *живая память* и др.

Синонимы – слова, одинаковые или близкие по смыслу, называющие одно и то же понятие, но различающиеся написанием, оттенками значения и функционально-стилевой или экспрессивно-стилистической окраской. Синонимы делятся на: 1) понятийные – различающиеся оттенками смысла (*друг, товарищ, приятель*); 2) стилистические – отличающиеся стилевой и стилистической

характеристикой (*золото – злато, кухня – камбуз, пистолет – «пушка»*); 3) понятийно-идеографические – различающиеся и тем и другим (*думать, мыслить, смекать*); 4) синонимы-дублиеты – различающиеся буквенной или звуковой формой (*бегемот – гиппопотам, языкознание – лингвистика*). Особый интерес представляют газетные заголовки, имеющие синонимические ряды: *Рынок без базара!*

Диалог – это когда говорят двое.

Апокалипсис – это еще не конец света.

Мафия бессмертна. Террор вечен?

Антонимы как слова одной и той же части речи, имеющие противоположные значения, тоже являются наиболее распространенной лексической единицей публицистического текста (*приходить – уходить, большой – маленький, высокий – низкий, тяжелый – легкий, горячий – холодный*). Антонимы часто используются в текстах как одно из образных средств, например в таких фигурах речи, как антитеза (*Не по хорошу мил, а по милу хорош*) и оксюморон (*Павшие, но живые; Богатые бедные русские*). Так антонимы представлены и в данных заголовках газетных текстов:

Говорят деньги – пушки молчат.

Богатый не обеднеет, бедный не разбогатеет.

Тайное становится явным.

Свое грабим, чужое покупаем.

Бедна и счастье на кончике пера.

Помощь нужна не завтра, а уже сегодня.

Все уже случилось – и ничего не произошло.

Пошлины меньше, а цены больше.

Как необычные дети становятся обычными взрослыми.

Где породили, там и убьют?

Старый город – новое лицо.

Дети – прагматики, учителя – романтики.

Оксюморон – фигура речи, состоящая в приписывании понятию несовместимого с этим понятием признака, в сочетании противоположных по смыслу понятий, которое представляется абсурдным, но на деле вскрывает противоречивую природу объекта описания: *живой труп, молодые старички, спешит медленно, уродливый красавец, страшно красивая* и др.

В качестве примера оксюморона, встречающегося в художественных текстах, можно привести следующий из поэзии А.Ахматовой:

Смотри, ей весело грустить,

Такой нарядно обнажённой.

(А. Ахматова, «Царскосельская статуя»)

Перифразы – языковые единицы, используемые в качестве: 1) выражения, являющегося описательной передачей смысла другого выражения или слова (*пишущий эти строки* вместо авторского «я»); 2) тропа, заменяющего название лица, предмета или явления описанием их существенных признаков (*королева цветов* вместо «роза», *царь зверей* вместо «лев»). Наиболее распространены в современных газетных текстах следующие перифразы: *люди в белых халатах (врачи), рыжая плутовка (лиса), голубой экран (телевизор), ночное светило (луна), черное золото (нефть)*.

Стилистические фигуры (сравнения, метафоры, метонимии) не только образная сетка, через которую воспринимается мир, но и определенное субъективное отношение к миру, которое обуславливает не только характер видения мира, но и его ощущение.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы отметить, что осмысление содержания и формы публицистического текста должно опираться на понимание студентами текстообразующих особенностей публицистического стиля в целом, поскольку все языковые средства любой функциональной стилевой разновидности образуют стройную систему, которая призвана передать авторский замысел, воплощенный в конкретной жанровой форме.

Литература

1 Культура русской речи. Учебник для вузов. Ответственные редакторы Л.К.Граудина, Е.Н.Ширяев. – М., 1998. – 560 с.

2 Купина Н.А., Михайлова О.А. Основы стилистики и культуры речи. Практикум для студентов-филологов. – М., 2004. – 296 с.

3 Материалы газет «Время», «Караван», «Московский комсомолец», «Известия» и др.

ОЛЖАС СҮЛЕЙМЕНОВ ӨМІРІ МЕН ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫН ОҚЫТУДА КІРІКТІРІЛГЕН ӘДІСІН ҚОЛДАНУ ТИІМДІЛІГІ

Сағадатов Р.Т., Несипбаева Р.М.

Тау-кен техникалық колледжі

Қазақстан, Хромтау

Аңдатпа. Олжас Сүлейменовтың өмірі мен шығармашылығын оқытуда кіріктірілген (интегративті) оқу әдісін қолдану өзекті. Олжас Омарұлының өмірі мен шығармашылығын оқыта отырып баланың бойында алдымен әлем мен қазақ әдебиеті, қазақ тілі мен түркі тілі теориясы бойынша білім дағдысын жетілдіруге, сонымен қатар саясаттану, экономика, қоғам-құқық, мәдениет, кино өнері т.б ғылым салалары немесе пәндерінен жан-жақты сауаттылықты меңгертуге болады. Және бұл заңды, тиімді, қазіргі бесленді оқушылардың талаптарына сай. Олжас ағамыздың ұрпақ елеулі еңбегін біліп, үлгі тұту керек, бұл оқытушылардың міндеті.

Түйін сөздер: кіріктірілген (интегративті) оқыту, танымдық белсенділік, шығармашылық дербестік.

2016 жыл - тарихи тағылымды уақыт. Биыл Тәуелсіздікке 25 жыл. Биыл туған халқының біртуар азаматы, осы күнге дейінгі ел мен жұрттың ғасырлардың шаң басқан қыртыстарында көзден таса, көңілден тыс жатқан тарихын түгендеген, жалғыз Қазақстан халқының емес бүкіл әлем адамзатының қамқоршысы, еліміздің рухани, мәдени, экономикалық, саяси дамуында үлесі зор тау тұлға, ақын, қоғам қайтаркері Олжас Сүлейменовтың туылғанына 80 жыл.

Олжас Омарұлы Сүлейменов 1936 жылы 18 мамырда Алматы қаласында дүниеге келген. 1959 жылы ҚазМУ-дің геология факультетін бітірген. М.Горький атындағы Әдебиет институтында оқыған. 1962–1971 жылдары «Казахстанская правда» газеті редакциясында бөлім меңгерушісі, «Қазақфильм» киностудиясы сценарийлік-редакциялық алқасының бас редакторы, «Простор» журналының бөлім меңгерушісі, 1971–1981 жылдары Қазақстан Жазушылар одағының хатшысы, 1981–1983 жылдары Қазақ КСР кинематография жөніндегі мемлекеттік комитетінің төрағасы, 1983–1991 жылдары Қазақстан Жазушылар одағы басқармасының бірінші хатшысы, ҚР Жоғарғы Кеңесінің депутаты, «Невада-Семей» қозғалысының төрағасы, 1995 жылдан Қазақстанның Италиядағы төтенше өкілетті елшісі болды. Бүгінде Қазақстанның ЮНЕСКО-дағы төтенше өкілетті елшісі және тұрақты өкілі. [1]

Қазақстан Республикасының «Білім беру туралы» Заңында: «Білім беру жүйесінің басты мақсаты – ұлттық және жалпыадамзаттық мәдени құндылықтар негізінде жеке тұлғаның қалыптасуына қажетті жағдай жасау» делінген. Осы бағыттағы жұмыс үшін білім сапасын арттыру ісіне ерекше мән беру қажеттілігі артады. Сапалы білім беру педагогтардың шеберлігі мен іскерлігіне байланысты. Ал педагогикалық шеберлік пен іскерлікті дамытуда жаңа технологияны қолданудың маңыздылығы зор. Оқытудың жаңа технологиясы – оқытудың тиімді әдіс-тәсілдерін қолдануды, оқытудың әртүрлі әдістері мен формаларын біріктіруді, оқу материалын тиімді пайдалануды, оқудың сапасына білім мен біліктілікті жүйелеуді жүзеге асырады. Сондай бір технологиялардың бірі кіріктірілген оқыту.

Кіріктірілу – бұл бір оқу мазмұнының әр түрлі саладағы жан-жақты білімдермен тоғысуы, бір-бірімен араласып кетуі. Кіріктірілген сабақтар оқушыға әлем туралы, заттар мен құбылыстардың өзара байланыстары туралы біртұтас мағлұмат береді. Сондай-ақ, оқу сағаттарын барынша үнемді пайдалануға мүмкіндік береді. Осы тектес сабақтарда оқушылардың бейнелі ой-өрісі дамып, пәннің жалпы мазмұнын өмірмен байланыстыру арқылы шығармашылық мүмкіндіктері ашылады. Кіріктірілген сабақтардың құрылымы нақтылығымен, сыйымдылығымен, орамдылығымен, сабақтың әр сатысындағы оқу материалының логикалық өзара келісімімен, материалдың зор ақпараттық мүмкіндігімен ерекшеленеді.

Сапалы білім беру зиялы азаматты - сана әлеуеті жоғары дамыған, сын тұрғысынан және жаңашыл ойлай білетін, рухы мықты, өз білімін қоғамның алға басуына жұмсай алатын адамды тәрбиелеуге ұмтылады. Осыны ескеріп зиялы азаматты тәрбиелеу үшін үлгі болар тұлғаның өмір жолы негізінде, яғни Олжас Сүлейменовтың қызметі мен шығармашылық жұмыстарын мысалға келтіріп оқыту мақсатқа жетудің кепілі. Және де икемді, өзгермелі оқушылардың жеке мүмкіндіктерінің дамуына, танымдық белсенділігі мен шығармашылық дербестігінің қалыптасуына, жан-жақты сауаттылығын, бірнеше пәндерді (әлем және қазақ әдебиеті, тіл тарихы, саясаттану, экономика, құқық-қоғам, мәдениет, кино өнері, жаратылыстану бағыттары т.б) бірден игеруге мүмкіндік береді.

Оқу пәндерін біріктіру үшін алдыңғы шарт зерттеу нысандарының сәйкес келуі немесе өзара жақын болуы керек.

«Олжас Сүлейменовтың өмірі мен шығармашылығы» тақырыбында кіріктірілген оқытуды қолдансақ, Сабақтың типі жаңа сабақты меңгерту, оқу материалының мазмұнына талдау.

МАТЕРИАЛДЫҢ МАЗМҰНЫ	ПӘНДЕРДІҢ САБАҚТАСТЫҒЫ	НӘТЕЖИЕ
Олжас Сүлейменов өлеңдері мен поэмаларының алғашқы жинағы – «Арғымақтар» (1961).	Алғашқы жинаққа енген ақын өлеңдерінің мазмұны мен шығармаларының тарихи негізде талдау; Тарих пен әдебиет – егіз пәндер;	Ақын шығармалары әдебиет теориясы бойынша жан-жақты талдана отырып, шығармалардың шыққан уақытындағы тарихи оқиғалар бірге меңгеріледі;
«Адамға табын, Жер, енді» өлеңі	Бұл жерде әдебиет пен тарих. Және де саясаттану, адамзат баласының ғарышты игерудегі мақсаты, ғарыш туралы ғылым (Астрономия элементтері).	Ғарыш саласының кіріспе білімі беріледі, саясат, оның ішіндегі сыртқы саясат.
Оның жазған сценарийі бойынша «Атамекен», «Көгілдір маршрут», «Қыс – қолайсыз маусым», «М.Әуезов туралы сөз», «Үндістан сазы», «Жастық шақ заставасы», т.б. фильмдер түсірілген. «Аз и Я», «Язык письма» кітаптар	Кинодраматургия, әдеби зерттеу, тілге қатысты зерттеулер	Кинодраматургияның сол кездегі жағдайымен танысу, бүгінгі күнмен салыстыру арқылы кино индустрия саласы бойынша ақпараттар меңгеру, әдебиет пен тіл теориясы;
Ядролық сынаққа қарсы «Семей-Невада» қозғалысының, Халық Конгресі партиясының лидері	Экология, саясат, қазіргі Қазақстан тарихы;	Экологиялық білім, саяси біліктілік дағдысы қалыптасады;
Олжас Сүлейменов басқарған «Қазақстанның халық конгресі» партиясының кейбір экономикалық бағдарламасын республика үкіметі экономикалық реформада пайдаланды	Экономика, Қазақстан экономикасы	Экономика негіздері
Еңбек Қызыл Ту, «Құрмет Белгісі», Октябрь Революциясы, I дәрежелі «Барыс» (2001), «Отан» ордендерімен, көптеген медальдармен марапатталған. Азербайжан Республикасының «Шухрат» орденімен, Украинаның «Ярослав Мудрый», Шешен Республикасының, Францияның және Ресейдің «Достық» ордендерімен марапатталған.	Халықаралық қатынас	халықаралық қатынас негіздерін ұғыну;

Олжас – аңызға айналған тұлға. Халық мүддесі жолындағы О.Сүлейменовтың батыл ісін ұмытпауымыз керек. Олжас Сүлейменовтың шығармалары - тарихи дерек көзі ретінде қазақ халқына қалдырылған мұра. Жалпы өмірі, қызмет жолы айрықша үлгі тұтарлық. Адамға ең үлкен бақыт туған халқына қызмет ету. Халыққа өмірлік қызмет етіп келген тұлға туралы әр оқушы білуі міндетті, заңдылық, нәтежиелі жұмыстың факторы.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Alashainasy.kz// Олжас Омарұлы Сүлейменов <http://alashainasy.kz/omir/oljas-omarulyi-suleymenov-50938/>
2. «Назарбаев Зияткерлік мектептері» Дербес білім беру ұйымы оқушыларының оқу жетістіктерін критериалды бағалаудың жүйесін енгізу тұжырымдамасы / nis.edu.kz сайты.

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

*Ахметжанова А.И.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности составления дипломатических документов в Посольском приказе, который был главным курирующим органом всего делопроизводства России XVII века. Основное внимание уделяется способам и приемам составления документации и ведения переписки с зарубежными странами, дается интерпретация элементов индивидуального стиля некоторых дипломатических лиц ведомства с целью выявления их компетентности и знания тонкостей делопроизводства.

Ключевые слова: Посольский приказ, ведомство, дипломатия, государство, делопроизводство, документация.

Во второй половине XVII века формуляр посольских книг окончательно сформировался, и к последней четверти века некоторые составные части (наказы, статейные списки, выписки, росписи) представляли собой уже отдельные книги. В целом книги составлялись по завершении посольства в период от одного до 30 лет, что зависело от дипломатической надобности. К середине XVI века существовали официальные печатные книги с объяснением причин Смуты для распространения за рубежом. В указанный период довольно часто составлялись выписки из посольских книг за определенный хронологический период: о дипломатических отношениях.

Объектом нашего анализа являются деловые бумаги Посольского приказа, взятые нами из открытых источников. Сделанный нами анализ их состава позволяет утверждать, что состав документации Посольского приказа в XVII веке оставался прежним. Как и в XVI веке, материалы делопроизводства этого ведомства делились в целом на две группы: «приезды» и «отпуски», существовавшие в двух основных формах - в столбцах и книгах. В столбцы помещались документы, касавшиеся той или иной дипломатической миссии (грамоты, отписки, переводы, памяти, наказания, статейные списки и др.) Отдельные документы, составляемые или получаемые в Посольском приказе, писались по четко установленному формуляру, отклонения от которого встречаются довольно редко. Составление столбцов подразумевало отбор и отсеивание определенного объема документации (прежде всего, дублирующих друг друга документов). На базе столбцов позднее составлялись книги, содержавшие более ограниченный и систематизированный объем информации.

Служащие Посольского приказа работали весьма оперативно, опираясь на принцип прецедента, предусматривающий постоянное обращение к прежнему делопроизводству (как при решении мелких вопросов, так и при составлении посольского наказа для миссии, отправляемой за рубеж). Делавшиеся в этих случаях выписки из документации прошлых лет включались в новые столбцы, что является в настоящее время особенно ценным ввиду утраты многих материалов Посольского приказа с конца XVI до середины XVII века.

Первым уровнем обобщения и отбора материалов, связанных с той или иной дипломатической миссией, являлись столбцы, составлявшиеся из разнородной документации. Анализ столбцов Посольского приказа XVII века позволяет сделать вывод о том, что в них включались далеко не все поступавшие или исходившие из этого ведомства документы; не случайным был и порядок последовательности материалов, подклеивавшихся в столбцы. Включавшиеся в столбцы документы не всегда помещались в столбец сразу по поступлении в приказ, иногда между их составлением или получением в Москве и внесением в столбец проходило несколько дней или недель.

Особое внимание уделялось составлению грамот, отправляемых за границу. Для написания грамоты использовали тексты грамот прошлых лет, учитывали современные отношения с государем, к которому отправляли послание; черновой вариант тщательно сверялся с чистовым, после чего черновик вносился в столбец. Помещались в столбцы и переводы иностранных грамот.

Особый интерес вызывает укоренившаяся в Посольском приказе практика предварительного составления протоколов аудиенций иностранным дипломатам. Первый подобный случай удалось зафиксировать в 1608 году, в дальнейшем церемониал приемов у царя расписывался заранее весьма часто вне зависимости от ранга дипломата и страны, откуда он прибыл. В этих случаях протокол аудиенции также составлялся с учетом прецедентов; в случае отклонений от протокола в текст вносились соответствующие исправления.

Богатый материал для исследователя предоставляют исправления и пометы, встречающиеся в столбцах довольно часто, поскольку столбец являлся «рабочим» материалом. Некоторые пометы являются резолюциями по решению вопросов, связанных с внешней политикой, а также руководством по составлению столбцов и книг. Интересны также вставки и вычеркнутые фрагменты

текстов столбцов, позволяющие делать выводы о том, что руководство Посольского приказа желало скрыть от своих зарубежных партнеров, а что, напротив, стремилось продемонстрировать. Исправления в столбцах позволяют в некоторых случаях более точно датировать время возникновения документов, а также проследить эволюцию дипломатической терминологии. В этом отношении столбцы Посольского приказа являются более информативными источниками, чем составлявшие на их основе книги.

Исходящие документы (грамоты, памяти, указы) в обязательном порядке копировались в Посольском приказе. При этом черновик вклеивался в столбец; в большинстве случаев в конце документа помещалась помета, сообщавшая о том, с кем и когда подлинный документ был отправлен из приказа. Иногда делались более подробные пометы: «Такова ж память послана в Володимирскую чету, чтоб послали грамоты, потому что Данков и Переславль Рязанской ведают в Володимирской чети, а в Разряд такова ж послана об одной воронежской грамоте с толмачом з Булгаком» [1, с.182]. Составленный первоначальный черновой вариант исходящего из приказа документа подвергался правке. Фрагменты текста, подлежащие удалению, вычеркивались: при этом небольшие участки текста (от слова до нескольких строк) перечеркивались одной горизонтальной чертой; если же удалению подлежал большой фрагмент текста, то первая и последняя строка фрагмента перечеркивались горизонтальными линиями, которые соединялись вертикальной чертой, перечеркивающей остальные строки. Исправления текста производились путем написания правильного варианта поверх ошибочного (если исправлялась одна или несколько букв). Если объем исправлений был больше (одно или несколько слов, иногда - несколько строк), то новый вариант писался над строкой над зачеркнутыми словами. Если в текст документа следовало сделать обширную вставку, то на лицевой стороне документа вместо начала вставки вырисовывался соответствующий знак - крест, вписанный в круг, а на обороте соответствующего листа ставился тот же символ, после чего следовал текст вставки.

В составлении наказа посланникам, отправляемым за границу, принимали участие не только служащие Посольского приказа, но и члены Боярской думы. В столбце по связям России со Швецией можно обнаружить указание на то, что дума имела прямое отношение к составлению наказов.

В процессе подготовки дипломатической миссии составлялся не один черновик наказа. Так, в описи 1626 года упомянут «Наказонной самой черной, как посланы на съезд с литовскими послы для мирного постановленья, а имян посольских не написано, чернень думного дьяка Петра Третьякова, 123-го году» [2, с.102]. Данная цитата доказывает факт существования двух или более черновых вариантов наказа русским послам под Смоленск; первый – «самой черной» наказ был составлен еще до определения состава российской дипломатической миссии. Кроме того, мы можем документально подтвердить факт активного участия судьи Посольского приказа Петра Алексеевича Третьякова в подготовке наказа.

Также, особый интерес вызывает и деятельность переводчиков и толмачей служивших при дворе Посольского приказа. Их работа является самой ответственной в контактах обеих стран. Переводчикам в отличие от толмачей необходимо было обладать умениями и навыками ведения письма, т.е. определенными принципами делопроизводства. Например, в современном понимании к определенным требованиям к переводу относятся:

- точность, которая означает, что «переводчик обязан довести до адресата полностью все мысли, высказанные автором. При этом должны быть сохранены не только основные положения, но также и нюансы и оттенки высказывания»;

- сжатость, - «переводчик не должен быть многословным, мысли должны быть облечены в максимально сжатую и лаконичную форму»;

- ясность, где «лаконичность и сжатость языка перевода, однако, не должна идти в ущерб ясности изложения мысли, легкости ее запоминания»;

Во время нашествия монголо-татар практическое знание тюркских языков на Руси не ослабевает, а может быть, даже упрочивается в связи с потребностью поддерживать необходимое - подневольное - связи с завоевателями, частые поездки русских князей в Орду, общение с представителями Орды вызвали к жизни появление первых официальных переводчиков-толмачей.

Таким образом, на основании анализа текстов столбцов можно сделать вывод о том, что при подготовке дипломатической документации в Посольском приказе довольно широко использовали материалы прежних лет. Данный факт не означает того, что в российском дипломатическом ведомстве не учитывали изменений, происходивших на международной и внутривосточной арене. При составлении новых наказов копировались лишь основные, шаблонные моменты, не подвергавшиеся серьезным изменениям с течением времени. Основная же часть наказа учитывала изменившиеся реалии. Заново составлялись речь, которую должны были произнести при заграничном

дворе русские дипломаты. В составлявшемся по прежнему шаблону наказе было оставлено место для посольских речей, выписанных позже, о чем свидетельствует помета на полях.

Наряду с документами Посольского приказа особое место следует уделить и русско-казахским отношениям представляющие собой богатый и достоверный материал для изучения всех перечисленных этапов лингвистикоисторического анализа деловых памятников. Так, в научных исследованиях неоднократно отмечалось, что к числу непривлеченных к всестороннему лингвистическому изучению памятников деловой письменности относится целый комплекс разнообразных документов, обнаруженных в русских архивах. Здесь, в первую очередь, следует отметить документы, отражающие дипломатические и торговые отношения Московского государства с государствами Средней Азии, а также документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива, например, «Отношения России с Казахстаном», «Отношения России с Хивой», грамоты ханов и их послов, росписи ханских подарков XVII-XIX вв. и мн. др. [3, с.54].

В фондах ЦГА РК в значительном количестве сохранились рукописи на казахском, уйгурском, киргизском, узбекском, татарском, и частично арабском языках. Самая ранняя рукопись относится к 1793 году.

Большинство рассмотренных нами рукописей – документы руководящих учреждений (Оренбургская пограничная комиссия, Букеевская Орда, Алтайский округ киргизов Большой Орды и др.). Они, как правило, составлены переводчиками и толмачами на книжном татарском языке (арабской графикой), принятом в то время среди мусульманских ученых Европейской России. Среди этих рукописей встречаются документы, имеющие особое значение для изучения истории развития казахского языка, так как в них отражены стремления отдельных переводчиков-казахов к очищению казахского языка от татарского языкового влияния. Таковым языком, например, писались обращения к казахскому населению по различным вопросам, выпускающиеся царской администрацией, протоколы дознаний и некоторые другие документы. Считаю необходимым привести здесь определение толмачами самого понятия «документы»: «Документы – это тексты, управляющие действиями, и поэтому их составление строго регламентировано» [4, с.593]. Наиболее ценную группу документов в историческом, бытовом, языковом отношениях представляют рукописи отдельных лиц – султанов Кенесары Касымова и Иликея, правнука известного батыра Джаныбека – бия Чигена Мусина, батыра Суранчи, насыщенные казахскими изречениями и посланиями. [5, с. 141]. Особенную группу составляют рукописи, сохранившиеся в судебных фондах казы и биев Чимкентского уезда, которые ждут серьезного исследователя.

Литература

- 1 Племянникова В.В. Посольский приказ и его назначение // Памятники дипломатических сношений съ Володимирской и Рязанской четью. Часть первая. – СПб., 1882 – С.188 - 200.
- 2 Обнорский С.П. Опись договоров русских с литовцами // Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1960. – С.102-120.
- 3 Кулмаатов Д.С. Очерки из истории Хивы // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Часть 2. – М., 1991. – С. 54.
- 4 Кусайынулы К. Читая документы о казахстанско-российских отношениях в XVIII-XIX веках. – Алматы: Данекер, 2001. – 141 с.
- 5 Кулмаатов Д.С. Названия лиц, занимавшихся канцелярскими делами, в старых русских переводах среднеазиатских деловых документах // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Часть 2. – М.: 1991. - С. 52-59.

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КАЗАХСКОЙ АУДИТОРИИ

*Джаламова Ж.Б.
Джолдасбекова Б.У.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Специфика работы с художественным текстом на занятиях по русскому языку в казахской аудитории заключается в том, она должна, в первую очередь, способствовать творческому самовыражению каждого студента, развивать учебную мотивацию, художественное воображение и фантазию. От преподавателя как интерпретатора этот вид работы требует много сил и профессиональной подготовки. Невозможно разработать универсальную схему анализа художественного текста. В каждом конкретном случае создается новая интерпретация прочитанного. При этом анализ должен быть направлен на совершенствование логического и художественного

мышления, развитие устных и письменных коммуникативных навыков студента, обучающегося на другом языке.

Большое внимание при проведении анализа и интерпретации текста уделяется объекту исследования, то есть отбору художественных произведений, позволяющих понять нравственную и эстетическую ценность русской литературы. Многолетняя практика позволила выработать оптимальный выход из ситуации, связанной с нехваткой времени, и остановиться на произведениях, относящихся к малой эпической форме. Основной задачей данной статьи является рассмотрение приемов анализа сюжета М.М. Пришвина. Актуальность обращения к текстам этого писателя заключена, прежде всего, в том, что он хорошо известен казахстанскому читателю своими очерками и рассказами о казахской степи и ее обитателях. Путешественник, натуралист, общавшийся с природой как с живым существом, Михаил Михайлович Пришвин стал популярным после своей поездки на русский Север за сказками в 1907 году. Это было его первое путешествие, за ним последуют другие, он объедит почти всю страну и напишет о Дальнем Востоке, Казахстане, Кавказе, Крыме так, как будто прожил там много лет. «Путешествие в край непуганых птиц было мне выходом из нравственного заключения, и я направлялся туда с чувством благоговения...» [1, с.426].

Начав свой путь в журналистике, писатель признается, что «разбитый в своих надеждах написать сложную психологическую вещь», в конце концов «выдумал себе медленный, какой-то тележный этнографический путь к литературе, смешной для блестящего таланта» [2, с.48]. Знакомство казахских студентов с его творчеством необходимо для создания прочных фоновых знаний и для дальнейшей интерпретации очерка «В краю непуганых птиц».

Основной прием, который писатель ставит во главу угла своих очерков. - «описание», или так называемое художественное изображение быта, которое является отличительной чертой стиля М.М. Пришвина. Сам писатель считал эту книгу не очень удачной, слишком научной, в которой описания быта заслонили художество. Это является, на наш взгляд, неслучайным, ведь именно этнографический фольклорный очерк непременно предполагает изображение конкретного материального и реалистически отраженного бытия. «В краю непуганых птиц» - это искренние и несколько сентиментальные очерки северной жизни России начала XX века. Путь повествователя прошел по местам крупного старообрядческого поселения Выгореция, которое было разогнано в середине XIX в. Николаем Первым.

Очерки Выговского края начинаются, как это ни странно, с Берлина, где после рабочего дня или по выходным на крошечных кусочках земли отводят душу жители большого города. Смысл такой дачи как средства восстановления сил посредством общения с природой становится только мечтой. Именно от такой дачной жизни спасается, бежит повествователь, противопоставляя мир города и природу, культуру и первозданность.

Новые места и новые впечатления погружают героя-повествователя в стихийно-природный мир, где призрачными становятся и пароход, и люди, только вода и широкая дорога в небо, зовет вслед за собой в край непуганых птиц. Пришвин ориентируется в своем творчестве на фольклор, ставший для него, по словам Выходцева, «важнейшей нравственно-эстетической школой». Сам Пришвин неоднократно подчеркивал: «Мое слово получено из рук народа через его устную словесность» [3, с.116]. Писатель, получивший классическое образование, интересовавшийся западной философией изучил и хорошо знал фольклор, общение с простым народом – хранителем исконно русского языка и устной народной поэзии открыло ему тайны вечно живого неумирающего слова. Писатель нашел свой оригинальный пришевский путь, который уходит корнями в народную почву, осваивает художественную традицию северо-русского фольклора, его образность и нравственную основу. М.М. Пришвин органично соединяет научно-очерковое начало с ярко выраженными сказочными, мифологическими мотивами. Два плана изображения: один- сказочный, связанный с волшебной страной; второй план книги составляют картины реальной жизни, где уклад и быт первородны и нетронуты. Такое совмещение помогло Пришвину обрести ясность писателя- реалиста уже с первого момента вступления в литературу. Книга очерков по свежести стиля, четкости языка оказалась на уровне реалистической прозы 900-х годов.

В.Д. Пришвина так говорит о первой книге писателя: «Они и теперь радуют естественным сочетанием в них поэзии и самой что ни на есть неприкрашенной прозы, понимаемой как зоркая наблюдательность художника, и в этом качестве - представителя русской реалистической прозы» [4, с.11].

Необходимо отметить, что реалистическое начало в творчестве Пришвина, особенно в изображении природы бесспорно. С первых его книг прослеживается особенность его поэтического реализма, делаая его своеобразным и оригинальным писателем. Это единство поэзии и действительности, быта и легенды, по его собственному определению, «чуть-чуть глубже идет, чем общепринятый реализм». В цикле очерков «В краю непуганых птиц» М. Пришвин рисует природу с

различных сторон - хозяйственной, научной, философской, эстетической. Часто он показывает ее как основу бытия, материальную сферу человеческого существования. Она представлена через восприятие крестьян, для которых природа-источник жизни и основа бытия. Север, заморозивший пришвинского героя- повествователя своей безмолвной красотой, постоянно вызывает у него размышления о прошлом природной и человеческой жизни. Северная природа восхищает и становится местом встречи материального и духовного. Сквозь сказочность и фантастичность восприятия дается реалистическая картина жизни и нравов поморья. Вместе с автором добираются в Повенец через Ладожское и Онежское озеро священник, старичок-полковник, женщина с маленькой дочкой на руках. Тверская нянька недовольна видом невеселого берега, только слово «лес», объединяет всех живущих здесь людей, вся эта жизнь вокруг леса, он смысл жизни огромного количества людей. Лес становится одним из ключевых образов-символов в произведениях Пришвина. Часто именно в лесу решаются все главные вопросы героев, он бывает не темным, дремучим «неживым», а реальным, со всеми лесными жителями и одухотворенным. Жители Крайнего Севера ведут вечный поединок с суровой природой, он составляет для них не только жизнь, но и постоянный процесс *творения*. Видимая и описываемая автором-повествователем жизнь местных жителей по существу мало чем отличается от жизни многих поколений, живущих в постоянном и тяжело физическом труде. Они пытаются приспособить необитаемые выгозерские острова к себе и себя к природе. В глазах писателя ежедневные бытовые заботы придают домашней жизни прочную основу, в этом протекает все существование в суровом мире природы, где «люди прозябают из поколения в поколение, передавая грустные воспоминания о своей когда-то жизнерадостной, разудалой жизни. Теперь они поют о соловьях, которых здесь никогда не видали, поют о зеленых дубравах, окруженных соснами и елями, поют о широких чистых полях» [5,72].

Русский Север для героя предстает настоящим краем непуганых птиц, где он чувствует себя чужаком, вторгшимся в незнакомую, непонятную ему жизнь, в «самые глухие места»[5,191]. Окружающие рассказчика люди очень общительны и мы видим сельского батюшку, посмеивающегося над настоятелем Климентского монастыря, у которого тридцать шесть коров и двадцать монахов, вот появляется мальчик, посланный родителями за чудесное выздоровление по обету в Соловецкий монастырь, шедший туда с большим религиозным подъемом и ... остывший сейчас к вере. Писатель исследует их душевное состояние, самобытный мир чувств, пришвинский герой- «путешественник, интересующийся народной жизнью», и этнограф, изучающий «душу человека вообще». Путь в Повенец, где для всех мир заканчивался, ведет к долгожданной находке: «наконец найдена страна непуганых птиц, так непривычна эта простота, прямота, ласковость, услужливость, милая, непосредственная. Душа отдыхает, встретив в жизни то, что уж забыто и разрушено, как иллюзия» [5, 72]. Эта поэтизация не отменяет включение в повествование «житейского». В деревнях, например, Пришвин отмечает мелкие скрещенные людские интересы: воровство, драки, «вольную жизнь», сплетни. Естественная природно-патриархальная жизнь Крайнего Севера предстает перед автором- повествователем в строгом следовании своим вековечным традициям и ритуалам. Любовь, рождение, брак, труд, смерть- вся жизнь сводится к этому кругу и так же неизменна, как смена времен года. Эти люди поступают так же, как испокон веков поступали их деды и прадеды, они суеверны, как и их далекие прадеды. Но они, по словам автора, «сливаются со стихией», и это вызывает восхищение.

Интересен обряд сватовства, описываемый автором, где герои живут сказочной жизнью, носят «цветно платье лазуревое», имеют «казны собенной несчетной». Нарядная красочность становится основной в описании «комедии, взятой из старинных времен языческого славянского быта» [1,84]. Автор искренне удивляется тому, как сосуществуют в крестьянском быту языческие и христианские обычаи, последние кажутся ему вынужденной уступкой, а настоящими властителями края являются колдуны, один из которых был специально приглашен с Химьих песков, чтобы враг не испортил молодых. Колдуны управляют миром, назначают, кому жить, кому умирать, кому сколько поймать рыбы и убить зверя, они принимают разный облик. Вот колдун Тимошка поймал водяного и за то, что не бросил озерного царя в печку, потребовал для себя столько рыбы, что разбогател. Пришвин чувствует себя очень свободным в этом описании, как будто бы записывает фотографически документально, с легкостью вставляя свои комментарии, оригинальные фольклорные тексты, а когда требуется и длинные цитаты современных ученых (Е. Барсова).

Быт на Крайнем Севере тесно связан с природой, где человек борется за свое существование. Это присутствует и в описании тяжелого рыболовецкого промысла, бурлачества, рубки леса и лесосплава, листосборницы, сенокоса и пахоты. Быт поморской свободной жизни «отводит душу» [5, с.95], резко отличается от патриархального Выговского быта, который кажется ему примитивным и неразумным.

Эмоциональное состояние персонажей отражает модель мира, погруженность в среду с ее хозяйственными заботами является логичным воплощением счастья.

Значимым образом в повествовании является *дом*, где по северному обычаю гостям предлагается обильный обед: «уха из сига, простокваша, тарелочка с морошкой. С сухими красными пряниками; тут был и рыбник из черники, калитки, шанежки, мякушечка хлеба» [5, с.106]. Основой быта является большая семья, семейное начало, которая по Пришвину, привносит в жизнь традиционную культуру, противопоставляя «любовь к земле, крестьянство, какой – угодно каторжный труд» - пустынным. Искренне веря в большую семью, дом, хозяйство автор-повествователь считает, что «в святые попал крестьянин, который пахал» [5,с.109], то есть обычная жизнь, среда, житейские мелочи, а главное труд, дают человеку право попасть в рай.

Описание быта, его детальное скрупулезное изображение в повести является несколько идиллическим, отдельные замечания, сделанные автором наводят на мысль о том, что надвигается другой мир, который способен разрушить эту гармонию: «здесь в этой избе, в большой семье на острове происходила такая же драма, как и везде: старое боролось с молодым, новым» [5,с.108].

Анализ сюжета книги Пришвина «В краю непуганых птиц» позволяет студентам увидеть достоверное отображение не только фактического материала, ярко иллюстрирующего особенности быта, но и духовное осмысление писателем нравственных законов бытия.

Литература

1. Пришвин М.М. В краю непуганых птиц // Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. – т.8. - М.: Художественная литература, 1986. – С.11-205.
2. Хайлов А. М. Пришвин: Творческий путь. – М., 1960. – 312 с.
3. Пришвин и современность. – М., 1978. – 302 с.
4. Пришвина В.Д. Круг жизни. – М., 1972. – 216 с.

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РЕЧИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

Кенжеева К.Т.

*КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье сделана попытка рассмотреть вопрос об использовании средств речевой выразительности на примере текстов из произведений О. Сулейменова. В учебном курсе элективной дисциплины «Культура речи и языковая коммуникация» студентам важно изучать на конкретных примерах не только признаки качественной нормированной речи и секреты ораторского мастерства, но и видеть приемы словесного мастерства, которые используют поэты и писатели, ораторы, политики, юристы, философы, дипломаты. В статье основное внимание уделяется повтору и его роли в передаче основного содержания мыслей. Объясняются его функции в тексте. Студентам необходимо найти ответы на вопросы: как устранить повтор-недочет, оправдан ли имеющийся повтор в предложениях, обосновывая ответы через самостоятельный анализ текстов.

Ключевые слова: выразительности речи, художественное мастерство, субъективно-модальные значения, роль повтора в передаче мыслей.

Общеизвестно, что слова способны передавать тончайшие оттенки чувств, движение человеческой души и мысли, вызывая тем самым ответный отклик слушателей, читателей. Способствует этому такое качество речи, как выразительность. Выразительной называется речь, способная поддерживать внимание и интерес слушателя или читателя, усиливать эффективность воздействия речи на адресата. Лингвистическое основание выразительности – наличие в языке изобразительных и выразительных средств, традиционно называемых тропами и фигурами. Они выполняют функции: придают речи эмоциональность, привлекательность, отражают личностный взгляд человека на окружающий его мир, позволяют лучше понять внутренне состояние говорящего, пишущего. Тропы (антитеза, градация, инверсия, эллипсис, повторы, риторические вопросы и другие) чаще встречаются в художественной и публицистической речи, в меньшей степени они свойственны научной речи.

Термин «модальность» в языкознании обозначает разные явления: грамматические, лексические и интонационные, выражая отношение говорящего к сообщаемой информации. Различают объективно-модальные значения, то есть значения реальности и ирреальности, желательности, побудительности и долженствования. Но более существенными для наблюдения представляются *субъективно-модальные* значения, которые могут передаваться специальными языковыми средствами. Каковы же средства выражения, например, *субъективно-модальных значений* в публицистике Олжаса Омаровича? Так, например, в статье «Ты мой герой» и в книге «Код слова» ярко выделяются

следующие экспрессивно-окрашенные выражения, отражающие авторскую позицию, его чувства, отношение к действительности. Такие, как:

модальность – через глаголы и их формы, страдательные причастия *Уверен, что это и есть основная причина, заставившая греческого знаменитого поэта...;...только поэты могут...; убежден, что когда-нибудь появится...;*

ирреальность, переданная через осложненные связки и частицы, создана автором в его воображении *должно было бы заставить поэтов...; ...Пусть этот метод...; пусть поймут меня правильно...; Этот, казалось бы, далекий от нашей африканской тематики...;*

предложения с вопросительными частицами и вопросительными местоимениями – вопрос для заострения внимания с последующим ответом, *Чем отличается иная казахская поэма от биографического очерка? Стихотворным размером и рифмой...; Чем важен для языковедения этот эпизод предистории? Начальный этап развития языка был, несомненно, звукоподражательным...;*

модальные слова и частицы, усиливающие убеждение и уверенность *И теперь, вероятно, применялось, уже шумеро-персидское название стрелы...; Пушкин сегодня, вероятно, не стал бы делать «Евгения Онегина» стихами? Борьба в литературе должна стать этапом развития, а...; Казахским стихам, стихам социальным необходимо рациональное достоинство...;*

повторы для усиления уверенности, необходимости: *Но пройдет время, по проекту египетского знака Солнца будут строить поселения, города. Строить. При этом имея в виду «точку зрения бога»...; ...убежденность нужна Родине. Не мещанская благонадежность, а знания нужны делу...*

инверсия в последних примерах как элемент важности информации, актуальности.

Так, студентам предлагается найти из произведений других писателей и поэтов следующие примеры вопросительных предложений с оттенками экспрессивно-окрашенного разговорного стиля, отличающиеся от норм словопорядка, где – 1) добавляется частица *а*. Например: *А почему я должен молчать?* 2) Вместо конкретных вопросов *какой? каков? каким образом?* Употребляется часто один вопрос *как?*; вместо вопросов *зачем? И почему?* – вопрос *чего?* Например: *- Корабль хороший. А команда как? А чего ты меня спрашиваешь? Частица же, следующая за вопросительным словом, усиливает экспрессивность вопроса. Например: Зачем же тайком из дому ушел?*

Вопросительные местоимения и наречия в экспрессивно не окрашенной речи занимают начальное место в предложении, то в разговорной речи любые члены предложения могут выноситься вперед, располагаясь в препозиции к вопросительным словам. Например: *Тебя кто обидел? А девушки на артистов как поглядывают?* Такой анализ увлекателен любознательным студентам, будущим исследователям, молодым ученым. Он требует самостоятельного интерпретирования, определения типа текста (описание, повествование, рассуждение), выяснения стилистических черт текста, определения их языковых особенностей. Параллельно останавливаемся на правильной компоновке самостоятельно написанных текстов, выражению основного содержания мыслей, поиску сильных позиций слов.

Студентам необходимо помнить о связи между предложениями в тексте, а также между отдельными его членами для последовательности и логичности изложения мыслей. Она основана не только собственно синтаксическими средствами (в структуре соотносительности предложений), но и средствами лексическими и морфологическими. Это вводные слова: *прежде всего, сейчас, затем, поэтому, тогда, при этом и другие*. С помощью таких прилагательных и причастий как *предыдущий, предшествующий, следующий, указанный, приведенный, описанный, данный, последний* и др.

В художественном тексте повтор может изучаться как особенность семантико-стилистической системы писателя, создающая смысловую емкость, отражающая картину мира писателя и структуру языковой личности писателя и персонажа. Лексические повторы различного вида широко используются для придания экспрессивности художественному тексту. Звуковой повтор в поэтическом тексте делает этот процесс максимально ощутимым, как механизмы обеспечения плавности, гибкости. В поэтических произведениях как средство выразительности используются такие виды лексического повтора, как анафора и эпифора и другие. Их можно подробно рассмотреть со студентами на дополнительных занятиях.

На данном этапе можно обсудить со студентами вопрос о функциях лексического повтора: *...Племенные гербы еще сохраняются в культуре казахов – вчерашних кочевников. А гербы эти и по виду, и названиями – типичные иероглифы....* Повторяемые слова, последовательно проводимые через тот или иной ряд предложений, как бы «сшивают» этот ряд предложений в единое целое.

Особенно важную роль они играют при подведении итогов. Наиболее обычная функция повтора – функция усиления. *Все приведенные примеры противоречат общепринятым И.К.С., но наша задача*

– пока просто констатировать факты. Находить и констатировать. Высокая плотность повторов обозначает сильные позиции текста, а более низкая плотность – слабые.

В *публицистических статьях* исследователи повтора заголовка как средства связности текста отмечают важность его позиции в тексте: в начале, в середине, в конце текста. Размещение в начале статьи выполняет функцию открытия главной темы статьи, ее развитие и, далее, анализ. Второй повтор в середине текста сплачивает связность содержания всего материала. Повтор же в конце публикуемого материала является функционально выражением кульминации мыслей автора, которые подчеркивают основное высказывание текста, что далее ведет к их смене основной темы на новые темы. Повтор в конце излагаемого материала создает завершенную рамочную конструкцию. Он подчеркивает значимость центральной темы статьи.

Можно обратить внимание студентов на *разговорную речь*, так как вести правильную беседу нужно уметь. Ведь говорящий должен поддержать диалог, сделать его гармоничным, а также убеждать и воздействовать. Чаще используются полные и частичные дословные повторы. Также нередко встречаются повторные номинации заголовка – намек, применяемые сознательно автором как средство связи между заголовком и текстом намеком, которые задействуют ассоциативное мышление читателя и соотносят смысл текста статьи со смыслом, заложенным в основу заголовка. Позиционно они распространены по всему тексту. Следует иметь в виду, что концевые смысловые повторы – не сложение смысловых повторов по абзацам, параграфам и главам, они должны содержать некоторую обработку, обобщение. И, чем более опытен и талантлив исследователь, тем в более неожиданной, легкой и красивой форме может получить воплощение заключительный повтор. Осталось ответить на вопрос студентов, *как устранить повтор-недочет?* Для этого им необходимо: объединить несколько предложений в одно с однородными членами; объединить предложения, превратив одно из них в словосочетание; исключить лишнее слово; заменить повторяющееся слово синонимом. Следует продолжать работу в плане самостоятельного поиска студентами ответа на вопрос: *оправдан ли повтор в предложениях.*

Учить их обосновывать свои ответы, помогать увидеть в тексте различные выразительные средства речи, средства связи, формировать умение редактировать тексты с неудачным повтором, развивать умение анализировать текст с экспрессивным повтором и тексты с повторами-недочетами, воспитывать чувство ответственности за произнесенные слова.

Литература:

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. – М.: Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 283с.
2. Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке. – М: Русский язык». - 1990. – 231с.
3. Седов К.Ф. Дискурс и личность. – М: Лабиринт, 2010. – 320 с.

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СОЗДАНИЮ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ

Аманбаева Ю.К.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы

Аннотация. В статье идет речь о подготовительном этапе создания первых научных трудов, так как языковая компетенция является неотъемлемой составной частью коммуникативной компетенции. Обращается большое внимание на то, что в данном случае речь идет об оптимальном соотношении форм и видов контроля, которые отражают реальные коммуникативные потребности обучаемых, доказываются своеобразие жанров, их структуры, которые легли в основу курса, говорится о важности обучения поискам источников по темам, а также о культуре работы с ними. Материалы, используемые в статье, носят рекомендательный характер и могут быть использованы молодыми преподавателями.

Ключевые слова: текст, концепт, реферат, аннотация, курсовая работа.

При изучении курса «Профессионально ориентированный русский язык» студенты учатся создавать первые научные труды – рефераты и курсовые работы, где проявляются их навыки и умения, приобретенные при изучении этого курса. Начинать работу стоит с того, чтобы объяснить, что чтение специальных текстов связано с делением их на информационные блоки, в простейшем своем виде отвечающие на вопросы: кто? что? где? когда? как (каким) образом? Это позволит «видеть» текст по-другому, следовательно, и читать его по-новому. В этом-то и проявляется подготовительный этап работы над профессиональным языком специальности.

Известно, что научный стиль, свойственный научной сфере человеческой деятельности, отличается отвлеченностью, строгой логичностью изложения, значительным числом специальных

терминов, определенными особенностями синтаксиса (преобладание сложных предложений с разветвленными синтаксическими связями. В этом стиле используется преимущественно книжная и стилистически нейтральная лексика. Отчетливо выражена тенденция к однозначности употребляемых слов и терминов. В научном стиле можно выделить основные жанры письменных работ: конспект, план, тезис, аннотация, реферат – резюме, реферат – обзор, курсовая и выпускная работы и т.д., которые сопровождают студента в течение всего курса обучения в том или ином вузе. Чаще всего преподаватели сами выбирают последовательность изучения жанров, но при этом они должны помнить о преемственности как основополагающем принципе. Принято, что текст письменной работы должен подчиниться определенным требованиям: он должен раскрывать тему, обладать связностью и цельностью. Раскрытие темы предполагает, что в тексте излагается относящийся к теме материал и предлагаются пути решения содержащейся в теме проблемы; связность текста предполагает смысловую соотносительность отдельных компонентов, а цельность – смысловую законченность текста.

С точки зрения связности все тексты делятся на тексты – констатации и тексты – рассуждения. Тексты – констатации содержат результаты ознакомления с предметом и фиксируют устойчивые и несомненные суждения. В текстах - рассуждениях одни мысли извлекаются из других, некоторые ставятся под сомнение, другим дается оценка, выдвигаются различные предположения. Изложение материала в тексте должно подчиняться определенному плану – мыслительной схеме, позволяющей контролировать порядок расположения частей текста. Универсальный план научного текста, помимо формулировки темы, предполагает изложение вводного материала (вступительная часть, зачин), основного текста и заключения. Все научные работы – от реферата до магистерской диссертации строятся по этому плану, поэтому важно с самого начала научиться придерживаться данной схемы.

Реферат – первая студенческая письменная работа, которую студенту придется писать в вузе. Под термином «Реферат» объединены два разных вида работы. Рефератом называется краткое проблемное изложение содержания книги или статьи. Их назначение состоит в том, чтобы главное в статье представить в сжатом виде. Они публикуются в отраслевых реферативных журналах. Такие рефераты, как правило, не задаются студентам. Вторая разновидность реферата представляет собой изложение имеющихся в научной литературе концепций по заданной проблемной теме. Именно такого типа рефераты задаются студентам. В отличие от курсовых и дипломных работ реферат пишется не только по специальным, но и по общим предметам. Обычно сдача реферата является формой контроля по определенной теме курса. Преподаватель, проверив реферат, может задать вопросы студенту и, при необходимости, предложить в дальнейшем доработать его в письменном виде. Он является простейшей учебно-научной формой контроля знаний студентов, поэтому к нему предъявляются небольшие требования. Несмотря на то, что это научная работа, реферат не должен содержать никаких элементов новизны. Достаточно грамотно и логично изложить основные идеи по заданной теме, содержащихся в нескольких источниках, и сгруппировать их по точкам зрения. Подготовка реферата предполагает углубленное изучение первоисточников и способствует всестороннему знакомству с литературой по избранной теме, создает возможность комплексного использования приобретенных навыков работы с книгой, развивает самостоятельность мышления, умение на научной основе анализировать явления действительности и делать выводы для практической работы. Для реферата необходимо обоснование собственного понимания процесса, аргументированное согласие с одной из излагаемых точек зрения. Основные требования, предъявляемые к студенческому реферату: умение работать с научной литературой; учебники и учебные пособия при написании реферата не используются в качестве единственных источников исследования; умение ориентироваться в выборе нужного материала из монографий, научных статей из журналов, хрестоматий; умение выделить проблемы из контекста; применение навыков логического мышления; соблюдение культуры письменной речи; знание оформления научного текста, ссылок, составления библиографии. Таким образом, реферат – это учебно-исследовательская работа студента, включающая обоснование темы, содержание, заключение, список литературы. В сравнении с курсовой и дипломной работой обоснование в реферате свернуто, лаконично, схематично. Он предполагает письменную работу и устный доклад. Реферат напрямую связан с конспектом и строится на умении выделять новую информацию и уметь отрабатывать ее. Вот почему так важно знать разные виды конспектов, их отличительные признаки и достоинства от опорного конспекта до конспекта-реферата.

Другим видом работы является написание курсовой работы, которая предполагает обучение основным навыкам систематизации материала, изучаемого по специализации студента (юриспруденция, информационные системы, финансы и др.). Курсовая работа – самостоятельная учебная научно-методическая работа студентов университетов, выполняемая под руководством

преподавателя по общенаучным и специальным предметам учебного плана. Имеет целью развитие у студентов навыков самостоятельной творческой работы, овладение методами современных научных исследований, углубленное изучение какого-либо вопроса, темы, раздела учебной дисциплины (включая изучение литературы и источников). Выполнение курсовой работы – неотъемлемая часть учебного плана по каждой специальности. На первом и втором курсах эта работа выполняется, как правило, по одной из общетеоретических дисциплин. На третьем и четвертом – по дисциплинам специализации и является как бы ступеньками к написанию и защите выпускной квалификационной работы и магистерской диссертации. Целями курсовой работы являются: углубление и расширение теоретических знаний: овладение приемами (навыками) самостоятельной познавательной деятельности, выработка умения формулировать суждения и выводы, логически последовательно и доказательно их излагать; выработывание умения публичной защиты подготовленного материала (делать доклад, отвечать на вопросы, отстаивать свое мнение и т.д.). Задачи, которые ставятся непосредственно перед студентами при подготовке курсовой работы, включают: изучение литературы, нормативных, справочных и научных источников, включая зарубежные, по теме исследования; самостоятельный анализ основных концепций по изучаемой проблеме, выдвигаемыми отечественными и зарубежными специалистами; уточнение основных понятий, определение объекта и предмета исследования; обобщение предварительно полученных выводов. Все части глав курсовой работы должны быть изложены в строгой логической последовательности и взаимосвязи. Текст целесообразно иллюстрировать схемами, таблицами, диаграммами, графиками, рисунками и т.д. Рекомендуемый объем текстовой части 25 – 40 страниц. Соответственно структуре распределяется объем курсовой работы:

- 1) введение – 1,5 – 3 страницы;
- 2) каждая из глав по 8 – 10 страниц;
- 3) заключение – 2 – 3 страницы;
- 4) библиографический список – 1 страница (должен содержать приблизительно 8 – 10 источников).

Структура курсовой работы традиционна. Во введении курсовой работы, в которой рассматриваются основные тенденции изучения и развития проблемы, анализируется существующее состояние, обосновывается теоретическая и практическая актуальность проблемы, фиксируется цель и задачи работы. Объем введения не должен превышать 10% объема курсовой работы. В теоретической части целесообразно начать с характеристики объекта и предмета исследования. Затем сделать небольшой исторический экскурс, по возможности оценить степень изученности исследуемой проблемы, рассмотреть вопросы, теоретически и практически решенные и дискуссионные, по-разному освещаемые в научной литературе, и обязательно высказать свою точку зрения. Затем следует осветить изменения изучаемой проблемы за более или менее длительный период с целью выявления основных тенденций и особенностей развития.

Информация, полученная в процессе чтения различных источников, предназначается для дальнейшего использования в курсовой работе в качестве цитат и рабочих материалов. Для этого ее фиксируют, делают различного вида записи (выписки, план, тезисы, аннотации, конспект и др.). Успешность выполнения работы зависит от грамотного составления плана работы. План – это основа текста, он компактно отражает последовательность изложения материала. План, как форма записи обычно значительно более подробно передает содержание частей текста, чем оглавление книги или подзаголовки статей. Удачно составленный план говорит об умении анализировать текст, о степени усвоения его содержания. Обработывая план при чтении текста, прежде всего, необходимо стараться определить границы мыслей, следить, чтобы заголовки-пункты плана наиболее полно раскрывали мысли автора.

В исследовательской части на основе теоретического материала раскрывается состояние вопроса. Материалы, служащие базой для обоснования и анализа, должны быть достаточно полными и достоверными, чтобы, опираясь на них, можно было бы проанализировать положение дел. Следует избегать ненужных сведений, отбирая только те, которые будут использованы в процессе работы. Характер и объем собранного материала зависят от особенности принятой методики исследования, которая согласовывается с преподавателем. Опираясь на выводы по результатам анализа, обосновываются рекомендации и мероприятия по расширению поставленной проблемы. В частности, конкретизируются, какие имеются пути использования вскрытых резервов, устранения недостатков в работе. В заключительной части курсовой работы, в которой студент должен резюмировать изложенный материал, сделать общие выводы. Заключение не должно содержать пересказ содержания исследования. Здесь подводятся итоги теоретической и практической разработки темы, предлагаются обобщения и выводы по исследуемой теме, формулируются рекомендации и предложения, могут намечаться задачи для дальнейшего углубления темы в

дипломной работе. Последним этапом работы является компоновка списка литературы. Он помещается после заключения и имеет заголовок «Список использованных источников и литературы». Включенные в такой список источники должны иметь отражение в тексте работы. Рекомендуемый способ построения библиографического списка в курсовых работах – алфавитный или по видам издания. Конечно, уровень выполнения курсовой работы зависит от ряда факторов, в том числе – от подготовленности студентов в целом. Поэтому мы рекомендуем в ряде случаев обратиться к курсовой работе реферативного плана.

Полученное в результате проведенной работы в группах казахского отделения по разным специальностям позволяют нам рекомендовать следующее:

темы для написания рефератов и курсовых работ были подобраны таким образом, чтобы студенты не нашли готовые работы в сети Internet, а первоисточник в написании работ находился на учебном сайте «Бакалавр» (<http://bachelor.ucoz.ru>);

в зависимости от специализации студента на этом сайте располагается литература (на русском языке), что служит основанием полагать, что студент, прошедший курс «Практического русского языка», в полной мере владеет русским языком (понимание терминологической лексики, составление планов и конспектов к текстам) и может написать свою первую студенческую работу.

В начале семестра каждому студенту был предоставлен список курсовых работ по его специализации. Отправной точкой в его исследовательской работе являлся учебник, который можно было скачать с этого сайта и выбрать главу, с которой он впоследствии и работал (создание различных видов конспекта). Преподаватели русского языка предупредили студентов о плагиате, что и послужило следующим этапом работы – нахождение других источников литературы по данной теме - составление конспектов, аннотаций, рефератов-резюме. В ходе работы преподаватели ориентировали студентов на написание рефератов или курсовых работ.

Одним из важнейших вопросов, которые постоянно решают преподаватели русского языка как иностранного, является вопрос о том, как оценить знания, умения и навыки обучаемых, как более точно измерить их уровень владения русским языком. Поэтому не случайно контроль является одним из основных компонентов преподавания русского языка иностранным учащимся. Однако он имеет свою специфику в отличие от других учебных дисциплин, поскольку русский язык в этом случае не только объект изучения, но и субъект обучения. При организации контроля мы исходим из того, что основополагающий для современной методики преподавания русского языка как иностранного коммуникативно-деятельностный подход предполагает неразрывную связь целевых установок обучения с объектами контроля и их взаимозависимость.

В соответствии с этим при оценке уровня развития речевой деятельности на русском языке наше внимание должно быть направлено более всего на уровень сформированности коммуникативной компетенции. Практика показывает, что зачастую существует разрыв между учебниками, учебными пособиями коммуникативного типа и контрольными материалами, основанными на требованиях лингвистически ориентированной методики. Безусловно, языковая компетенция является неотъемлемой составной частью коммуникативной компетенции, но нам хотелось бы обратить внимание на то, что в данном случае речь идет об оптимальном соотношении форм и видов контроля, которые отражают реальные коммуникативные потребности обучаемых и адекватны содержанию, приемам и формам обучения.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия от 03 февраль 2000 г. [Электр. ресурс].-2000.- URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения): 20.12.2012.
2. Соколова В.Е. Виды самостоятельных письменных работ: методика написания, правила оформления, порядок защиты. – Хабаровск, Изд-во: ДВГУПС,2013. – 90 с.
3. Организация курсового проектирования от 03 февраль 2000 г. [Электрон. ресурс]. - 2000. - URL:https://yadi.sk/i/iPtONd_icHGna (дата обращения 01.03.2014).

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

*Глеубай Г.К.
Джолдасбекова Б.У.
КазНУ имени аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

В методике преподавания литературы и русского языка одним из основных методов является изучение языка художественных произведений классиков русской и зарубежной литературы. Основное свойство человеческого языка состоит в том, что он является орудием мышления и средством общения людей. В слове человечество запечатлевает все свои думы, самого человека, его переживания, весь свой жизненный опыт; в слове же оно выражает и свои оценки всем явлениям действительности. Познавательная сила слова проявляется во всех словесных произведениях, но с особенной яркостью – в художественных произведениях. Писатель – художник, пользуясь словом, стремится показать все богатство красок окружающего нас мира и с наибольшей силой выразить свои мысли, чувства, свое отношение к разнообразным явлениям действительности.

Интерес к изучению языка художественных произведений продиктован задачей «выработки у учащихся высокой коммуникативной, языковой, лингвистической, литературоведческой, эстетической и нравственной компетенции, формирования самосознания и духовного здоровья». Художественный текст представляется уникальным материалом при обучении русскому языку, так как наиболее комплексно, во взаимосвязи все задачи обучения языку решаются в процессе именно над текстом.

Обучение русскому языку должно способствовать формированию умений оценивать, выбирать и использовать языковые средства в собственной речи в соответствии с целями, задачами и условиями общения. Отбор художественных текстов является одним из первоочередных вопросов в обучении русскому языку. Многие авторы (М.Д. Зиновьева, Г.А. Золотова и др.) считают, что поиск источников художественной литературы нужно осуществлять не на периферии, а в творчестве ее крупных известных представителей. Произведения больших мастеров аккумулируют исторический опыт жизни народа, выражают его духовную сущность.

Тематика и проблематика художественного текста, идеи, выражаемые его автором, могут глубоко затронуть сознание и душу обучаемого. Вызвать у них познавательные побуждения и эмоциональные порывы, желание задуматься над прочитанным и выразить свою точку зрения в устной или письменной формах, чтобы поделиться ею с другими и сравнить свои суждения с их мнениями. На практических занятиях по профессионально-ориентированного русского языка на первых занятиях мы показываем как работает слово у такого мастера, как Ч.Т.Айтматов, у классика кыргызской литературы, а «классик – это писатель, у которого можно учиться образной речи, произведения которого представляются наиболее совершенным воплощением языковых идеалов, существующих в данной общественной среде».

С первых же произведений Ч.Айтматов заявил себя писателем, поднимающим сложные проблемы бытия, изображающим непростые, драматические ситуации, в которых оказываются сильные, чистые и честные люди, но сталкивающиеся с не менее сильными противниками – то ли блюстителями старых нравов и обычаев, то ли хищниками, властолюбивыми деспотами, свинцовыми бюрократами, как Сегизбаев в повести «Прощай, Гульсары!», с самодурами и подлецами вроде Оразкула в «Белом пароходе» и т.д.

Знакомство с языком писателя начинается с первых занятий, с анализа отрывка из повести «Материнское поле». В названии повести символическая условность проходит через всю повесть в виде легенды о возникновении Млечного пути. Название максимально многопланово: символизирует мирную жизнь, дорогу, указанную матерью, бессмертие крестьянского труда и хлеба. Студенты подробно анализируют монолог Толгонай. Основная цель этой работы – научить чувствовать слово, думать над словом, искать в слове истинный смысл, восхищаться словом, усваивать душой самобытность слова, выражать себя в слове, овладевая несметным богатством русского языка. К каждому тексту даются предтекстовые и послетекстовые задания, такие, как: Задание 1. 1) Прочитайте и озаглавьте отрывок. Аргументируйте свой ответ. 2) Какое чувство вызывает у вас прочитанный отрывок? 3) Докажите, что этот отрывок написан в художественном стиле. Задание 2. 1) Найдите и подчеркните определения. Все ли они будут эпитетами, если мы знаем, что эпитет – самое точное, «озаряющее» определение, которое выделяет, подчеркивает какое-нибудь характерное свойство, качества предмета? 2) Много ли в тексте сравнений, сравнительных оборотов? Прочитайте без сравнительных оборотов. Зачем писатель вносит сравнительные обороты в свое описание?

В наше время существует огромное количество проблем. Но одно из важнейших мест занимает экологическая проблема. Ей посвящена одна из важнейших тем «Проблемы экологии». Экологическая ситуация постоянно ухудшается из-за человеческой глупости, жадности, недалёковидности. Тема защиты природы является ведущей в произведениях Ч.Айтматова. В рамках этой темы анализируются отрывки из романа «Плаха». В романе олицетворением природы выступает семья волков во главе с синеглазой волчицей Акбарой. Именно они, хищники, избраны писателем для роли обречённых на смерть существ. Гармония жизни в Моюнкумской саванне была взорвана «хунтой». На стадо сайгаков была устроена облава. «Изначальное равновесие» было нарушено: волки и сайгаки мчались рядом, объединённые общим стремлением уйти от врага – человека. В этой ситуации человек и зверь поменялись местами. Акбара увидела лицо человека, которое «явилось так близко и так страшно, что она ужаснулась». Волчица увидела в человеке страшного зверя с бессмысленной жадностью убивать. Бессмысленное массовое уничтожение животных – это угроза земному процветанию, предвестие гибели животного мира. Автор доказывает мысль, что уничтожение природы сочетается с уничтожением всего человеческого в людях.

Человек, по мысли писателя, – часть природы. Когда он перестаёт ощущать себя этой частью, нарушается гармония, что и ведёт к катастрофе. Писатель пишет, что «хотел бы отразить всю сложность мира, чтобы читатель вместе со мной прошёл через большие духовные пространства и поднялся на более высокую ступень. Я хотел бы разбудить совесть в людях, глубокие мысли, с тем, чтобы люди лучше понимали свое время, свою жизнь. Они не должны себя защищать ни в раю, ни в аду. Они должны действительно понимать реальность, и именно для этого им нужна литература».

История волков была воспринята читателем благожелательно, эта линия повествования захватывала своей художественной мощью. Волки здесь не проходные, а может даже главные, либо в ряду главных, образы – характеры. Волки для тюрков – тотемные животные. И сами имена их: Акбара – «великая», Ташчайнар – «переламывающий камни» – означают силу, уничтожающую все перед собой. У Айтматова всегда все ощущения точны, все продумано. Образы животных проходят через все произведения Ч.Айтматова, восходят к народно-поэтическому эпосу.

С образами волков связана в романе и проблематика человечности. Мотив совести проходит через синеглазую, очеловеченную волчицу Акбару. Мир природы и мир социальный взаимосвязаны. Вооружаемый научно-технической революцией и лишенный исторической памяти, природного чувства и социального разума человек обрекает природу, а значит и самого себя, на уничтожение – на смерть. Проблема наркомании и тесно связанная с ней тема вседозволенности считается актуальной в наши дни. Проблема наркомании считается «молодежной». И эта конкретная проблема обращена к конкретной болевой точке нашего общественного бытия. Ч.Айтматов одним из первых поднял в художественной литературе тему наркомании. Писатель видит внутреннюю связь между уголовниками – наркоманами, убивающими Авдия и считающими все дозволенным. Сближает их равнодушие к человеку, их нравственная неполноценность. Сегодня в нашем обществе бытует идея вседозволенности. Идея, оторвавшаяся от живой реальности, жизни человека, общества, идея, безразличная к жизни, к живым нуждам человека, общества, будь она самая гуманная в своих истоках, перерождается, превращается в преступный тормоз развивающейся жизни, эволюции самого человека. И главный конфликт романа, – противостояние застылости и трепетной жизни, догматизма и творческого начала. В мире, где ни на миг не утихает борьба идеологий, миропониманий, мироотношений, писатель защищает приоритет мысли, опирающейся на живые реальности человеческого бытия, приоритет творческой гуманистической мысли. Когда угасает творческое начало, разрывается связь мысли и реальности, наступает застой в обществе, чреватый пагубными последствиями не только в экономической, но и социально-нравственной сферах жизни. В подобной обстановке безвременья появляются и начинают процветать такие преступные «функционеры», как Гришан, вербуемый и развращающий неоперившихся юнцов, в эту пору преуспевают такие типы, как бандит Обер-Кандалов, спаивающий современный деклассированный люд, толкающий их на убийство. Эти характеры имеют реальных прототипов и идут от нашей действительности.

Проблема богоискательства очень актуальна в наше время. Писатель обратился к максимально возможному мифу, ему нужен был рассуждающий Христос, философ, который сам объясняет свое учение, который увидел пророческим взглядом обезлюдившую землю: люди сами себя могут уничтожить. Мысли очень глубоки в философском смысле, например, о спасении, о жертве, как о философском существовании идей. Может быть, плаха есть форма существования сверхидей, недаром и социальные идеи утверждаются жертвенной кровью. Чтобы до конца понять необходимость ее включения в роман, надо очень внимательно прочитать диалог Пилата и Христа. Это диалог о соотносительности Добра и Зла. С этой проблемой тесно связан образ Авдия.

Центральная проблема, как поступать, какому закону подчиняться- закону свободы личности (линия Авдия, Христа) или закону рока, судьбы (линия Бостона). Судьба или свобода – это главное, что связует роман. Линию «не убий» проводит писатель через образ Авдия. Реалистичен ли в жизни такие люди как Авдий. Какие чувства он у вас вызывает? (скептицизм, жалость, недоверчивость, опасность и др.). Проблема совести решается через любимый образ писателя Бостона. Против чего он борется и кого? Он выступает против универсальной развратной религии вооруженного превосходства. Ему противостоит Кочкорбаев, Базарбай. Но мир жесток. Приходит трагедия, в которой он не виноват, а расплачиваться – ему. Он восходит на свою плаху. Как вы понимаете смысл названия «Плаха».

Анализируя произведения Ч.Айтматова на практических занятиях, особое внимание уделяем изобразительно-выразительным средствам, которые писатель использует, создавая свои произведения. Это связано с особенностями искусства, как образного способа изображения жизни: чтобы создать конкретную картину – образ живого человека, картину природы, выразить душевное состояние человека, - художник должен использовать словесный материал, из которого можно «лепить» все эти образы. Писатель должен быть точным в своих выражениях, но для художественного изображения одной точности недостаточно, необходима еще и образность. Чтобы создать образ, художник должен уметь выбирать из общенародного языка не только точные, но и наиболее «сильные» слова.

Каждый шаг анализа художественного текста связан с наблюдением за словом писателя. Особенностью изучения языка художественных произведений является интеграция русского языка и литературы.

Анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, перенос, самостоятельный поиск, интуитивное решение, догадка, критическое мышление являются важнейшими предпосылками для развития речевых способностей студентов.

Обучающая значимость анализа художественного текста очевидна: с его помощью развиваются художественные языковые способности студентов, чувство языкового вкуса, воспитывается читательская культура, способность не только замечать и воспринимать образность и выразительность лучших образцов художественного слова, но и совершенствовать культуру речи, прививать истинную любовь к языку как культурному достоянию народа.

Таким образом, работа над художественным текстом на занятиях создает условия для осуществления функционального подхода при изучении языка, интеграции межпредметных связей, формирования рече-коммуникативных навыков и личностно-ориентированного преподавания.

Литература:

- 1 Барлас Л.Г. Язык художественной литературы. – М.: Наука, 1985.
- 2 Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Высшая школа, 1980.
- 3 Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. - М.: Высшая школа, 1988.

ГИПЕРТЕКСТ КАК СПОСОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИРИКИ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

*Какильбаева Э.Т.
КазНУ им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

Аннотация. В статье рассматриваются возможности гипертекстовых технологий изучения интертекста лирики Олжаса Сулейменова. Исходной мыслью автора является утверждение, что современный Интернет породил новые возможности Net-мышления, и гипертекст как способ интерпретации художественного текста позволяет выявить не только особенности поэтики конкретного текста, но и рассмотреть его во взаимосвязи с поэтической традицией прошлого и настоящего.

Ключевые слова: компьютерный гипертекст, интертекстуальность, реминисценции, аллюзии.

Современный Интернет как особое коммуникативное пространство рождает новые возможности сбора и обработки научной информации. При этом исследователь в качестве одного из представителей глобального информационного общества неизбежно становится простым виртуальным коммуникантом, человеком *кликающим*, представителем интерфейсной культуры. Включение человека в систему массовой коммуникации меняет психотехнику его восприятия и мышления. Мышление в результате глобальных информационных процессов приобретает новые свойства как Net-мышление - сетевое мышление [1, с.74-80]. Исследователь Е.Е. Пронина выделяет четыре основных признака Net-мышления: а) гиперссылки, одновременно дающие возможность более глубокого проникновения в

суть исследуемой проблемы и полного отхода от нее, утраты основной задачи в ходе движения по маргинальным текстам («примечания» могут победить «основной текст»); б) ассорти-композиция, когда мысль кристаллизуется из хаотичного набора разнообразных данных и сведений, «выложенных» перед сознанием подобно товарам на прилавке; в) специфический темпоритм, когда все лишнее отсекается, лексика максимально субстантивирована, предложения лаконичны, эллиптические; г) особая стилистика интерактивности – публичной субъективности, отвечающей потребностям личности в самовыражении и самоутверждении посредством массовой коммуникации [2].

Для понимания алгоритма действий гипертекста при интерпретации художественного текста, в данном случае лирического, необходимо обратиться к статье французского структуралиста и семиотика Ролана Барта «Смерть автора»: «Текст представляет собой не линейную цепочку слов..., но многомерное пространство...; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [3, с. 388]; «Скриптор, пришедший на смену Автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо» [3, с. 397]. По мнению Р. Барта, «источник текста находится не в письме, а в чтении», многомерные смыслы текста фокусируются в читателе. При этом он считает, что «рождение читателя приходится оплачивать смертью автора» [3, с.400].

Структуралисты считают, что в новых условиях существования текста автор утратил свои традиционные функции. «Автор не должен стоять за спиной у текста, – закончив свое дело, он должен удалиться и больше не маячить перед глазами. В идеале, завершив текст, автор должен исчезнуть раз и навсегда. Хороший автор – это мертвый автор» [4, 32]. Он задается в сети исключительно своей креативностью, способностью производить тексты, гармонично развивающие уже готовый корпус. Читатель, используя гипертекстовые связи, выбирает нужную ему информацию и творит свой текст, в результате становится самостоятельным творцом текста, «искушенным читателем», носителем «интертекстуальной энциклопедии» [5].

Все вышесказанное возможно лишь при условии существования текста в виртуальной среде. В таком случае эффективно и оправданно при интерпретации текста обращение к гипертексту как мультимедийному средству. При этом нужно иметь в виду, что анализируемый текст должен быть насыщен аллюзиями и реминисценциями. Мы считаем, что интертекстуальная природа лирики Олжаса Сулейменова позволяет широко использовать возможности электронного гипертекста. Гипертекстовое пространство его произведений рассчитано на активного читателя, который не потребляет готовую продукцию, а творит вместе с автором, развивает его мысли. И поскольку в гипертекстовой среде важен не только сам текст, но и вся совокупность альтернативных текстов, задаваемых комбинаторикой отдельных его фрагментов, то в гипертекстовом пространстве творчества О. Сулейменова каждый элемент представляет собой отрывок со сложной «драматургией», а значит, является *потенциальным стимулом для реагирования и может породить другие тексты, связанные с ним не формально, а семантически* [6, с.552].

При активном использовании гипертекстовых технологий новым содержанием наполняются привычные понятия *интертекстуальности, интертекста и гипертекста*. Структуралисты трактуют интертекстуальность как понятие постмодернистской текстологии, необходимое для взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего. По Ролану Барту, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [3]. В виртуальных условиях интерпретации текста «всякий текст есть между-текст по отношению к другому тексту», поэтому гипертекст воспринимается как текст, каждый фрагмент которого имеет скрытые и явные связи с другими текстами, что позволяет активному читателю использовать различные пути прочтения данного текста.

То есть, любой текст существует в среде созданных до него или параллельно с ним текстов. Это свойство гипертекста позволяет представить текст как визуальное многомерное явление, которое рождает возможность читать его в любой последовательности. Все это ведет к децентрализации исходного текста, потому что компьютерный гипертекст дает право одновременного сосуществования на экране компьютера исходного текста и других текстов, к которым направлены отсылки. Этот способ анализа и интерпретации текста, называемый в постмодернистской среде «На Ваше усмотрение» (по заглавию романа Р. Федермана) или «Сад расходящихся тропок» (по названию рассказа Х. Л. Борхеса) в последнее время завоевывает всю большую популярность в литературоведении.

Таким образом, в нашем случае компьютерный гипертекст, который организует внутри текста и наглядно представляет на экране монитора систему ссылок, соотносится с интертекстом как внешняя

и внутренняя структура, то есть именно компьютерный гипертекст объективизирует и наглядно представляет интертекст.

Интертекстуальная природа лирики Олжаса Сулейменова позволяет активному читателю-исследователю увидеть всевозможные литературные отсылки к «чужому слову», первичному тексту, в роли которого чаще выступает русская классика, восточная поэзия и западная эстетика. В современном сулейменоведении существует немало интерпретаций функций аллюзий, реминисценций, прямых и косвенных цитат в лирике Олжаса Сулейменова. В пределах данной статьи рассмотрим обращения поэта к восточной классике, в частности к лирике Омара Хайяма.

Любая влага,

влитая в кувшин,

спешит принять

его литую форму,

а слово,

проникая в глушь души,

ей сообщает

собственную форму.

Тьму искажает образами

НОЧЬ,

в КОНЯХ отстали

борзые комони...

Всегда,

повсюду –

горлом превозмочь

границы ужасающих гармоний.

Так, в мир входя,

мы изменяем мир,

он – оболочка,

мы – его основа,

мой мир

рябьсь, морщиясь,

как эфир,

приобретает очертанье СЛОВА,

Искрится дым –

сгорел последний том...

Но

вечен знак над легким пеплом

букв,

над кошмами,

над каменной плитой

изогнутый лекалом мысли

ЗВУК.

(1973г.)

Лирическая миниатюра «Любая влага, влитая в кувшин» и по форме, и по содержанию перекликается с рубаи восточного поэта-суфия Омара Хайяма, который вкладывал в любой поэтический образ глубокое философское содержание и искусно превращал свои рубаи в криптограмму и ребус, зашифровав под кувшином источник знаний, а вино трактуя как познание Истины.

Мурат Ауэзов считает, что рубаи Омара Хайяма, сжатые и всеобщие, как формулы, есть синтез поэзии, философии и математики. Исследователь называет восточного ученого человеком чувственного ума, который обладал единственной ценностью - счастьем познания: «этой привилегии добился и Олжас благодаря своим выдающимся способностям, помноженным на интересующую работу ума» [7, с.98].

Олжас Сулейменов продолжает традиции Омара Хайяма и «превращает» любую влагу в форму, наполненную содержанием. У Сулейменова тьме противопоставляется ночь, коням противопоставлены комони, а это те же самые кони или борзые кони. Для Сулейменова образ «ночи двойственен, так как, с одной стороны, ночь выступает представителем мира ночной природы, влекущей в свою сферу образы луны, звезд; с другой стороны, ночь осмысливается как пора особых

задушевных дум и поступков. Все это проецируется на мир человеческих отношений, где занимает центральное место вопросы любви, поэзии, предназначения поэта и его творческого пути.

Поэт превращает «слова», которые для него и есть «мир», в «знак», а знак - в «звук» (это нашло логическое завершение в его «Коде Слова»). Он считает, что произнесенное слово может пересоздать окружающий мир, потому что слово имеет способность к творению. Этот взгляд на слово как на творящую силу был характерен не только для восточного мудреца, поэта-суфия, но и для всех поэтов Восточного Ренессанса.

Сулейменовские реминисценции позволяют ему не буквально воспроизводить чужие структуры, а дают намек и отсылку на другие имена и тексты. Последняя строка этого стихотворения «Изогнутый лекалом мысли ЗВУК» отсылает нас к стихотворению Андрея Вознесенского «Зеркало – лекало звука». Реминисценция, использованная в качестве стилистического приема, служит средством организации лирического сюжета Олжаса Сулейменова и, с другой стороны, позволяет нам включить всех названных выше поэтов в единое культурное пространство.

Интертекстуальные отсылки к Омару Хайяму, к русской классике XIX века, к Вознесенскому вписаны в безграничное пространство лирического героя поэта. А компьютерный гипертекст вследствие своей свободы позволяет переходить от одного текста к другому и обратно, использовать мультимедийные эффекты, демонстрировать одновременно текст и претексты, посттексты. То есть компьютерный гипертекст обнажает внутреннюю структуру интертекста, одновременно обнаруживает все цитаты, реминисценции и аллюзии в тексте и выявляет место поэта в общем литературном процессе. То есть этот способ исследования поэтики Олжаса Сулейменова позволяет рассматривать поэта в системе поэтических традиций.

Литература

1 Пронина Е.Е. «Живой текст»: четыре стилистических признака Net-мышления // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. - 2001. - № 6. - С. 74-80.

2 Пронина Е.Е. Категории медиапсихологии // Проблемы медиапсихологии. - М.: МГУ, 2001 [электронный ресурс]. - URL: <http://evartist.narod.ru/text7/38.htm>

3 Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. - М.: Прогресс: Универс, 1994 - 616 с.

4 Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодернизма: Интернет как место обитания литературы // Новое литературное обозрение. - 1998.- №32. - С. 29-47.

5 Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. - СПб.: Симпозиум, 2007. - 502 с.

6 Какорина Е.В. СМИ и Интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. - М.: Языки славянских культур, 2008. - С. 548 - 578.

7 Ауэзов М. Историко-культурная традиция и современный литературный процесс // Ауэзов М. Времен связующая нить: Литературно-критические этюды - А-Ата: Жазушы, 1972. - С.57-132.

ПОСВЯЩЕНИЯ ОЛЖАСУ СУЛЕЙМЕНОВУ

Сергей Марков

КАРНА И ЖЛЯ

*За ним кликну Карна и Жля
Поскочи по Русской земли...
(«Слово о полку Игореве»)*

Олжасу Сулейменову

Я мерил жизнь (и этим город!)
И на степной салтык;
Живя в стране трех древних орд,
Я слушал их язык.
В бессмертном "Слове о полку",
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.
На них таинственный покров
Набросили века...
Я раскрываю тайну слов
Чужого языка!
Кыпчакским полчищам верна,
Поднявшись над бугром,
Огромная труба - Карна
Извергла медный гром.
От грома вздрогнула земля
И ринулась, звеня,
Жалын-желеу или Жля -
Завеса из огня.
Ещё напишет в добрый час
О пламенной строке
Мой юный друг - кыпчак Олжас -
На русском языке!

1970 г.

*** **

Римма Казакова

О. Сулейменову

Люблю тебя, товарищ мой Олжас,
за всё, что ни возьмёшь - ни так, ни с бою.
Люблю - не раз ожёгшись, обожжась
Чем-то в тебе, или в себе - с тобою.
Люблю тебя за точный твой талант,
за то, что так свободен, так раскован,
за то, чем дарит жизнь, взамен утрат.
того, чьи дни бегут путём рисковым.

И трудный нрав - какие пустяки!
Люблю за это утоление жажды –
всецело, безвозмездно - как стихи,
что полонили всю меня однажды.

Люблю тебя за то, что не похож
ни на меня, ни на других, и если,

пусть даже и вполголоса поешь,
не перекрыть негромкой этой песни.

За то, что выпал в жизни дивный шанс –
родстава по той упрямострунной лире...
Еще люблю за то тебя, Олжас,
что многое ты любишь в этом мире.

За всех, кому ты так не по душе!
Они любви нас нелюбовью учат...
За то, что не переиграть уже
ни вздоха, ни улыбки, ни созвучья.

За взлёты и ошибки сгоряча,
А быть иным - ни смысла нет, ни средства,
за прямоту надёжного плеча,
за чувство локтя, нет - за чувство сердца.

И, по дорогам жизненным кружась,
Не уступая чьей-то укоризне,
Люблю тебя, как эту жизнь, Олжас,
всем истинным в себе и в этой жизни.

И над ним не жокей в горизонт
Упирается лих, - конь трудяга, конь стон
Всех полей пулевых
И работ полевых...

1983 г.

*** **

Андрей Вознесенский

2 секунды 20 июня 1970 года. В замедленном дубле
Посвящается АТЕ-37-70, автомашине Олжаса Сулейменова

1.

Олжас, сотрясенье – семечки!
Олжас, сотрясенье – семечки,
но сплёвываешь себе в лицо,
когда 37–70
летит через колесо!
(30 метров полета
и пара переворотов.)

Как: «100» при мгновенье запуска,
сто километров запросто,
Азия у руля.
Как шпоры, вонзились запонки
в красные рукава!

2.

Кто: дети Плейбоя и Корана,
звезда волейбола и экрана,
печальнейшая из звезд.
Тараним!
Расплющен передний мост.

И мой олимпийский мозг
впечатан в металл, как в воск.

Как над «Волгою» милицейской
горит волдырём сигнал,
так кумпол мой менестрельский
над крышей цельнолитейной
синим огнём мигал.
Из смерти, как из напёрстка,
Выдергивая, как из напёрстка,
защемленного меня,
жизнь корчилась и упорствовала,
дышала ночными порами
вселенская пятерня.

Я – палец ваш безымянный
иль указательный перст,
выдёргиваете меня вы,
земля моя и поляны,
воюющие окрест.

3.

Звезда моя, ты разбилась?
Звезда моя, ты разбилась,
разбилась моя звезда.
Прогнозы твои не сбылись,
свистали твои вестя.

Знобило.

Как ноготь из-под зубила,
синяк чернел в пол-лица.

4.

Бедная твоя мама...
Бедная твоя мама,
бежала, руки ломала:
«Олжас, не седлай АТЕ,
сегодня звезды не те.
С озёр не спугни селезня,
в костёр не плескай бензин,
АТЕ–37–70 обидеться может, сын!»

5.

(Потом проехала «Волга» скорой помощи,
ещё проехала «Волга» скорой помощи,
позже
не приехали из ОРУДа,
от пруда
подошли свидетели,
причмокнули: «Ну, вы – деятели!
Мы-то думали - метеорит».
Ушли, галактику поматерив.
Пролетели века
в виде дикого гусака
со спущенными крыльями, как вытянутая рука
официанта с перекинутым серым полотенцем.
Жить хотелось.
Нога и щека
опухли,

потом прилетели Испуги,
с пупырышками и в пухе.)

6.

Уже наши души – голенькие.
Уже наши души голенькие,
с крылами, как уши кроликов,
порхая меж алкоголиков
и утренних крестьян,
читали 4 некролога
в «Социалистик Казахстан»,
красивых, как иконостас...

А по траве приземистой
эмалью ползла к тебе
табличка «37–70».
Срок жизни через тире.

7.

Враги наши купят свечку.
Враги наши купят свечку
и вставят её в зоб себе!
Мы живы, Олжас. Мы вечно
будем в седле!

Мы дети «37–70»,
не сохнет кровь на губах,
из бешеного семени
родившиеся в свитерах.

С подачи кручёные все мячи,
таких никто не берёт.
Полётный круговорот!
А сотрясенье – семечки.
Вот только потом рвёт.

1970 г.
*** **

Дюсенбек Накипов

Олжасу Сулейменову

Парк N-ского периода

...Стоит бизон, жуёт,
упершись рогами
в бок другому..
Парнокопытные убоги -
они двуроги,
двупалая клешня у краба -
остаток рабства,
по парку бродят носороги -
они четвероноги
(не ведают, что носят на носу).
Мои понятия не строги:
пороки не тащите за пороги,
пишите строки пониманья

В своих творениях непостижим как Бог.

Не с женщиной стихи обручены, - а с тайной,
И потому слагаются почти навзрыд.
Торжественно-печальный взгляд поэта не случайно
По лучикам изменчивым скользит.

И выплывают из туманов изваянья,
Послушно облекаясь в рифмы и слова,
Вселяясь в звездную поэму без названья,
Где не окончена последняя глава.

2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСТУПЛЕНИЯ И ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Мутанов Г.М. <i>Вступительное слово</i>	3
Оразалин Н.Н. <i>Куттықтау сөз</i>	5
Ауэзов М.М. <i>Олжас Сулейменов и национальная идея</i>	7
Габдуллин Б.К. <i>Приветственное слово</i>	9
Сатторзода Абдунаби <i>Творчество Олжаса Сулейменова и таджикское национальное самосознание</i>	10
Калижан У.К. <i>Жизнь в стихии Слова</i>	13
Михайлов В.Ф. <i>Приветственное слово</i>	17
Куттыкадам С.Р. <i>Приветственное слово</i>	18
Аканаев А.А. <i>Приветственное слово</i>	18
Сулейменов О.О. <i>Заключительное слово</i>	19

Секция I

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ: ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПОЭТА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Ананьева С.В. Космос культуры Олжаса Сулейменова	20
Сагындыкова Н.Ж. Многогранный талант поэта (штрихи к творческому портрету Олжаса Сулейменова)	25
Машакова А.К. Рецепция творчества Олжаса Сулейменова в дальнем зарубежье	31
Нурғали К.Р. О. Сулейменов в пространстве постсоветской культуры	36
Нефедова Л.А. Национально-культурная самоидентификация поэта	39
Толысбаева Ж.Ж. Влияние Олжаса Сулейменова на творчество современных казахстанских поэтов	42
Касымова Р.Т. «Возвысить степь, не унижая горы», или диалог культур в современном мире	47
Унгарбаева Г.И., Абдиргазиева А.Б. Об этапах формирования толерантной речевой коммуникации в Казахстане	50
Жунусова Ж.Н., Байзакова Г.К. Тюркско-славянские языковые и культурные связи на перекрестке цивилизаций	56
Байгарина Г.П. Языковая личность Олжаса Сулейменова сквозь призму интервью	58
Дудинова Е.И. Политика и публицистика Олжаса Сулейменова	63
Аупенова А.У. И в каждом слове слышится история	70
Әбдиманұлы Ө. Ұлы болмысын ұлықтаған ақыны	75
Кочак С., Акийол А., Гекташ Б. Образ степи в турецкой и русской культурах	77
Тиливалди-Хамраев А., Хамраева Ш. К вопросу об эстетической оппозиции оригинала и перевода (на примере стихотворений О. Сулейменова «Песня над песком» и «Трава» в переводе на английский язык)	82
Sabziyeva Makbule Rus destanlarında türkler / Тюркские элементы в русских былинах	87
Карабаджак Э.	

Ворона в турецкой и русской культурах	90
Шетиева А.Т.	
Влияние казахской культуры на употребление императивных высказываний в русском языке Казахстана	94
Жексембаева Л.Б.	
Влияние «Аз и Я» О.О. Сулейменова на формирование профессиональных интересов личности	96
Калиаскарова А.Т.	
Творчество во имя жизни	99

Секция II ПОЭТИКА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Бузаубагарова К.С.	
Семантическая функция стихотворного метра	101
Салханова Ж.Х.	
Анализ жанровых фольклорных элементов в творчестве Олжаса Сулейменова	104
Жаксылыков А.Ж.	
Ирония и парадокс в дискурсе О. Сулейменова	107
Кривошапова Т.В.	
«Аз и Я» О. Сулейменова в контексте изучения «Слова о полку Игореве» в вузе	109
Туманова А.Б.	
Категория пространства как особый компонент концептосферы О.Сулейменова	113
Жапақов С.И., Ускенбаева Л.Қ.	
Олжас Сүлейменов шығармаларындағы бейнелі сөздердің лингвомәдени негіздері	118
Бисенкулов М.К.	
Приемы включения казахских мотивов в стихотворения О. Сулейменова	121
Ли Э.В.	
Дыхание прошлого в книге О. Сулейменова «Код слова»	124
Мейрамғалиева Р.М.	
Новое осмысление поэзии О. Сулейменова	126
Какишева Н.Т.	
«Кактус» О. Сулейменова: история анализа и интерпретаций поэмы	129
Рамазанова Ж.С., Ақылбайқызы А.	
Олжас Сүлейменов поэзиясындағы балладалар	132
Байшукурова Г.Ж.	
Лингвокультурологические и психолингвистические особенности лингвокультурем в произведениях О. Сулейменова	135
Умарова Г.С., Утарова Н.Т.	
Женская ментальность в поэзии О.Сулейменова	138
Найманбаева Н.Е.	
Тюркизмы в русском языке (на примере анализа произведения О.Сулейменова «Аз и Я»)	142
Ибраева Д.С.	
Мир природы в лирике О.О. Сулейменова	145
Григорьева И.В. Перспективы использования концептуального анализа в художественном дискурсе О.Сулейменова	149

III ПРИЕМЫ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Екшембеева Л.В.	
Понимание и интерпретация имплицитных смыслов учебного текста	153
Джолдасбекова Б.У.	
Компаративный анализ на занятиях по зарубежной литературе: «Посторонний» А. Камю и «Дом Бернарды Альбы» Ф.Г. Лорки	156
Сабитова З.К.	
Произведения Олжаса Сулейменова на уроках русского языка	159
Лих И.В., Янко М.Л.	
Стихотворения О. Сулейменова на уроках русской литературы в 7 классе	163
Абаева Ж.С.	
Изучение публицистического стиля на основе произведений О. Сулейменова на занятиях по русскому языку	168
Итжанова Н.	
Изучение темы «Мир человека» посредством лирики О. Сулейменова	170

Сансызбаева С.К.	
Обучение средствам речевой выразительности в публицистических текстах	173
Сагадатов Р.Т., Несипбаева Р.М.	
Олжас Сүлейменов өмірі мен шығармашылығын оқытуда кіріктірілген әдісін қолдану тиімділігі	177
Ахметжанова А.И.	
Приемы анализа текстов Посольского приказа	179
Джаламова Ж.Б., Джолдасбекова Б.У.	
Приемы анализа художественного текста в казахской аудитории	181
Кенжеева К.Т.	
Приемы анализа выразительных средств речи в студенческой аудитории.....	184
Аманбаева Ю.К.	
Приемы и методы обучения студентов созданию письменных работ.....	186
Глеубай Г.К. Джолдасбекова Б.У.	
Изучение языка художественных произведений на практических занятиях	190
Какильбаева Э.Т.	
Гипертекст как способ интертекстуального изучения лирики Олжаса Сулейменова.....	192
Приложение	196

Научное издание

Материалы международной научной конференции
**«ТВОРЧЕСТВО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА И
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ»**,
посвящённой 80-летию выдающегося казахского поэта и общественного деятеля
Олжаса Омаровича Сулейменова
5-6 мая 2016 года

Выпускающий редактор *Г.С. Бекбердиева*
Компьютерная верстка *Г.К. Шаккозовой*
Дизайн обложки: *Р. Скаков*

ИБ №9459

Подписано в печать 20.05.2016. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Объем 17,2 п.л.
Тираж 50 экз. Заказ №1904. Цена договорная.
Издательский дом «Қазақ университеті»
Казахского национального университета имени аль-Фараби.
050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71, КазНУ.
Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».